

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

2/2009
(№ 67)

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 **Н. В. Петрушкин, А. Ю. Симонов.** Проблемы исполнения региональных бюджетов в условиях финансового кризиса

Проблемы федерализма

- 17 **И. В. Бахлов, Д. В. Давыдов.** Автономистские концепции в российском федерализме: украинский сепаратизм и сибирское областничество

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 28 **А. В. Логинов, А. М. Магдеев.** Региональная социальная политика в контексте теории политического цикла

- 41 **Э. В. Чекмарев.** Роль молодежи в модернизации политической системы региона

- 50 **А. Н. Григорьев.** Стратегическое планирование развития региона: опыт Новгородской области

- 58 **А. В. Золотухина, И. А. Хисамутдинов.** Инновационный механизм управления внешними эффектами в условиях перехода региона к устойчивому развитию

- 66 **А. И. Савельев.** Местное самоуправление как субъект политического пространства

- 73 **А. Н. Ершов, А. А. Труфанов.** Уроки муниципальной реформы в современной России

- 85 **Р. Р. Агишев, Л. П. Капаева.** Проблемы формирования системы комплексных показателей социально-экономического развития муниципальных образований

Экономика региона

- 91 **С. М. Имяреков, С. А. Щанкин.** Деловая активность региональных хозяйствующих субъектов в условиях экономического кризиса

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 99 **Р. Ш. Садыкова.** Проблема дифференциации налоговых платежей в нефтегазодобывающей отрасли
- 106 **В. Ф. Чеботарев.** Энергосбережение как фактор повышения конкурентоспособности производства в регионе
- 112 **Н. Н. Мелькина, Д. С. Юрин.** Системный подход к планированию маркетинговой деятельности промышленного предприятия региона
- 120 **Т. И. Чиранова.** Комплексная оценка внешнеэкономического потенциала промышленного предприятия региона
- 127 **Г. Н. Терякова.** Кредитные ресурсы банков и малый бизнес региона
- 134 **И. Б. Юленкова.** Факторы, сдерживающие развитие инновационного малого бизнеса в регионе
- 141 **И. Н. Крутова.** Факторы, влияющие на использование проектного финансирования в АПК региона
- 151 **Т. М. Полушкина, И. П. Юткина.** Развитие системы государственного воздействия на АПК региона
- 155 **А. Н. Щукин.** Факторы формирования и развития интеграционных связей и отношений в мясном подкомплексе региона
- 162 **В. А. Дергунов.** Организационно-экономический механизм формирования кадрового потенциала аграрной сферы региона
- Региональные проблемы науки и образования**
- 167 **С. Р. Потоцкая.** Повышение эффективности наукоемких организаций региона на основе интеграции
- 173 **С. В. Сигова, В. А. Гуртов.** Типология субъектов Российской Федерации по критерию финансирования образования
- 182 **В. В. Козин, О. В. Козина.** Образование как статусная и стилевая дифференциация социальной позиции

- 189 **А. Н. Уткина.** Проблемы развития региональных вузов
- 194 **М. Б. Гитман, Е. К. Гитман, В. Д. Черкасов.** Готовность к инновационной деятельности как фактор профессионального отбора в аспирантуру
- 203 **Т. А. Кузнецова, Н. Н. Матушкин, С. И. Пахомов.** Особенности проектирования программ научно-исследовательской работы магистров на основе компетентностного подхода

Социология региона

- 210 **А. А. Гридчин.** Последствия региональных конфликтов
- 218 **О. И. Ключко.** Общероссийские и региональные особенности гендерного подхода в социальном познании
- 228 **А. А. Кокшарова.** Межсекторное социальное партнерство как фактор устойчивого развития муниципального образования
- 236 **Е. Н. Жарова.** Анализ качества жизни в регионе с помощью применения индекса развития человеческого потенциала
- 243 **Л. Н. Курьшова.** Проблема бедности и социально-экономического расслоения регионального социума
- 250 **В. С. Афанасьев.** Социально-демографическое развитие региона в конце советской эпохи
- 258 **С. Л. Шалаева.** Мир взрослых и мир детства перед вызовами глобального общества
- 263 **В. П. Букин.** Ценностные ориентации и идеалы как фактор социализации провинциальной молодежи
- 269 **Е. В. Ледяева.** Проблемы социализации левшей в образовательной среде региона
- 276 **О. В. Лыскова.** Туристские практики курортного поселка Дедеркой
- Народы России: возрождение и развитие**
- 286 **И. С. Мавляутинов.** Межконфессиональный мир и консолидация общества в практике ислама
- 291 **А. С. Тихонов.** Менталитет этноса как морально-психологический фактор жизнедеятельности народа
- 296 **Ю. П. Шабаев, В. Н. Денисенко, Н. В. Шилов.** Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели

Информационное пространство региона

- 310 **О. Ю. Салтыкова.** Специфика и закономерности региональной информационной политики
- 315 **Е. Н. Песоцкая.** Интеллектуальный суверенитет в сфере компьютерных коммуникаций
- 321 **Е. Н. Михайлов.** Проблемы формирования интренет-сообществ

Экология региона

- 326 **Л. Р. Замалетдинова.** Состояние экологической среды региона и ее воздействие на качество жизни населения

Провинциальная культура

- 333 **Д. В. Орлов.** Глобальное и локальное: ролевая субкультура российских регионов
- 337 **Т. И. Ерохина.** Провинциальность в художественной картине мира русского символизма
- 345 **О. С. Клепацкая.** Философско-эстетический контекст русского цирка эпохи модерна
- 351 **Т. Е. Васильева.** Региональный музей как центр духовной жизни
- 357 **Н. Лантуат.** Музыкальный театр вьетнамского села
- 361 **Рецензии**

Н. В. ПЕТРУШКИН

А. Ю. СИМОНОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: бюджет; налоговые и неналоговые доходы; дотации; субсидии; сбалансированность бюджета; регион; муниципальное образование; финансовый кризис; государственная поддержка; развитие

Key words: budget; tax and non-tax incomes; grants; subsidies; budget balancing; region; municipal entity establishment; financial crisis; state supporting; development

Социально-экономическое развитие и политическая стабильность в обществе основываются на четком планировании и исполнении бюджета, которому в идеале должна быть присуща сбалансированность доходной и расходной частей. В 2007 г. в России был впервые принят «трехлетний» бюджет, но уже в процессе исполнения в него были внесены существенные изменения. Со второй половины 2008 г. влияние мирового финансового кризиса потребовало корректировки бюджетной и налоговой политики, направленной на обеспе-

ПЕТРУШКИН Николай Владимирович, первый заместитель Председателя Правительства — министр финансов Республики Мордовия, кандидат экономических наук (г. Саранск).

СИМОНОВ Алексей Юрьевич, заместитель министра финансов Республики Мордовия (г. Саранск).

чение экономической устойчивости страны и трансформации планов относительно ее будущего развития.

В результате внесенных изменений признаны утратившими силу положения Федерального закона от 24 ноября 2008 г. № 204-ФЗ «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» в части, касающейся бюджетов 2010—2011 гг. Сокращение доходов федерального бюджета на 2009 г. спрогнозировано на 38,6 % по сравнению с учтенным и обусловлено в первую очередь снижением поступлений нефтегазовых доходов, налогов на прибыль, добавленную стоимость организаций и доходы населения. Это потребовало существенного пересмотра расходных обязательств. В такой ситуации проблемы исполнения региональных и местных бюджетов проявляются особенно остро, тем более что на помощь федерального бюджета рассчитывать сложно.

В этих условиях региональные власти находятся в поиске оптимальных методов и форм государственной поддержки, стоят перед сложным выбором либерализации или ужесточения налогового администрирования. С одной стороны, необходимо на максимальном уровне обеспечить собираемость доходов в бюджет, не допустить ухода бизнеса в «тень», с другой — важно не поставить налогоплательщика на грань банкротства, не спугнуть чрезмерным вниманием предпринимателей и крупных производителей.

На государственном уровне выстроена система антикризисного управления, включающая в себя широкий набор инструментов и мер государственной поддержки реального сектора экономики, финансового рынка, инновационного и инвестиционного развития, содействия занятости населения. В Республике Мордовия образована Республиканская оперативная комиссия по вопросам обеспечения устойчивости экономики, в задачи которой входит детальное рассмотрение кризисных явлений, возникающих на территории республики, в приоритетных отраслях и на конкретных предприятиях. По результатам мониторинга складывающейся ситуации Комиссия вырабатывает предложения и принимает управленческие решения, направленные на снижение негативных тенденций в экономике и социальной сфере региона.

В числе первоочередных мер государственной поддержки системообразующих и иных организаций, расположенных на территории Мордовии, региональным законодательством

предоставлены льготы по налогу на имущество организаций в отношении законсервированного имущества, установлены дополнительные основания предоставления отсрочек, рассрочек и инвестиционных налоговых кредитов по региональным налогам. Субъектам малого и среднего бизнеса с 15 до 5 % снижена налоговая ставка при применении упрощенной системы налогообложения, а также на 33,3 % уменьшен размер платы за арендуемые земельные участки.

Органам местного самоуправления муниципальных образований в 2009 г. рекомендовано не увеличивать налоговые ставки по земельному налогу и ставки арендной платы за земельные участки и имущество, находящиеся в собственности муниципальных образований. Снижается налоговая нагрузка малому и среднему предпринимательству, уплачивающему единый налог на вмененный доход.

Разработан новый Порядок проведения инвестиционных конкурсов для инвестиционных проектов юридических лиц, включенных или претендующих на включение в Республиканскую целевую программу развития Республики Мордовия на 2008—2012 гг., который отдает приоритет в оказании государственной поддержки в виде предоставления процентных и беспроцентных займов, субсидий на уплату части процентов за пользование кредитами банков, субсидий на уплату части лизинговых платежей по договорам лизинга машин и оборудования, поручительств по банковским кредитам республиканским производителям товаров и услуг в части развития импортозамещающих и экспортоориентированных производств, а также производителям, приобретающим необходимые для реализации проекта оборудование, устройства, механизмы, строительные материалы и другую продукцию у зарегистрированных на территории республики организаций и привлекающим эти организации для выполнения предусмотренных проектом работ и услуг.

В 2009 г. в Мордовии активно реализуется Программа дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда, в рамках которой предусмотрены средства федерального и республиканского бюджета в сумме 257 млн руб. для предоставления предприятиям субсидий на опережающее профессиональное обучение работников и на возмещение затрат по организации общественных работ¹.

В республике определен перечень системо- и градообразующих предприятий, по которым ведется еженедельный мониторинг, включающий ряд социально-экономических показателей: обеспеченность оборотными средствами, заказами, запасы готовой продукции, объем дебиторской и кредиторской задолженности, график работы, заработная плата и задолженность по ней, изменения численности работников и др. Принимаются меры по расширению кооперационных связей между предприятиями республики.

В перечень системообразующих предприятий для поддержки на федеральном уровне вошли несколько предприятий Мордовии, в том числе ОАО «Рузаевский завод химического машиностроения». Кроме того, ряд предприятий претендуют на поддержку в составе холдингов: ОАО «Саранский завод „Резинотехника”» — «Сибур Холдинг», ОАО «Саранский завод автосамосвалов» — «Русские машины», ОАО «Биохимик» — «Фарм-Центр», ОАО «Саранский телевизионный завод» — АФК «Система».

При содействии Правительства РМ перенесены на более поздние сроки возврата кредита в сумме 192 млн руб., привлеченного в ОАО «Российский банк развития» ООО «ВКМ-Сталь» для реализации инвестиционного проекта. Пересмотрены сроки погашения по займам, выделенным казенным предприятием РМ «Дирекция по реализации Республиканской целевой программы развития Республики Мордовия» 37 предприятиям.

Принятые меры в определенной мере позволили не допустить серьезного спада в экономике, а в отдельных отраслях был зафиксирован рост. Положительную динамику удалось сохранить в перерабатывающей промышленности. В I квартале 2009 г. темп роста отгрузки продукции составил 110 %. Выросли по сравнению с I кварталом 2008 г. объемы работ в строительстве (4,5 %). В аграрном секторе валовая продукция сельского хозяйства во всех категориях хозяйств увеличилась на 2 %, в сельхозпредприятиях производство скота и птицы — на 7 %, молока — на 5 %, яиц — на 24 %. Выросли закупки во всех категориях хозяйств мяса на 10 %, молока — на 5 %.

Состояние банковского сектора в IV квартале 2008 г. и в I квартале 2009 г. характеризовалось относительной стабильностью, чему способствовало привлечение кредитны-

ми организациями средств населения (за счет повышения процентных ставок по депозитам) и возможность получения кредитов Банка России, задолженность по которым на 1 апреля 2009 г. составила 407,9 млн руб. Кредитование реального сектора экономики в период проявления кризисных явлений не прекращалось, кредитный портфель в целом по республике возрос на 6 % и достиг 45,6 млрд руб. Однако из-за высоких требований кредитных организаций по залоговому обеспечению и высоких процентных ставок количество организаций, имеющих возможность получить на выгодных условиях кредитные ресурсы, существенно сократилось.

По этой причине, а также в связи со снижением потребительского спроса на промышленную продукцию произошел существенный спад в производственной сфере: индекс промышленного производства в I квартале 2009 г. составил 71,4 % к соответствующему периоду 2008 г., объем отгруженных товаров крупными и средними организациями сократился по сравнению с январем—мартом 2008 г. на 22,4 %.

Прямым следствием спада производства в экономике стало сокращение поступлений в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды. Поступления налоговых и неналоговых доходов в республиканский бюджет в I квартале 2009 г. составили 1 млрд 978,3 млн руб., или 95,4 % к уровню 2008 г. Снижение произошло в основном за счет сокращения поступлений налога на прибыль, объем которого составил 66,2 % к аналогичному уровню прошлого года. Ситуация продолжает ухудшаться, в апреле бюджет республики не добрал 318,0 млн руб. по сравнению с 2008 г. Кроме того, из бюджета подлежит возврату образовавшаяся переплата по налогу на прибыль в сумме более 1 млрд руб.

Сложное финансовое положение предприятий республики привело к существенному замедлению темпа роста поступлений налога на доходы физических лиц. В I квартале 2008 г. налог на доходы физических лиц поступал в бюджет региона с темпом роста к 2007 г. в 138 %, в 2009 г. темп роста значительно снизился и по итогам первых трех месяцев составил 109,0 %. Значительно, если сравнивать показатели 2008 г., снижены объемы реализации подакцизной продукции. Потери бюджета в I квартале 2009 г. ставили 137,3 млн руб., к уровню 2008 г. поступило 86,1 %.

Всего в доходную часть консолидированного бюджета в I квартале 2009 г. с учетом безвозмездных перечислений из федерального бюджета поступили 5 501,2 млн руб., из них 50,5 %, или 2 778,7 млн руб., являются федеральными средствами.

Первоначально прогноз доходной части консолидированного бюджета на 2009 г. был утвержден в сумме 23 246,6 млн руб., в том числе по налоговым и неналоговым доходам в сумме 15 365,5 млн руб. с темпом роста к фактическому исполнению 2008 г. в 109,6 %. Однако корректировка показателей социально-экономического развития Мордовии в 2009 г. исходя из консервативного сценария развития экономики и фактическое снижение поступлений в бюджет в I квартале вызвали необходимость уменьшения годового прогноза поступления доходов в консолидированный бюджет на 1 854,3 млн руб., в том числе по налогу на прибыль организаций — 857,2 млн руб., по налогу на доходы физических лиц — 1 606,3 млн руб. В результате были внесены изменения в Закон РМ «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2009 год и на плановый период 2010—2011 годов» о сокращении доходов и уменьшении расходной части на 2 138,8 млн руб. Это в значительной мере позволит улучшить планирование и организацию бюджетного процесса главными распорядителями и получателями бюджетных средств, обеспечить исполнение бюджета в заданных параметрах.

Органами власти всех уровней и в первую очередь финансовыми органами республики принимаются необходимые меры по своевременному и полному исполнению республиканского и местных бюджетов. В целях оптимизации расходов на содержание органов государственной власти республики принят Указ Главы РМ от 29 января 2009 г. № 5-УГ «О сокращении расходов на содержание органов государственной власти Республики Мордовия». Проводится работа по оптимизации бюджетной сети, выявляются и сокращаются неэффективные расходы, совершенствуются процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд. Между Министерством финансов Республики Мордовия и администрациями муниципальных районов республики заключены соглашения о мерах по повышению эффективности использования бюджетных средств и увеличению по-

ступлений налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов. Проводится реструктуризация бюджетного сектора, направленная на преобразование бюджетных учреждений в автономные учреждения. С этой целью принят ряд республиканских нормативных актов, регламентирующих вопросы создания и функционирования автономных учреждений.

Реформируется система оплаты труда работников бюджетной сферы, в основу которой заложена более объективная оценка уровня квалификации работников с применением компенсационных и стимулирующих выплат: за качество работы, инициативу, творческий подход к делу, освоение новых форм и методов работы, личный вклад в общее дело коллектива.

Для эффективного использования топливно-энергетических ресурсов в республике реализуется Программа энергосбережения в бюджетном секторе экономики. Реализация мероприятий Программы позволит на 20—22 % снизить затраты на коммунальные услуги в бюджетной сфере. Продолжается реализация приоритетных национальных проектов «Развитие АПК», «Образование», «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». В целях ликвидации ветхого и аварийного жилищного фонда в Республике Мордовия реализуются мероприятия по капитальному ремонту многоквартирных домов и переселению граждан из аварийного жилищного фонда.

Министерством финансов Республики Мордовия ежедневно ведется мониторинг просроченной кредиторской задолженности по местным бюджетам и главным распорядителям республиканского бюджета. Просроченная кредиторская задолженность на 1 января 2009 г. составила 30,7 млн руб. или снизилась по сравнению с 1 января 2008 г. на 5,3 млн руб. Мониторинг кредиторской задолженности по оплате труда с начислениями работникам учреждений бюджетной сферы республики ведется ежедневно. Просроченной кредиторской задолженности на 1 января и 1 мая 2009 г. по оплате труда с начислениями, а также по социальным выплатам гражданам республики не имелось.

Принимаемые антикризисные меры способствуют стабилизации ситуации в экономике и бюджетной сфере. Вместе с тем имеется ряд проблем, с которыми сталкиваются региональные и местные органы власти, но решение которых

зависит от принятия поправок в действующие нормативно-правовые акты федерального уровня. От оперативности изменения федерального законодательства в современных условиях зависит то, как быстро изменится нисходящий тренд экономического развития на восходящий.

Исполнение региональных и местных бюджетов зависит от наполнения доходной их части, в какой мере задействованы имеющиеся ресурсы и резервы. При этом весьма важно соблюдать баланс интересов участников бюджетного процесса, чего, к сожалению, в современных условиях добиться крайне сложно. Иногда налоговое законодательство ставит в неравные условия хозяйствующие субъекты, так что в одной и той же сфере деятельности за счет применения разных налоговых режимов, ставок или льгот одни налогоплательщики могут получить преимущества над другими. В других случаях желание получить всеми способами как можно больше налогов в бюджет отбивает охоту их платить или доводит налогоплательщика до состояния неплатежеспособности. И в тех, и других случаях это оборачивается потерями поступлений в бюджет. Например, значительную долю в доходной части региональных бюджетов занимают акцизы от реализации алкогольной продукции. Причем акцизный сбор, по нашему мнению, должен выполнять не только фискальную функцию, но и быть эффективным инструментом легализации алкогольной отрасли. К сожалению, действующая система взимания акцизов угнетающе действует на производство подакцизных товаров, из-за чего региональные бюджеты теряют значительные доходы. О наведении порядка в этой отрасли много было сказано на различных уровнях. Однако изменений к лучшему пока нет, и этот вид бизнеса остается наиболее криминализированным.

Что мешает изменению ставки акциза на спирт, которая в настоящее время почти в 7 раз ниже ставки акцизов на ликероводочную продукцию? В связи с чем происходят различные манипуляции с размерами налоговых обязательств? Как следствие, на рынке все чаще появляется водка с оптовыми и розничными скидками, достигающими 30—50 % от себестоимости ее легального производства. Естественно, поставщик такой продукции не уплачивает причитающиеся в бюджет платежи, а законопослушный налогоплательщик остается без рынка сбыта своей продукции и вынужден

останавливать производство. Остается надеяться, что в этой отрасли будет наведен порядок с созданием Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка.

Основным источником формирования бюджетов субъектов РФ и муниципалитетов является налог на доходы физических лиц. Применительно к бюджету Мордовии по итогам 2008 г. его доля в общих налоговых доходах составила 36,7 %. Налоговым кодексом РФ не предусмотрена обязанность налоговых агентов представлять в налоговые органы отчетность о начисленных, удержанных и уплаченных суммах налога на доходы физических лиц. Такая ситуация способствует уклонению от своевременной и полной уплаты налоговых платежей по налогу на доходы физических лиц. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, внести изменения в налоговое законодательство и предусмотреть обязательную налоговую отчетность по налогу на доходы физических лиц в разрезе муниципальных образований с включением показателей налоговой базы, суммы вычетов, начисленного и уплаченного налога.

Повышению самодостаточности местных бюджетов может способствовать полная или частичная замена налога на добавленную стоимость на местный налог с продаж. Все помнят, каким стимулом для местных органов власти был налог с продаж до его отмены. Кроме того, целесообразно расширить полномочия органов местного самоуправления в вопросах администрирования местных налогов. В этих целях необходимо ввести единую форму декларации по транспортному, земельным налогам и налогу на имущество, взимаемых с физических лиц, и предоставить право местным администрациям контролировать их уплату.

Актуальным является вопрос об изменении системы межбюджетных отношений в части установления нормативов отчислений от федеральных налогов и сборов в местные бюджеты. За период с 2000 по 2008 г. доля налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов в общих поступлениях РФ сократилась более чем в 4 раза, она не превышает в настоящее время 7 %². В связи с этим, на наш взгляд, необходимо пересмотреть существующие подходы. Первым шагом может стать определение общего правила, дающего возможность субъектам РФ устанавливать для муниципальных образований дифференцированные нормативы

отчислений по налогам и сборам, зачисляемым в бюджеты субъектов РФ, не взамен предоставляемых дотаций на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности.

Требует пересмотра действующая методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. Определение налогового потенциала субъектов РФ по единой формуле как произведение доли субъекта РФ в показателе, характеризующем налоговый потенциал и прогноз поступления доходов в консолидированные бюджеты субъектов РФ по налогу на очередной финансовый год, не отражает реальной оценки налогового потенциала по отдельным видам налогов, в частности, по налогам на прибыль, доходы физических лиц и имущество организаций. В значительной мере теряет смысл использовать в расчетах налога на прибыль и налога на доходы физических лиц трехлетний период, предшествующий финансовому кризису, так как именно эти доходные источники в наибольшей степени подвержены сокращению в условиях ухудшения рыночной конъюнктуры. Возникает необходимость корректировки налогового потенциала с учетом сокращения показателей прибыли и фонда оплаты труда, в том числе по видам экономической деятельности.

При определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц налогоплательщикам предоставлено право на получение стандартных налоговых вычетов в зависимости от получаемого дохода до определенного уровня. На практике это приводит к тому, что регионы с более высоким уровнем заработной платы имеют более высокое изъятие подоходного налога, что приводит к занижению налоговой базы для субъектов РФ с высоким уровнем средней заработной платы и завышению для субъектов РФ с низкой зарплатой. В связи с этим в соответствующую методику целесообразно включить корректирующий коэффициент в зависимости от уровня среднемесячной заработной платы.

Необходимо также внести изменения в расчеты налогового потенциала по налогу на имущество организаций. Имеется в виду, что не все имущество, учитываемое Росстатом, подлежит налогообложению. Так, согласно Налоговому кодексу РФ, определен перечень льготированных основных средств, а по экспертной оценке в отдельных субъектах стоимость необлагаемого налогом имущества газовых сетей составляет

более 50 % статистического показателя³. Поэтому в целях более точного определения налогового потенциала по налогу на имущество организаций показатель стоимости основных средств необходимо уменьшить на стоимость имущества, освобожденного от налогообложения. Кроме того, целесообразно скорректировать показатель «стоимость основных фондов» по строке «Сельское хозяйство», так как основная часть сельскохозяйственных товаропроизводителей не является плательщиком налога на имущество организаций в связи с переходом на специальный налоговый режим по единому сельскохозяйственному налогу.

В результате внесенных изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» за счет средств федерального бюджета предусмотрены дополнительные средства на обеспечение сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов РФ в виде дотаций в сумме 150 млрд руб. и в виде бюджетных кредитов в сумме 150 млрд руб. Проекты методик Министерства финансов РФ по распределению этих средств между регионами основаны на фактических расходах бюджетов субъектов РФ за 2008 г. с учетом их оптимизации.

Указанные методики не предусматривают расходы на финансирование приоритетных национальных проектов, Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг., ремонт многоквартирных домов и переселение граждан из аварийного жилищного фонда. В связи с этим регионы, активно участвовавшие в реализации национальных проектов, развитии сельского хозяйства и жилищного строительства, вынуждены будут сокращать бюджетное финансирование на эти цели.

Выходом из сложившейся ситуации может стать изменение методик распределения средств федерального бюджета, направляемых на обеспечение сбалансированности региональных бюджетов, когда при определении расчетных расходов на 2009 г. будут учитываться расходы бюджетов субъектов РФ по подразделам «Сельское хозяйство и рыболовство» и «Жилищное хозяйство» бюджетной классификацией РФ в размере фактических расходов, произведенных в 2008 г.

В заключение стоит еще раз акцентировать внимание на необходимости реализации мер, направленных на смягчение последствий экономического кризиса, совершенствование законодательной базы, осуществление структурных преобразований в системе межбюджетных отношений и повышение их эффективности в среднесрочной перспективе. При этом, на наш взгляд, следует найти компромисс между мерами государственной поддержки (ключевых отраслей экономики, банковской системы, развития инфраструктуры) и ограниченными бюджетными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные Министерства финансов Республики Мордовия.

² Данные Федерального казначейства.

³ Расчет Министерства финансов Республики Мордовия.

Поступила 20.01.09.

И. В. БАХЛОВ

Д. В. ДАВЫДОВ

АВТОНОМИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ: УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ И СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО¹

Ключевые слова: федерализация; «Братство св. Кирилла и Мефодия»; древнерусский федерализм; всеславянская федерация; административный децентрализм; земская областная теория; автономизм; областничество

Key words: federalization; «Fraternity of St. Kirill and Mephody»; ancient Russian federalism; all-Slav federalism; administrative decentralism; Zemstvo regional policy; autonomism; oblastnichestvo

Создание федеративных государств в XIX в., осмысление проблем развития российской территориальной системы вызвали повышенный интерес к проблеме федерализма в России, что способствовало формированию различных концепций отечественного федерализма. В их числе важное место занимало оформившееся в середине XIX в. течение, которое условно можно назвать сепаративным (автономист-

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

ДАВЫДОВ Дмитрий Владимирович, научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия.

ским). В нем мы можем выделить два направления: украинский сепаратизм и сибирское областничество.

Возникновение украинского сепаратистского направления связано с деятельностью нелегальной политической организации «Братство св. Кирилла и Мефодия», созданной и функционирующей в Киеве в 1846—1847 гг. Его основным идеологом был историк Н. И. Костомаров. Главными принципами Кирилло-Мефодиевского кружка являлись освобождение славянских народностей из под власти иноплеменников; организация их в самобытные политические общества, федеративно связанные между собою; уничтожение всех видов рабства; упразднение сословных привилегий и преимуществ; религиозная свобода мысли, печати, слова и научных изысканий; преподавание всех славянских наречий и литератур в учебных заведениях. Целями организации были национальное освобождение Украины и создание основанной на принципах христианского социализма Всеславянской федеративной республики во главе с Украиной. Члены Кирилло-Мефодиевского общества видели в создании такой федерации путь обретения Украиной подлинной национальной свободы, так как ее самостоятельное политическое существование признавалось невозможным.

В состав федерации должны были войти Украина, Россия, Польша, Чехия, Сербия, Болгария, но не в собственном качестве, а в виде 17 штатов (Северный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, два Поволжских, два Малороссийских, Средний, два Южных, два Сибирских, Кавказский, Белоруссия, Польша, Чехия с Моравией, Сербия с Болгарией). Столицей федерации намеревались сделать Киев. Всеславянская федерация мыслилась не монархической, а республиканской, демократической. Высшая законодательная власть передавалась двухпалатному сейму, или «общему славянскому собору из представителей всех славянских племен», исполнительная — избираемому на 4 года президенту. Центральная власть должна была ведать армией, флотом и внешними сношениями, каждый штат сохранял автономию в отношении внутреннего управления, судопроизводства и народного образования. Все штаты обязывались организовать и содержать свою милицию и силы внутреннего правопорядка.

Выступая за широкую автономию для каждой входящей в союз нации, кирилло-мефодиевцы предполагали, что основным дипломатическим языком в нем должен стать великорусский язык как самый распространенный. Кроме того, предполагался единый славянский язык для богослужения при сохранении национальных языков и различий в вероисповедании. Для всех частей федерации предполагались отмена крепостного права и свобода торговли, одинаковые основные законы и права, единство денежной единицы, мер и весов. В каждом штате, как и на уровне федерации, признавалась необходимая республиканская форма правления. Главная роль в достижении панславистских федеративных принципов отводилась традициям идеализированной казачьей вольницы².

После разгрома Кирилло-Мефодиевского общества Н. И. Костомаров отходит от идей демократического панславизма и украинского сепаратизма. В его последующем учении можно отметить два компонента: анализ федеративного начала в Древней Руси и идею культурно-национальной автономии Украины в составе России. В Древней Руси он отмечал наличие борьбы между вечевой демократией, народной свободой, самоуправлением и государственностью и единодержавием.

Одно начало заключалось в стремлении отдельных княжеств и земель к саморазвитию, сохранению самобытности и самостоятельности. Сущность другого состояла в стремлении к созданию и укреплению централизованного унитарного государства. Н. И. Костомаров писал: «Начала, соединявшие земли между собой, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо от других, но не настолько были сильны, чтобы между всеми землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Так Русь стремилась к федерации, и федерация была формой, в которую она начала облекаться. Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьбы его с началом единодержавия»³.

Эти начала коренились в глубинах психологии древнего славянского племени и привели к его распаду на великороссов и южнороссов. В древнерусский период, с точки зрения Костомарова, было полное торжество федеративного начала,

проявляющегося в равноправном существовании южнорусской, северской, белорусской, великорусской, псковской и новгородской народностей, причем в основе федерализма лежал этнографический принцип. Древнерусский федерализм покоился на народно-вечевом строе, который в своем развитии приобретал черты анархической вольницы и вел народоправство к упадку и гибели. Единодержавие означало борьбу с федеративными началами, со стихией вечаевой вольницы, которую стало олицетворять казачество. Полагая, что древнерусские традиции вольности и вечаевой свободы сохранились в Южной Руси, историк допускал возможность возвращения к утерянным федеративным началам. В России федеративное устройство, по мнению Н. И. Костомарова, в сочетании с разумными государственными и гражданскими понятиями должно было гарантировать свободу от самодержавного и сословного произвола, права народов, веротерпимость. Отмечая «кровную» и «глубокую неразрывную духовную связь» великорусского и малорусского (южнорусского) народов, которая «никогда не допустит их до нарушения политического и общественного единства», а также самостоятельность украинского языка и литературы, он считал необходимым предоставление Украине культурно-национальной автономии⁴.

Другой представитель этого направления М. П. Драгоманов выступил продолжателем идей Н. И. Костомарова, хотя в его творчестве заметно влияние теоретиков анархизма. По мнению Драгоманова, федерализм — это административная децентрализация, широкое общественное самоуправление, основанное на исторических традициях и культуре народов и областей, т. е. федерализм выступает главным средством в решении национального вопроса. Суть национального вопроса заключается в утверждении культурного равноправия больших и малых народов, прежде всего славянских. Подлинное равноправие и сотрудничество народов Российской империи (он рассматривал взаимоотношения русского, украинского и польского народов) возможно лишь путем создания федеративного государства с учетом национально-культурной автономии.

Российская империя представлялась М. П. Драгоманову обветшалым зданием, не способным существовать в прежнем виде. Ее централизация при необъятной территории является тормозом культурного, экономического и всякого иного разви-

тия народа. Таким же тормозом представлялось ему неограниченное самодержавие, противодействовавшее росту народного самоуправления. Не одолев этих препятствий, Украина не может мечтать о решении национальных проблем, а уйти от них можно только вкупе со всеми российскими народами и, прежде всего, с великороссами. По мнению М. П. Драгоманова, федерация в корне меняет характер политического лица государства, будучи неразрывно связанной с осуществлением демократических свобод и прочного местного самоуправления. Признавая в качестве идеального федеративного государства Швейцарию, он подчеркивал, что возможным средством продвижения к нему является административный децентрализм: законодательное оформление автономии мест (департаментов, уездов, городов и сел).

Согласно М. П. Драгоманову, губернии должны быть заменены земскими единицами, которые должны сочетать в себе края, однородные по характеру земли и населению, а также быть достаточно населенными, чтобы иметь средства для удовлетворения местных потребностей. Земской единицей должна быть область, делившаяся на уезды и волости, в каждой из которой образуются думы и управы. Верховным законодательным органом являются государственная и союзная думы: государственная дума является общенациональным представительством, союзная дума выражает федеративное начало и состоит из депутатов, избранных областными думами.

В качестве движущей силы на пути к федерации в России Драгоманов называл земства, которые были возможной формой легальной борьбы за установление в России конституционного правления как первого шага на пути к федерации, так как лучшие из них, по его мнению, смогли стать на путь естественной группировки уездов и губерний для самостоятельной деятельности, расшатывающей имперский бюрократизм. Рассматривая федерализм как ориентир для совместных усилий всех народов России в борьбе за политическую свободу, М. П. Драгоманов предполагал преобразование империи с учетом экономико-географических и этнографических особенностей в федерацию 20 областей: Северной, Озерной, Балтийской, Литовской, Польской, Белорусской, Полесской, Киевской, Одесской, Харьковской, Московской, Нижегородской, Казанской, Уральской, Сара-

товской, Кавказской, Казацкой, Западно-Сибирской, Среднеазиатской и Восточно-Сибирской⁵.

Украина, согласно этой схеме, должна делиться на четыре области, примерно совпадающие с ее большими регионами: Полесскую, Киевскую, Одесскую, Харьковскую. Области делятся на уезды и волости, представляющие собой самоуправляющиеся общины. Все хозяйственные, культурные и бытовые вопросы решаются народом. К компетенции общероссийского правительства относятся лишь общие для всех областей дела. При таком строе украинцам никто не помещает создавать собственную литературу, театр и музыку, сохранять старинные обычаи, развиваться экономически.

Таким образом, несмотря на то, что Драгоманов был убежденным сторонником украинской автономии, федеративное начало не соединяется у него с принципом национального самоопределения. Это было вызвано тем обстоятельством, что автономии он понимал как культурное самоопределение украинского народа в пределах Украины как территориальной экономико-географической единицы, составляющей естественную часть единого Российского государства.

В целом взгляды представителей этого направления носят утопичный характер. Моделируя свои федеративные конструкции, мыслители упускали ряд объективных и субъективных обстоятельств. В частности, они игнорировали менталитет, исторические условия жизнедеятельности народов, вражду между некоторыми народами, которые должны были входить в состав будущего объединения. Они упрощали и идеализировали существующую международно-политическую ситуацию. Сильной стороной исследований той поры является учет особенностей страны с точки зрения генезиса государственности, исторически сложившихся традиций, ее географического расположения. Знакомство с трудами этих исследователей позволяет сделать вывод об их научной оригинальности и самостоятельности, значительном вкладе в разработку проблем федерализма.

К автономистскому направлению можно отнести и идеолога так называемого «земского федерализма» А. П. Шапова. Особого внимания заслуживает разработанная им земско-областная теория. Считая неполным предложенное Н. И. Костомаровым деление русской истории на удельно-вечевой и единойдержавный периоды, он выделил в ней

в качестве основных земско-областной и государственно-союзный периоды, разделительной гранью между которыми было Смутное время. Все великорусские области, по мнению А. П. Шапова, образовались как федеративные группы земель, заселявшиеся путем общинного колонизационного самоустройства в пределах обособленных речных систем. С учетом географических очертаний и этнографических особенностей сложились самобытные федеративные области: Поморье (земли Новгородская, Двинская, Вытегодская и др.); Прикамье (земли Пермская, Вятская); верхне- и средне-волжская полосы; заволжское и закамское Приуралье.

Русская история, с точки зрения А. П. Шапова, есть история областей, относительно обособленных региональных сообществ, собирательным именем которых было земство. Под земством он понимал исторически сложившийся единый русский социум, олицетворявший собой отечественный аналог западноевропейского гражданского общества. Традиция созыва земских соборов до середины XVII в. была свидетельством политического компромисса государственного и народного волеизъявлений. По мнению А. П. Шапова, государство должно содействовать постоянно развивающемуся в политическом отношении обществу. Только федерация, основанная на общественном самоуправлении, была способна учесть весь комплекс региональной самобытности (природно-климатической, этнической, социокультурной, бытовой и др.).

Однако со второй половины XVII в. вместо наметившейся тенденции внутренней консолидации общества возобладала имперская централизация, которая в корне противоречила элементам федералистского уклада. Русское общество было разделено на замкнутые сословия.

Согласно проекту А. П. Шапова, будущим государственным устройством должно быть полное общественное самоуправление, основанное на началах местных бессловных выборов, а также общественные должностные разных административных уровней от мирского старосты до земского царя. Эта вновь создаваемая земская система позволила бы каждому социальному слою общества отстаивать свои интересы. Во всем, где общественные силы способны самостоятельно функционировать, вмешательство государственных структур излишне⁶.

В письме Александру II, написанному из тюрьмы, А. П. Шапов призывает его создать Российскую федерацию самоуправляющихся областей с народным контролем над провинциальным губернским управлением, всесловными земскими советами и ограничивающим царскую власть земским собором; уничтожить непомерную экономическую централизацию и осуществить «всемирное просвещение»⁷. В некотором смысле «земская идея», разработанная Шаповым, составляет вариант, альтернативный тотальной монополии «неподотчетного» бюрократического централизма.

Во многом под воздействием концепций, разработанных Н. И. Костомаровым и А. П. Шаповым, в середине XIX в. среди буржуазии и части буржуазной интеллигенции Сибири зарождается движение, позднее получившее название «Сибирское областничество», целью которого было достижение автономии для свободного капиталистического развития сибирских областей. Федеративные взгляды на положение Сибири высказывались еще во времена Петра I, а в последующем возможность областной автономии для Сибири предполагал Н. Н. Муравьев-Амурский⁸.

По мнению одного из основателей сибирского областничества Н. М. Ядринцева, русская история — это преимущественно «история различных областных масс народа», постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей. Поэтому общий прогресс связан не с централизацией, а с дифференциацией жизни целого, обособлением функций, самобытным самосовершенствованием каждой отдельной части. Провинциям должна быть предоставлена как можно большая самостоятельность, что позволит им решать «местные вопросы», обеспечит их развитие и тем самым послужит на благо всего государства⁹.

Основополагающим в концепции Н. М. Ядринцева и областничества в целом был тезис о Сибири как о колонии в полном смысле этого слова. Так, в своем основном труде «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» Н. М. Ядринцев охарактеризовал современное ему состояние Сибири, выделив ее черты как колонии: место уголовной ссылки, роль сырьевого придатка России, отсутствие обрабатывающей промышленности, от-

сутствие образовательных учреждений и отток способной молодежи в Европу, кабала и рабство инородцев, задержка аграрного развития в силу прессы московского торгово-мануфактурного капитализма. В то же время Сибирь — это самобытный социокультурный, культурно-исторический и географический мир, имеющий большое будущее в силу ее посреднической миссии и той важной культурной и политической роли, которые ей объективно присущи. Решающими условиями социокультурного и экономического возрождения России Н. М. Ядринцев считал введение в ней (наравне с метрополией) земства и улучшение положения общины, так как ограждение общины при помощи интеллигенции от податного прессы, торговцев-перекупщиков и мироедов способно превратить ее в ячейку рациональной организации сельского хозяйства, источник «автономии», кадров краевой интеллигенции и народных капиталов, необходимых для развития краевой промышленности¹⁰.

Н. М. Ядринцев рассматривал хозяйственную самостоятельность Сибири в составе России как экономическую базу для создания демократического самоуправления. По его мнению, систему управления можно было преобразовать путем отделения военной власти от гражданской, а судебной — от административной; устранения колониального характера управления; введения законности и гласности; развития земских и общественных структур. Хозяйственная самостоятельность провинции отнюдь не возможна без автономии и территориального самоуправления, так как далекий центр не может знать всех нужд огромной окраины. При этом Н. М. Ядринцев опирался на земскую областную теорию А. П. Шапова. Предоставление провинциям большей самостоятельности обеспечит их успешное развитие, что послужит на благо всего государства.

Многие идеи Н. М. Ядринцева систематизировал и развил Г. Н. Потанин. Его основная идея — это рост значения и увеличение роли земских органов Сибири как механизма самоуправления и саморазвития края. Высшим земским органом Сибири должна стать Областная дума, а местные финансы выделены из общегосударственных, для чего думе должно быть передано заведование лесными, горными и водными богатствами края и распоряжение поземельным фондом Сибири. Местные органы должны получить право

решающего голоса в переселенческой политике, что позволило бы избежать обострения проблемы малоземелья и ухудшения положения земледельцев-старожилов. Кроме этих пунктов, областническая программа Г. Н. Потанина предполагала предоставление сибирякам политических льгот, представительство в Сибирской думе всех «инородцев», вплоть до самых малочисленных, включая их просвещение. Социальной базой областничества, по его мнению, были провинциальные деловые круги и местная интеллигенция. Идеи автономизации Сибири были реализованы на I съезде сибирских областников в Томске, на котором Г. Н. Потанин был избран председателем Сибирского областного совета, ответственного перед Сибирской областной думой, созданной на Чрезвычайном общесибирском съезде в декабре 1917 г.¹¹

Подводя итог анализу автономистских концепций, можно отметить, что, во-первых, они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития регионов Российской империи на основе широкого предоставления самоуправления. Во-вторых, приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Сибирь, Украина), причем признавалась возможность их сохранения в составе России. В-третьих, задачи и методы автономизации понимались по-разному: украинское направление исходило из предоставления национально-культурной автономии и самобытного развития украинского языка и культуры, тогда как сибирские областники задачу автономизации видели в повышении социально-экономической самостоятельности Сибири путем ликвидации признаков ее колониального состояния. В-четвертых, в отстаивании собственных взглядов представители этого течения опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси. Однако в условиях унитаристского правительственного курса программа федерализации государства могла рассматриваться лишь на теоретическом уровне. Практическая реализация автономистских концепций оказалась возможной лишь после крушения империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 2.1.3/1134 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы в Российской Федерации».

² См.: Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 85—87.

³ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. I. СПб.: Книга, 1903. С. 30.

⁴ См.: Пинчук А.А. Исторические взгляды Костомарова. Киев: Наукова думка, 1984. 190 с.

⁵ См.: Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений: в 2 т. Т. 2. Национальный вопрос на Украине и в России. Париж: Изд. ред. «Освобождение», 1906. 874 с.

⁶ См.: Смищенко Р.С. Русский федерализм А.П. Шапова // Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 154—155.

⁷ Кабанов П.И. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Шапова. М.: Госполитиздат, 1954. С. 27.

⁸ См.: Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников: сб. материалов и публикаций / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 409 с.

⁹ См.: Шиловский М.В. Общественно-политическое движение Сибири второй половины 19-го — начала 20-го века. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. 88 с.

¹⁰ См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 560 с.

¹¹ См.: Письма Г.Н. Потанина: в 3 т. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. С. 10—35.

Поступила 01.12.08.

А. В. ЛОГИНОВ

А. М. МАГДЕЕВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Ключевые слова: региональная социальная политика; политический цикл; механизмы социальной политики; стабилизация; систематизация; унификация; кризисный процесс; административно-политическая регионализация; социальная дифференциация; федеративные отношения; региональные различия; межрегиональные противоречия

Key words: regional social policy; political cycle; social policy mechanisms; stabilization; systematization; unification; crisis process; administrative and political regionalization; social differentiation; federative relations; regional differences; inter-regional contradictions

Идея цикличности существовала в науке на протяжении многих тысячелетий и в настоящее время не утратила своей эвристической и прогностической ценности. Основанная на идее о постоянстве перемен теория политического цикла более последовательно раскрывает содержание политического процесса, его магистральную направленность, избегая одномерности и идеологической предвзятости. Под политическим циклом понимается часть траектории движе-

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

МАГДЕЕВ Альберт Мокадясевич, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета.

ния политической системы, в начальной и конечной точках которой система оказывается в подобных по ряду важных характеристик, но принципиально различных в эволюционном отношении состояниях. Повторение политических циклов образует не замкнуто-циклическое (круговое), а более сложное, спиралевидное движение. Циклические явления тесно взаимосвязаны и имеют свои аналоги в природе, организме человека, политической и других подсистемах.

Политический цикл определяет ресурсные, организационные и иные возможности политической системы на определенном этапе. Социальные и иные реформы во многом соответствуют ведущим циклическим трендам. Мы полагаем, что их преодоление невозможно, поскольку цикл развития — это природное явление, не зависящее от человека. Однако есть потенциальная возможность понизить степень кризисности развития системы. Для этого следует грамотно использовать циклические законы, а не генерировать искусственно свои. Здесь важно понимание того, что обязательно есть и позитивная, и негативная силы, которые необходимо сбалансировать внутри ситуации. Исторический опыт показывает, что в большинстве случаев богатое социальное государство — это во многом результат грамотного использования правящей элитой циклических законов.

Мы исходим из гипотезы, согласно которой материальная и духовная составляющие политики соответствуют циклу развития государства, на котором оно в данный момент находится. Отсюда можно констатировать, что на любом этапе развития у социальной и другой политики есть свои ресурсы и ограничения, которые определяются внутренней логикой текущего цикла. В связи с этим необходимо выяснить, как закономерности динамики доходов и собственности проявляются в рамках отдельных циклов региональной социальной политики России.

Если исходить из единства внутренней логики развития политических процессов применительно к позднесоветской и постсоветской России, то можно условно выделить ряд циклов развития политической системы: I цикл (1969 г. — апрель 1985 г.) — унификация системы и подсистемных компонентов; II цикл (апрель 1985 г. — середина декабря 1991 г.) — разрушение советской системы и формирование потенциальных основ постсоветской системы); III цикл (се-

редина декабря 1991 г. — декабрь 1993 г.) — обозначение в общих чертах магистральной направленности развития системы нового типа; IV цикл (декабрь 1993 г. — август 1998 г.) — распространение идей и период созревающей сознательности системы; V цикл (август 1998 г. — январь 2004 г.) — стабилизация, фиксация ранее достигнутого системой результата, реализация лидером основных идей; VI цикл (январь 2004 г. — предположительно 2013 г.) — достижение системного результата и подведение итогов, систематизация¹.

Опираясь на эту схему, постараемся рассмотреть особенности региональной социальной политики в позднесоветский и постсоветский периоды.

I цикл (1969 г. — апрель 1985 г.). Исследователи нередко именуют этот цикл «имперским»². Многообразие политических процессов в рамках «имперского» цикла подчинено внутренней логике этого цикла — достижению системного результата и подведению итогов всего процесса модернизации. Имперский цикл, по выражению О. Шпенглера, знаменует собой «начало космополитической цивилизации и угасание душевной творческой силы»³. Этот цикл связан с усиленной унификацией всех системных составляющих, характеризуется их сильным сплочением.

Динамика распределения доходов в региональном срезе тоже имеет присущие циклу особенности. Образ будущего регионов создавался руководством СССР. Региональное руководство его транслировало на территорию управляемых регионов. Подобная система управления воспроизводила дореволюционную модель. За 70 лет существования СССР сложилась определенная схема размещения производства, формирование которой определялось не столько экономическими, сколько политическими факторами. Как отмечает Б. Хорват, в таком «обществе администраторы обладают той же властью, что и собственники при капитализме. Все внимание здесь обращено на усиление позиций власти. Идет процесс сверхразвития государственного аппарата. Вся политическая и экономическая власть сосредоточена в руках правящей политической организации»⁴.

Такая система априори была неэффективной, но относительно нормально функционировала, подкрепляясь ресурсным изобилием и жесткой административной системой управления

в лице Госплана, Госнаба, Минфина и т. п. Но ресурсное изобилие иссякло. В начале 90-х гг. была ликвидирована ранее действовавшая система управления, а другой создано не было. Это было вызвано тем, что содержание коммунистической идеологии и структуры управления не успевало за темпом и направленностью социальных процессов.

II цикл (апрель 1985 г. — середина декабря 1991 г.). В середине 80-х гг. все более отчетливо стала проявляться неэффективность сложившейся политической системы СССР. Военно-промышленный комплекс получал все новые и новые средства, а социальная сфера, потребительский рынок, наукоемкая продукция и т. д. претерпевали все более и более остродефицитный характер. Это был тот случай, когда положительная закономерность (нарастание количественных факторов) при переходе в новое качество переросло в другую, отрицательную (неоправдавшиеся социальные ожидания, разочарование населения, образование духовного вакуума). Это привело к тому, что «долговременные структурные тренды стали приближаться к своим асимптотам, из-за постоянных структурных колебаний все чаще возникали сложные ситуации, справиться с которыми система уже не могла»⁵.

В СССР проблема преодоления межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития занимала значительное место в политике и идеологии. Инструментами этой политики были централизованное финансирование экономики и социальной сферы регионов, дотации и субвенции, социальные компенсаторы, плановые цены и др. Однако различия между российскими регионами по важнейшим социально-экономическим индикаторам к концу 80-х гг. были весьма велики. Достаточно констатировать, что в 1988 г. максимальный разрыв между административно-территориальными единицами РСФСР по величине национального дохода (чистой продукции) на душу населения составил 11 раз (Тюменская область и Агинский автономный округ). Эта реальность маскировалась бодрими декларациями о тенденциях выравнивания. Показательно было и то, что в региональной политике дореформенного периода выбор регионов, нуждающихся в поддержке, и размеры предоставленной им помощи не были основаны на методических принципах и носили субъективный характер. О. Н. Смолин констатиру-

ет, что в СССР «в рассматриваемый период неоднократно изменялся вектор провозглашаемых преобразований: от усиления администрирования и борьбы с нетрудовыми доходами до узаконивания частной собственности с наемным трудом; от заявлений о быстром повышении уровня жизни до ограниченной денежной реформы и первого массового повышения цен; от выдвижения лозунга социальной справедливости и расширения социальных гарантий трудящимся до безудержной пропаганды социального неравенства»⁶.

III цикл (середина декабря 1991 г. — декабрь 1993 г.) — период, когда формируются «максимально динамичные, экстенсивные, расширяющиеся пространства, для которых характерна открытость, агрессивность, экспансивность, постоянно меняющиеся границы. Эти пространства одновременно предоставляют „веер“ возможностей. Такие пространства — это череда быстро меняющихся образов»⁷, лидеров, воспроизводящих эти образы.

Произошла административно-политическая регионализация, которая привела к формированию особых регионов в форме субъектов Федерации. Главным следствием этого процесса было то, что возросло разнообразие вариантов развития страны и государственного управления, его сложность. В стране сформировались 89 политико-территориальных образований, стремящихся выстроить свои проекты развития.

В наследство от СССР регионы получили ценности уходящей эпохи: производственные комплексы, созданные в ходе советской индустриализации, и жесткие административные границы, замыкающие активность людей территориями отдельных субъектов Федерации⁸. Вполне закономерно, что в данных условиях неравномерность социально-экономического развития регионов России обострилась: территории, обладающие еще не исчерпанным ресурсным потенциалом или располагающие монопольными производствами, оказались в выигрышном положении и смогли обеспечивать своему населению относительно высокий уровень жизни, тогда как другие регионы, не обладающие достаточным ресурсным или производственным потенциалом, стали «проваливаться» по всем позициям.

В целом этот период характеризуется начальными процессами приватизации и передела собственности и необратимыми изменениями социальной стратификации и образа жизни.

Основным итогом этого цикла стало появление в политике лидеров-реформаторов, которые в качестве главного ориентира определили западную модель общества, прежде всего это был американский (зачастую искаженный) вариант.

IV цикл (декабрь 1993 г. — август 1998 г.). На этом этапе перед реформаторами стояла задача распространения своих идей на все общество. Для этого широко использовались ресурсы СМИ. В экономике также преобладали экстенсивные процессы. Экономическая экспансия хозяйствующих субъектов распространяется на новые, наиболее прибыльные отрасли народного хозяйства. Осуществляется их массовая приватизация. Поскольку скорость изменений на данном цикле высока, то достаточно быстро осуществляется процесс олигархизации власти. Принятие политических решений осуществляется в интересах тех или иных групп давления. Активно проводя такую политику в России, радикальные либералы, контролировавшие до определенного времени управление и государственную идеологию, не скрывали системы ценностей, которой они руководствовались, и своих интересов. С определенной долей уверенности можно сказать, что в начале реформ не учитывался социальный фактор, а социальная сфера (как совокупность институтов и отношений) рассматривалась как рудимент тоталитарного государства, подлежащий разрушению. Поэтому решение социальных проблем оказалось на «задворках» государственной политики, что незамедлительно сказалось на благосостоянии людей⁹.

Государственная региональная социальная политика подверглась влиянию негативных процессов этого цикла. За годы проведения реформ региональные различия не сгладились, а еще больше увеличились. Большинство субъектов РФ стали дотационными, в то время как до начала экономических преобразований таких было меньше. В 1996 г. из 89 субъектов РФ 63 стали дотационными. Всего за год количество территориально-доноров сократилось на девять. В условиях поразившего страну системного кризиса более или менее устойчивыми оставались регионы сырьевой добычи, продукция предприятий которых имела экспортную направленность, а также Москва и Санкт-Петербург как мощные центры финансово-кредитной деятельности. В наибольшей мере оказались поражены кризисом наименее устойчивые, не имеющие природных

богатств регионы и особенно центры высокотехнологичных производств ВПК, машиностроения, легкой промышленности и науки. В результате по величине среднедушевого производства ВРП и среднедушевым реальным доходам населения субъекты РФ стали различаться более чем в 20 раз. Такая дифференциация привела к расширению ареалов депрессивности и бедности, ослабления механизмов межрегионального экономического взаимодействия и нарастания межрегиональных противоречий.

Определяющую роль в этих процессах играло политическое противостояние федерального центра и регионов, в ходе которого игнорировался ряд закономерностей, характерных конкретным социально-экономическим и политическим реальностям и детерминирующих область допустимых решений. Не учитывались, в частности, ограничения, налагаемые новыми федеративными отношениями (и стоящими за ними интересами региональных элит), вероятным сценарием криминализации хозяйственной жизни, предсказуемыми социальными и бюджетно-налоговыми последствиями реформ, искаженными представлениями основной массы населения об условиях социальной жизни в «ново-рыночной» стране, соединением вопросов реформирования с вопросами персонализации власти¹⁰.

В связи с этим государственная региональная политика в пореформенный период в целом была направлена на решение краткосрочных задач и ликвидацию критических ситуаций. Устранение или смягчение территориальных диспропорций не входило в число приоритетных целей. Предоставление территориям льгот являлось в большей мере результатом административной напористости региональных лидеров, нежели следствием экономических расчетов. Политика децентрализации управления в социальной сфере, проводимая в пореформенный период федеральным центром, привела к неадекватному перераспределению ответственности за осуществление социальных расходов и полномочий по формированию доходов. Несмотря на то, что основная часть расходов на социально-культурные мероприятия по-прежнему осуществлялась главным образом бюджетами территорий, недофинансирование всех направлений социального развития территорий стало хроническим.

В этих условиях региональные власти стали вырабатывать собственные механизмы реализации социальной политики, существенно отличающиеся в разных регионах и строящиеся на принципах, зачастую не совпадающих с федеральными. Социальная политика в этот период носила неэффективный, по большей части политически вынужденный характер. Исследователи признают, что именно финансовый кризис осени 1998 г. стал рубежом на пути преодоления политической нестабильности. Последующее развитие продемонстрировало переход к формированию нового баланса сил в обществе, благодаря которому смена правительств уже не приводила к существенным колебаниям социально-экономического курса¹¹.

В цикл (август 1998 г. — январь 2004 г.). К середине 1999 г. во взаимоотношениях между федеральным центром и регионами складывается ситуация, которую можно охарактеризовать как состояние неустойчивого равновесия. В выступлениях официальных и политических деятелей популяризируется тезис о том, что угроза дезинтеграции Российской Федерации и сепаратизма ушла в прошлое, что она перестает быть актуальной или, по крайней мере, не представляет такой опасности, как в 1992—1993 гг. Период «парада суверенитетов» и «бегства от Центра» закончен, начался период центристского движения, активный процесс «собираания российских земель»¹². Один из главных политических итогов — это кадровое укомплектование основных властных структур сверху донизу. Произошло это не путем волевых назначений или неконституционного продления полномочий, а посредством народного волеизъявления. Это сделало полученные политиками мандаты более весомыми и легитимными, а их обладателей (в первую очередь губернаторов) — более уверенными в своем будущем, более самостоятельными, независимыми и инициативными в управлении регионами.

Сложная социально-политическая ситуация в большинстве регионов потребовала принятия федеральным центром ряда непопулярных решений. Одним из них стало создание федеральных округов и института полномочных представителей Президента России в субъектах РФ.

Наличие ряда признаков социально-политической стабилизации означало не столько прекращение или ослабле-

ние деятельности латентных дезинтеграционных факторов, сколько трансформацию противоречивого взаимодействия центробежных и центростремительных факторов в иные формы. В академических и политических кругах доминировала точка зрения, характеризующая новую фазу отношений «центр — регион» следующим образом: «центр тяжести в оптимизации взаимоотношений между Москвой и субъектами РФ... смещается с политической в правовую сферу»¹³. Действительно, на первый план выдвинулись правовые вопросы, решаемые в форме «столкновения норм», «войны законов», позиционного противостояния взаимоисключающих позиций, поисков аргументации для обоснования позиций и направлений политики. Причин этому несколько. Во-первых, прошла эпоха митинговых деклараций и драматических жестов. Региональные лидеры стали действовать достаточно взвешенно. Во-вторых, исчезла необходимость в конфронтации. Регионы и без того получали, что им нужно. В-третьих, стало ясно, что демонстративные политические жесты менее эффективны (если не контрпродуктивны), чем экономические и конкретно-правовые действия. Овладев более сложными политическими технологиями, регионы и их руководители перестали нуждаться в методах начала 90-х гг.¹⁴

В связи с этим И. В. Бахлов справедливо отмечает, что в рамках этого цикла «изменяется характер отношения большинства субъектов федерации (в лице региональных элит) к центру в направлении усиления лояльности: значительная их часть, являясь реципиентами, прямо зависела от механизма вертикального финансового выравнивания, находившегося в руках федерального правительства; другая часть смогла путем заключения договоров реализовать свои требования; кроме того, прямая конфронтация с центром стала менее эффективной, чем политика лоббирования своих интересов с использованием методов непрямого давления»¹⁵.

Наметились объективные признаки социально-политической стабилизации, которые все больше рассматривались как своего рода «окно возможностей», «режим наибольшего благоприятствования» проведению взвешенной и конструктивной политики. Следуя внутренней логике цикла стабилизации, главным и перспективным содержанием региональной социальной политики становится освоение правильно выстроенной системы приоритетов, механизмов эффективного

использования ресурсов, выделяемых на социальные цели. В этих целях государство пыталось, во-первых, определить очередность и гарантировать адресность удовлетворения социальных потребностей; во-вторых, оценить ресурсное обеспечение с учетом их дефицита; в-третьих, оптимально распределить ограниченные ресурсы при наличии определенной конкуренции между различными социальными потребностями. Социальная деятельность государства в рамках этого цикла была нацелена на координацию указанных факторов.

VI цикл (январь 2004 г. — предположительно 2013 г.). Внутренняя логика цикла ориентирует политических акторов на идеологию сплочения и дальнейшее упорядочение процессов. Необходимые предпосылки для этого уже начали складываться. Условным началом этого цикла, на наш взгляд, можно считать реформу по укрупнению субъектов Федерации. Другим признаком унификации стали инициативы Президента РФ В. В. Путина по замене выборов губернаторов процедурой назначения последних. Эта реформа была инициирована Президентом РФ сразу после событий, произошедших в сентябре 2004 г. в г. Беслане. Проведенные в дальнейшем назначения губернаторов фиксируют сдержанность федерального центра в отношении кадровых изменений. Показательно, что в отношении большего числа губернаторов были проведены так называемые «переназначения». Вместе с тем новый порядок организации власти на региональном уровне выявил некоторые важные особенности этого процесса. Во-первых, назначение новых лиц на губернаторские должности в ряде регионов (например, в Саратове, Нижнем Новгороде, Туле) свидетельствует о значимости такого фактора, как личная лояльность федеральному центру. Во-вторых, многие из занявших должность губернаторов в политическом отношении являются членами партии «Единая Россия». В-третьих, назначения говорят о том, что предпочтение отдается фигурам, ранее не слишком «засвеченным» в политической борьбе за руководящие позиции на местах, управленцам-профессионалам, нежели харизматичным политикам. В-четвертых, федеральный центр продолжил относительно взвешенную линию поведения во взаимоотношениях с влиятельными национальными республиками в составе федерации. Практике новых назначений были свойственны определенная «удаленность» от влияний

митингового характера, а также склонность к соблюдению „бюрократического” этикета»¹⁶.

Используя накопленные ранее государственные резервы и благоприятную экономическую конъюнктуру, государство укрепило свои позиции в экономике. 2007 г. запомнился усилением роли государства в промышленности. Здесь также можно наблюдать процессы сплочения. Доля государства в совокупном акционером капитале российских компаний в 2007 г. превысила 35 %.

В условиях мирового финансового кризиса возрастание внешних для системы финансовых угроз и тесно связанных с ними внутренних подталкивает российскую элиту к расширению регуляторов не автономного, а искусственного, преимущественно «ручного» воздействия. Последствия мирового финансового кризиса для России могут привести к более сильному и последовательному «программированию» стратегии правящей элиты в направлении дальнейшей унификации политической системы.

В условиях унификации государство должно более грамотно и, главное, гибко реагировать на подобные вызовы, поскольку цена ошибки довольно велика. Дело в том, что для этой стадии характерна самая высокая степень институционализации, и неверные решения могут спровоцировать серию локальных кризисов внутри системы.

Не менее важной проблемой является высокая монополизация рынков. Россия развивается как страна сверхкрупного и в основном сырьевого бизнеса. Рост монополизации — это наиболее характерная черта цикла унификации, которая при дальнейшем развитии имеет тенденцию к нарастанию. В рамках логики цикла унификации наблюдается еще большая концентрация доходов и собственности у самой обеспеченной группы населения, т. е. самая высокая степень неравенства. Поэтому задача снижения протестных настроений в процессе унификации всех составляющих системы актуализирует проведение более масштабной социальной политики. Мы полагаем, что ни на каком другом цикле развития государство и собственники не заинтересованы до такой степени в широких социальных интервенциях. Степень концентрации капиталов и собственности на этом цикле унификации наиболее высокая. Следовательно, политические элиты более всего заинтересованы в масштабных

социальных интервенциях с целью нейтрализации постепенно усиливающихся протестных настроений, которые обусловлены высокой кризисностью экономики и иных сфер в этот период. Можно констатировать, что социальная политика на данном цикле выполняет преимущественно не функцию жизнеобеспечения, а социальной стабилизации. Поскольку социальная политика на этом цикле актуализируется, степень обоюдной заинтересованности власти и общества возрастает. Это требует более грамотного и экономически выверенного подхода к формулированию базовых приоритетов региональной социальной политики в этот период.

Мы полагаем, что мировой финансовый кризис, вероятно, приведет к существенному пересмотру базовых положений доктрины социального государства в сторону *дальнейшего уменьшения социальных гарантий и переориентации интересов потребительского общества на систему духовных ценностей*. Исторический опыт показывает, что слишком долгое стабильное, сытое существование в определенный момент начинает тревожить, и общество принимается подсознательно вырабатывать защиту против собственного духовного и душевного обнищания. Процесс этот довольно болезненный.

В новых условиях механизмы социальной политики, по-видимому, будут переориентированы на формирование экологического сознания, создание моделей минимальной потребительской достаточности, но уже не в рамках удовлетворения все возрастающих желаний, а в рамках обеспечения самого необходимого для поддержания нормальной жизнедеятельности организма, для усиления социальной активности и духовной составляющей социального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить, что начальные и конечные точки отсчета цикла можно представить достаточно условно, поскольку речь идет не о точке в пространстве, а о «витке спирали» (постоянстве изменений) — совокупности многих точек отсчета в рамках цикла, которые одновременно представляют собой наиболее характерные качественные характеристики того или иного образа.

² См.: Бахлов И.В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 488.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 192.

⁴ Horvat B. The Political Economy of Socialism. N. Y., 1982. P. 126.

⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 178.

⁶ Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. С. 211.

⁷ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 140.

⁸ См.: Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. Доклад «На пороге новой регионализации России» / под ред. В.В. Шулаева. Н. Новгород, 2001. С. 43.

⁹ См.: Строев Е. Социальное развитие и российский федерализм // Человек и труд. 1997. № 5. С. 4.

¹⁰ См.: Лексин В.Н., Швецов А.Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья первая. Постановка проблемы // Рос. экон. журн. 1999. № 4. С. 55.

¹¹ См.: Мау В. Политэкономические проблемы проведения рыночных реформ в посткоммунистической России // Общество и экономика. 2000. № 7. С. 8.

¹² См.: Федерализм власти и власть федерализма. М.: Прогресс, 1997. С. 157.

¹³ Цит. по: Попов А.И. Региональная политика в России: проблемы государственного управления. М.: Наука, 1999. С. 77.

¹⁴ См.: Ольшанский Д. Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra. Т. 5. № 1 «Центр и регионы России». 2000. С. 40.

¹⁵ Бахлов И.В. От империи к федерации ... С. 547.

¹⁶ Иванов В.Н. и др. Федерализм и социальная стабильность // Библиотечка науч.-общ. журнала «Наука, культура, общество». 2006. Вып. 1. С. 5.

Поступила 05.12.08.

Э. В. ЧЕКМАРЕВ

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: модернизация; региональные органы власти; политическое участие; молодежь

Key words: modernization; regional power bodies; political participation; young people

На протяжении всей истории мировой цивилизации молодежь продемонстрировала свою решающую роль в модернизационных процессах. Не является исключением и переживаемая трансформация современной России и ее регионов. Но в отличие от прежних модернистских скачков современная молодежь демонстрирует свою роль не в идеологическом или военном, а в политическом, организационном и образовательном аспектах.

Такой вывод вытекает, на наш взгляд, из реалий, характеризующих молодежь в ее количественном и качественном планах. К моменту радикальных преобразований в стране (80—90-х гг. XX в.) молодежь насчитывала 67,5 млн чел., или 43 % трудоспособного населения страны¹. Молодые люди того времени воспитывались в уважении к труду и знали ему цену. В промышленности, строительстве, АПК и на транспорте до 1/3 работающих составляла молодежь. В торговле и сфере обслуживания молодые люди составляли более 40 %². Высокий трудовой статус молодежи с началом перестройки перестал соответствовать политическому представительству этой категории населения. Это подтвердили выборы I съезда народных депутатов СССР, когда в высшем представительном органе оказались 187 молодых людей, 133 из них были членами ВЛКСМ. Следовательно, в общем составе депутатов молодежь составила лишь 8,3 %³. При этом следует учитывать существовавшую фиксированную квоту в 75 народных депутатов от ВЛКСМ. Что касает-

ЧЕКМАРЕВ Эдуард Владимирович, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета, кандидат политических наук.

ся Российской Федерации, то доля народных депутатов от ВЛКСМ здесь составила всего 0,5 % от общего числа избранных⁴. Геронтологизация власти и высокий удельный вес молодежи в народном хозяйстве стали серьезной проблемой, обусловившей в дальнейшем политическую самоорганизацию молодых. Нарастание недоверия к существующей системе способствовало утверждению новых ценностей.

Исследования ценностных ориентаций 1990 г. уже зафиксировали трансформацию политических предпочтений. Повторное исследование, проведенное в 1994 г., показало, что, несмотря на потрясения 1991—1993 гг., существенным аспектом модернизации ценностей является рационализация жизнедеятельности. На 8—10 % более значимыми стали свобода, независимость, инициативность⁵. Признание модернизационных ценностей предопределило позитивную роль молодежи в политической жизни страны и регионов. С 1995 по 2006 г. молодое поколение продемонстрировало наименьшую протестную активность по сравнению с более старшим поколением⁶.

Позитивная роль молодежного социума в постперестроечный период состояла прежде всего в формировании властных структур разного уровня. Так, на выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ четвертого созыва 7 декабря 2003 г. на территории Саратовской области приняли участие 27 2021 избирателя, чей возраст не превышал 30 лет (из них 27 937 — впервые голосующие), что составило 13,7 % от общего числа избирателей в Саратовской области и 22,2 % от числа проголосовавших. В выборах Президента РФ 14 марта 2004 г. приняли участие 59,62 %. Впервые голосующих оказалось 81,8 %⁷. Через четыре года новое поколение молодых людей, которым в 2004 г. было 14 лет, подтвердило выбор своих предшественников.

Электоральный цикл 2007—2008 гг. в новых условиях выявил перспективы и противоречия политической активности молодежи людей в становлении гражданского общества. Вокруг молодежного социума развернулась крупномасштабная борьба за влияние на него со стороны власти и политических партий. Однако роль молодежи в политическом процессе оказалась недостаточно осознанной политическими силами страны. Роль — это разновидность (часть) политической деятельности, свидетельствующая о том, что индивид может

быть избирателем, активистом партии, членом парламента и т. д. При этом каждая политическая роль имеет свою функциональную нагрузку, предполагающую соответствующие возможности и обязательства (ответственность) личности перед государством (партией, обществом)⁸.

Полагаем, что такое понимание роли отражает стабильность и длительное функционирование политической системы. В условиях России понятие роли, на наш взгляд, следует трактовать не только по фактам функционального автономного действия индивида, но и по ряду мер, осуществляемых молодежью в силу принадлежности к определенной корпоративной структуре (школа, вуз) и на основе мобилизационного поведения под влиянием федеральных, областных или муниципальных мероприятий. Эта специфика проявления роли молодых людей в преобразовательных процессах подтверждается пониманием собственной значимости молодежи.

На выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Саратовской областной Думы 2 декабря 2007 г. был зарегистрирован 480 771 чел. в возрасте от 18 до 30 лет, из них проголосовали 265 520 чел., или 55,23 %. При этом впервые голосующие проявили гораздо более высокую активность: были включены в списки 35 482 чел., а проголосовали 24 899 чел., что составило 70,17 %. По г. Саратову самый высокий процент впервые голосующих продемонстрировали центральные районы: Волжский, Кировский, Октябрьский и Фрунзенский. Значительно ниже показатели по Заводскому и Ленинскому районам. Общий показатель голосовавших жителей г. Саратова в возрасте от 18 до 30 лет еще ниже. Например, по Заводскому и Фрунзенскому районам он составил 29,8 %.

Электоральная активность молодежи в МО Саратовской области оказалась весьма разнообразной. Если в Марксовском районе среди впервые голосующих зафиксировано 100 % исполнивших свой гражданский долг, то в ЗАТО «Михайловский» — 40 %, в Ртищевском, Дергачевском, Пугачевском районах — более 40 %, а в Аркадакском, Аткарском, Базарно-Карабулакском — более 90 %. Общее число участия сельского молодежного электората в возрасте от 18 до 30 лет не опускалось ниже 40 %. Самый низкий показатель оказался по Саратовскому району — 43,2 %, наиболее высокий по Аркадакскому району — 97,19 %⁹.

Несколько иная картина электоральной активности молодежи Саратовской области складывалась при выборах Президента РФ 2008 г. Из впервые голосовавших отдали свои голоса в пользу главы государства 78,3 %. Общее число проголосовавших в возрасте от 18 до 30 лет составило 74,24 %¹⁰. Таким образом, активность молодежи Саратовской области на выборах Президента РФ была выше, чем на выборах депутатов Государственной Думы. Примечательно, что электоральная устойчивость характерна не только для районов с небольшой численностью молодежи, но и для тех, где ее значительно больше. Такими являются Балаковский, Балашовский, Вольский, Марксовский, Пугачевский и Саратовский районы. Например, в Балаковском районе молодежная электоральная активность возросла с 52,9 до 77,34 %, Балашовском — с 60,11 до 69,19 %, Вольском — с 77,13 до 87,44 %¹¹.

Оживление молодежной общественно-политической активности в регионе способствовало прохождению молодых людей во властные структуры. Среди их представителей находятся в основном «восьмидесятники», т. е. рожденные в 80-х гг. XX в.

Примечательно, что сами молодые депутаты признают необходимость привлечения молодых людей в политику через массовые молодежные организации и политические партии.

Степень политического участия Саратовской молодежи во многом определяется ценностями и потребностями молодых людей. Исследование, проведенное Саратовским межрегиональным институтом общественных наук, показало, что молодежь ориентирована на демократические ценности (73,5 %). Из них наиболее значимыми являются равенство всех перед законом (43 %), ответственность (39,5 %), независимый и справедливый суд (39,5 %), личная инициатива (26,5 %)¹². Намечился поворот в соединении личных и общественных интересов. Особую значимость в этом отношении приобретает тяга молодых людей к благотворительности. Так, среди опрошенных юношей и девушек почти 43 % участвуют в благотворительности, чтобы помочь людям, 17 % — из жалости и сочувствия, 11 % — из желания нести людям радость¹³. Как показывает опыт ряда демократических стран, для многих молодых людей путь в большую политику начинался именно с благотворительной и волонтерской деятельности.

Политический интерес молодежи в значительной степени предопределил возрастание ее роли в создании гражданского общества. Развитие структуры молодежных организаций позволило молодежи области сформировать свои представительские структуры: Молодежный парламент, круглый стол молодежных и детских общественных организаций Саратовской области, Молодежный общественный Совет и Молодежное общественное собрание.

Активность саратовской молодежи, качество ее организации получили высокую оценку со стороны властных структур федерального уровня и политических лидеров. Саратовская область начинает приобретать статус официальной площадки по объединению молодежи для решения задач модернизации страны. В ноябре 2008 г. в г. Саратове с участием С. Б. Миронова была создана «площадка» информационного обмена молодых парламентариев, а в декабре в областном центре прошло собрание молодых парламентариев ПФО, среди которых были депутаты государственной Думы РФ; депутаты законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ, входящих в ПФО; члены молодежных парламентов; «молодогвардейцы» и студенты. Проведение этого мероприятия курировали Председатель Саратовской областной Думы, депутат Государственной Думы, председатель политического совета «Молодой гвардии», депутат законодательного собрания Челябинской области, а также гости из таких городов, как Ульяновск, Самара, Сызрань и Арзамас. В ходе мероприятия было создано региональное отделение «Молодежное федеральное собрание».

Таким образом, складывается благоприятная обстановка для взаимодействия молодых депутатов с федеральными, областными и муниципальными органами власти. Наименьшее значение имеет установка на рекрутирование молодых кадров в политику. Молодежное федеральное собрание будет отбирать и обучать ярких, талантливых и харизматических молодых политиков.

О большом потенциале саратовских молодых политиков свидетельствуют выборы в органы местного самоуправления, которые прошли в Саратовской области в октябре 2008 г., в результате которых депутатами стали 392 молодых кандидата, после чего выборы получили название «Молодежная октябрьская революция». Эти факты свидетельствуют не

только об институциональном оформлении взаимосвязи молодежных региональных организаций с политической властью, но и переход в новое качество теоретико-организационного творчества молодых людей.

Таким образом, коллективные формы работы с молодежью в Саратовской области динамично развиваются, приобретают новое качество, формируют плеяду ярких, неординарных лидеров. К сожалению, как и в других регионах, молодежные лидеры рекрутируются преимущественно из студенческой, а не из рабочей, инженерной или культурной среды. Мы полагаем, что в молодежном парламенте должны быть представлены различные слои молодежи.

Трудно переоценить значимость корпоративных влияний на повышение роли молодежи. Среди огромного числа мероприятий, проводимых вузами, школами, особое значение имела организаторская деятельность Министерства по делам молодежи, спорту и туризму, а в последующем Министерства образования области. Так, в 2006 г. силами последнего были проведены областной конкурс на соискание премии им. П. А. Столыпина, в котором приняли участие более 150 молодых людей; конкурсы «Студенческая наука», «Студенческая весна», «Областной турнир КВН» и др. Более 50 тыс. молодых людей участвовали в фестивале «Студенческая весна». Несколько лет подряд саратовские студенты завоевывают первое место во Всероссийских фестивалях «Российская студенческая весна».

Повышению роли молодежи в становлении гражданского общества в немалой степени способствовали члены областной избирательной комиссии. Ими была разработана программа правового просвещения избирателей. С 1997 г. проводятся конкурсы на лучшую работу по вопросам избирательного права и процесса. В 2000, 2001 и 2005 гг. лауреатами конкурса становились студенты Саратовской государственной академии права и Саратовского государственного университета. С 2005 г. в конкурс стали вовлекаться и учащиеся школ, лицеев.

Таким образом, роль молодежи в модернизации политической жизни страны и региона обозначилась на нескольких уровнях: включение в различные мероприятия и проекты федеральной и региональной значимости, а также корпоративная, командная и личностная активность. Хотя

включенность молодых людей в модернизацию политической жизни страны и региона носит ярко выраженный мобилизационный характер, однако активная часть молодежи смогла самореализоваться и способствовала становлению новых политических отношений.

Молодежь смогла реализовать одну из основных функций преемственности опыта предыдущих поколений и усвоения трансформации ценностей и адаптации к новым условиям. Опираясь на современные элементы политической системы, молодежь пытается реализовать имеющийся потенциал в органах власти, образовании, труде, творчестве. Она имеет своих представителей в органах власти, делегирует решение своих проблем представителям политических партий. Конечно, делегирование во власть молодых людей нуждается в поддержке. Полагаем, что было бы целесообразно использовать опыт квотирования мест для молодежи во властных структурах местного и федерального уровней. На федеральном и местном уровнях необходимо преодолеть недоверие к молодому поколению. Например, в 30-е гг. XX в. 10 тыс. комсомольцев Саратовской области являлись членами избирательных комиссий; 1 500 членов ВЛКСМ были избраны депутатами местных советов. В 1939 г. более 50 комсомольцев возглавляли сельские советы области¹⁴.

В современных условиях из 4 006 депутатов представительных органов местного самоуправления Саратовской области только 17 на момент избрания (2006 г.) являлись молодыми людьми, а в 2008 г. их численность сократилась до 8 чел. в силу превышения возраста 30 лет¹⁵. Тот факт, что многие молодые люди, работающие в исполнительных органах власти, успешно справляются со своими обязанностями, являются ответственными и компетентными, позволяет утверждать, что в Саратовской области необходимо переходить к политике омоложения кадров.

Таким образом, роль молодежи в условиях модернизации современной России является неадекватной начатым преобразованиям, особенно в политической сфере. Поскольку политика — это искусство управления, то следует признать, что политическая система страны еще не овладела искусством вовлечения молодых людей в преобразовательный процесс модернизации. Наиболее адекватно политика отражает потребности молодежи на низовом уровне. Она

более представлена в исполнительной власти, а условия модернизации диктуют повышение роли молодых людей в творческих аспектах политического процесса.

Поколение молодых людей, достигшее совершеннолетия к моменту принятия Конституции 1993 г., несет ответственность за все плюсы и минусы модернизации 90-х гг. XX в. Не надо забывать, что это поколение воспитывалось в достаточно стабильной атмосфере, но принимало решения в условиях радикальных изменений. Ныне совершеннолетними стали люди, родившиеся на пике потрясений 90-х гг., но знают о энтузиастах недалекого прошлого по книгам и рассказам очевидцев (хотя большая часть не имеет о них никакого представления). Новые условия способствуют повышению уровня политического сознания и участия в политической жизни. Образно выражаясь, прежнее поколение молодых людей соорудило лестницу вхождения в политику, но не сумело обеспечить ее перилами. Новое поколение сознательно стремится выработать механизмы, с помощью которых созидательная роль молодежи получит свое воплощение. Современные исследования показывают, что несмотря на различные мотивы, всех участников политического процесса объединяет «стремление стать реальными политическими акторами, способными влиять на принятие государственных решений»¹⁶.

Весьма показательны, что модернизационные процессы в России сузили сферу инфантилизма в среде молодежи, обусловили снижение возраста молодых людей, вступающих в социально-экономические отношения. Высокий уровень мобильности, здоровье, ранняя трудовая деятельность молодежи позволяют утверждать, что именно молодые люди должны стать политическим ресурсом модернизации и поиска адекватных ответов на процессы глобализации. Чтобы молодежь выполняла миссию ресурса модернизации в условиях глобализации, необходимо, на наш взгляд, на государственном и региональном уровнях решить задачи правовой защиты молодежи, ее духовно-нравственного воспитания, создания условий для приобретения опыта и продуктивного сотрудничества со сверстниками из других регионов и стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Воспитание рабочей молодежи: опыт, проблемы, пути. Пермь, 1989. С. 3.

² Там же.

³ См.: Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 года. Стенографический отчет. Т. I. М., 1989. С. 44.

⁴ См.: Григорьевых Ю.С. К вопросу об участии рабочей молодежи в общественно-политической работе // Воспитание рабочей молодежи ...

⁵ См.: Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социол. исслед. 1994. № 5. С. 3—8.

⁶ См.: Независимый институт социальной политики. URL: www.socpol.ru/archives/about.html (дата обращения: 12.12.2008).

⁷ См.: Текущий архив Избирательной комиссии Саратовской области: данные от 25 марта 2008 г.

⁸ См.: Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии. М., 2004. С. 24.

⁹ См.: Текущий архив Избирательной комиссии ...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: Молодежь в политических процессах современной России (региональный аспект). Саратов, 2007. С. 41. URL: <http://mion.sgu.ru/show.jsp?target=fenomenologiya> (дата обращения: 12.02.2008).

¹³ См.: Чернышкина Н. Спешите благо творить? // Семья. 2008. 5 июня.

¹⁴ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. 1917—1941. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. С. 280.

¹⁵ См.: Текущий архив Избирательной комиссии ...

¹⁶ Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе. М.: Изд-во совр. гуманитар. ун-та, 2006. С. 62.

Поступила 31.03.09.

А. Н. ГРИГОРЬЕВ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: методика; прогнозирование; валовый региональный продукт; показатели; социальное развитие планирования; ресурсообеспечение; многофакторная динамическая модель; темп роста; коэффициент

Key words: methods; prognostication; gross regional product; indices; social development of planning; supply of resources; multifactor dynamic pattern; rate of growth; coefficient

В условиях действия в регионе негативных тенденций экономического и социального характера, осуществляемых структурных преобразований, реализации целевых программ социально-экономического развития, инвестирования средств в основной капитал региона, развития социальной, рыночной и производственной инфраструктур система и механизм перспективного и стратегического планирования нуждаются в экономическом анализе функционирования региона, его структурных компонентов, комплексов и отраслей, характеризующих резервы достижения планируемого размера ВРП. Не менее важны исследования уровня использования трудовых, природных и информационных ресурсов, основных и оборотных фондов, анализ влияния внешней и внутренней среды на социальное развитие региона, позволяющий установить отклонения фактических данных обобщающего и частных уровней качества жизни граждан от плановых, наметить комплекс мер экономического, структурно-организационного, социального и финансово-инвестиционного характера для достижения уровня социального развития, соответствующего ресурсообеспечению предпринимаемых мер.

ГРИГОРЬЕВ Александр Николаевич, председатель экономического комитета Администрации г. Великого Новгорода Новгородской области, кандидат экономических наук, доцент.

Для исследования регионального развития и его прогноза определяющим является выбор показателей. Среди частных показателей наиболее часто используют демографические показатели, характеризующие развитие рынка труда в регионе. С. Н. Смирнов детально анализирует вопросы отбора показателей для прогнозирования уровня регистрируемой безработицы на базе государственной статистики, а также способы верификации результатов прогнозирования¹. Проведенная им группировка регионов РФ (без Чечни) по выбранной системе показателей позволила сформировать три типа регионов, различно реагирующих на управляющие воздействия региональной политики. К I типу относятся регионы с высокой степенью вероятности отсутствия обострения ситуации на рынке труда в ближайшей перспективе. Регионы II группы оцениваются значительным потенциалом дальнейшего роста безработицы. Регионы III типа могут быть охарактеризованы как «промежуточные». Отметим, что Новгородская область относится к I типу.

Результаты анализа и прогнозирования занятости населения в регионе служат основой разработки соответствующих программ, направленных на повышение уровня жизни населения. Это предполагает необходимость формирования и реализации политики повышения занятости населения в системной взаимосвязи со структурной модернизацией, повышением эффективности труда, уровня доходов и оплаты труда, снижением уровня бедности. Поскольку реализация этих направлений социально-экономической политики требует значительных затрат, то актуализируется проблема обеспечения их оптимального сочетания, учитывающая конкретные условия и финансовые возможности региона в прогнозируемый период времени. В качестве переменных используются краткосрочные экономические индикаторы, определяющие будущие налоговые поступления. Иными словами, реализуется задача прогнозирования налоговых поступлений методами регрессионного анализа с оперативным горизонтом прогнозирования (месяц).

Прогнозированию предшествуют этапы формирования целей развития объекта, сбор информации, ее анализ, выбор системы показателей, адекватно характеризующих цели развития объекта, диагностика текущего состояния объекта

с выделением позитивных и негативных тенденций развития. Этапы анализа, формирования системы показателей и диагностики объединяются в процедуру проведения мониторинга социально-экономического развития региона.

Если возникает вопрос об альтернативном выборе целей социально-экономического развития, то следует признать, что, по крайней мере, в ближайшие годы преимущественное значение будут иметь экономические цели, которые, однако, распространяются и на социальную сферу. Для этого должна проводиться политика достижения максимального эффекта от реализации экономических целей на микро-, мезо- и макроуровне, сбалансированная в определенной пропорции с реализацией социальных целей повышения эффективности труда и социального развития. Критерием оптимального соотношения экономических и социальных целей является максимальный эффект от их совместной (системной) реализации.

Региональная политика, в том числе экономическая, строится на системе, содержащей критериальные требования (системная обоснованность, адресность, ответственность, контроль и др.), уровни управления (федеральный, субфедеральный, межрегиональный), целевые приоритеты (совершенствование налогово-бюджетных взаимоотношений, формирование финансовой целостности региона, защита и поощрение конкуренции и пр.) и механизмы реализации².

При постановке цели комплексного развития регион представлен как сложная социально-экономическая система. Целевые установки, характеризующие достижение цели социально-экономического развития региона, описываются через совокупность показателей, отражающих взаимосвязи рассматриваемой системы. Основными уровнями, на которых строится ее структура, являются объемы производства, основные фонды, население, финансы. Эти показатели взаимосвязаны с объемом ВРП на душу населения, инвестиций, расходов на социальные программы, средней заработной платы и величины прожиточного минимума, доли безработных в общей численности трудоспособных, показателем, характеризующим положение региона (донор / реципиент).

В качестве основного прогнозно-аналитического документа используется долгосрочная концепция стратегического

комплексного социально-экономического развития региона, так как она, являясь документом, включает определение стратегических целей развития региона и средств их достижения. В соответствии с назначением долгосрочная концепция комплексного социально-экономического развития региона содержит ряд блоков (рисунок).

Рисунок. Организационно-методическая и структурная схема долгосрочной концепции стратегического комплексного социально-экономического развития Новгородской области

Эти блоки имеют различное функциональное назначение: аналитический блок определяет роль и функции региона в новых условиях хозяйствования; ресурсный — ресурсные и

финансовые механизмы реализации концепции, источники ресурсов и дает их количественную и качественную оценку; организационный блок определяет и обосновывает организационный механизм управления реализацией концепции, критерии и методы ее оценки, методическую и организационную схему мониторинга.

Нами была проведена серия преобразований и расчетов по показателям, характеризующим темп роста ВРП Новгородской области, и разработан прогноз на 2007—2008 гг. Построение многофакторных моделей проводилось по четырем основным этапам: выбор объекта исследования и его обуславливающих факторов, первичная статистическая обработка исходной информации, построение уравнения множественной регрессии и оценка существенности связи, определение прогнозных значений и доверительных интервалов³.

Процессу построения экономико-математических моделей должно предшествовать тщательное изучение природы объекта, его взаимосвязи с другими объектами и условиями (факторами), в которых осуществляется его изменение. Объектом прогнозирования социально-экономического развития Новгородской области стал темп роста ВРП.

Достаточно сложным вопросом является выбор основных факторов процесса производства для включения в статистические модели. Их анализ осуществляется на основе экспертных оценок. Основным признаком отбора факторов является их максимальное количество, поскольку чем больше их исследуется, тем точнее результаты. Наиболее целесообразно применение этого подхода в прогнозировании, когда в качестве основообразующих показателей социально-экономического развития региона выбираются факторы, характеризующие производственные процессы и экономическую инфраструктуру региона. В их составе рассматриваются численность наличного населения (тыс. чел.), среднегодовая численность занятых в экономике (тыс. чел.), общая численность безработных (чел.), производство продукции сельского хозяйства (млн руб.), продукция промышленности (млн руб.), инвестиции в основной капитал (млн руб.), ввод в действие общей площади жилых домов (тыс. кв. м), грузооборот предприятий транспорта общего пользования (млн км), оборот предприятий розничной торговли (млн руб.), оборот пред-

приятий общественного питания (млн руб.), платные услуги населению (млн руб.), внешнеторговый оборот (млн долл. США), основные фонды в экономике (млн руб.).

Необходимо отметить, что ни одна система показателей не может быть абсолютизированной. Пристрастие к тем или иным показателям определяется в первую очередь практическими задачами, а возможность эффективно использовать тот или иной показатель во многом зависит от цели исследования.

Прогноз и анализ темпов роста ВРП ставят целью измерить влияние каждого фактора на результативный признак, а также их совокупное влияние. Однако ввод большого числа факторов в модель не всегда приводит к точным результатам, поскольку на результативный признак влияет значительное количество случайных факторов, которые необходимо исключить. Процедура исключения производилась нами на основе логического и статистического анализа.

При отборе включаемых в систему модели факторов посредством логического анализа учитывалось, что перечень факторов был обоснован теоретически, т. е. при построении многофакторной модели была сделана попытка абстрагироваться от влияния несущественных переменных; перечень условий не был сделан слишком большим, так как полученная модель должна быть простой и наглядной; факторы, связанные функционально, в модель не включались; учитывались условия изменения факторов во времени; была установлена классификация факторов, которая дала возможность определить динамику показателя, рассчитать влияние каждого фактора в отдельности и учесть их эффективность.

Процедура исключения факторов на основе статистического анализа была реализована посредством автокорреляции и мультиколлинеарности. В результате предварительных расчетов выяснилось, что из 13 исследуемых факторов наиболее существенное влияние на темп роста ВРП региона оказывают внешнеторговый оборот, основные фонды в экономике, общая численность безработных, продукция промышленности.

Экспериментальная оценка показала, что полученная модель соответствует фактическим данным. Об этом свидетельствует проверка модели и ее параметров по F -крите-

рию Фишера и t -критерию Стьюдента. Это предположение подтверждается и высоким коэффициентом множественной корреляции. В этом случае модель пригодна для принятия управленческих решений и осуществления прогнозов на краткосрочную перспективу. В нашем случае влияние факторов (оцениваемое на основе множественного коэффициента детерминации, равного 98 %) значительно, но не равно 100 %, что подтверждает вывод о том, что можно рассматривать включение в модель еще одного-двух факторов.

После того, как определено параметризованное уравнение многофакторной динамической модели, проверено по всем статистическим критериям, его можно использовать для практических целей и прогнозировать значение результативного показателя $\hat{y}$, с учетом доверительных интервалов, подставляя значения факторных признаков.

Экономические проблемы Новгородской области не позволяют надеяться на радикальные изменения в социально-экономической политике региона. Вследствие этого в ближайшей перспективе маловероятны сколько-нибудь ощутимые сдвиги в структуре ВРП Новгородской области. Поэтому принимается условное допущение о равномерных по годам темпах его роста. Подобное допущение следует считать абсолютно условным, но оно дает возможность использовать прогнозные значения факторных признаков на основе среднегодовых коэффициентов роста.

Таким образом, прогнозирование на основе временных рядов с помощью корреляционно-регрессионного анализа, по нашему мнению, следует осуществлять в следующей последовательности. Во-первых, в полученную параметризованную модель подставляются прогнозные значения факторов для регрессионной модели, которые можно рассчитать на основе среднегодовых коэффициентов роста.

Во-вторых, определяется ошибка репрезентативности:

$$\mu = \sqrt{\frac{\sigma_y^2}{n}}, \quad (1)$$

где σ_y^2 — дисперсия, рассчитанная по результативному признаку.

В-третьих, рассчитывается предельная ошибка, или доверительный интервал (предел). Это такая оценка параметров,

которая показывает, что с достаточно высокой вероятностью параметр лежит в определенном интервале. t -распределение дает возможность определить значение t так, чтобы с вероятностью $(1-\alpha)$ можно было утверждать, что $\hat{y}$ будет заключен в пределах

$$\bar{y} \pm t\mu \text{ или } p((\hat{y} - t\mu) < \hat{y} < (\hat{y} + t\mu)) = 1-\alpha, \quad (2)$$

где $\hat{y}$ — расчетное значение показателя; α — заданный уровень значимости.

В-четвертых, дается расчет прогнозных значений исследуемого показателя с учетом доверительного интервала:

$$\hat{y} - t\mu \leq \hat{y} \leq \hat{y} + t\mu \quad (3)$$

Таким образом, на основе многофакторных динамических моделей можно провести прогноз исследуемого показателя. Необходимо заметить, что многофакторные модели дают хорошие результаты прогноза в условиях экономики, характеризующейся стабильностью отраслевой структуры производства, слабыми спадами и подъемами объемных показателей, поэтому проведенные нами расчеты подтвердили возможность использования предложенной методики для краткосрочного прогнозирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Смирнов С.Н. Использование показателей государственной статистики для прогнозирования уровня регистрируемой безработицы // Вопросы статистики. 2000. № 7. С. 7—14.

² См.: Глуценко В.В., Глуценко И.И. Разработка управленческих решений. Прогнозирование — планирование. Теория проектирования экспериментов. М.: ТОО МПЦ «Крылья», 1997. 398 с.

³ См.: Статистический факторный анализ в экономике: учеб. пособие / сост. Г.В. Лебедева, О.Д. Притула, Г.В. Фетисова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2002. 144 с.

Поступила 21.11.08.

А. В. ЗОЛОТУХИНА И. А. ХИСАМУТДИНОВ

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНИМИ ЭФФЕКТАМИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА РЕГИОНА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Ключевые слова: устойчивое развитие; инновация; экологическое состояние; экономика региона; ресурсы; производственные издержки; механизмы регулирования; внешние эффекты; внутренние эффекты; хозяйственный риск

Key words: stable development; innovation; ecological conditions; regional economy; resources; production expenses; regulation mechanisms; external effects; internal effects; economic risk

Для экономического роста и достижения устойчивости социально-экономического развития регионов России важное значение приобретает инновационная направленность экономики. В связи с этим актуализируется разработка соответствующей стратегии инновационного развития регионов, которая позволит создать базис для устойчивого экономического роста в средне- и долгосрочной перспекти-

ЗОЛОТУХИНА Анна Витальевна, старший преподаватель кафедры управления инновациями и инвестициями Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, кандидат философских наук (г. Уфа).

ХИСАМУТДИНОВ Ирек Ахметович, заведующий кафедрой экономической теории Уфимского государственного нефтяного технического университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Уфа).

ве¹ на основе эффективных изменений путем применения новых технологий².

В условиях усугубляющихся проблем ресурсопотребления³, высокой материалоемкости и отходоемкости производства обязательным условием осуществления регионального инновационного процесса должен стать учет экологического фактора. При рассмотрении этого фактора целями региональной стратегии развития становятся не только стабилизация и подъем экономики региона, повышение его конкурентоспособности, но и достижение социо-эколого-экономической устойчивости. При этом под «устойчивым» развитием следует понимать «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁴.

Необходимо снижение антропогенной нагрузки на региональную экосистему путем создания развитого рынка высокотехнологичной продукции, совершенствования региональной инновационной сферы. Инновационная направленность экономики выступает одним из важнейших факторов повышения эффективности управления региональной системой «человек — общество (экономика) — природа», что в свою очередь является основополагающим условием достижения устойчивости экономики РФ в целом⁵.

Понятие «инновационная экономика» фиксирует такой тип экономики, развитие которой происходит за счет продуцирования знаний (информации, технологий, инноваций), а промышленность по показателям занятости и своей доли в ВВП (ВРП) уступает место сфере услуг, основанной преимущественно на обработке и передаче информации⁶, а также на сетевом характере организации на базе новых информационных технологий⁷.

Между тем в России показатели инновационной активности пока достаточно низки. Так, только 8 % экономического роста достигается за счет высокотехнологичных секторов (в экономически развитых странах — около 60 %)⁸, причем доля России в мировом наукоемком экспорте не превышает 0,5 % (доля США — 36 %, Японии — 30 %, Германии — 16 %, Китая — 6 %)⁹. Общий уровень финансирования науки и инноваций в России составляет около 1,5 % ВВП, в развитых странах — в 3—4 раза больше (например, в США

и Швеции — около 7 %, в Финляндии — порядка 6 %)¹⁰. Это характеризует недостаточную эффективность инновационного процесса в РФ и ее субъектах, что затрудняет переход регионов на путь устойчивого развития.

Фактором, существенно препятствующим достижению устойчивости региональной социо-эколого-экономической системы, выступает рискоемкость производства¹¹. Техническая среда жизнеобеспечения региона (техносфера) содержит все больше угроз для его населения, природной среды, продуцируя в огромных масштабах разнообразные риски, причем наибольшими «производителями» рисков выступают предприятия добывающей и обрабатывающей отраслей, военно-промышленного комплекса. Все более значительные масштабы техносферы обуславливают увеличение ресурсов для ее поддержания в работоспособном состоянии. Требуются постоянное текущее обслуживание, капитальный ремонт и обновление оборудования. Это повышает производственные издержки, связанные с предупреждением возникновения негативных последствий региональной производственно-хозяйственной деятельности «внешних эффектов».

Под внешними эффектами (экстерналиями) понимаются побочные результаты экономической деятельности, положительно или отрицательно воздействующие на других хозяйствующих субъектов. У этих субъектов (как правило, не связанных с экономической деятельностью, порождающей внешние эффекты) возникают дополнительные издержки (или выгоды), не учитываемые в цене продукции. Иными словами, внешние эффекты выражают перемещение части издержек или выгод к лицам, не участвующим в рыночных сделках¹². Учитывая техногенный, рискогенный характер современной экономической деятельности, очевидным становится тот факт, что большинство ее последствий (внешних эффектов) носит отрицательный характер, что затрудняет хозяйствование, в частности, на региональном уровне. Следовательно, необходим механизм регулирования, направленного на *интернализацию* экстерналий издержек, на выявление и учет внешних эффектов для возмещения экстерналий, возникших у других субъектов дополнительных издержек¹³.

Существуют два противоположных мнения относительно способа регулирования отрицательных внешних эффектов.

Одно предполагает регулирование путем *прямого вмешательства государства* во взаимоотношения хозяйствующих субъектов, другое — трансформацию отрицательных внешних издержек во внутренние *на основе рыночных методов* путем установления и распределения прав собственности на внешние эффекты посредством купли-продажи разрешений на антропогенное воздействие. Этот метод получил обоснование в теореме Коуза.

Следует подчеркнуть, что торговля правами на загрязнение может считаться более эффективным способом регулирования внешних эффектов, нежели плата за выбросы (экологические налоги), только при определенных условиях, в частности, при небольшом числе участников, вовлеченных в распределение прав на внешние эффекты¹⁴. Между тем домашние хозяйства, наиболее заинтересованные в пригодном для жизни качестве окружающей среды, оказываются в проигрыше, поскольку их количество на определенной территории существенно превосходит принятые ограничения.

Также следует отметить, что рыночные методы управления внешними эффектами не предотвращают их возникновение, а способствуют им, хотя и считаются более гибкими и эффективными, нежели административно-распорядительные. Кроме того, необходимо обратить внимание на временную возможность применения теоремы Р. Коуза в рамках концепции устойчивого развития. Его тезис о возможности регулирования внешних эффектов на основе четкого установления прав собственности, на наш взгляд, не представляется правомочным в отношении будущих поколений.

Таким образом, регулирование (интернализация) внешних экологических эффектов на основе рыночных методов часто оказывается невыполнимым. Между тем существующий в настоящее время в России и ее субъектах механизм государственного управления внешними эффектами, основанный на использовании экологических налогов, платежей и санкций, в определенной степени ведет к убыточности предприятий (особенно в условиях недостаточно высокого уровня технико-технологического развития и высокой ресурсоемкости производства), что препятствует их инновационному развитию.

В рамках концепции устойчивого развития под *региональными внешними эффектами* предлагается понимать

не отраженные в ВРП (в ценах произведенных в регионе товаров и услуг) затраты, необходимые для проведения превентивных природоохранных мероприятий, а также для восстановления ассимиляционного потенциала региональной природной среды в процессе производственно-хозяйственной деятельности на территории региона в целях обеспечения условий для удовлетворения потребностей настоящих и будущих поколений. В этом случае *экономический механизм управления региональными внешними эффектами* предстает как совокупность экономических структур, институтов, форм и методов осуществления экономической деятельности в регионе, а также мероприятий административного, экономического, финансово-бюджетного и инновационного характера, предусматривающих систему воздействия экономических рычагов на охрану окружающей среды для достижения устойчивого развития региона.

На наш взгляд, адекватный новым экономическим условиям механизм управления региональными внешними эффектами должен выступать ключевым звеном в реализации концепции устойчивого развития региона и обладать рядом основополагающих черт.

Во-первых, он должен иметь смешанный характер регулирования, что позволит повысить эффективность управления региональной экономикой с точки зрения перехода к устойчивому развитию, создавая стимулы к проявлению предприятиями-загрязнителями самостоятельности и деловой активности в отношении охраны региональной природной среды и обеспечивая необходимый в сфере регионального природопользования государственный контроль.

Во-вторых, необходим учет экологического риска. Само регулирование региональных внешних эффектов в современных условиях должно рассматриваться и как процесс управления хозяйственными рисками. Без учета фактора риска региональный внешний эффект (экологический ущерб) в денежном выражении предстает как стоимость проведения в регионе необходимых профилактических, природоохранных и природовосстановительных мероприятий и составляет те дополнительные издержки, которые необходимо возложить на хозяйствующих субъектов-загрязнителей. Однако в условиях повышения рискоемкости производства в понятие «региональный внешний эффект» необходимо включать не

только реальный ущерб, наносимый территориальной природной среде, но и потенциальный ущерб, риск которого в связи с ростом масштабов техносферы региона, расширением транспортной, производственной, бытовой инфраструктуры, изменением характера военно-технических и различных инженерных систем на его территории весьма существен.

В-третьих, механизм управления региональными внешними эффектами в условиях перехода к инновационной экономике и устойчивому развитию общества должен приобрести глобальный, сетевой характер. В частности, инновационные ориентиры региональной политики должны воплощаться в создании территориальных сетевых моделей-«сетей, привязанных к месту» (кластеров, или вертикально-интегрированных инновационно-промышленных структур), выражающих самостоятельность, активность и экономическую самоорганизацию регионов в отличие от централизованных моделей территориального развития, в которых ключевую роль играли промышленные комплексы федерального уровня.

В-четвертых, необходима эко-инновационная направленность регионального механизма управления внешними эффектами. Важнейшими мерами стимулирования эко-инновационной активности субъектов региональной экономики могут стать снижение налоговой составляющей в цене инновационного экологического продукта как стимулятор расширения спроса на данную продукцию на территории региона; создание стимулов для инвестирования в науку и региональную инновационную сферу в области природоохранной деятельности, создания наукоемких, ресурсосберегающих и малоотходных технологий на территории регионов; стимулирование региональных инновационных и наукоемких предприятий в области природоохранной и природовосстановительной деятельности¹⁵. Для этого необходимо, чтобы фискальная политика регионов приобрела более самостоятельный, децентрализованный характер, чего пока не достигнуто в условиях становления федерализма в России¹⁶.

В-пятых, механизм трансформации внешних экологических издержек во внутренние должен, на наш взгляд, учитывать целенаправленный характер инноваций на основе ноосферного принципа¹⁷ (путем осознанного изменения отношения к природе, экономического поведения и производственно-хозяйственной деятельности на базе инновационных

технологий). Эти изменения в эколого-экономических взаимоотношениях должны быть отражены в соответствующем способе выявления и учета негативных последствий современной хозяйственной деятельности.

Формирование и развитие механизма интернализации внешних экологических эффектов в качестве необходимых структурных элементов должны включать организационно-методический, административно-правовой, финансово-экономический, инновационный блоки. При этом именно инновационный блок, приобретающий все большее значение в условиях устойчиво развивающейся экономики, должен стать в рамках механизма управления региональными внешними эффектами его основополагающим структурным элементом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций до 2010 г. // Экономика и управление. 2006. № 6. С. 4—9.

² См.: Инфраструктура инноваций в Республике Башкортостан: материалы «круглого стола» «ТАСИС о развитии инфраструктуры инноваций в регионах Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан)» // Экономика и управление. 2006. № 6. С. 9—24.

³ См.: Хисамутдинов И.А. Методологические подходы исследования эколого-экономического взаимодействия // Экономика и управление. 2003. № 4. С. 75—78.

⁴ Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989. С. 50.

⁵ См.: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Рос. газ. 1996. 9 апр.

⁶ См.: Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 392—409.

⁷ См.: Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество / пер. с англ. С.Ю. Барсуковой // Мир России. 2000. № 1. С. 3—12.

⁸ См.: Мустафин А. Современный инновационный процесс: участие Академии наук Республики Башкортостан // Экономика и управление. 2007. № 3. С. 9.

⁹ См.: Пустовгаров Ю. Нам нужна экономика, базирующаяся на инновационной модели развития // Экономика и управление. 2007. № 2. С. 15.

¹⁰ См.: Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и технологической безопасности / рук. авт. колл. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. М.: Наука, 2004. С. 208.

¹¹ См.: Бублик Н.Д. Проблемы инновационного развития современной экономики. Уфа: Изд-е Башк. ун-та, 2002. 404 с.

¹² См.: Курс экономической теории: учеб. пособие для студентов вузов / рук. авт. колл. и науч. ред. А.В. Сидорович; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2007. С. 297.

¹³ См.: Экономическая теория. Трансформирующаяся экономика: учеб. пособие для вузов / под ред. И.П. Николаевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 191.

¹⁴ См.: Марченков П.Е. Теория экологичной экономики и экономика природопользования // Проблемы современной экономики. 2003. № 2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=16499> (дата обращения: 19.11.2007).

¹⁵ См.: Кудинов А.Н., Лурье Е.А. Новая региональная политика и ее инновационные ориентиры // Инновации. 2006. № 4. С. 68—74.

¹⁶ См.: Золотухина А.В. Проблемы и перспективы межбюджетных отношений и бюджетного федерализма во взаимоотношениях РФ и РБ // Курс экономики Башкортостана: учеб. пособие / под общ. ред. И.А. Хисамутдинова. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2007. С. 135—170.

¹⁷ См.: Урсул Д. Путь в ноосферу (концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М.: «Луч», 1993. 279 с.

Поступила 26.01.09.

А. И. САВЕЛЬЕВ

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: местное самоуправление; политическая система; уровень власти; политическая жизнь; политическое пространство; местное сообщество; гражданское общество

Key words: local self-governing; political system, power level; political life; political space; local community; civil society

Вопрос о роли местного самоуправления в политической системе остается открытым, поскольку существует стереотип восприятия местного самоуправления как способа сугубо хозяйственно-экономической организации людей, не выступающего в качестве элемента политической системы. Проблемы становления этого уровня власти оказались предметом внимания в первую очередь правоведов, а также специалистов по организации городского управления. При этом политическая природа местного самоуправления остается нераскрытой.

Начиная с Аристотеля проблемы государства были основным предметом рефлексии политической мысли. В этом случае понятия «государственное» и «политическое» выступали синонимами. Либеральная концепция, требующая ограничения вмешательства государства в дела общества, и, соответственно, идея «гражданского общества» складываются в конце XVIII — первой половине XIX в. в работах Ф. Гизо, А. Смита, И. Канта, А. Токвиля. В основе этой идеи лежало представление о гражданском обществе как неполитической сфере социума, противостоящей государству и сосуществующей с ним. Политические взгляды этого периода вытекали из идеи «общественного договора» и характеризовались отделением от государственно-политической сферы

САВЕЛЬЕВ Андрей Иванович, старший преподаватель кафедры филологии Ульяновского государственного педагогического университета.

и даже противопоставлением ей гражданского общества и гражданских ассоциаций, включавших и местное самоуправление. Либеральная доктрина XIX в. и идеи «гражданского общества» стали основой формирования института местного самоуправления.

Наращение тоталитарных тенденций в политической жизни, усиление роли государственности и приход к власти диктаторских режимов в большинстве европейских стран в первой половине XX в. прервали процесс становления гражданского общества. Однако после крушения тоталитарных режимов его идея пережила второе рождение. Историческим фоном второй половины XX в. явилось бурное формирование в послевоенной Европе негосударственных институтов, играющих активную политическую роль, в лице политических партий, профсоюзов, СМИ, общественных организаций, гражданских ассоциаций, в том числе и местного самоуправления. Они трансформировались в неотъемлемые элементы политической системы, составив ее негосударственную, гражданскую часть. Политическая деятельность стала в большей степени выноситься за пределы государственного управления и становиться «общественным предприятием».

Д. Метьюз отмечает, например, что хотя число граждан, голосующих на выборах в последние десятилетия, неуклонно уменьшалось, одновременно росло число добровольно принимающих участие в различных гражданских инициативах на местном уровне. При этом граждане не склоняются к тому, чтобы называть свою деятельность «политикой», поскольку это слово ассоциируется у них с деятельностью органов власти. Однако на самом деле «было бы правильно считать, что политика включает в себя широкий спектр формальных и неформальных усилий по решению общих проблем и повышению общего благосостояния... Совместная деятельность соседей по возрождению своего микрорайона является политической. Коалиция граждан, борющихся за охрану окружающей среды, является политической коалицией»¹.

В концепции Т. Парсонса и других структурно-функциональных теориях политическая сфера представлена как широкая область общественных отношений по поводу власти, где государственные и гражданские элементы выступают

ее подсистемами. Соответственно, политология, определяя гражданское общество как сферу, отличающуюся от государственной, вправе распространить на нее, в том числе и на местное самоуправление, политические функции. Стержнем такого подхода выступает структурно-функциональная трактовка сущности власти. Если прежняя обществоведческая парадигма делала упор на насилие как главное ее средство, то современная политология указывает на более широкий спектр этих средств, объединяя их термином «контроль над ресурсами». Его в современных политических системах осуществляет не только государство, но и органы местного самоуправления, причем со столь же неизбежными столкновениями и конфликтами в борьбе за право обладать ими.

На первый взгляд, функции местного самоуправления выглядят чисто хозяйственными, связанными, например, с обеспечением работы коммунальных служб, муниципальных предприятий и т. д. Однако на самом деле эти задачи являются лишь вторичным проявлением основной функции муниципалитетов — распределительной. Очевидно, что местное самоуправление не является коммерческим предприятием или производственной организацией. В его задачу не входит получение прибыли как основной цели хозяйственной деятельности. Муниципальные органы власти избираются населением, которое доверяет им управление общими делами и выделяет необходимые для этого ресурсы из собственных средств. Поэтому главная функция муниципалитета — умелое распоряжение этими средствами, что и составляет функцию органов власти. Но именно там, где есть возможность получить право распоряжаться ресурсами, где происходит конфликт интересов, и начинаются политика и политическая борьба.

По этой причине избрание в органы власти на местном уровне не есть простая рефлексия населения по поводу профессиональных качеств тех или иных кандидатов, как это иногда выглядит в некоторых аналитических обзорах итогов тех или муниципальных выборов. Власть и на муниципальном уровне выступает источником конфликтов интересов и предметом борьбы социально и политически структурированных групп. Зарубежные авторы обращают внимание на эту сторону местного самоуправления: «По своей сущности муниципальная политика ориентируется

на отдельные программы, на решение конкретных проблем. Однако муниципальная политика является политикой в том смысле, что и здесь следует делать выбор между альтернативными решениями в пользу той или иной программы или защиты определенных интересов»².

Конечно, объем выполнения политических функций на местном уровне в различных странах не одинаков и зависит от модели самоуправления. Так, в североамериканской модели сфера деятельности муниципалитетов относительно узка и в большей мере является ориентированной на обслуживание интересов бизнеса, поскольку община здесь «превратилась в поставщика всевозможных услуг, удовлетворение которых зависит от толщины кошелька»³. Европейские модели самоуправления больше соответствуют решению политических задач. Причем включение местного самоуправления в политическую систему оказывается для него весьма позитивным, позволяя снимать с более высоких уровней груз проблем и легитимным образом разгружать эту систему, перемещая очаги недовольства на местный уровень. Кроме того, на этом уровне «просеиваются» личные амбиции политических деятелей, доводится до необходимой пропорции число тех, кто активно участвует в политике.

Муниципальные органы обладают всеми признаками политической власти. Они выступают властью публичной, контролируя местные ресурсы, имея право на осуществление воли от лица населения, а также право сбора налогов в границах определенной территории. Другими словами, сравнение функций, выполняемых государственными и местными органами власти, показывает их несомненное сходство, камуфлируемое несоизмеримостью масштабов решаемых задач. В наибольшей мере это сходство проявляется в том, что и государство, и местное самоуправление обладают определенной, имеющей границы территорией, на которую распространяется их власть. В политической науке для описания территориального признака власти используется понятие «политическое пространство». Оно не так давно введено в научный оборот, под ним подразумевается сфера действия политики, власти, политических идей, процессов. Причем «геометрия» политического пространства может иметь свой центр и совпадать с географическими границами страны и региона⁴. В первом случае роль центра политического про-

странства выполняет государство, во втором — субъект Федерации и местное самоуправление.

Не менее важным условием формирования локального политического пространства наряду с территорией выступают ментальные предпосылки — осознание потенциальными субъектами местной политики своего интереса. Политическое пространство, как подчеркивает П. Бурдые, формируется не столько объективированными ресурсами (деньги, законы, аппарат), сколько ментальными структурами в виде распространения политических представлений и мнений. Эти ментальные структуры задают топологию физического пространства, и поэтому социально-политическое и физическое пространства обуславливают друг друга⁵. Политические отношения и политическая система структурируются политическими представлениями, возникающими в процессе практики, которые имеют достаточно четко очерченные пространственные физические границы, локализованную принадлежность, образно характеризуемую П. Бурдые «эффектом экрана». Тем самым пространственные физические характеристики формируют систему политических представлений и отношений. То, что называется политической системой общества и привычно представляется самостоятельным существующим «левиафаном», на самом деле функционирует лишь в политической практике людей на местных уровнях, приобретая разнообразные пространственные очертания. Физическое пространство конвертируется в политическое.

В представлениях людей, составляющих местное общество, политическое пространство является столь же структурированным и репрезентированным в суждениях и оценках, как и пространство общенациональное. Более того, на местном уровне складываются специфическое политическое сознание и политическая культура. Исторически институт местного самоуправления своим возникновением в значительной мере обязан появлению этого ментального пласта в сознании людей. С другой стороны, оформление этого института способствует осознанию местного интереса.

Политологическая трактовка местного самоуправления должна описывать взаимоотношения политических субъектов, возникающих в местных сообществах по поводу власти и контроля над местными ресурсами. Успех в борьбе за власть и возможность контроля над ресурсами прямо зависит от

того, насколько эффективно политическим субъектам удается сочетать свой частный интерес с интересами всего местного сообщества. Впрочем, последнее зависит и от того, насколько члены местного сообщества осознают свой общий интерес и заставляют следовать ему политических субъектов, оказывая или не оказывая им политическую поддержку.

Содержание процессов, проходящих на местном уровне в рамках локального пространства и описываемых понятиями «местная власть», «контроль над ресурсами», «политический интерес», «политическое сознание местного сообщества», «политическая поддержка», позволяет говорить о них как о политических по сути. В связи с этим необходимо уточнить содержание политического пространства и роль в нем местного самоуправления.

Местное самоуправление, обладая всеми признаками политического устройства, структурирует локальное политическое пространство, выступая наиболее активным ее субъектом. Политическое пространство определяется системой отношений, складывающихся по поводу местной власти между политическими субъектами в местном сообществе. Органы местного самоуправления выступают политическим центром этого пространства. Кроме органов самоуправления, в него входят местные партийные и общественные организации, СМИ, лобби, политические лидеры.

Местное самоуправление в политологическом аспекте, следовательно, можно определить как элемент политической системы гражданского общества, заключающийся в институционализации деятельности людей по осуществлению самостоятельного и ответственного контроля над ресурсами местного сообщества, передаваемыми ему государством и населением. Таким образом, местное самоуправление выступает частью политической системы общества. Особое значение в этом случае имеют способы и формы его взаимодействия с ядром политической системы — государством.

Местное самоуправление задает то политическое поле, на котором «встречаются» государство и гражданское общество и которое становится пространством их общего интереса. Для государства — это способ трансляции государственной политики и государственных интересов на местный уровень, для гражданского общества — это институционализация интересов людей, составляющих местное сообщество и

проживающих на определенной территории. Эти интересы имеют двойной характер. С одной стороны, они выражаются в возможности посредством муниципальных органов власти проводить общую волю по отношению к самим членам местного сообщества, с другой — заключаются в возможности отстаивать интересы этого сообщества перед лицом государственной власти. Оно остается элементом гражданского общества, ассоциацией граждан для решения общих дел.

Существует два взгляда на перспективы развития местного самоуправления. Согласно одной точке зрения, в России оно находится в начале пути и в дальнейшем будет наполняться реальным демократическим содержанием. Согласно другому мнению, организация местного самоуправления в стране вообще не соответствует ни традициям, ни сегодняшним реалиям России и служит лишь одним из средств камуфляжа антидемократического режима, от которого в любой момент верховная власть может отказаться. Драматический характер мнений о сути и перспективах местного самоуправления в России свидетельствует о необходимости дополнить внешнюю характеристику организации политической власти местного самоуправления качественной характеристикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мэтьюс Д. Политика для народа. М.: Пресс Лтд., 1995. С. 149—150.

² Велинг Х.Г. Муниципальная политика // Региональное управление: зарубежный опыт. М.: Изд-во РАГС, 1994. С. 52.

³ Там же. С. 53.

⁴ См.: Политология: энцикл. слов. М.: Изд-во «Весь мир», 1993. С. 301.

⁵ См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 37.

Поступила 16.10.08.

А. Н. ЕРШОВ

А. А. ТРУФАНОВ

УРОКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: реформа; местное самоуправление; нормативно-правовое обеспечение; муниципальное образование; субъект Федерации; финансовая самодостаточность; местный бюджет

Key words: local self-governing; normative and legal guaranty; municipal entity establishment; the Federation entity; financial self-sufficiency; local budget

С принятием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. в стране был учрежден институт местного самоуправления. Время с момента принятия в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» до 1 января 2009 г. называют муниципальной реформой, основной задачей которой было нормативно-правовое обеспечение местного самоуправления и приведение в соответствие ее нормативно-правовой базы с реальными условиями жизни муниципальных образований.

ЕРШОВ Андрей Николаевич, ректор Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, доктор социологических наук, профессор.

ТРУФАНОВ Андрей Андреевич, заведующий аналитическим отделом Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, кандидат педагогических наук, доцент.

Сейчас очень много говорят о местном самоуправлении применительно к разным эпохам российской истории, рассуждая о сегодняшнем дне. Логика здесь такова, что наличие земских властей при Иване Грозном или Новгородского вече должно непременно оправдать введение института местного самоуправления в России конца XX — начала XXI в. Это весьма произвольный подход. Под местным самоуправлением не следует понимать просто наличие каких-то «местных прав» и «местной самостоятельности», ибо такая трактовка может увести слишком далеко от сути проблемы. Местное самоуправление сейчас — это юридически закрепленный институт власти, и именно с этой точки зрения следует оценивать то, что сделано в этом направлении.

Следует сказать, что становление местного самоуправления на рубеже 80—90-х гг. XX в. представляется куда менее обоснованным, чем переход к системе земской власти на местах в дореволюционной России, и напоминает «революцию сверху». Есть мнение, что одним из мотивов введения в России 90-х гг. института местного самоуправления было намерение властных элит поделить территории и собственность, а также децентрализовать и тем самым ослабить Российское государство. Например, С. Н. Юркова полагает, что «первично базовые территории местного самоуправления формировались не на научных подходах, не на объективных данных, связанных с учетом исторических, культурных, финансовых традиций, географического положения, коммуникаций, средств связи, транспортных развязок и т. д. Здесь превалировала роль и мнение региональных и муниципальных элит, людей, которые олицетворяли на тот момент становление власти и на региональном и муниципальном уровне определяли вопросы, связанные с территориальной организацией»¹. В процедуре организации местного самоуправления субъективный фактор играл главную роль. Муниципальные образования получили от федерального законодателя «максимальный простор для своей деятельности в виде супердемократичного закона об общих принципах организации местного самоуправления. Тогда федеральный законодатель считал, что субъекты Федерации и муниципалитеты сумеют этим достойно распорядиться. К сожалению, субъективный фактор не дал создать систему, которая бы максимально эффективно работала»².

Первое, что бросается в глаза при чтении многочисленных публикаций, посвященных муниципальной реформе, — отсутствие каких-либо сомнений в целесообразности института местного самоуправления в России (которое, как признают все, себя еще ничем не проявило) и в характере обоснования этой целесообразности. Местное самоуправление определяют просто как основу конституционного строя России, благо в Конституции РФ имеется ст. 12, где сказано, что «в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление»³. Обоснование того, насколько необходимость институционализации местного самоуправления вытекает из государственной целесообразности, исторически сложившихся условий управления в России, считается излишним. Между тем совершенно ясно, что идея местного самоуправления выводится из сугубо отвлеченного (идеологического) постулата о том, что народ сам должен решать свои проблемы, сам избирать себе правителей, которые должны быть как можно ближе к народу, что и обеспечивается системой местного самоуправления, которое в свою очередь является абсолютной гарантией всякого государственного процветания. Об этом совершенно ясно говорится в ст. 130 Конституции РФ: «1. Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. 2. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»⁴. Таким образом, для такого демократического правового государства, которым является Россия (ст. 1), местное самоуправления есть вроде бы сам собой разумеющийся и не подлежащий сомнению атрибут власти (народовластие). Однако все было бы хорошо, если бы сама политическая и социально-экономическая реальность не вносила в это положение свои поправки, не заостряла бы вопросы, которые во множестве оставались без ответа.

С другой стороны, любая стратегия развития местного самоуправления должна исходить из общей стратегии развития страны, быть необходимым ее элементом. Именно этому должно быть подчинено создание нормативно-правовой базы местного самоуправления, определения его структуры,

функций и задач. Каждый, кто так или иначе связан с деятельностью органов муниципальной власти, должен понимать, какое место эта деятельность занимает в решении задач развития страны, используя при этом конкретные показатели. Пока дискуссия о муниципальной реформе напоминает движение по кругу, без ясно обозначенной цели, а объявленное окончание реформы (это было 1 января 2009 г., а теперь — 1 января 2012 г.) едва ли возможно в обозримом будущем. Ведь конец реформы означает, что муниципальная власть должна эффективно работать на основе созданной нормативно-правовой базы. Между тем принимаются законы, которые не работают, на высоком уровне обсуждаются проблемы, которые на столь же высоком уровне в других ветвях власти обсуждаются и решаются в противоположном направлении, например, проблема местных бюджетов муниципальных образований (особенно сельских и городских поселений) на фоне централизации налоговой системы страны. А. Салмин назвал сложившуюся ситуацию «изучением тайского языка по санскритской грамматике», не имеющей никакого отношения к тайскому языку: «Когда мы говорим о трехстах законах, у меня создается впечатление, что это — та самая санскритская грамматика. И описывает она совсем не те отношения, с которыми мы реально сталкиваемся, когда отправляемся в район, город, любое муниципальное образование»⁵.

Знакомство с разнообразными системами местного самоуправления, например, в странах Европы, лишней раз убеждает в том, что любая система власти формируется исторически с учетом практики управления, постепенных изменений и т. д. Понять многообразие систем местного самоуправления Европы, которые лишь условно можно свести к двум основополагающим моделям, невозможно, если рассматривать их отвлеченно от исторических местных условий как абстрактные системы власти. Государства, как и культуры, развиваются органически, а не механически, поэтому резкие, произвольные эксперименты, равно как и доктринерство, приводят к печальным последствиям. Наглядным примером этого может служить правление Николая I. М. О. Гершензон, рассуждая об отличительной черте его характера, отмечал «крайнее доктринерство, мешавшее ему видеть вещи в их подлинном виде»⁶. Взгляды Николая I, «сложившиеся у него преимущественно под влиянием примера прусских хозяй-

ственных королей XVIII века, были до крайности архаичны, не соответствовали ни духу времени, ни условиям жизни огромного, сложного государства, какова Россия, а главное, он сам нимало не походил на тех прусских королей, не обладая ни их гибкостью и ловкостью, ни их удивительным чутьем действительности». В результате «он не справился даже с материальной жизнью», а «в духовной области, как в материальной, тяжело изувечил русскую жизнь. Он надолго определил — не ход ее развития, а ненормальность этого хода в целом»⁷. Итогом такого правления было постыдное поражение России в Крымской войне.

Постановка вопроса о том, нужно или нет России местное самоуправление, оказывается двусмысленной в силу неопределенности того, что такое местное самоуправление. Это может быть и институт власти с самыми разными полномочиями, и просто разнообразные местные права, и местная самостоятельность в системе государственной власти. Элементы такой хозяйственной самостоятельности были и успешно использовались в СССР.

Таким образом, доказательство необходимости и целесообразности местного самоуправления в России должно иметь два основания. Первое — обоснование исторической целесообразности местного самоуправления через сравнение с советской системой управления. Отсутствие такого обоснования лишает концепцию местного самоуправления исторической базы. Историческая преемственность, в более явной или скрытой форме, является основой развития обществ. Второе — обоснование стратегии местного самоуправления в современных условиях в русле общей стратегии развития страны. В логике этот прием называют системной аргументацией. Убедительно показать, что местное самоуправление в современной России решает определенные задачи развития, — значит сделать больше половины дела в доказательстве необходимости института местного самоуправления. Здесь можно даже обойтись без детального обоснования исторической преемственности.

Нередко проблемы муниципальной реформы обсуждаются без учета реальной практики управления на местах, отвлеченно, исходя из умозрительных представлений о том, каким должно быть местное самоуправление. Например, должны ли сохраняться двухуровневая система «муниципальный

район — поселение»? Одни говорят, что такая система не нужна, так как район фактически присваивает себе полномочия поселений и исполняет не столько местные, сколько государственные функции. Эта позиция представляется оправданной хотя бы потому, что исходит из фактической реальности и апеллирует к традиционной системе власти в стране. Другие (их большинство) утверждают, что отказ от двухуровневой системы уже невозможен, так как она прописана в законе, и вообще это будет уступкой в сторону централизации власти, тогда как в демократической стране власть должна быть децентрализованной. Например, В. Жадан пишет: «В муниципальных районах пытаются сохранить некую вертикаль муниципальной власти, что противоречит идее местного самоуправления»⁸. Подобные рассуждения производят странное впечатление. Ведь об эффективности той или иной системы власти надо судить не по «идеям», а по делам этой власти. Если в стране действует властная вертикаль, то следует доказать, что она эффективна, и тогда обозначается определенная модель управления, либо доказать обратное, и тогда вырисовывается другая модель управления. Доказательства должны быть самые эмпирические, без всякого доктринерства. Причем неэффективность техническую, инструментальную следует отличать от неэффективности принципиальной, системной. Про поселения говорят, что они еще ничем себя не проявили потому, что им не дают работать. Ситуация, мягко говоря, парадоксальная в условиях муниципальной реформы! Но дело не столько в этом, сколько в финансах, местных бюджетах, которых большинство поселений либо не имеет вообще и существует на дотации, либо имеет мизерные бюджеты, не обеспечивающие выполнение минимума прописанных в 131-м законе задач. Где гарантии того, что, получив внезапно большие средства, а вместе с ними право собирать и назначать налоги, поселение израсходует эти средства по назначению? Таких гарантий нет потому, что нормативно-правовая база здесь является достаточно не разработанной, а традиция местного самоуправления в этой сфере полностью отсутствует (не в пример Западной Европе).

Эксперты Института современного развития подчеркивают: «Закон предполагал создание в России двухуровневой системы местного самоуправления (муниципальные районы

и поселения), причем каждый уровень рассматривался как функционирующий автономно друг от друга и от государственной власти с параллельным охватом территориальных сфер деятельности»⁹. Странность такой «автономии» состоит уже хотя бы в том, что район, состоящий из поселений, должен функционировать сам по себе, а поселения — сами по себе. Что же это за район? Впрочем, В. Шипов поясняет, в чем состоят «свои полномочия» муниципальных районов. Это полномочия «не начальника, не руководителя», муниципальный район «не лезет во все вопросы местного значения поселения. Он обеспечивает расширение тех вопросов, которые легче обеспечивать для совокупности муниципальных образований поселений. Он не работает с населением. Поселение работает с населением, а муниципальный район — с поселениями. Такова идеология 131-го закона»¹⁰. Но ведь это и есть государственные полномочия муниципальных районов с предоставлением поселениям элементов местной самостоятельности. Где здесь «идеология» параллельных властей?

Необходимо не просто отталкивание от эмпирического материала при обсуждении моделей местного самоуправления, но и необходим системный анализ эмпирического материала. В. Глазыхев признает, что такого анализа нет¹¹. Между тем обсуждение муниципальной реформы должно напоминать практику по муниципальной службе: где что сделано, делается и как, каковы ожидания, каков результат и т. д. Думается, что методом отвлеченных рассуждений проблему местного самоуправления решить невозможно. Это относится и к обсуждению нормативно-правовой базы, которое может почти полностью подменять собой обсуждение реальности. Например, сборники «Актуальные вопросы развития муниципальных образований» (М.: РАГС, 2008), «Актуальные вопросы организации местного самоуправления в РФ на момент вступления в силу в полном объеме федерального закона № 131-ФЗ» (М.: АНХ, 2008) носят исключительно нормативно-правовой характер и не обсуждают практику местного самоуправления, ту реальность, которая только и может ответить на все вопросы. Трудно недооценить важность нормативно-правового регулирования деятельности органов местного самоуправления, но только анализ практики позволяет подводить итоги и извлекать уроки.

Между тем ясно, что годы, отпущенные на переходный период, не прошли для муниципалов даром. По данным Министерства регионального развития РФ, уже на начало 2008 г. можно констатировать, что в Российской Федерации создана современная модель территориальной организации местного самоуправления; сформированы органы местного самоуправления; организована муниципальная служба; приняты и прошли государственную регистрацию уставы муниципальных образований; реализуются полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения¹².

Кроме того, учитывая, что правовое регулирование местного самоуправления отнесено к ведению федеральной и региональной власти, следует отметить, что за время переходного периода в субъектах Федерации была создана собственная правовая база местного самоуправления, приведены в соответствие законы субъектов Федерации с федеральным законодательством по вопросам местного самоуправления. Субъекты Федерации накопили немалый опыт применения отдельных положений 131-го закона.

В 2009 г. закончился очередной период муниципальной реформы, установленный законом № 129-ФЗ от 12 ноября 2005 г. Чего же все-таки больше — решенных или нерешенных проблем? Какие были основания у Президента РФ Д. А. Медведева продлевать срок муниципальной реформы до 1 января 2012 г.?

И. Юргенс полагает, что задачи реформы не удалось реализовать в полном объеме вследствие ряда факторов и противоречий¹³. Во-первых, это противоречие, которое образовалось между идеологией децентрализации местного самоуправления, заложенной в 131-м законе, и централизацией власти в стране. «Проблемы четкого разграничения ответственности, создания баланса власти внутри регионов, на местах так и не были решены»¹⁴. Здесь надо упомянуть и законопроект Президента РФ № 155656-5 от 27 января 2009 г. «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», где принципиально изменяется механизм удаления глав муниципальных образований в отставку. Если в прежней редакции 131-го закона (ст. 74) высшее должностное лицо субъекта РФ могло издавать

правовой акт об освобождении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации только в случае решения суда, то в новой редакции (ст. 74.1) решения суда уже не требуется: «Решение представительного органа муниципального образования об удалении главы муниципального образования в отставку считается принятым, если за него проголосовало не менее двух третей от установленной численности депутатов представительного органа муниципального образования» (ст. 74.1, п. 8). Более того, если голосование оказалось отрицательным (инициатива вносится самими депутатами или главой субъекта РФ), то через месяц процедуру можно повторить (ст. 74.1, п. 16). Причем критерии ухода в отставку сформулированы достаточно расплывчато. То, что в прежней редакции 131-го закона было основанием для временного осуществления органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления, теперь является основанием для отставки главы муниципального образования.

Во-вторых, к началу 2009 г. не было установлено никаких принципиальных изменений в разграничении полномочий между уровнями власти. И. Юргенс указывает, что концепция 131-го закона тяготела к унификации правового регулирования в масштабах федерации, оставляя при этом мало возможностей для учета местных особенностей. Это привело к принятию норм «с размытыми формулировками». Возникло противоречие между требованием контролирующих органов четкого соблюдения норм закона и возможностью субъективной трактовки этих норм.

В-третьих, сохраняет остроту проблема финансового обеспечения муниципальных образований. Ясно, что самая лучшая инициатива не может быть осуществлена, если нет денежных средств на ее реализацию, причем тех, которыми муниципальные образования могут распоряжаться самостоятельно. Однако, как пишет И. Юргенс, что «эволюция налогового и бюджетного законодательства в нынешнем десятилетии ограничивает финансовую автономию и обеспеченность муниципальных образований»¹⁵. За последние годы сложилась парадоксальная ситуация в области распределения денежных средств между государственной (федеральной и региональной) и местной властями. С одной стороны, объявленная реформа местного самоуправления

должна способствовать решению вопроса местного финансирования в пользу большей автономии местных бюджетов, с другой — в стране выстроена бюджетная и налоговая вертикаль, противоречащая идее местной автономии и препятствующая ее реализации. Так, С. Рябухин отмечает, что «если посмотреть структуру расходов по муниципальным образованиям, то больше 70 процентов расходов более чем половины местных бюджетов — это расходы на заработную плату и жилищно-коммунальное хозяйство. Доля капитальных расходов в бюджетах наиболее развитых муниципальных образований — от одного до пяти процентов. Это же реальность. О каком бюджете развития мы можем говорить? Во всех странах первая обязательная задача межбюджетных отношений — выравнивание. Вторая — стимулирующая функция трансфертов. Где она? Вот над этим сейчас надо бы принципиально подумать»¹⁶. И. Стародубровская пишет по поводу ожиданий муниципального и экспертного сообщества введения в действие 131-го закона: «Этим ожиданиям не суждено было сбыться. Основные итоги 2008 г. состоят не в том, что было решено или сделано, а в том, что не произошло, не случилось, не состоялось»¹⁷. 3 июля 2008 г. состоялось расширенное заседание Совета по местному самоуправлению при Председателе Государственной Думы РФ. Речь шла о концептуальных вопросах организации финансирования муниципальных образований. Рекомендации Совета предлагали ряд серьезных мер, одна из них — это «отмена федеральных льгот по региональным и местным налогам, закрепление за муниципальными образованиями дополнительных доходных источников»¹⁸. Однако принятия этих рекомендаций не последовало.

В-четвертых, в конце декабря 2008 г. в 131-й закон были внесены важные поправки, касающиеся описания границ и имущества муниципальных образований. Срок описания границ был продлен до 1 января 2011 г., а определения перечня имущества — до 1 января 2012 г. И. Юргенс указывает на проблемы законодательного характера. Он говорит о справедливой критике в адрес законодателей, принявших 36 поправок и изменений в 131-й закон, о частой хаотичности и непродуманности поправок. Поэтому «необходима дальнейшая модернизация существующей системы местного самоуправления»¹⁹. Это предполагает разработку и норматив-

ное закрепление концепции новой российской муниципальной политики²⁰, усиление пропаганды идей местного самоуправления образовательными учреждениями и СМИ²¹. С этим согласен С. М. Шахрай: «Чем более мы будем активны сами, тем больше шансов, что закон о местном самоуправлении заработает нормально»²².

Государство должно поддерживать муниципалитеты, создавая разными способами максимально благоприятные условия для их работы²³. Эффективно работающие муниципальные образования должны стимулироваться для дальнейшего развития, а отстающие — получать государственную поддержку. Следует также более четко определить предметы ведения муниципальных образований, «уйти от размытых формулировок в определении вопросов местного значения»²⁴. Ключевыми направлениями муниципальной политики остаются достижение финансовой самодостаточности местного самоуправления» и необходимость определения институциональных рамок государственного контроля местного самоуправления, что предусматривает корректировку информации о деятельности местного самоуправления, форм отчетности, процедур проверок и т. д. Следует отметить, что мировой финансово-экономический кризис может внести неожиданные коррективы в российскую муниципальную реформу. Однако хотелось бы надеяться, что новый этап муниципальной реформы будет завершающим и позволит, преодолев все препятствия, сделать конституционную норму, предписывающую существование в России института местного самоуправления, полноценным фактом нашей государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Местное самоуправление в России: опыт 1993—2003 гг. (Малый зал Государственного Совета Республики Татарстан, 26—27 февраля 2003 г.) URL: www.kazanfed.ru/actions/konfer4/doklad7 (дата обращения: 10.02.2009).

² Там же.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 63.

⁴ Там же. С. 523.

⁵ Салмин А. Особенности российской субсидиарности // Муниципальная власть. 2008. № 1. С. 79.

⁶ Эпоха Николая I: в воспоминаниях и свидетельствах его современников / под ред. М.О. Гершензона. М.: «Захаров», 2001. С. 5.

⁷ Там же. С. 5—6.

⁸ Жадан В. Муниципальные районы пытаются сохранить вертикаль власти, что противоречит идее местного самоуправления // Муниципальная власть. 2008. № 4. С. 29.

⁹ Местное самоуправление в России: нынешнее состояние и пути развития. Краткое обоснование проблемы и концепция работы в рамках исследовательского проекта Института современного развития // Муниципальная власть. 2008. № 4. С. 39.

¹⁰ Шипов В. В полной мере закон заработает, когда будет создана финансовая автономия местных бюджетов, а также созданы стимулы для развития экономики муниципальных образований // Муниципальная власть. 2008. № 5. С. 18.

¹¹ См.: Вертикаль власти или разграничение полномочий: «круглый стол» с участием ведущих экспертов в сфере местного самоуправления // Муниципальная власть. 2008. № 4. С. 37.

¹² См.: Итоги реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2007 г. // Вопросы местного самоуправления. 2008. № 2. С. 4.

¹³ См.: Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003—2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. URL: www.riocenter.ru/ru/programs/doc/3928 (дата обращения: 9.02.2009).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рябухин С. О каком бюджете развития может идти речь // Муниципальная власть. 2008. № 4. С. 16.

¹⁷ Стародубровская И. Муниципальная реформа: вертикаль достроена. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/02/04/180049> (дата обращения: 10.02.2009).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Российское местное самоуправление ...

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Цит. по: Закатнова А. Молодая власть: реформа местного самоуправления охватила 81 регион. URL: www.rg.ru/2009/01/12/vlast.html (дата обращения: 10.02.2009).

²³ См.: Российское местное самоуправление ...

²⁴ Там же.

Поступила 20.02.09.

Р. Р. АГИШЕВ

Л. П. КАПАЕВА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: муниципальное образование; показатели социально-экономического развития; мониторинг; индикатор; модельные формы предоставления информации; макроэкономическая стабильность; муниципальная статистика

Key words: municipal entity establishment; indices of social and economic development; monitoring; indicator; pattern forms of information assignment; macroeconomic stability; municipal statistics

Реформа местного самоуправления, направленная на формирование в России собственной финансовой базы муниципалитетов, не может быть успешной без научного изучения статистики и соответствующего методологического обеспечения.

АГИШЕВ Руслан Ряфатович, старший научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат исторических наук.

КАПАЕВА Людмила Петровна, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат социологических наук.

Методология статистического анализа представляет собой совокупность методов исследования статистических данных, среди которых особое место занимают методы обобщающих статистических показателей, измерения динамики и прогнозирования, вероятностно-статистическое моделирование и др. Их применение в анализе социально-экономического развития муниципальных образований (МО) требует соответствующей информационной базы, основой которой является муниципальная статистика. Это совокупность статистических данных, характеризующих состояние экономической и социальной сфер МО и направленных на обеспечение населения и органов местной власти объективной и разносторонней информацией.

К основным задачам муниципальной статистики относятся фиксация происходящих на муниципальной территории социально-экономических явлений в их взаимосвязи, обобщение и прогнозирование тенденций их развития; обеспечение муниципальных органов управления оперативной информацией для осуществления управления муниципальной территорией, муниципальным хозяйством, распоряжения имуществом и объектами муниципальной собственности, формирования и исполнения местного бюджета; обеспечение статистической информацией процедуры разработки муниципальных программ; осуществление наблюдения за ходом выполнения муниципальных программ.

Современное состояние муниципальной статистики не удовлетворяет возрастающей в ней потребности в количественном и качественном отношении. В настоящее время актуальной является разработка модельных (комплексных) форм предоставления информации, которая позволила бы осуществлять:

1) предварительный анализ ситуации в МО. Круг проблем муниципалитета с большей или меньшей степенью глубины описывается набором формализованных показателей. Их анализ в динамике, сравнение с аналогичными показателями в других МО или с определенными нормативными значениями позволяют выявить проблемные сферы и потенциальные «полюса роста»;

2) оценить ожидаемый эффект реализации предлагаемых в программах муниципального развития мероприятий. Постоянно расширяемый массив информации позволяет в ряде случаев

рассчитывать ожидаемый эффект на основе сопоставления с другими МО, где аналогичные меры уже реализованы;

3) осуществлять мониторинг выполнения принятых программ развития МО. Периодические информационные «срезы» ситуации в МО используются для оценки выполняемых мер, предусмотренных в программе, а также их эффективности. Таким образом, создается основа «обратной связи» в муниципальном управлении, необходимой коррекции среднесрочного планирования, уточнения текущих планов.

При создании модельных форм предоставления информации, в частности, системы показателей социально-экономического положения МО, необходимо руководствоваться рядом принципов:

1) комплексный характер системы показателей. С учетом того, что МО рассматривается как единая система, показатели должны отражать ситуацию во всех сферах его экономики и социальной среды, находящихся в прямом (муниципальный сектор) и косвенном управлении муниципальных властей (независимые предприятия и организации);

2) полнота охвата в сочетании с относительной простотой системы показателей. При разработке системы показателей следует отражать широкий спектр экономических и социальных процессов, происходящих в МО. В идеале качественная характеристика этих процессов требует сбора и обработки больших объемов информационных ресурсов, значительных сил и средств на их обработку. Однако принятие решений по тем или иным вопросам часто осуществляется в условиях неполноты информации, недостатка времени на детальное информационное обеспечение, необходимости экономии средств и других ограничивающих факторов;

3) возможность насыщения системы достоверной информацией и сопоставимость показателей во времени и пространстве. Система показателей должна быть реалистичной, т. е. включать показатели, которые могут быть насыщены реальной информацией, причем на постоянной основе;

4) возможность расширения пространственных и временных границ. На начальном этапе существования системы в основном отслеживается ситуация в городах, однако система должна ориентироваться на работу с МО различного статуса;

5) открытость системы показателей для пользователей. Прозрачность социально-экономических процессов в большей

мере становится одним из решающих условий привлечения инвесторов, а также эффективного использования муниципальных ресурсов. Открытие информации о МО — это существенный элемент городской маркетинговой программы, оно вполне отвечает принципу «лучше наличие отрицательной информации о МО, чем ее полное отсутствие»;

б) однозначная интерпретация показателей. Этот критерий является существенным условием сопоставимости показателей. Определение показателей и способы их расчета должны быть основаны на единой методологии.

Работа по созданию системы показателей муниципальной статистики, удовлетворяющих этим факторам, велась с середины 90-х гг. XX в. Ее итогом стала система индикаторов, предложенных главам местных администраций для подготовки итоговых докладов о достигнутых показателях для оценки эффективности деятельности органов власти муниципалитетов за отчетный год и их планируемых значениях на трехлетний период¹.

Индикаторы муниципальной статистики обладают рядом особенностей. Это тесная связь с результативностью деятельности местных властей, от которой зависят качество жизни населения, степень внедрения новых методов и принципов управления, а также комплексность показателей, позволяющих объективно оценить степень гармонизации развития отдельных компонентов социально-экономической сферы МО. Кроме того, это возможность их изменения в соответствии со спецификой развития общества и государства (например, удельный вес лиц, сдавших ЕГЭ, от числа выпускников общеобразовательных муниципальных учреждений, участвовавших в ЕГЭ; доля многоквартирных домов, в которых собственники помещений выбрали и реализуют один из способов управления многоквартирными домами; ввод жилья по ипотеке; удовлетворенность населения медицинской помощью, качеством дошкольного образования, общего и дополнительного образования детей, деятельностью местной власти; количество общеобразовательных школ, подключенных к Интернету, и др.).

В соответствии с тем, что важнейшими задачами развития МО являются необходимость рационального применения ресурсов, направленность на устойчивое развитие, выбор ключевых направлений ввиду ограниченности ресурсов, комплекс предлагаемых индикаторов, следует дифференци-

ровать на индикаторы качества и уровня жизни, конкурентоспособности и показатели эффективности использования муниципальных ресурсов.

Индикаторы качества и уровня жизни должны отражать уровень благосостояния граждан (здесь может использоваться рост реальных доходов населения, товарооборот розничной торговли и т. д.), доступность и качество образования (объем государственных расходов на образование, уровень компьютеризации школ, частных расходов на высшее образование), доступность медицинской помощи и улучшение здоровья (уровень младенческой смертности, число врачей на 10 тыс. чел. населения, объем государственных расходов на здравоохранение на душу населения), доступность жилья и улучшение жилищных условий (доля населения, имеющего ветхое жилье; доля жилья, приобретенного по ипотеке; ввод нового жилья), благополучие социальной среды (количество тяжких преступлений, самоубийств, разводов).

Индикаторы конкурентоспособности призваны характеризовать макроэкономическую стабильность (индекс потребительских цен), доступность кредитования, создание и внедрение инноваций (объем расходов на НИОКР), развитие инфраструктуры (ввод в эксплуатацию инфраструктурных объектов), благоприятность деловой среды (занятость на малых предприятиях, тарифы на электроэнергию, газ и железнодорожные перевозки для конечных потребителей), эффективность использования трудовых ресурсов (уровень безработицы).

Показатели эффективности использования муниципальных ресурсов включают долю собственных доходов в доходах муниципального бюджета, долговую нагрузку на бюджет, величину доходов от муниципальной нежилкой недвижимости в доходах МО и т. д.

Перечень предложенных индикаторов представляет собой самый общий список, который не позволяет в полной мере учесть все обилие муниципальной статистики и специфику социально-экономического развития конкретного муниципалитета. Поэтому необходимо расширить список за счет набора дополнительных показателей, за основу которых, как отметил Н. И. Меркушкин, «будет браться эффективность расходования бюджетных средств, динамика изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровень социально-экономического развития муниципального

образования, степень внедрения методов и принципов эффективного муниципального управления»².

В Мордовии подобный подход реализуется посредством следующего механизма: Правительство РМ для более комплексной оценки эффективности деятельности органов МСУ утверждает перечень дополнительных показателей.

В перечень индикаторов качества и уровня жизни представляется необходимым внести показатели уровня бедности, темпа роста заработной платы, охвата населения средним специальным образованием, обеспеченности населения жильем, соответствующим санитарным нормам, а также индекс цен на важнейшие лекарства, прием пациентов на одного врача и т. д. Список индикаторов конкурентоспособности предлагается расширить за счет показателей темпа роста, участия частных инвесторов в развитии инфраструктуры, объема кредитования населения, производительности труда в промышленности, количества новых предприятий, существующих более года.

Таким образом, формирование модельного ряда индикаторов социально-экономического развития муниципалитетов сталкивается с проблемой недостаточности статистических данных по целым отраслям (в частности, наукоемким). Использование стандартного набора индикаторов для анализа развития МО регионов страны актуализирует проблему некорректности полученных результатов, на которые повлияют неучтенные при использовании общих для всех индикаторов региональные различия. Необходимо регулярно, с учетом развития общества дополнять перечень инновационных индикаторов. Задача формирования и обновления перечня индикаторов социально-экономического развития МО должна решаться не только специалистами отраслевых министерств, ведомств и муниципалитетов, но и научным сообществом регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 // Рос. газ. 2008. 29 апр. С. 14.

² Меркушкин Н.И. Послание Главы РМ // Изв. Мордовии. 2008. 28 нояб. С. 20 (VIII).

Поступила 19.01.09.

С. М. ИМЯРЕКОВ С. А. ЩАНКИН

ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: кооперация; интеграция; экономический кризис; хозяйствующие субъекты; модель развития; экстравертные и интровертные регионы; корпоративное управление; конкуренция; предпринимательство; экономическая политика; геоэкономика; геополитика; бюджет; рынок; межрегиональные различия

Key words: cooperation; integration; economic crisis; managing entities; pattern of development; extravert and introvert regions; corporative management; competition; entrepreneurship; economic policy; geoeconomics; geopolitics; budget; market; inter-regional differences

В условиях глобального экономического кризиса для России чрезвычайно актуально выравнивание межрегиональных контрастов. Это возможно только в условиях развития региональной интеграционной активности, устранения территориальных барьеров перемещения производственных и инвестиционных ресурсов, объективно стремящихся к более эффективному

ИМЯРЕКОВ Сергей Михайлович, доцент кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института, кандидат экономических наук.

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

использованию. Направленность на сохранение либерального экономического курса при все более широком включении в глобальные процессы и усилении межрегиональной дифференциации объективно необходима. В таких условиях перейти к устойчивому экономическому росту больше шансов имеют открытые (в первую очередь с информационной точки зрения) регионы. К ним относятся экстравертные регионы с открытой экономикой в отличие от интравертных, характеризующихся относительной закрытостью¹.

В последние годы наблюдается усиление европоцентричности территориальной организации российской экономики, а предпринимательские риски вызывают смещение инвестиционных и иных интересов экономического развития на север России, что может привести к еще большему разрыву в пропорциональности развития европейских северных и южных регионов. Очевидно, что для формирования сбалансированной территориальной структуры экономики требуется изменение направленности региональных процессов. Растущая поляризация лишь провоцирует центробежные тенденции, понижает связанность пространства и его безопасность. Пока не найден компромисс в вопросе о том, в каком случае направлять денежные ресурсы в регионы с избыточной рабочей силой (главным фактором деловой активности), а когда — в регионы, где они дадут быструю финансовую отдачу. Первый случай связан с бюджетными перераспределениями, второй — с дифференцированной налоговой политикой, особенно важной для регионов с повышенным экономическим риском. Для каждого региона необходимы свои инструменты поддержки и стимулирования деловой активности, позволяющие задействовать максимально целесообразно и оптимально их потенциал в условиях глобализации².

Региональное и глобальное сотрудничество во многом затрудняется объективными и субъективными факторами региональной деловой активности, определяющей условия и возможности существования и развития расположенных в регионах хозяйствующих субъектов.

К объективным факторам относятся географическое положение, природные условия и ресурсы, население; к субъективным — факторы экономики, политики и т. д.

Сложившаяся территориальная структура хозяйства, когда главные экономические центры размещены в глубине терри-

тории страны, а большая часть приграничной зоны освоена слабо, является серьезным барьером развития процессов регионального сотрудничества и глобализации российской экономики. Для повышения эффективности участия страны в мировом хозяйстве и выхода из экономического кризиса необходим переход от внутриматерикового к материково-приморскому размещению экспортного потенциала хозяйства.

В характеристике деловой активности регионов за критерии нами были взяты «высокий», «умеренный», «удовлетворительный» и «низкий» уровни исходя из десятибалльной шкалы оценки природно-ресурсного потенциала, социально-демографических характеристик, уровня использования экономического потенциала, финансового состояния региона, результативности экономических реформ, политической обстановки в регионе.

Анализ показал, что разница между регионом-лидером (г. Москва) и аутсайдером (Республика Тыва) составила 5,9 раз, между федеральными округами — 1,5 раза. Примечательно, что в самих федеральных округах разница между регионами с высоким уровнем деловой активности составила 8,3 %, умеренной — 31,8 %, удовлетворительной — 31,2 %, с низкой деловой активностью — 38,6 %. В этих условиях стимулирование развития деловой активности хозяйствующих субъектов, межрегионального и международного сотрудничества невозможно без территориальной реструктуризации и интеграции структуры экономики на рыночной основе. Значительным препятствием, на наш взгляд, является то, что Россия территориально отделена от мирового хозяйства постсоветскими республиками. Наличие небольшой по протяженности границы, соединяющей Россию со странами ЕС через Финляндию, оказывает заметное территориально-структурное влияние. Интеграция центра и периферии может быть осуществлена только при стимулировании деловой активности последних и масштабных, долговременных инвестициях.

Это предполагает сохранение экспортного потенциала действующей сырьевой базы и экспорт обрабатывающих отраслей. Такое решение обуславливает стремление федеральных властей централизовать государственные финансы. Так, в 1998 г. доля федерального бюджета в консолидированном бюджете России составила 43 %, в 1999 г. — 50 %.

В 2000 г. пропорция в пользу центра соответствовала 52 %, в 2001 г. удельный вес государственных финансов был на уровне 56 %, а в 2002 г. достиг 60 %. В этом плане вполне объяснимыми становятся усилия федерального центра по ограничению власти региональных элит и при приведению регионального законодательства в соответствии с федеральным.

Однако пока еще имеющаяся некоторая децентрализация образовала области совместного ведения федерации и ее субъектов, создающие предпосылки адаптации норм федеративного государства к региональным особенностям.

Усиление централизованной власти при условии обеспечения реального равенства субъектов Федерации и четком разграничении их властных полномочий имеет ряд обстоятельств. Во-первых, процесс адаптации региональных и совместных с федеральным центром хозяйственных структур к условиям рыночной экономики в России находится на начальной стадии. Учитывая это обстоятельство, изменение административно-территориального деления в части укрупнения или разукрупнения имеющихся субъектов РФ хотя и реально в перспективе, но на сегодняшний день преждевременно, так как остаются неясными их наиболее оптимальные границы в силу недостаточной развитости их межрегиональных и внешнеэкономических связей³. Во-вторых, страна оказалась неготовой к активному участию в современном мировом экономическом сотрудничестве. Ее продолжительная изоляция привела к неспособности хозяйствующих субъектов быть самостоятельными, защищать себя и экономики своих регионов в условиях глобализации основных товарных рынков. Это еще более актуализирует проблему выравнивания уровня их развития и показателей качества жизни, поэтому многим она кажется невыполнимой на среднесрочную перспективу. В-третьих, ограничение властных полномочий региональных органов государственной власти должно согласовываться с выполняемыми ими обязанностями. Необходимо сохранить баланс между функциями и ресурсами как необходимое условие осуществления возложенных функций, ответственности и власти, при этом обеспечив условия достижения равной предпринимательской конкурентоспособности⁴.

Есть мнение, что повышение доходности экономики на территориях, имеющих для этого предпосылки, и целенаправ-

ленный вывод населения с территорий, в обозримом будущем не имеющих шансов на экономическое возрождение, — две взаимосвязанные цели, которые должны быть поставлены в среднесрочной и долгосрочной политике федерального центра. Другими словами, предлагается модель создания механизмов, регулирующих и согласовывающих пространственную мобильность капиталов и населения. В результате достижения этих целей потребуются региональное деление, устраняющее экономически нежизнеспособные субъекты РФ.

Однако формирование стратегии образования новых хозяйствующих субъектов, связанной с моделью экономического роста, выравнивания уровня жизни, ориентации на внешнеэкономическую активность, в условиях глобализации представляется нам сомнительной. Во-первых, существует объективная дифференциация внутри самого российского рынка. Во-вторых, ряд регионов по природе своего отраслевого хозяйства и его национальной значимости вполне могут ограничиваться незначительным экспортным потенциалом, а давление на них со стороны глобальных (в том числе массовых) товарных рынков нивелируется или существенно снижается по мере прохождения через соседние экспортно-активные регионы. В-третьих, не существует неэффективных территориальных рынков, а есть проблемы управления территориями и хозяйствами, на них расположенными. Принятие этой модели связано с внутренней миграцией населения, развалом региональных отраслей в угоду моментной конъюнктуры, подрывом сельского хозяйства и дальнейшей сырьевой экспортной ориентацией российской экономики. Кроме того, существуют устоявшиеся потребительские предпочтения населения, когда товары-субституты, даже технологически превосходящие аналоги, оказываются невостребованными. Россия относится именно к тем рынкам, где массовое потребление носит условный характер в силу своей многонациональности и многовековой культуры. Данное утверждение полностью подтверждает неустойчивость проэкспортной модели развития экономики России, которая не всегда реализуется. Вследствие огромного российского пространства по мере проникновения экспортного эффекта вглубь страны он снижается, хотя и улучшает экономику многих депрессивных регионов, повышает безопасность и устойчивость экономики страны.

Часто желание и степень готовности предприятий связаны с их потребностью к участию во внешнеэкономических связях. На наш взгляд, интересна комбинированная модель развития региональных хозяйствующих субъектов, учитывающая их разнообразие и обслуживаемые ими товарные рынки. Развитие импортозамещающих производств есть необходимое условие защиты (безопасности) национальных товарных рынков. Далеко не все импортозамещающие производства должны образовываться с иностранным участием. Существуют предприятия (особенно бывшего оборонного комплекса), которые только по причине невнимания государства и недостатка собственных средств не могут быть самодостаточными, обеспечить не только собственное благополучие, но и определенные позиции страны на соответствующих товарных рынках.

Связи с пограничными с ЕС внешнеэкономическими субъектами стран СНГ есть не что иное, как закрепление и приумножение безопасности России. Однако их позиция во многом часто напоминает политику многоудельных княжеств, к сожалению, уже не единой Руси. Условия сотрудничества России со странами СНГ во многом определяют благополучие пограничных с ними субъектов РФ, и не только во внешнеэкономической деятельности. Отсутствие единого экономического пространства с бывшими союзными республиками является основной причиной неудач производственно-экономического и других видов сотрудничества разноуровневых хозяйствующих субъектов. Результатом этого явилось образование центрально-европейской, турецкой, иранской и китайской зон влияния над территориальными и товарными рынками, что существенно ухудшило положение России и в первую очередь ряда ее регионов. Первичная изоляция государств СНГ, безусловно, этому способствовала.

Со стороны Центральной и Западной Европы Россия испытывает серьезное давление на производственных, информационных, технологических товарных рынках, со стороны Центрально-Азиатских и Восточных государств — на рынках труда. Поэтому Центрально- и Западно-Европейское, Центрально-Азиатское и Восточное направления, для страны одинаково важны. России необходимы азиатские противовесы растущему европейскому притяжению. Неравнозначный экспорт-импорт, особенно на восточном направлении, отра-

жается на качественном развитии не только Сибири, но и Средней Азии. Стремление к равноценному товарообмену, развитие внешнехозяйственных связей на всех уровнях хозяйствующих субъектов при укреплении их внутренней устойчивости и безопасности, расширении национальных кооперационных связей необходимы России для упрочения ее мирохозяйственных позиций и улучшения условий развития российских региональных хозяйствующих субъектов.

К инструментам политики развития приграничных территорий следует отнести совершенство правовой базы участия региональных хозяйственных субъектов совместно с органами местного самоуправления в сотрудничестве с территориальными властями зарубежных стран и напрямую с предприятиями и организациями в части соглашений о приграничном и внутрирегиональном сотрудничестве, кредитно-финансовую поддержку государством экономических и социальных проектов⁵.

Таким образом, адаптация территориальной структуры экономики к новым геополитическим и геоэкономическим реалиям требует усиления дифференцированного подхода в макроэкономической и внешнеэкономической политике. При этом разнообразию российского пространства должна соответствовать система дифференцированных во времени и пространстве инструментов этой политики.

В этом контексте главной задачей федерального центра, на наш взгляд, является, во-первых, участие в финансировании инфраструктуры в первую очередь в строительстве современных дорог и систем связи. Во-вторых, иностранные кредиты должны направляться на проекты совершенствования структуры региональных экономик и улучшения в них условий развития и реализации собственной деловой активности. В-третьих, должно быть стимулирование деловой активности разноуровневых хозяйствующих субъектов.

В целом недостаточный уровень деловой активности разноуровневых хозяйствующих субъектов, в том числе в части их внешнеэкономической деятельности и межрегиональной кооперации, во многом определяется последствиями закрытой экономики, противоречащей условиям и требованиям глобализации. Экономический спад, неподготовленность хозяйствующих субъектов и их систем управления к работе по реформированию и преодолению кризиса в

условиях открытой экономики сделали малоэффективными мероприятия, направленные на преодоление региональных экономических диспропорций. В настоящее время предпосылки для осуществления такой государственной политики более благоприятны, но требуют эффективного распределения власти в системе «центр — регионы». От того, какая модель централизации власти будет реализована, зависит эффективность решения региональных проблем интеграции и кооперирования хозяйствующих субъектов, включения России в глобальную экономику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Забелин П.В. Основы корпоративного управления концернами. М.: ПРИОР, 1998. 176 с.

² См.: Конкуренция / пер. с англ. М.Э. Портера; под ред. Я.В. Заболоцкого. М.: Экономика, 2001. 495 с.

³ См.: Корняков В.И. Воспроизводство как поток единой субстанции: зависимости, модель, объемные структуры // Филос.-экон. учен. собр. Центра общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Исток, 2000. 302 с.

⁴ См.: Ларионов И.К. Опыт становления ФПГ в России // Финансы. 1997. № 1. С. 6—8.

⁵ См.: Стратегия экономического развития России: материалы общероссийской дискуссии, проведенной Комитетом Госдумы по экономической политике и предпринимательству // Рос. экон. журн. 2000. № 7. С. 3—48.

Поступила 11.02.09.

Р. Ш. САДЫКОВА

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс; налоговые платежи; нефтедобыча; полезные ископаемые; месторождение; выработка; рента; льготные ставки; участок разведки; энергоресурсы

Key words: oil and gas complex; tax payments; oil extracting; natural resources; oil-field; output; rent; preferential rates; prospecting section; power recourses

Нефтегазовый комплекс России является важнейшим элементом бюджетообразующей сферы. Предприятия нефтегазового комплекса дают более четверти объема производства промышленной продукции страны, более трети всех налоговых платежей и других доходов в бюджетную систему, более половины поступлений от экспорта. С момента ввода в действие гл. 26 Налогового кодекса РФ (НК РФ) прослеживалась тенденция к росту ставки налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) при добыче нефти.

До 1 января 2007 г. налоговая ставка при добыче нефти газового конденсата из нефтегазоконденсатных месторождений определялась на основании ст. 5 Федерального закона от 08.08.01 № 126-ФЗ. Первоначально ставка составляла 340 руб./т. Затем она была увеличена до 347 руб./т, и в этом значении ставка применялась до 31 декабря 2006 г. В этот период налоговая база при добыче нефти определялась как количество добытых полезных ископаемых в натуральном выражении. С 1 января 2007 г. при добыче нефти должна была применяться адвалорная налоговая ставка в 16,5 % от стоимости нефти. Но на практике налогоплательщикам

САДЫКОВА Роза Шайнуровна, доцент кафедры экономики и управления газо- и нефтедобывающими предприятиями Альметьевского государственного нефтяного института, кандидат экономических наук.

не было суждено ею воспользоваться. Дело в том, что при использовании «плоской» ставки НДС создавались неравные условия для компаний, разрабатывающих «старые» месторождения и имеющих множество лицензий и доступ к лучшим месторождениям. Последние получали конкурентные преимущества. Это различие особенно заметно в затратах на добычу нефти на месторождениях, находящихся на заключительных стадиях разработки. Месторождения с выработанными запасами более 80 % характеризуются низкими дебитами, высокой обводненностью продукции, что приводит к существенному возрастанию эксплуатационных затрат на добычу нефти. В настоящее время добыча из низкодебитных месторождений осуществляется за счет средств, получаемых от реализации нефти, добытой из высокоэффективных скважин и ее экспортной реализации.

Зафиксированные в законодательстве принципы налогообложения обеспечивают выполнение задачи изъятия сверхдоходов, получаемых в нефтедобывающей отрасли в условиях высоких мировых цен на углеводородное сырье. Но усиление налогового пресса в нефтедобыче и отсутствие прогресса в отношении дифференциации НДС привели к падению темпов добычи нефти.

Учитывая то, что в последние годы важнейшим направлением налоговой политики страны является снижение налогового бремени, совершенствование налогообложения нефтедобычи приобретает особую актуальность. Наличие единой ставки НДС, «привязанной» к мировой цене на нефть для всех месторождений и налогоплательщиков, позволило существенно увеличить суммы налоговых поступлений, обеспечив получение государством ценовой ренты в условиях высоких мировых цен на нефть. Однако природная рента стала учитываться только после внесения изменений в гл. 26 НК РФ.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 151-ФЗ «О внесении изменений в главу 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — закон № 151-ФЗ) позволил дифференцировать НДС в зависимости от объективных геологических, экономических и географических факторов. В это же время был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и

часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования», уточнивший некоторые нормы администрирования налогов, в том числе НДС.

В настоящее время 75 % добываемой нефти является высоковязкой, что повышает эксплуатационные затраты на добычу и ее подготовку к транспортировке и переработке, повышает себестоимость ее добычи. Вместе с тем налог на добычу полезных ископаемых, уплачиваемый за эту нефть, такой же, как и для нефти с нормальной вязкостью, себестоимость добычи которой намного ниже. Получается, что предприятие тратит на разработку и добычу значительно больше средств, а прибыль ниже. В связи с внедрением дифференцированных ставок НДС организация получила бы возможность снизить налоговую нагрузку на сверхвязкую нефть. Однако, чтобы воспользоваться предоставленным послаблением, необходимо оптимизировать технологическую схему сбора, подготовки и сдачи нефти.

НДС полностью принадлежал нефте- и газодобывающим регионам. С 2005 г. по новому порядку разграничения доходов и расходов между федеральным центром и регионами НДС на 95 % стал федеральным, а регионам достались 5 %. «НДС, как аналогия рентных платежей, должен централизоваться в федеральном бюджете и служить общефедеральным целям и выравниванию бюджетной обеспеченности субъектов РФ», — объясняли в Правительстве. Это привело к тому, что регионы потеряли возможность вести геологоразведку.

К 2006 г. изменилось отношение федерального центра к НДС. На фоне снижения темпов разведки и добычи полезных ископаемых Правительство РФ решило дифференцировать налог, например, ввести льготные ставки НДС для наиболее трудных участков разведки и добычи сырья, чтобы стимулировать производство и экспорт энергоресурсов.

Налогообложение добычи полезных ископаемых регулируется гл. 26 НК РФ. Законом № 151-ФЗ был предложен механизм льготирования нефти, добываемой из выработанных месторождений. Суть этого механизма такова.

Налоговая ставка 419 руб./т, применяемая в отношении добытой обезвоженной, обессоленной и стабилизированной

нефти, умножается на два коэффициента, характеризующих динамику мировых цен на нефть (K_u) и степень выработанности конкретного участка недр (K_v).

Коэффициент K_v определяется в случае, если степень выработанности запасов конкретного участка недр, устанавливаемая с использованием прямого метода учета количества добытой нефти на участке недр, больше или равна 0,8 (или 80 %) и меньше или равна 1. Коэффициент рассчитывается по следующей формуле:

$$K_v = 3,8 - 3,5 \times N / V,$$

где N — сумма накопленной добычи нефти на конкретном участке недр (включая потери при добыче), согласно данным государственного баланса запасов полезных ископаемых за календарный год, предшествующий налоговому периоду, в котором происходит применение коэффициента K_v ; V — начальные извлекаемые запасы нефти, утвержденные в установленном порядке с учетом прироста и списания запасов нефти (за исключением списания запасов добытой нефти и потерь при добыче) и определяемые как сумма запасов категорий A , B , $C1$ и $C2$ по конкретному участку недр в соответствии с данными государственного баланса запасов полезных ископаемых на 1 января 2006 г.

Если степень выработанности запасов участка недр, определяемая с использованием прямого метода учета количества добытой нефти на конкретном участке недр, превышает 1, коэффициент K_v принимается равным 0,3. В иных случаях коэффициент K_v принимается равным 1.

Степень выработанности запасов участка недр (C_v) налогоплательщик рассчитывает самостоятельно. Основанием для расчета являются данные утвержденного государственного баланса запасов полезных ископаемых за календарный год, предшествующий налоговому периоду, в котором происходит применение коэффициента K_g .

Ставка НДС по нефти, равная 0 %, устанавливается для новых месторождений до достижения накопленного объема добычи 25 млн т на участках недр, расположенных полностью или частично в границах Республики Саха (Якутия), Иркутской области, Красноярского края, если учет количества добытой нефти на конкретных участках недр ведется прямым методом; срок разработки запасов участка недр для

целей разведки и добычи полезных ископаемых не превышает 10 лет, или равен 10 годам для лицензий на право пользования недрами; срок разработки запасов участка недр не превышает 15 лет, или равен 15 годам для лицензии на право пользования недрами одновременно для геологического изучения (поиска, разведки) и добычи полезных ископаемых. Срок разработки считается с даты государственной регистрации соответствующего вида лицензии.

Налоговая ставка 0 руб. в отношении количества добытого на конкретном участке недр полезных ископаемых применяется для расположенных в границах участков недр, лицензия на право пользования которыми выдана до 1 января 2007 г. и степень выработанности запасов (C_v) которых на эту дату меньше или равна 0,05. В этом значении ставка применяется до достижения накопленного объема добычи нефти в 25 млн т и при условии, что срок разработки запасов участка недр не превышает 10 лет, или равен 10 годам начиная с 1 января 2007 г. Кроме того, ставка НДС 0 % применяется при исчислении НДС в отношении сверхвязкой нефти, добываемой из участков недр, содержащих нефть вязкостью более 200 мПа·с (в пластовых условиях), правда, при условии, что налогоплательщик использует прямой метод учета количества добытой нефти на конкретных участках недр.

При подготовке нефти, поступающей с разных участков, на одном узле (установке) налогоплательщик не имеет права использовать льготы по НДС, предоставляемые по конкретным участкам недр. Согласно закону № 151-ФЗ, специфическая ставка НДС будет применяться на постоянной основе, что должно дать максимальный экономический эффект.

Одним из вариантов применения вышеуказанных льгот и послаблений является поочередная по времени подготовка нефти из разных участков недр на одной установке и поочередное измерение количества обезвоженной, обессоленной и стабилизированной нефти с помощью узла коммерческого учета на выходе установки. Для реализации этой схемы подготовки организуются отдельный сбор нефти с различных участков недр, ее отдельное накопление в резервуарах на входе установки подготовки и поочередная подача через автоматизированный узел переключения на

блок подготовки нефти. На выходе этого блока измеряется количество обезвоженной, обессоленной и стабилизированной нефти отдельно с каждого участка недр. Этот вариант предлагается реализовать на основании проекта, прошедшего метрологическую экспертизу. Процедуру накопления нефти, переключения потоков, подготовки, измерения количества нефти и администрирование учета предлагается описать в регламенте, согласованном с соответствующими надзорными органами. Количество нефти предлагается определять на выходе установки подготовки с использованием систем измерения количества и показателей качества нефти, полностью отвечающих требованиям действующей нормативно-технической документации к коммерческому учету.

При применении налоговой ставки 0 % при добыче сверхвязкой нефти должен выполняться ряд условий. Добываемая нефть должна иметь вязкость более 200 мПа·с (в пластовых условиях). Количество добытой нефти на конкретных участках недр должно учитываться прямым методом (подп. 9 п. 1 ст. 342 НК РФ). Показатель вязкости нефти должен определяться в пластовых условиях, т. е. по конкретным, а не по всем пластам участка недр.

При добыче полезных ископаемых налоговая ставка 0 % (0 руб., если налоговая база определяется как количество добытых полезных ископаемых в натуральном выражении) применяется и в отношении нормативных потерь. Нормативными потерями полезных ископаемых признаются их фактические потери при добыче, технологически связанные с принятой схемой и технологией разработки месторождения, в пределах нормативов потерь, утверждаемых в порядке, определяемом Правительством РФ.

На момент наступления срока уплаты НДС по итогам первого налогового периода очередного календарного года нормативы потерь на очередной календарный год могут быть не утверждены. В таком случае налогоплательщик вправе применять нормативы, ранее утвержденные в порядке, определяемом Правительством РФ, а по вновь разрабатываемым месторождениям — нормативы потерь, установленные техническим проектом (абз. 3 подп. 1 п. 1 ст. 342 НК РФ). При утверждении нормативов потерь, отличающихся (в ту или иную сторону) от предыдущих, перерасчет НДС не производится.

К нефти Степноозерского месторождения можно применить налоговую ставку 0 % при добыче сверхвязкой нефти (добываемая нефть имеет вязкость более 200 мПа·с). Не вся нефть Степноозерского месторождения имеет вязкость более 200 мПа·с, поэтому возможно частичное применение послабления по НДС. Доля нефти, подлежащей налогообложению НДС по ставке 0 % в общем объеме нефти Степноозерского месторождения, равна 75 %.

Чтобы снизить налоговую нагрузку по НДС по ставке 0 %, необходимо разделить сбор нефти («легкой» и «тяжелой»), отдельно ее подготавливать и учитывать (основное условие, прописанное в законе № 151-ФЗ), а сдача может оставаться прежней.

К мероприятиям, направленным на оптимизацию технологической схемы сбора, подготовки и сдачи нефти со Степноозерского месторождения, с целью снижения налоговой нагрузки по НДС относятся строительство дополнительных нефтепроводов, ГЗУ, двухпоточной УПВСН; реконструкция ДНС-1с; разделение льготированных и нелюгированных потоков нефти.

В настоящее время предусматривается строительство установки подготовки нефти (УПВСН) при ДНС-1 с использованием существующего оборудования ДНС и проектированием нового с целью получения 500 тыс. т в год товарной продукции с УПН (при обводненности сырья 40).

Поступила 05.03.08.

В. Ф. ЧЕБОТАРЕВ

ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: энергосбережение; конкурентоспособность; экономический рост; инновационная деятельность; инвестиционная деятельность; производство; программно-целевой метод

Key words: power economy; competitiveness; economic growth; innovational activity; investment activity; production; programme and purpose method

В современных условиях решение задачи перевода экономики страны на социально-ориентированный путь развития обуславливает необходимость достижения высоких и устойчивых темпов экономического роста, основанного на повышении конкурентоспособности, диверсификации структуры экономики, осуществлении институциональных преобразований. Повышение конкурентоспособности российской экономики возможно только в рамках сбалансированной системы «сильное государство — сильный бизнес», предполагающей отказ от директивного управления и выстраивания эффективной промышленной политики.

Эффективная промышленная политика органически сочетается в себе разработку стратегических перспектив согласованного развития промышленности и энергетики в отраслевом и инфраструктурном аспектах, развитие и укрепление предпринимательского сектора путем расширения практики реализации масштабных проектов и программ государственно-частного партнерства, оперативный мониторинг и регулирование изменений рыночной конъюнктуры в реальном секторе экономики, стимулирование инновационной и инвестиционной деятельности.

ЧЕБОТАРЕВ Валентин Федорович, заместитель министра экономики Республики Мордовия, кандидат экономических наук.

Реализация этих мер служит развитию национальной технологической базы, способной обеспечить разработку и производство конкурентоспособной наукоемкой продукции благодаря интеграции науки, образования и производства. При этом одним из важнейших факторов, обеспечивающих конкурентоспособность предприятий, отраслей и экономики в целом является ресурсосбережение. Оно достигается посредством использования ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, перехода к новым техническим решениям, технологическим процессам и оптимизационным формам управления.

Внедрение ресурсосберегающих технологий решает двудиную задачу. С одной стороны, приводит к снижению издержек производства и повышению конкурентоспособности продукции, с другой — способствует повышению устойчивости функционирования энергетического комплекса в регионе.

Ключевое значение во всех направлениях ресурсосбережения на современном этапе, безусловно, имеет энергосбережение.

Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин в Послании Государственному Собранию РМ на 2009 г., давая оценку вызовам времени и сложности решения предстоящих задач, подчеркнул, что «особое внимание сегодня должно быть уделено энергосбережению». Кроме того, было отмечено, что «...доля энергоресурсов в себестоимости нашей продукции до сих пор в 2,5 раза выше, чем на западных предприятиях».

Решение задачи перевода экономики региона на энергосберегающий путь развития в современных условиях приобретает особую значимость. Сохранение жизнедеятельности предприятия сегодня обуславливается способностью коллектива в масштабе реального времени адаптироваться к условиям возрастающей конкуренции, способностью противостоять вызовам времени. В новых условиях конкурентоспособность промышленного комплекса региона предопределяется не только способностью последнего обеспечить внедрение новейших научно-технических решений и развитие наукоемких производств, эффективностью инновационных процессов, т. е. инновационной направленностью экономического роста, но и способностью задействовать механизм максимально эффективного использования ресурсного потенциала, обеспечения

предельно возможного снижения энергоемкости производства, в том числе и за счет освоения новых энергосберегающих технологий.

В Республике Мордовия решение задачи перевода экономики региона на энергосберегающий путь развития осуществляется на основе реализации программно-целевого подхода. Центральное место здесь занимает «Программа „Энергосбережение в Республике Мордовия на 2006—2010 годы”», утвержденная постановлением Правительства РМ от 26 июля 2006 г. № 325. Программа призвана обеспечить реализацию региональной политики энергосбережения как важнейшего фактора повышения конкурентоспособности реального сектора экономики, достижения экономии энергоносителей во всех сферах хозяйственного комплекса и на их основе добиться динамичного социально-экономического развития региона.

Значимость перевода в условиях финансового кризиса экономики республики на энергосберегающий путь развития нашло более яркое отражение в Послании Главы РМ Государственному Собранию РМ на 2009 г., в котором в концентрированной форме раскрыта цена и степень важности решения этого вопроса для экономики региона, а именно: «...повышение эффективности использования энергоресурсов, энергосбережения для любого работника предприятия, для каждого жителя, для Правительства должно стать вопросом номер один!».

Министерство экономики РМ еще в 2008 г. осуществило доработку Программы. Активное участие в работе по внесению изменений и дополнений в Программу приняли отраслевые и социальные министерства — заказчики Программы.

Так, Министерством промышленности, транспорта и связи РМ наряду с уточнением экономического содержания и регламента мониторинга показателей энергосбережения сделано предложение о внесении изменений в части снижения энергоемкости продукции и услуг, производимых промышленным комплексом не менее чем на 5 % по сравнению с предыдущим годом, увеличив ранее установленные параметры.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия РМ для снижения энергоемкости производства сельхозпродукции, производимой предприятиями переработки, в рамках реализации национального проекта «Развитие АПК» внесло

предложение по технической модернизации и реконструкции животноводческих комплексов с установкой энергосберегающих систем отопления. Среди них — установка инфракрасных газовых излучателей в ремонтных мастерских и животноводческих помещениях, децентрализация отопления животноводческих комплексов с установкой индивидуальных котлов с высоким КПД, строительство современной автоматизированной котельной и др. Реализация мероприятий наряду с проектами, предусмотренными в Программе, по оценке специалистов, позволит обеспечить снижение энергоемкости продукции предприятий переработки со среднегодовым темпом не менее чем на 5 %.

Министерством строительства и архитектуры РМ в рамках реализации Программы предусмотрен комплекс мероприятий, направленных не только на снижение себестоимости продукции предприятий стройиндустрии за счет внедрения энергосберегающих технологий, но и на организацию производства теплоизоляционных и конструкционных изделий с пониженной теплопроводностью. Это позволит снизить потери тепла при эксплуатации объектов гражданского и промышленного строительства.

Министерством жилищно-коммунального хозяйства РМ в комплексе представленных мероприятий предложено осуществить перевод на автономное отопление ряда учреждений социального блока: Минздрава, Минобразования, Минкультуры, Минтрудсоцзащиты РМ, расположенных в муниципальных районах. При этом широкий спектр мероприятий Программы, включающий энергоаудит коммунальных предприятий с составлением энергетических паспортов и разработкой комплекса ресурсосберегающих мероприятий, предусматривает также обеспечение снижения удельных показателей ресурсопотребления в жилищном секторе, энергоемкости уличного освещения городов и райцентров республики.

Министерство культуры РМ наряду с уточнением перечня проектов реконструкции объектов социальной сферы в целях улучшения теплоизоляции зданий в связи с завершением работ внесло предложение по замене источников освещения на более энергоэкономичные. Годовой экономический эффект по предварительной оценке составит более 700,0 тыс. руб.

Можно подвести предварительные итоги реализации мероприятий Программы за 2008 г. в реальном секторе экономики и социальной сфере.

Министерством промышленности РМ проведена большая организационно-подготовительная работа на предприятиях промышленного комплекса по реализации энергоэффективных проектов. Энергоемкость производства продукции к уровню 2007 г. снизилась на 5,6 %, что превышает параметры, предусмотренные Программой.

В рамках мероприятий, закрепленных за Министерством строительства и архитектуры РМ, осуществлено строительство котельной производительностью 18 т/ч в ОАО «Лато». Годовая экономия составила 7 828 Гкал. Вывод на проектную мощность технологической линии полусухого способа производства цемента в ОАО «Мордовцемент» позволил сэкономить 7 725,0 тыс. куб. м газа. Реализация ряда других мероприятий позволила министерству выйти на прогнозные параметры снижения энергоемкости предприятий стройиндустрии, т. е. на 5 %.

В разрезе комплекса мероприятий, курируемых Министерством жилищно-коммунального хозяйства РМ, проведены восстановление и строительство электрических сетей ОАО «Мордовэнерго». Годовая экономия составила 618,0 тыс. кВт·ч, осуществлена установка преобразователей частоты электроприводов, в том числе в МП «Саранскгорводоканал». Это позволило сэкономить 62,5 тыс. кВт·ч и др.

Министерством здравоохранения РМ выполнены мероприятия по модернизации котельных, отопительных систем, по наладке гидравлических режимов систем теплоснабжения и др. Только модернизация котельных с установкой газового оборудования в МУЗ «Кочкуровская ЦРБ», «Атяшевская ЦРБ», «Комсомольская ЦРБ», «Дубенская ЦРБ» позволила снизить расход потребления газа на 178,5 тыс. куб. м.

Министерством образования РМ в подведомственных организациях за счет модернизации котлов получена экономия 22,2 тыс. куб. м газа, замены выработавших технический ресурс электросчетчиков — 910 кВт·ч электроэнергии. В результате установки теплосчетчиков сэкономлено 204,3 Гкал теплоэнергии.

Министерством социальной защиты населения РМ в рамках реализации Программы проведен капитальный ремонт тепло-

трасс, в том числе в РЦ «Радуга»; осуществлена установка пластиковых окон; выполнен капитальный ремонт котельных с заменой котлов. В результате экономия составила 3 960,9 тыс. руб., что более чем в 3 раза превышает плановый показатель, предусмотренный в Программе на 2008 г.

Министерством культуры РМ в подведомственных учреждениях установлены приборы учета электроэнергии и теплоэнергии, осуществлена установка энергоэкономичных источников света, налажены гидравлические режимы систем отопления. В итоге экономия электроэнергии составила 235,2 кВт·ч, теплоэнергии — 520,5 Гкал.

Вместе с тем, оценивая в целом комплекс реализованных мероприятий Программы, следует отметить, что они носят необходимый, но далеко не в полной мере исчерпывающий характер. С учетом масштаба поставленных в Послании Главы РМ задач руководителям отраслевых министерств, предприятий и организаций предстоит в ближайшее время выполнить большую работу по максимальному использованию потенциала энергосбережения как важнейшего резерва перевода экономики на ресурсосберегающий и конкурентоспособный путь развития.

Поступила 02.03.09.

Н. Н. МЕЛЬКИНА

Д. С. ЮРИН

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПЛАНИРОВАНИЮ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: системный подход; маркетинг; план; товарная политика; ценовая политика; сбытовая и коммуникационная политика; маркетинговая информационная система

Key words: system approach; marketing; plan; goods policy; price policy; marketing and communication policy; marketing informational system

В современных рыночных условиях все большее применение в различных сферах деятельности предприятия находит системный подход. Он позволяет подойти к моделированию сложных и многоплановых процессов, в том числе маркетингового планирования. Результатом маркетингового планирования является план маркетинга, в котором устанавливаются цели организации, пути их достижения, сопоставляются задачи и ресурсы¹. Необходимость его разработки диктуется тем, что эффективный план минимизирует упущенную прибыль предприятия, позволяет занять оптимальную позицию

МЕЛЬКИНА Наталья Николаевна, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

ЮРИН Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета.

на рынке, соответствующую располагаемым ресурсам. За последние десять лет важность маркетинговых планов существенно возросла. Сегодня маркетологи вынуждены часто пересматривать стратегии маркетинга, приспособив их к новым товарам, технологиям, конкурентам и потребностям клиентов.

В условиях финансового кризиса маркетинговый план обеспечивает высокую эффективность работы предприятия, позволяя упорядочивать цели, задачи и сбалансировать ресурсы для реализации стратегических решений. Особое внимание маркетинговому плану уделяется потому, что он самым тесным образом связан практически со всеми планами предприятия: планом НИОКР, производства, материально-технического снабжения, финансовым планом.

Именно к разработке маркетингового плана следует применять системный принцип и представить эту процедуру в виде системы, состоящей из элементов. Это маркетинговая информационная система (МИС) предприятия, содержащая внешние и внутренние данные источников и преобразовывающая их в информацию, необходимую высшему руководству (вход); постановка целей и задач; разработка товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики. Основой служат данные входа, упорядоченные и систематизированные определенным образом. Итоговый документ — годовой маркетинговый план, содержащий все необходимые разделы (выход).

Отдельные элементы системы маркетингового планирования в той или иной степени успешности применяются на многих промышленных предприятиях Республики Мордовия: ОАО «Станкостроитель», ОАО «Саранский приборостроительный завод», ОАО «МордовАгроМаш», ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Завод Сарансккабель» и др. Наиболее интересен опыт системного планирования маркетинга ОАО «Резинотехника» — регионального и отраслевого лидера рынка резинотехнических изделий (РТИ). Акционерное общество работает на рынке РТИ более 40 лет. Здесь производятся практически все виды продукции, изготавливаемые в промышленности резинотехнических изделий. К настоящему времени освоен и продолжает расширяться выпуск более 15 тыс. наименований продукции, включая около 80 видов товаров народного потребления. Это формовые и нефор-

мовые РТИ, ремни клиновые приводные, вентиляторные, вариаторные, рукава, ткани прорезиненные технические, резиновые клеи, изделия для медицины и медицинской промышленности, для МПС, сырые товарные резины, надувные плавсредства и т. д. Основными потребителями продукции являются предприятия автомобильной отрасли. В их число входят «ГАЗ», «УАЗ», «КамАЗ», «ЗИЛ», «УралАЗ», «ПАЗ», «Волжские моторы» и др.

В ОАО «Резинотехника» вся маркетинговая информация собирается, анализируется и распределяется в рамках МИС, являющейся частью информационной системы управления организацией. Наличие маркетинговой информационной системы на предприятии позволяет осуществлять регулярный сбор информации. В основе этой системы лежит базовая модель Ф. Котлера.

В ОАО «Саранский завод „Резинотехника”» маркетинговая информационная система включает подсистемы внутренней отчетности, сбора маркетинговой информации, маркетинговых исследований и анализа информации.

Подсистема внутренней отчетности отражает показатели текущего сбыта, движения денежной наличности, объема материальных запасов, издержек и т. д. Внутренняя информация содержит данные о заказах на произведенную продукцию, объемах ее продаж, отгрузке, оплате уже отгруженной продукции, уровне запасов и др. Создание подобной системы позволило сохранять данные и впоследствии применять их для анализа прибыльности конкретных товаров, потребителей, динамики объема продаж, формировать товарный микс и пр.

Создание подсистемы сбора текущей маркетинговой информации позволило осуществлять постоянное наблюдение за ситуацией вне рамок предприятия. Данные из внешних источников получают на основе проведения маркетинговой разведки. Она осуществляется специальным бюро отдела стратегического маркетинга и необходима предприятию для разработки и корректировки маркетинговых планов. Благодаря этой подсистеме специалисты по маркетингу располагают необходимой информацией о емкости рынка резиновых технических изделий и структуре ее спроса, об основных конкурентах и доли каждого из них на рынке, а также узнают основные направления налоговой политики

в стране, степень внедрения инноваций в промышленное производство и т. п.

Подсистема маркетинговых исследований предназначена для сбора, систематизации и анализа данных применительно к конкретной ситуации. Процесс проведения маркетинговых исследований носит периодический характер и может осуществляться как собственными силами, так и передаваться специализированным фирмам. В отличие от мониторинга внешней среды маркетинговые исследования направлены на решение конкретных проблем по мере их возникновения.

Подсистема анализа маркетинговой информации представляет собой компьютеризированную систему, интерпретирующую и систематизирующую соответствующие данные.

Таким образом, благодаря взаимосвязанной работе всех составляющих маркетинговой информационной системы на ОАО «Резинотехника» осуществляется эффективный сбор и систематизация информации о состоянии внешней среды и внутреннем потенциале предприятия. Эти данные впоследствии используются в процессе маркетингового планирования. Процесс маркетингового планирования представляет собой последовательность этапов определения маркетинговых целей, стратегий, а также мероприятий по их достижению за определенный период времени.

При определении целей обычно используют авторитарный и экспертный методы². В первом случае руководитель предприятия устанавливает цели единолично, запрашивая необходимую ему информацию у соответствующих специалистов, во втором — цели формулирует группа руководителей (специалистов), в результате чего имеется возможность взглянуть на проблемы предприятия с различных сторон и выработать консолидированное решение. В 83,3 % случаев на исследуемом предприятии используется авторитарный метод.

Следует отметить, что в силу разнообразия деятельности исследуемого предприятия и широкого ассортимента выпускаемой продукции, оно не может быть сосредоточено на постановке одной цели. Руководство предприятия выделяет ключевые области деятельности и для каждой из них определяет свои цели. В качестве таких целей рассматриваются прибыльность, положение на рынке резиновых технических изделий, финансовые ресурсы и инвестиционный потенциал, производственный потенциал, персонал. Необходимо

отметить, что топ-менеджмент ОАО «Резинотехника» при постановке целей также учитывает множественность целей, их конкретность, измеримость, гибкость, избирательность и реалистичность (принцип S.M.A.R.T.).

После того, как цели и задачи сформулированы, разрабатываются маркетинговые стратегии. Для этого начальник отдела стратегического маркетинга ОАО «Резинотехника» совместно с менеджерами по маркетингу и сбыту определяет конкретные программы в области продуктовой, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики.

Продуктовая политика представляет собой заранее сформулированный курс действий предприятия, производящего (продвигающего на рынок) определенного вида товар, основанный на долговременной стратегии развития предприятия и технических возможностях, возникших для него на рынке³.

Разработка ценовой политики предполагает установление исходной цены на товар и своевременное изменение цен с целью их приведения в соответствие с меняющимися условиями рынка, выбор стратегии ценообразования. В настоящее время в ОАО «Резинотехника» используются различные методы ценообразования для разных групп РТИ. Например, цены на рукава формируются с помощью затратного метода, а цены на формовые и неформовые РТИ — на основе целевой нормы прибыли для данной группы.

Следующей подсистемой процесса является политика распределения. К ее основным элементам обычно относят выбор канала распределения продукции и формирование сбытовой стратегии. Последней составляющей системы процесса является коммуникационная политика (политика продвижения), представляющая собой совокупность способов продвижения продукции на рынок.

Как уже отмечалось выше, результатом процесса планирования является маркетинговый план, в котором устанавливаются рыночные цели организации, пути их достижения, сопоставляются задачи и ресурсы. План маркетинга ОАО «Саранский завод „Резинотехника”» включает следующие разделы: резюме, обзор развития рынка резиновых технических изделий, цели и задачи, маркетинговая политика (продуктовая политика, ценовая политика, политика распределения, коммуникационная политика), бюджет, оценка эффективности и контроль выполнения, приложения. Воз-

можно включение в эту структуру методики построения информационного обеспечения и базы данных, план подготовки и повышения квалификации персонала в области маркетинга.

Не останавливаясь подробно на содержании каждого раздела, следует отметить, что основными целями плана маркетинга ОАО «Резинотехника» на 2009 г. являются увеличение общего объема реализации продукции на 10 % и увеличение количества повторных заказов от потребителей на 15 % к 1 января 2010 г. Если проводить сравнение с планом 2008 г., то можно обнаружить, что целевые показатели увеличения общего объема реализации уменьшились на 5 %. Это может свидетельствовать о существенном негативном влиянии мирового финансового кризиса на деятельность предприятия. Кроме того, в настоящее время возрастает важность установления долгосрочных отношений с крупными потребителями продукции в условиях высокой нестабильности внешней среды, на что указывает плановая позиция об увеличении повторных заказов на 15 %. Важное место в плане занимает раздел маркетинговой политики, включающей в себя продуктовую, ценовую, распределительную и коммуникационную политику.

Анализ продуктовой политики ОАО «Резинотехника» показывает, что на предприятии осуществляется сбор информации для построения стратегической матрицы. Во втором полугодии 2009 г. на ее основе и анализе полученной информации будет разрабатываться ассортиментная политика предприятия на 2010 г. За разработку матрицы отвечает начальник отдела стратегического маркетинга. Затраты на формирование продуктовой политики включаются в состав фонда оплаты труда работников отдела стратегического маркетинга и указываются в бюджете маркетинга на плановый период.

Основными направлениями ценовой политики предприятия в 2009 г. в условиях финансового кризиса являются более широкое использование возможностей бартерных, взаимозачетных и вексельных схем для роста финансовой эффективности работы предприятия в целом (в том числе поставки сырья); снижение транспортных тарифов; фиксация ценовой политики с учетом данных, полученных отделом стратегического маркетинга, но не в ущерб финансовому

состоянию предприятия в целом. За разработку ценовой политики на ОАО «Резинотехника» отвечает коммерческий директор предприятия.

В настоящее время целью распределительной политики ОАО «Резинотехника» является разработка концепции взаимоотношений с кластером «многоразовые покупатели». Известно, что поиск нового клиента стоит в 8 раз дороже, чем удержание существующего. Это становится особенно актуально в условиях высокой нестабильности внешней среды. Отсюда следует, что установление дружеских долгосрочных отношений с этим кластером и проведение совместных маркетинговых исследований позволит сэкономить значительные финансовые средства. В дальнейшем планируется рассмотреть вариант поглощения нескольких компаний-посредников, имеющих слабое финансовое положение.

Составление тематико-финансового плана рекламных мероприятий ОАО «Резинотехника» на плановый год с разбивкой по кварталам осуществляет начальник отдела стратегического маркетинга. План должен быть утвержден генеральным директором до 31 декабря предпланового года. Начальник отдела стратегического маркетинга должен разработать и согласовать с генеральным директором концепцию участия в ярмарках и выставках.

Раз в квартал на предприятии производится разработка предложений по осуществлению горизонтальной рекламы, т. е. проведению презентаций, других пиар-мероприятий (конкурс на лучший фирменный отдел, лучшего рабочего, лучший рецепт). Ответственным за их проведение является начальник бюро исследований, планирования и рекламы. Кроме того, в его обязанности входит ежемесячное определение списка рассылки для проведения мероприятий в рамках программы по директ-маркетингу, в том числе по электронной почте, а также мониторинг рекламы основных конкурентов, выявление ее сильных и слабых сторон, оценка эффективности использования рекламных средств предприятия и оперативная корректировка медиа-плана и др.

Бюджет маркетинга ОАО «Резинотехника» составляется на год с разбивкой по кварталам. Он состоит из бюджетов представительских расходов, продвижения и затрат на содержание отдела маркетинга. В затраты на маркетинговые исследования включается также оплата услуг специали-

рованных консалтинговых фирм в случае их привлечения. Наибольшие затраты на рекламную деятельность планируются на сентябрь—октябрь 2009 г. Это объясняется тем, что в этот период должны состояться крупные выставки, посвященные продукции резинотехнической отрасли. Участие в выставках должно привести к увеличению заказов на 20 %.

Для осуществления контроля на предприятии разрабатывают план-график, содержащий сведения о задаче и лице, ответственном за ее выполнение, необходимых ресурсах и сроках исполнения. Он составляется на год с разбивкой заданий по кварталам, месяцам и неделям. Еженедельный отчет о выполнении запланированных мероприятий по плану является наиболее эффективным средством контроля.

Таким образом, разработанный с помощью системного подхода маркетинговый план содержит в себе основные цели и задачи ОАО «Резинотехника» на планируемый период, стратегию его поведения на рынке, инструментарий реализации в виде составляющих маркетинговой политики, смету расходов в целом и по отдельным статьям, предварительную оценку эффективности, меры контроля за ходом выполнения.

Именно системный подход, по нашему мнению, должен быть главным принципом маркетингового планирования, так как позволяет структурировать деятельность по формированию плана маркетинга, выявлять слабые элементы системы, снижать издержки, связанные с планированием (что особенно важно в условиях финансового кризиса), а также способствует развитию аналитического мышления у сотрудников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зиннуров У.Г. Стратегическое маркетинговое планирование и управление на предприятии: учеб. пособие. М.: Изд-во МАИ, 2005. С. 34.

² См.: Ефимова С.А. Маркетинговое планирование. М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2007. С. 122.

³ См.: МакДональд М. Планы маркетинга. Как их составлять и использовать. М.: ИД «Технологии», 2006. 656 с.

Т. И. ЧИРАНОВА

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность; потенциал; экспорт; импорт; методика; радар экспортного потенциала; конкурентоспособность; финансовый потенциал; промышленное производство; комплексный анализ; показатель; система

Key words: external economic activity; potential; export; import; methodology; radar of export potential; competitiveness; financial potential; industrial production; complex analysis; index; system

В рыночных условиях для предприятий при осуществлении ими производственной, хозяйственной, коммерческой и других видов деятельности всегда имеется элемент риска. Он выражается в производстве продукции, которая может получить недостаточный спрос, в потере прибыли, банкротстве и т. д. Следовательно, необходимость учета степени риска требует проведения тщательных расчетов результатов работы на всех участках производственно-хозяйственной и коммерческой деятельности предприятия, их анализа и оценки.

Типовой методики оценки внешнеэкономического предприятия еще не создано. В практике плано-экономических расчетов и обоснований показатель внешнеэкономического потенциала не планируется и даже не упоминается. В научной литературе также отсутствуют исследования, посвященные установлению размера внешнеэкономического потенциала, а также обобщающего показателя, определяемого по единой схеме для производственных предприятий.

Расчеты внешнеэкономического потенциала необходимо использовать при разработке концепции основных направле-

---

ЧИРАНОВА Татьяна Ивановна, соискатель кафедры маркетинга и информационных технологий Волжского университета (г. Тольятти).

ний экспорта и импорта продукции, составлении программы развития экспортной деятельности предприятия и закупке импорта, определении оптимального сочетания размеров средств, направляемых на развитие внешнеэкономической деятельности.

Разработка методики позволит сформулировать единые правила оценки внешнеэкономического потенциала предприятия с помощью показателей и коэффициентов весомости. Комплексная оценка предполагает анализ не только внешнеэкономической деятельности, но и всех сторон предприятия, так или иначе связанных с этой сферой. Исследование каждого элемента внешнеэкономического потенциала в отдельности не даст точного представления о резервах предприятия на внешних рынках. Для всестороннего обоснования и анализа экономической эффективности внешнеэкономической деятельности и выявления резервов ее повышения необходимо применять комплексный подход, основанный на системе взаимосвязанных показателей. В качестве обобщающего в этой системе принимается показатель *уровня экспортного потенциала*.

Разработанная нами методика комплексной оценки внешнеэкономического потенциала предприятия предполагает последовательное прохождение нескольких этапов.

На первом этапе осуществляется определение целей и задач оценки внешнеэкономического потенциала. Основной целью здесь является выявление возможностей развития производства и экспортной деятельности предприятия.

На втором этапе выявляются основные элементы внешнеэкономического потенциала. Для повышения точности методики оценки необходимо разделить его на составные части. Проведенное нами исследование структуры внешнеэкономического потенциала позволяет нам выделить пять основных элементов внешнеэкономического потенциала, в наибольшей степени влияющих на эффективность его использования. Ключевыми элементами являются производственный потенциал, потенциал экспортной деятельности, потенциал импортной деятельности, финансовые возможности предприятия и конкурентоспособность продукции.

Третий этап предполагает определение круга показателей каждого элемента внешнеэкономического потенциала и их расчет. Каждый элемент должен быть рассчитан отдельно

на основе собственных показателей. При этом необходимо учитывать, что комплексное изучение внешнеэкономического потенциала предприятия предусматривает систематизацию показателей, потому что их совокупность, какой бы исчерпывающей она ни была, без учета их взаимосвязи, соподчиненности не может дать объективного представления об эффективности хозяйственной деятельности. Необходимо, чтобы конкретные данные об отдельных элементах внешнеэкономического потенциала были органически «увязаны» между собой.

На четвертом этапе элементы внешнеэкономического потенциала объединяются в единую систему. Для этого следует использовать «радар внешнеэкономического потенциала». Это геометрический многоугольник, построенный в рамках оценочного круга. Последний представляет собой шкалу нанесенных на него параметров. Каждая шкала является радиусом круга, а каждый параметр — это экономические показатели, использованные при анализе элементов внешнеэкономического потенциала (интегральный показатель конкурентоспособности, рентабельность и т. д.). Зная значение каждого показателя, мы можем отметить и соединить их на шкале параметров, получив при этом радар внешнеэкономического потенциала. Он строится с соблюдением следующих принципов: все оценочные показатели имеют одинаковый вес, и круг делится радиальными оценочными шкалами на равные сектора, количество которых равно числу оцениваемых параметров; по мере удаления от центра круга значение показателя улучшается; шкалы на радиальных прямых градуируются так, чтобы все значения показателей лежали внутри оценочного круга; нечисловые показатели оцениваются экспертным путем по десятибалльной шкале; наличие какого-либо элемента внешнеэкономического потенциала оценивается единицей, лежащей на окружности, его отсутствие — нулем, совпадающим с центром круга.

Построение радара внешнеэкономического потенциала обосновывается необходимостью наглядно увидеть экспортный потенциал предприятия, его слабые и сильные стороны. На рисунке представлен радар внешнеэкономического потенциала ОАО «Электровыпрямитель».

Кроме того, при наличии достаточной информации о фирмах-конкурентах построение радара внешнеэкономического потенциала предполагает его оценку на основе его сравнения с внешнеэкономическим потенциалом другого предприятия. Для этого оцениваются основные виды деятельности этих фирм и строятся радары их экспортных потенциалов. Накладывая схемы друг на друга, можно получить так называемый «сравнительный радар внешнеэкономического потенциала» и наглядно увидеть сильные и слабые стороны одной фирмы по отношению к другой.

Этот вид «многоугольника» позволяет сравнить экспортные потенциалы фирм, конкурирующих на каком-либо рынке. На его основе можно сделать выводы о их конкурентных преимуществах. Однако данный метод определения внешнеэкономического потенциала возможен лишь при наличии обширной и достоверной информации о фирме-конкуренте. Поэтому, на наш взгляд, наиболее доступным методом определения внешнеэкономического потенциала является построение «многоугольника» первым методом.

На практике в оптимальном виде оба метода определения размера внешнеэкономического потенциала (с помощью многоугольников) должны дополнять друг друга. При этом необходимо использовать первый метод, второй будет дополнять его и конкретизировать, с учетом определенной ситуации и выбранного конкурента.

На пятом этапе оценки внешнеэкономического потенциала осуществляется определение его интегрального показателя. Расчет этого показателя осуществляется на основе радара внешнеэкономического потенциала и определяется относительной площадью радара, построенного внутри оценочного круга по показателям производственного потенциала, конкурентоспособности, экспортно-сбытовой деятельности, финансовой состоятельности.

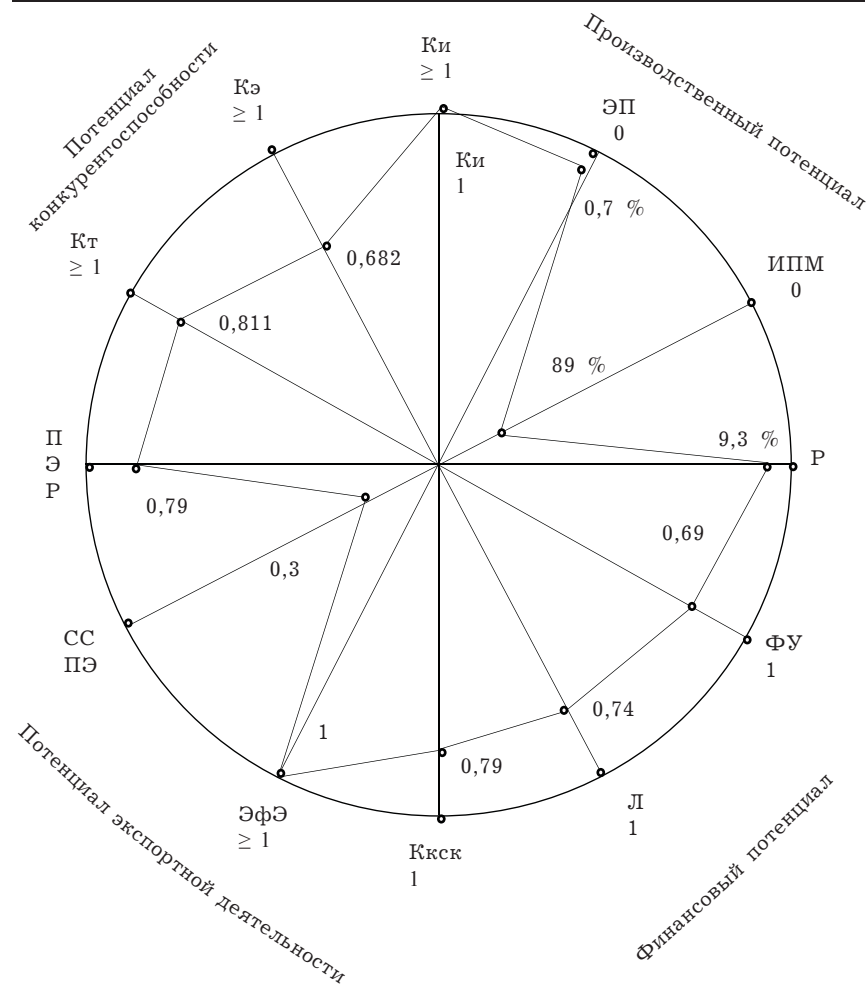

Рисунок. Радар внешнеэкономического потенциала ОАО «Электровыпрямитель»

На основе построенного многоугольника рассчитывается коэффициент внешнеэкономического потенциала. Для математического выражения внешнеэкономического потенциала, мы предлагаем использовать следующую формулу:

$$ВП = Sp : S,$$

где Sp — площадь радара, кв. мм; S — общая площадь оценочного круга.

Разработанная методика комплексной оценки внешнеэкономического потенциала была применена для определения уровня внешнеэкономического потенциала предприятий Республики Мордовия. Объектом исследования послужили данные ОАО «Электровыпрямитель».

Для определения показателей радара внешнеэкономического потенциала была создана экспертная группа, состоящая из 15 чел., каждый эксперт является специалистом в области внешнеэкономической деятельности. Следует весьма тщательно и продуманно относиться к процедуре отбора экспертов, поскольку от степени их профессиональной подготовленности зависит достоверность оценок. В нашем случае в качестве экспертов выступили специалисты отдела управления внешнеэкономических связей ОАО «Электровыпрямитель», сотрудники Министерства экономики Республики Мордовия. Первичная информация была получена методом экспертного опроса.

Следует отметить, что степень согласованности мнений экспертов составила 96,2 %, что позволяет говорить о ее высокой степени при определении весовых коэффициентов показателей методики комплексной оценки внешнеэкономического потенциала.

Рассчитанный нами коэффициент внешнеэкономического потенциала ОАО «Электровыпрямитель» составляет 0,51.

Полученные значения показывают, что все показатели финансово-хозяйственной деятельности имеют положительную прямую зависимость от уровня внешнеэкономического потенциала, причем наиболее тесная связь отмечается между внешнеэкономическим потенциалом и объемом реализованной экспортной продукции, который может служить косвенным показателем доли рынка, занимаемой организацией. Рассчитанный уровень коэффициента детерминации показывает, что половина общей вариации рентабельности определяется внешнеэкономическим потенциалом, а величина объема реализованной продукции определяется им на 60,2 %. Следовательно, чем лучше предприятие взаимодействует с соответствующим рынком, тем большую долю на нем оно

может занять и, следовательно, рассчитывать на большую долю прибыли.

Полученную информационную модель можно использовать для определения возможного значения основных показателей финансово-хозяйственной деятельности относительно того или иного уровня внешнеэкономического потенциала, осуществляя планирование и прогнозирование финансово-хозяйственной деятельности.

Использование уравнений регрессии позволяет сравнить фактический уровень внешнеэкономического потенциала предприятия с теоретически возможным и, следовательно, определить уровень резерва в управлении развитием потенциала и получении дополнительной прибыли. Разработанная нами методика комплексной оценки внешнеэкономического потенциала предприятия позволяет снизить интуитивный характер его внешнеэкономической деятельности, внести упорядоченность, обоснованность, эффективную организацию в построение и функционирование экспортной деятельности.

Поступила 08.04.09.

Г. Н. ТЕРЯКОВА

КРЕДИТНЫЕ РЕСУРСЫ БАНКОВ И МАЛЫЙ БИЗНЕС РЕГИОНА

Ключевые слова: кредитные ресурсы; банк; малый бизнес; предпринимательство; государственная поддержка; федеральный и муниципальный бюджет; кредитование; залог; страхование

Key words: credit resources; bank; small business; entrepreneurship; state supporting; federal and municipal budget; crediting; guarantee; insurance

Исследование состояния банковского кредитования малого бизнеса в регионе имеет важное значение для анализа ситуации в конкретных регионах и оценки проблем и перспектив банковского кредитования малого бизнеса в России.

Малое предпринимательство в Оренбургской области, являясь частью экономики региона, способствует созданию рабочих мест, оживлению спроса и предложения на рынке, появлению самостоятельных источников дохода за счет частной предпринимательской инициативы, снижению социальных нагрузок на расходную часть бюджетов всех уровней. Государственная политика по поддержке и развитию малого предпринимательства в Оренбургской области выстроена в соответствии с федеральной концепцией государственной поддержки.

В целях последовательного развития правовой основы предпринимательства в области принимаются целевые программы государственной поддержки малого бизнеса. Последней была принята Программа развития предпринимательства в Оренбургской области на 2006—2008 годы¹. Финансирование мероприятий Программы осуществляется за счет средств областного бюджета. В качестве дополнительных источников финансирования привлечены средства федерального и

ТЕРЯКОВА Галина Николаевна, старший преподаватель кафедры кредитных и страховых дисциплин Бузулукского финансово-экономического колледжа — филиала Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации.

муниципальных бюджетов, российских и международных кредитно-финансовых организаций и фондов, предприятий и предпринимателей. Общий объем финансирования Программы составляет 76,95 млн руб. Программа корректируется с учетом мер государственной поддержки малого предпринимательства Минэкономразвития России.

Работа с предприятиями малого бизнеса для банков — это одно из перспективных направлений деятельности. Банками области активно внедряются программы кредитования малого бизнеса. Объекты кредитования — это организация бизнеса, финансирование текущей деятельности, включая закупку товаров и сырья, материалов, инвестиционное финансирование.

За последние пять лет произошло значительное улучшение условий кредитования, приняты соответствующие меры по расширению доступности банковского кредита для субъектов малого предпринимательства. Многие банки и их филиалы приступили к реализации новых программ, в которых учтены потребности предпринимателей разного уровня. Основным преимуществом этих программ является наличие полностью или частично обеспеченных кредитов, быстрота и гибкость принятия решений, отсутствие обязательного страхования залога, индивидуальный график погашения и отсрочка выплат основного долга до 6 месяцев. Проводится работа по расширению клиентской базы за счет активного привлечения малых предприятий региона путем консультирования субъектов малого бизнеса, анализа их финансовой деятельности и возможности кредитования.

Снижению кредитного риска способствует проводимая банковским сектором работа по повышению экономической грамотности населения, в частности, предпринимателей. Главное управление Банка России по Оренбургской области с участием региональных банков разработало сводный план мероприятий кредитных организаций и филиалов банков по повышению информированности населения в области банковской деятельности и банковских услуг. Информация доводится до общественности в форме семинаров, статей, интервью на радио и телевидении, комментариев, видеосюжетов, рекламы и др.

Отделениями Сбербанка России на территории области предусматривается работа по стандартизации и упрощению

выдачи кредитных продуктов, предполагается развитие кредитования субъектов малого предпринимательства на цели приобретения муниципальной недвижимости. Более активно будет продолжаться кредитование предприятий сельского хозяйства, крестьянских и фермерских хозяйств.

За 2003—2008 гг. в Оренбургской области количество кредитных организаций возросло с 50 до 66 ед. при увеличении их оплаченного уставного капитала с 1 117,5 млн руб. до 3 288,8 млн руб. Однако наблюдается преобладание темпов роста уставного капитала над темпами роста количества кредитных организаций, что свидетельствует об их укрупнении.

В области наблюдается положительная динамика величины ресурсной базы действующих кредитных организаций и совокупных активов. Несмотря на позитивные характеристики этих показателей, финансовый потенциал банков региона вовсе не достаточен: доля совокупных активов в объеме ВРП на 1 января 2008 г. составила 29,3 %, в России — 61,4 %².

Банкам и банковской системе страны не хватает финансовой мощи, соизмеримой с колоссальной территорией России, гигантскими природными ресурсами, развитым научно-техническим потенциалом. Национальное богатство России оценивается почти в 400 трлн долл., что на душу населения в 22 раза больше, чем в Японии. В то же время суммарные активы и собственные средства всей российской банковской системы меньше активов и капитала только одного крупного банка этой страны.

К началу 2007 г. в России темпы роста активов российских банков опережали темпы роста капитала банковского сектора, и отношение капитала к активам за три последних года возросло лишь на 0,5 %³ (в Оренбургской области — на 0,2 %). Даже на фоне высокой рентабельности очевидно, что за счет внутренних источников капитализации банковский сектор не сможет обеспечить столь быстрые темпы роста, которые объективно необходимы для преодоления дефицита банковских услуг, существующего в экономике.

С нашей точки зрения, резерв для пополнения ресурсов банков заложен в структуре денежной массы. Если на 1 января 1992 г. (в начале отпуска цен) наличные денежные средства в обращении вне банков составляли 18 % денежной массы, то на 1 января 2008 г. этот показатель достиг

25,3 %⁴. Существующая структура дезорганизует денежное обращение страны, препятствует рыночным реформам, оказывает негативное влияние на банковскую систему, способствует развитию в ней кризисных явлений. Так, если безналичные деньги полностью оборачиваются в банках, то большая часть наличности не участвует в банковском обороте из-за хранения населением рублевой наличности дома, использования значительной части наличных денег при расчетах физических и, главное, юридических лиц, минуя банковские учреждения.

При действующей системе деньги теряют свой кредитный характер и, как следствие, остаются в экономическом обороте как пассивный к производству инструмент. В отличие от кредита их не надо отрабатывать, создавать стоимость с приращением. Потеряв на своей исходной стадии (вхождение в экономический оборот) кредитный характер, национальная денежная единица перестает быть стимулом к созданию новых благ, ускорению экономического роста.

На наш взгляд, немаловажной проблемой капитализации кредитных организаций является высокая доходность в альтернативных сегментах экономики, прежде всего в сырьевых. Но потенциал роста эффективности сырьевых отраслей не является бесконечным. С этой позиции банки Оренбургской области, являющейся нефтеносной, должны быть готовы к тому, что их привлекательность как объектов инвестиций будет увеличиваться, что приведет к росту спроса на вложения в капиталы банков.

Необходимый прирост капитала может обеспечить финансовый инвестор, у которого коммерческий интерес к деятельности банка будет нацелен на извлечение прибыли, а не на получение банковских услуг. К этому должны быть готовы менеджмент банка, надзорные органы.

Доля кредитных вложений нефинансовым предприятиям в структуре ВРП в Оренбургской области на 1 января 2008 г. составила 8,7 %, уровень совокупных активов банков в объеме ВРП — 29,3 %, что свидетельствует о недостаточном кредитовании предприятий реального сектора экономики. В России доля кредитов предприятий нефинансового сектора в объеме ВВП равна 27,4 %⁵.

В совокупных активах банковской системы Оренбургской области доля кредитов, выданных субъектам малого

бизнеса, на 1 января 2008 г. составила 24,8 %, в объеме ВРП — 7,3 %, тогда как в России доля кредитов предпринимателей в объеме ВВП достигла 23,9 %⁶.

Таким образом, при недостаточном финансовом потенциале банков региона имеющиеся активы кредитных организаций Оренбургской области распределяются нерационально или пользуются недостаточным спросом у потенциальных ссудозаемщиков. Доказательством этому является и незначительная доля объема кредитных вложений (29,7 % на 1 января 2008 г.) нефинансовым предприятиям в совокупных активах кредитных организаций области при отрицательной динамике. В целом по России значение этого показателя составляет 44,7. Несмотря на низкий уровень кредитования предприятий реального сектора экономики Оренбургской области, доля кредитов субъектов малого бизнеса на 1 января 2008 г. составила 83,6 % в объеме кредитных вложений нефинансовым агентам⁷.

Анализ состояния и функционирования банковского сектора Оренбургского области с 2003 по 2007 г. показал положительную динамику объемов кредитования предприятий малого бизнеса. На 1 января 2008 г. объем кредитов, предоставленных кредитными организациями области на развитие малого предпринимательства, составил 28 817,4 млн руб., что на 89,1 % больше, чем в 2006 г. Ссудная задолженность по кредитам, выданным субъектам малого бизнеса, возросла на 11 828,3 млн руб. и на 1 января 2008 г. составила 13 451,5 млн руб. Увеличилась и доля ссудной задолженности по кредитам предпринимателей в общей сумме задолженности по ссудам предприятий реального сектора экономики за аналогичный период с 19,8 до 39,9 %⁸.

По состоянию на 1 января 2008 г. в объеме кредитных вложений в малый бизнес 46,7 % занимает ссудная задолженность, а в составе кредитных вложений нефинансовым предприятиям составляет 98,0 %, что свидетельствует о меньших сроках кредитования предприятий малого бизнеса по сравнению с предприятиями реального сектора экономики региона. В 2007 г. неплатежи по кредитам, предоставленным предприятиям малого бизнеса, по отношению к 2006 г. возросли на 205,5 млн руб. и составили 354,2 млн руб. Увеличилась и доля просроченной задолженности по кредитам, выданным малому бизнесу с 0,97 до 1,23 %, тогда как доля

просроченных кредитов нефинансовых предприятий в общей сумме кредитных вложений в эту сферу выше почти в два раза⁹. В России удельный вес просроченной задолженности в кредитах нефинансовых организаций снизился в 2007 г. по сравнению с 2006 г. до 0,9 %¹⁰.

Таким образом, доля просроченной задолженности по кредитам малых предприятий в объеме выданных им кредитов отнюдь не значительна, но имеет тенденцию к увеличению.

Среди источников финансирования малого предпринимательства, по данным статистики, в России основное место занимают собственные средства (70 %), в том числе амортизация — 40 %, прибыль — 30 %. Привлеченные средства составляют 30 %, из них кредиты банков — 20 %, эмиссия ценных бумаг — 10 %. В составе кредитов долгосрочные обязательства составляют 2,6 %, краткосрочные — 17,4 %¹¹. На наш взгляд, приоритетным направлением совершенствования системы кредитных взаимоотношений банков с субъектами малого бизнеса являются повышение капитализации банков и обеспечение достаточного объема ресурсной базы, для чего необходимо использовать внутренние резервы региональных банков, обеспечивающие привлечение срочных ресурсов.

Финансовую поддержку малого предпринимательства могут обеспечить развитие сети региональных специализированных банков малого бизнеса с индивидуальным подходом к клиенту; создание многоуровневой системы кредитования и рефинансирования малого бизнеса, включающей банковский сектор, кредитную кооперацию, микрофинансовые организации, венчурный капитал и другие специализированные и неспециализированные финансовые организации; государственная поддержка малого бизнеса посредством целевого финансирования отдельных сфер малого предпринимательства, являющихся базовыми для развития всех его видов; развитие механизма гарантий по инвестиционным кредитам субъектов малого бизнеса, включая предоставление государственных гарантий коммерческим банкам, принимающим участие в финансировании предпринимательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Закон Оренбургской области об областной целевой Программе «О развитии предпринимательства в Оренбургской области на 2006—2008 годы» от 7 декабря 2005 г. № 2878.

² См.: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2007 г. Центральный банк РФ. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 14.02.2008).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Морозко Н.И. Системные исследования финансовых проблем малого бизнеса // Финансы и кредит. 2008. № 11. С. 33.

⁷ См.: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора ...

⁸ См.: Бюлл. банковской статистики для кредитных организаций по Оренбургской области, г. Оренбург. 2004—2007 гг.

⁹ См.: Главное управление Банка России по Оренбургской области. Бюлл. банковской статистики. 2006. № 212 от 5 февраля 2007 г. № 02-1-13/101 от 17 июня 2008 г. № 1.

¹⁰ См.: Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора ...

¹¹ См.: Морозко Н.И. Системные исследования финансовых проблем ...

Поступила 20.01.09.

И. Б. ЮЛЕНКОВА

ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: малое предпринимательство; финансовое положение; административные барьеры; мониторинг; структурные изменения; менеджмент; научно-техническая и инновационная деятельность

Key words: small entrepreneurship; financial condition; administrative barriers; monitoring; structural changes; management; scientific and technical and innovational activity

Достигнутый в России уровень развития малого предпринимательства сохраняется без существенных изменений с середины 90-х гг. XX в. Из этого следует, что используются потенциальные возможности для роста производства товаров и услуг, занятости и доходов населения, не вовлекаются в экономический оборот имеющиеся значительные ресурсы.

Проведенный анализ позволяет выделить три группы проблем, в наибольшей мере сдерживающих развитие малого бизнеса: организационные (трудности с юридическим оформлением и регистрацией предприятия, открытием счета в банке и др.); проблемы материально-технического обеспечения (нехватка или отсутствие производственных помещений, современного оборудования, низкая квалификация персонала, недостаточная защищенность деятельности предпринимателя, сложные отношения с местными органами власти и т. д.); материально-финансовые (затруднения в получении капитала для регистрации предприятия, накоплении стартового капитала для обеспечения деятельности предприятия, установлении связей с поставщиками сырья и т. д.).

Исследования развития малого бизнеса в Мордовии показывают, что распространенные суждения о том, что малый бизнес больше, чем крупный и средний, подвержен влиянию

ЮЛЕНКОВА Ирина Борисовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

«теневой экономики», не соответствуют действительности. По мнению руководителей малых предприятий, основные причины их ухода в «теневую экономику» — это налоговый прессинг, высокий уровень альтернативных расчетов (наличные, бартер и др.), неразвитость рынка недвижимости¹.

Сдерживающими факторами в развитии деятельности малых предприятий являются неразвитость и нестабильность законодательства, снижение платежеспособности населения, недостаток собственных финансовых средств, чрезмерные совокупные налоговые выплаты, трудности в оспаривании решений налоговых арбитражных органов. Серьезным препятствием стала сложность получения кредитов. Основные причины этого — отсутствие у малых предприятий необходимого залога, неразвитость системы гарантирования и лизинга, недостаточное количество сильных региональных банков.

Из-за неустойчивого финансового положения и нехватки средств большинство малых предприятий лишено внутренних стимулов развития, внедрения новых технологий, повышения качества продукции и услуг, осуществления долгосрочных инвестиций, освоения новых рынков. Малые предприятия в наибольшей степени страдают от кризиса неплатежей, недисциплинированности контрагентов, банкротств деловых партнеров.

Проблема нехватки производственных и служебных помещений также существенно тормозит развитие малого бизнеса. Существует большой резерв неиспользуемых производственных и служебных помещений, являющихся собственностью крупных приватизированных предприятий и местных органов власти, однако предпринимателю к информации об этом нет доступа. Бизнесмены, разворачивающие производство на арендуемых площадях, попадают в кабалу к арендодателям, нередко произвольно изменяющих ставки арендной платы.

Предприниматели часто сталкиваются с административными барьерами, создаваемыми федеральными, региональными и местными органами власти: усложнен порядок лицензирования, произвольно расширяется перечень лицензируемых видов деятельности и т. д. Иногда органы государственной власти принимают решения, якобы направленные на защиту интересов региона, а на деле ограничивающие развитие бизнеса: разрушается единое экономическое пространство, устанавливаются барьеры на пути движения товаров между

регионами. В начале 90-х гг. XX в. для многих регионов России нередко вводились ограничения на вывоз товаров собственного производства с целью предотвращения дефицита и обеспечения первоочередных потребностей региона. Сейчас актуальна проблема запрета ввоза товаров на территорию региона. Такими мерами органы государственной власти пытаются оградить местные предприятия от межрегиональной конкуренции, увеличить налогооблагаемую базу. Во многих сельскохозяйственных регионах время от времени вводятся запреты на отгрузку зерна иным потребителям до окончания поставок в региональные фонды.

Для малых предприятий процессы, вызываемые этими проблемами, носят разрушительный характер. Однако далеко не всегда трудности того или иного предприятия связаны с неблагоприятной средой. Во многих случаях ликвидация малых предприятий является следствием здоровой экономической конкуренции, когда неэффективные хозяйствующие субъекты вынуждены покидать рынок.

Только в результате эффективной деятельности малых предприятий можно ожидать положительные сдвиги в социально-экономической ситуации в ближайшие годы. Они помогут снизить социальную напряженность, смягчить негативные социальные последствия структурных изменений. Однако успешное развитие этого сектора экономики возможно только при проведении государственной политики, направленной на его поддержку.

С 2002 по 2008 г. Научно-исследовательский институт регионологии Мордовского государственного университета по заказу Министерства торговли и предпринимательства РМ проводил ежегодный мониторинг социально-экономических процессов и социально-психологического климата в малом предпринимательстве республики. В результате исследования было выявлено, что наиболее острыми проблемами, стоящими перед предприятиями малого бизнеса региона, эксперты считают административные барьеры (51,0 %), аренду помещений (31,4 %), несовершенство законодательства, касающегося малого предпринимательства (31,4 %). Налоги традиционно остаются высокими (27,5 %) и сдерживают успешное ведение бизнеса (58,9 %). Гораздо меньше опрошенных волнуют привлечение инвестиций (11,8 %), поиск оборотных средств (9,8 %) и защита прав собственности (7,8 %)².

Исследование также выявило улучшение, по мнению предпринимателей, криминогенной обстановки в сфере бизнеса и более успешное решение кадровых проблем. Заметное уменьшение напряженности выявлено по выплате процентов и возврату кредитов, сбыту произведенной продукции. Однако предпринимателей стали больше тревожить конкуренция, отсутствие информационной поддержки. Основной проблемой по-прежнему остается совершенствование нормативно-правового обеспечения реализации государственной политики в сфере малого предпринимательства (37,3 %). Несколько меньшую озабоченность вызывают проблемы совершенствования механизмов организационного (22,7 %), информационного (20,0 %) и кадрового (25,3 %) обеспечения. По мнению предпринимателей Мордовии, в наибольшей степени сдерживают успешное ведение бизнеса система взяточничества (34,2 %) и сложная процедура получения кредита для развития своего дела (20,5 %)³.

Вышеперечисленные проблемы малого бизнеса актуальны не только для Республики Мордовия, но и для всей страны в целом. Однако для малых инновационных предприятий характерны и другие факторы, сдерживающие их развитие. Механический перенос формируемой методологии современного российского менеджмента на малые предприятия, деятельность которых связана с инновационными процессами, не приводит к получению ожидаемого эффекта. Более того, он компрометирует эту признанную во всем мире организационно-производственную форму предпринимательства. Есть ряд причин, препятствующих эффективному использованию малого предпринимательства в научно-технической и инновационной сферах деятельности.

Во-первых, это отсутствие рыночного механизма интеграции отдельных субъектов интеллектуальной собственности в добровольно создаваемые коллективы (организации) разработчиков и производителей, способных воспроизвести цепь «исследование—разработка—производство—продажа». Такие коллективы, организационно оформленные в малые предприятия, должны представлять собой отдельные элементы (блоки), из которых по мере требований рыночной экономики могут создаваться:

— организации органического типа (с гибкой организационной структурой управления) по созданию и реализации

целевых проектов инноваций, т. е. специфического товара в виде научно-прикладных, технико-технологических и организационных разработок, приносящих устойчиво положительный потребительский эффект и направленных на совершенствование процесса или результатов деятельности хозяйствующих субъектов;

— организации, конечным результатом деятельности которых является новый или усовершенствованный продукт, внедряемый на рынке; новый или усовершенствованный технологический процесс; новый подход к социальным услугам, используемых в обществе;

— организации, которые обеспечивают создание рынка инноваций и являются его инфраструктурным обеспечением (информационным, аналитическим, коммерческим, финансовым и т. д.).

Во-вторых, это преодоление традиционной для советского периода организации научно-технической и инвестиционной деятельности, когда в структуре НИОКР преобладали разработки, внедряемые в оборонный комплекс; формирование в основном некоммерческих взаимосвязей между организациями на всех стадиях; деление науки на фундаментальную, отраслевую, вузовскую и заводскую, отсутствие интеграционных хозяйственных отношений между ними; преобладание командно-административных и морально-политических методов управления в этой сфере деятельности. В рыночных отношениях все это стало не только тормозом в процессе активизации инновационной деятельности, но и в ряде случаев остановило процесс, поэтому должно быть заменено новым, рыночным механизмом управления.

В-третьих, это необходимость возврата в научно-техническую и инновационную сферы высококвалифицированных научных и конструкторских кадров, ушедших в другие сферы деятельности или эмигрировавших из-за изменения системы ценностей общества; необходимость восстановления непрерывности и преемственности в подготовке кадрового потенциала, который сможет сконцентрировать усилия на воспроизводстве пятого и шестого технологических укладов. Одним из путей решения этой проблемы мы считаем усиление предпринимательских начал, перенесение центра тяжести в научно-технической и инновационной деятельности на частный капитал, в том числе на малое предпринима-

тельство, компенсируя этим сокращение государственных инвестиций в науку, новые технологии и инновации.

В-четвертых, это необходимость создания на макро- (федеральном), мезо- (региональном) микроуровнях (уровне предприятий) системы инвестирования научно-технической и инновационной деятельности, основными рычагами которой должны стать рыночные составляющие (конкуренция, цена, прибыль), а организационными формами реализации — целевые программы, ориентированные на приоритетные направления рыночной экономики и социальные проблемы общества. В связи с этим определенное место должно быть отведено малым предприятиям, поскольку только они в сочетании с крупными и средними научными коллективами могут создать монолитную сферу инновационной деятельности на всех уровнях экономики. Увеличение количества малых предприятий в этой сфере деятельности является стратегической задачей, так как с их помощью становится возможным передача новейших технологий из фундаментальной науки и оборонного комплекса в сферу гражданской промышленности.

В-пятых, это необходимость поддержки малых предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, путем формирования эффективного механизма управления, базирующегося на новой управленческой парадигме. Решить эту проблему отдельному малому предприятию и даже их группе не под силу. Здесь должны быть представлены совместные усилия законодательной и исполнительной власти, ученых, предпринимателей и менеджеров, поскольку решение лежит в плоскостях развития научно-технической и инновационной деятельности, совершенствования рыночного механизма управления хозяйствующими субъектами, регулирования поведения рыночной среды, налогового, кредитно-финансового и правового механизмов.

Перечисленные проблемы касаются только малых предприятий инновационного профиля, их следует отнести к специфическим. К их числу следует добавить и проблемы общего характера, возникшие в сфере научно-технической и инновационной деятельности.

В условиях мирового финансового кризиса не приходится надеяться на оживление и подъем экономики и инновационный бум. К направлениям решения этой проблемы следует отнести всесторонний учет состояния и специфики научно-

технического потенциала регионов; сближение этих потенциалов; развитие базисных инноваций; проведение региональной селективной перспективной политики; развитие вузовской науки, относительно равномерно размещенной на территории страны и широко привлекающей молодежь; расширение межрегионального и межгосударственного кооперирования для разработки, освоения и распространения новых поколений техники и технологий. Развитие малых предприятий и совершенствование управления ими предполагают создание правовых, экономических и организационных условий для устойчивого развития малого предпринимательства как важнейшего элемента институциональных преобразований и неотъемлемой части новой структуры экономики; инициирование действий финансово-кредитных и инвестиционных механизмов за счет собственных возможностей эффективно развивающихся малых предприятий; целевое формирование системы государственной поддержки малого предпринимательства.

Таким образом, несмотря на относительную положительную динамику, в Мордовии есть ряд проблем в сфере развития малого бизнеса, являющихся серьезным препятствием для его развития и, следовательно, и малого инновационного предпринимательства. По мнению предпринимателей и других экспертов, наиболее злободневны из них высокие налоги и административные барьеры. Учитывая это, следует строить государственную политику поддержки малого предпринимательства на федеральном и региональном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мордовский предприниматель — 2003: Бюлл. Саранск, НИИ регионологии, 2003. 88 с.; Мордовский предприниматель — 2004: Бюлл. Саранск, НИИ регионологии, 2004. 72 с.; Мордовский предприниматель — 2006: Бюлл. Саранск, НИИ регионологии, 2006. 60 с.;

² См.: Мониторинг административных барьеров, препятствующих развитию малого предпринимательства (итоговый отчет). НИИ регионологии Мордов. ун-та, 2008. 36 с.

³ Там же.

Поступила 05.12.08.

И. Н. КРУТОВА

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В АПК РЕГИОНА

Ключевые слова: проектное финансирование; финансово-кредитные институты; банковский кредит; инвестиционный потенциал; рейтинг; инвестиционная привлекательность региона; ресурсный потенциал; объективные факторы; субъективные факторы; институциональные факторы; конъюнктурные факторы

Key words: project financing; financial and crediting institutions; bank credit; investment potential; rating; investment attractiveness of the region; resource potential; objective factors; subjective factors; institutional factors; conjunctive factors

В ходе реализации проектного финансирования в агробизнесе встает проблема взаимодействия реального и финансового секторов экономики. В связи с тем, что в России в настоящее время специализированные финансово-кредитные институты недостаточно развиты, данное взаимодействие не осуществляется на должном уровне, а осуществляется в основном через банки посредством кредитования. Банковский кредит является дорогостоящим и краткосрочным источником привлечения средств со сложной процедурой его получения. В современных условиях банковской системы, кризиса ликвидности 2007 г. и глобального финансового кризиса 2008 г. получить долгосрочный кредит предприятиям АПК сложно. В то же время первостепенную роль в процессе принятия решения о выдаче аграрного кредита играют инвестиционный климат и инвестиционный потенциал региона.

Определяя категорию инвестиционного потенциала, следует отметить, что применительно к АПК он представляет собой прежде всего ресурсный и производственный потен-

КРУТОВА Ирина Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

циал. Составляющие инвестиционного потенциала АПК Республики Мордовия выходят за рамки только ресурсного и производственного потенциалов в узком смысле, охватывая инфраструктурный, финансовый, инновационный и другие виды инвестиционного потенциала. Наш подход отражает методику определения инвестиционного потенциала консалтингового агентства «РА-Эксперт», ежегодно оценивающего инвестиционную привлекательность регионов РФ уже более 10 лет. Кроме того, в наших исследованиях мы учитывали рейтинг субъектов РФ по эффективности сельскохозяйственного производства, разработанный отделом рыночного механизма Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Российской сельскохозяйственной академии.

Ресурсный потенциал представляет собой совокупность органически взаимосвязанных природных, трудовых ресурсов и материальных средств, которые в процессе взаимодействия способны производить продукцию. В то же время любое увеличение ресурса ведет к росту ресурсного, а не производственного потенциала. Производственная способность ресурсов есть признак ресурсного потенциала.

Кроме того, нельзя не отметить высокую степень зависимости ресурсного потенциала региона и инвестиционной активности. Эта взаимосвязь ярко выражена. В качестве примера можно привести высокую инвестиционную привлекательность АПК черноземных областей России и низкую инвестиционную привлекательность АПК северных районов, зон рискованного земледелия. Мордовия обладает невысоким инвестиционным потенциалом АПК, что обусловлено прежде всего небогатыми природно-климатическими ресурсами¹. По данным консалтингового агентства «РА-Эксперт», в 2007 г. в рейтинге инвестиционного потенциала Мордовия заняла 65-е место, причем имела место отрицательная динамика по пяти пунктам по сравнению с 1997 г. По степени риска регион занял 21-е место, переместившись с 22-го места в 1997 г.² В целом инвестиционная привлекательность республики характеризуется незначительным инвестиционным потенциалом на фоне умеренного риска. В итоге республика занимает в рейтинге инвестиционного климата 65-е место.

Первой составляющей инвестиционного потенциала республики является природно-ресурсный потенциал, относящийся

к объективным материальным ресурсам АПК. К нему относятся земельные и водные, а также климатические ресурсы. Предприятия и регионы, имеющие плодородные почвы, находятся в лучшем положении, чем те, которые их не имеют. Земля является важнейшим источником национального богатства. В отличие от других средств производства, изнашивающихся по мере использования, земля при правильном к ней отношении может повышать свои ресурсные качества. Республика обладает невысоким совокупным природно-ресурсным потенциалом. В то же время регион отличается выгодным географическим положением, агроклиматические ресурсы позволяют возделывать различные сельскохозяйственные культуры и развивать животноводство, что является важным фактором становления конкурентоспособности продовольственного рынка Мордовии.

Сельскохозяйственная отрасль является в республике традиционной. Климатические условия и наличие необходимой транспортной инфраструктуры (сеть автомобильных и железнодорожных магистралей), предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, позволяют с достаточной эффективностью вести сельскохозяйственные работы. Выравниваются, размер и расположение пахотных земель позволяют отнести посевные площади республики к 3-й группе (из 8-ми). Это говорит о высоком качестве пахотных земель и возможности достаточно эффективно вести их обработку, в том числе и для производства кормовых культур.

Общая земельная площадь республики составляет 2 612,8 тыс. га. Сельскохозяйственные угодья средних предприятий занимают 814,2 тыс. га. Это составляет 57,1 % от уровня 1997 г. Посевная площадь составила 604,7 тыс. га, из них 61,1 % — зерновые культуры, 2,0 % — технические культуры, 0,3 % — картофель и овощебахчевые культуры, 36,6 % — кормовые культуры. Посевная площадь в 1997—2007 гг. сократилась на 36,7 %³.

Производственный потенциал региона требует широкомасштабных финансовых вливаний и не соответствует средним показателям его развития, хотя и имеет положительную динамику. В Мордовии сельское хозяйство представлено большим количеством хозяйств различных категорий. При этом значительным фактом является высокая динамика развития животноводческой отрасли за последние пять лет⁴.

Тем не менее, в рейтинге Российской сельскохозяйственной академии (далее — Россельхозакадемия) аграрный сектор Республики Мордовия в 2007 г. занимал в хозяйствах всех категорий в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве лишь 44-е место по такому базовому показателю, как валовая продукция сельского хозяйства. Этот показатель характеризует уровень производства в сельском хозяйстве, формирующийся на основе использования его важнейших факторов: трудовых ресурсов и сельскохозяйственных угодий⁵.

Существенным препятствием дальнейшего развития животноводческой отрасли является высокий уровень износа основных средств и недостаточная производительность поголовья животных, что не позволяет полностью удовлетворять потребности мясоперерабатывающей отрасли республики в сырье.

Несмотря на рост инвестиций в АПК в рамках различных государственных проектов, в том числе приоритетного национального проекта «Развитие АПК», низкий уровень эффективности инвестиций и высокая в них потребность, неудовлетворенная на протяжении 17 лет, привели к образованию в аграрном секторе значительных объемов физически и морально изношенного основного капитала. В то же время основополагающим фактором аграрного производства является уровень развития средств производства. В процессе кругооборота производственные фонды активно участвуют в создании нового продукта и переносят на него свою стоимость. Замедление их оборота негативно влияет на ритмичность производства, снижая эффективность аграрного производства.

Балансовая стоимость основных фондов крупных и средних сельскохозяйственных организаций на 1 января 2008 г. составила 13 167 млн руб. (10,0 % всех основных фондов крупных и средних организаций региона), остаточная стоимость — 9 669 млн руб. (16,0 %). Степень износа составила 26,6 % (в целом по республике этот показатель выше на 27,4 %), коэффициент обновления — 21,8 % (в целом по республике этот показатель ниже на 12,5 %), коэффициент выбытия — 1,6 %⁶.

Ввод зданий сельскохозяйственного назначения характеризуется положительной динамикой. Общий строительный объем

зданий сельскохозяйственного назначения — 277 090 куб. м. Ввод общей площади зданий сельскохозяйственного назначения составил 64 891 кв. м. В то же время увеличился ввод в действие производственных мощностей. В регионе было введено помещений для крупного рогатого скота на 2 770 скотомест, для свиней — на 2 830, птицы — на 177 500; было осушено 100 га земель, проведено культуротехнических работ на сельскохозяйственных угодьях, не требующих осушения на 1 930 га. Впервые за 10 лет было введено в действие сенохранилище мощностью 1 500 т, силосные и сенажные сооружения — на 18 390 тыс. куб. м, зерносеменохранилище — на 500 т единовременного хранения⁷.

Согласно рейтингу Россельхозакадемии, Мордовия занимает 49-е место по показателю «отношение выручки от продажи товаров, продукции, работ и услуг к стоимости основных средств». По этому показателю можно судить о низкой эффективности использования основных средств⁸. Основные фонды в аграрном секторе республики характеризуются недозагруженностью. В то же время, несмотря на низкий уровень использования производственных мощностей, их недозагруженная часть не может рассматриваться в качестве резервной из-за несоответствия структуре спроса, недостаточно эффективного использования ресурсов. Содержание на балансе организации больших объемов незагруженных, морально и физически изношенных производственных мощностей, не обеспеченных спросом, тяжелым бременем ложится на финансы сельскохозяйственных производителей и является постоянно действующим фактором, инициирующим спад производства.

Положительное воздействие на развитие аграрного сектора оказал национальный проект «Развитие АПК», реализуемый в контексте государственно-частных партнерств, т. е. одного из видов проектного финансирования. По итогам его реализации существенно выросло производство мяса. Однако рост производства молока составил 0,2 %. Производство яиц во всех категориях хозяйств увеличилось в 4,3 раза.

Финансовый потенциал региона также падает (с 61-го места в 1997 г. до 65-го места в 2007 г.). Прибыль сельскохозяйственных организаций до налогообложения в 2007 г. составила 1 057,2 млн руб., сумма налогов, перечисленных в бюджеты различных уровней, в 2006 г. составила 247 341 тыс. руб.⁹ В то

же время в соответствии с рейтингом Россельхозакадемии Мордовия занимает 35-е место по показателю «рентабельность сельскохозяйственных организаций по всей деятельности и доля прибыльных хозяйств в общем числе сельскохозяйственных организаций» и 28-е место по показателю «коэффициент относительной финансовой устойчивости». Это позволяет оценить финансовое состояние сельского хозяйства республики как выше среднего по России.

Оживление ситуации за последние 8 лет в экономике, рост доходов населения оказали позитивное воздействие на развитие потребительского рынка. Большинство предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности в процессе формирования предложения на рынке реализуют маркетинговый подход. Широкое применение находит стратегия дифференциации товара, активно внедряются новые технологии, позволяющие более полно удовлетворять потребности покупателей, предлагаются различные новинки в рамках ассортиментных групп или целые группы новых товаров¹⁰. Однако в настоящее время товарная насыщенность, в том числе и за счет импортной продукции, носит устойчивый характер и превышает платежеспособный спрос населения на важнейшие продукты питания и товары народного потребления. Результатом стало ухудшение потребительского рейтинга агентства «РА-Эксперт» республики (переход с 64-го места в 1997 г. на 69-е место в 2007 г.). Об этом свидетельствует и 14-е место по показателю «отношение среднемесячной заработной платы в сельскохозяйственных организациях к среднемесячной заработной плате в среднем по экономике субъекта РФ» в рейтинге Россельхозакадемии. В данном случае этот показатель характеризует не высокую социальную эффективность сельского хозяйства, а неудовлетворительное положение всех трудящихся в регионе.

Другим объективным, материальным фактором инвестиционного потенциала является трудовой потенциал, который служит источником создания новой стоимости, движущей силой производства и посредником, объединяющим все ресурсы воедино. Хозяйства, обеспеченные трудовыми ресурсами, могут проводить необходимые работы в срок и качественно. Значение трудовых ресурсов состоит в том, что с их помощью осуществляется процесс производства, приводятся в действие другие составляющие инвестиционного

потенциала. Среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве республики находится на уровне 76,0 тыс. чел., что составляет 19,2 % от общего числа занятых в экономике региона¹¹.

Инновационный потенциал Мордовии имеет тенденцию к отрицательному росту (-31 пункт)¹². В современном агропроизводстве Мордовии появились сельскохозяйственные организации, способные осуществлять финансовые и ресурсные вложения в освоение инноваций. Там действует рыночный механизм отбора наиболее эффективных управленческих и технологических новшеств. Это свидетельствует о том, что в сельскохозяйственном производстве Мордовии сформировались основы рыночной инновационной системы. Однако степень распространения новшеств остается низкой. Для поддержания устойчивости и конкурентоспособности предприятий сельского хозяйства республики на аграрных рынках необходимо широкое внедрение управленческих и технологических инноваций, что определяет важность теоретико-методических исследований инновационного развития сельскохозяйственных предприятий, обоснования методики информационного обеспечения управления изменениями и нововведениями¹³. В то же время численность исследователей в области сельскохозяйственных наук сокращается, она в сотни раз меньше, чем в технической.

Активные меры государственной поддержки аграрного сектора дают свои положительные результаты. АПК Мордовии является одним из основных элементов, образующих производственный потенциал региона, а его основные показатели в последние годы имеют положительную динамику. Этот эффект достигнут прежде всего усилиями, предпринятыми в рамках инвестиций национального проекта «Развитие АПК», других федеральных и региональных программ, направленных на развитие аграрного сектора. Государственной задачей является закрепление положительной тенденции и дальнейшее развитие отрасли в рамках государственно-частных партнерств.

Благоприятный потенциал предприятия АПК формируется и за счет наведения порядка в финансах, производстве и менеджменте, повышении качества проектов и проектных предложений, разработке экономически обоснованного комплекса мер по снижению рисков инвесторов. Если проектное

предложение не содержит полноценного анализа рисков и не предусматривает мер по защите инвесторов, то оно будет отвергнуто при его рассмотрении. Даже если его примут, инвестор в первую очередь позаботится о своих интересах, что приведет к росту рисков для предприятия¹⁴.

Кроме вышеперечисленных, к факторам, влияющим на развитие проектного финансирования, относятся субъективные, связанные со спецификой самого проектного финансирования и особенностями его становления на современном этапе. По данным опроса руководителей 23 тыс. проектов, проведенного Standish Group в 1998 г., только 26 % от общего числа проектов оказались успешными, в то время как при выполнении 46 % проектов возникали различные проблемы, связанные с отставаниями от плановых сроков и превышениями бюджета. При этом 28 % проектов завершились полным провалом¹⁵. Так, к факторам, сдерживающим развитие проектного финансирования в РФ, относятся непрофессиональное отношение к проекту на прединвестиционной стадии, ограниченность собственных долгосрочных источников финансирования проектов, недостаточное развитие технологий реализации сделок по проектному финансированию, высокий уровень проектных рисков и недостаточно развитая система управления рисками, сосредоточение проектов в отраслях, вложения в развитие которых сулят сверхприбыли своим инвесторам¹⁶.

Таким образом, факторы, влияющие на развитие проектного финансирования, на наш взгляд, можно разделить на объективные, субъективные, институциональные и конъюнктурные. К объективным факторам относятся инвестиционный потенциал, риск и климат в регионе. Причем инвестиционный климат является дуалистической категорией развития региона по отношению к проектному финансированию. С одной стороны, от качества инвестиционного климата зависит кредитная привлекательность территории, с другой — адекватные объемы проектного финансирования на территории региона благоприятно влияют на инвестиционный климат территории.

Субъективные факторы по своей природе связаны со спецификой начального этапа становления проектного финансирования в РФ. Причем одним из важнейших факторов, влияющих на развитие проектного финансирования

предприятий АПК, мы выделяем уровень государственной поддержки сельскохозяйственных отраслей, определяемого, в частности, в методике Организации экономического развития и сотрудничества. Этот фактор обусловлен специфическими рисками аграрного сектора и его социально значимым характером, а также спецификой функционирования различных отраслей сельского хозяйства в рыночной экономике.

Институциональные факторы представляют законодательную среду функционирования проекта, наличие юридических и административно-правовых предпосылок реализации проекта, заинтересованность органов государственной власти всех уровней в успешном осуществлении проекта. Причем заинтересованность федеральных органов государственной власти заключается в правовом регулировании проектного финансирования, создании адекватной законодательной основы функционирования механизмов проектного финансирования. В то же время региональные органы государственной власти в большей степени являются ответственными за адекватные механизмы гарантийного обеспечения проектного финансирования.

Конъюнктурные факторы — это макроэкономическая ситуация в мире, стране, регионе, если учитывать глобальный характер проектного финансирования и трансграничную специфику источников проектного финансирования. Вторичным конъюнктурным фактором является состояние банковской сферы в регионе. Эти факторы являются вторичными, потому что зависят от основного конъюнктурного фактора — мировой макроэкономической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Составляющие рейтинга инвестиционного потенциала Республики Мордовия. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/mordov/?dyn=1> (дата обращения: 15.02.2009).

² Там же.

³ См.: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск: Мордовиястат, 2008. 432 с.

⁴ См.: Рейтинги «Клуб „Сахарная свекла—100”» и «Клуб „Говядина—100”» за 2005—2007 годы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 3. С. 39—42; Рейтинги «Клуб „Говядина—100”» и «Клуб „Сахарная свекла—100”» за 2004—2006 гг. // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 10. С. 40—43; Рейтинги «Клуб „Свинина—100”» и «Клуб „Овощи—100”»

за 2004—2006 гг. // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 11. С. 47—50.

⁵ См.: Серков А., Виноградова В., Чекалин В. Рейтинг субъектов Российской Федерации по эффективности сельскохозяйственного производства // АПК: экономика, управление. 2009. № 1. С. 64—73.

⁶ См.: Мордовия: стат. ежегодник ...

⁷ Там же. С. 67.

⁸ См.: Серков А., Виноградова В., Чекалин В. Рейтинг субъектов Российской Федерации ...

⁹ См.: Мордовия: стат. ежегодник ...

¹⁰ См.: Стуканова И. Маркетинговый подход к формированию регионального рынка продовольствия // АПК: экономика, управление. 2009. № 2. С. 67.

¹¹ См.: Рейтинг инвестиционного потенциала регионов России в 2005—2006 гг. URL: <http://www.expert.ru> (дата обращения: 16.02.2009).

¹² Там же.

¹³ См.: Бортникова И. Информационная модель освоения инноваций // Экономика сельского хозяйства России. 2008. № 10. С. 45—47.

¹⁴ См.: Сырбу А.Н., Немировская Е.А. Стратегия формирования инвестиционного потенциала для расширения и модернизации производственных мощностей предприятий путем проектного финансирования // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 12. С. 42—44.

¹⁵ См.: Каппелс Т.М. Финансово-ориентированное управление проектами / пер. с англ. А.Л. Раскин. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. С. 4.

¹⁶ См.: Ахметов Р.Р. О перспективах проектного финансирования в России // Финансы и кредит. 2008. № 38. С. 59—62.

Поступила 02.04.09.

Т. М. ПОЛУШКИНА   И. П. ЮТКИНА

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АПК РЕГИОНА

Ключевые слова: государственное воздействие; аграрный сектор; аграрно-промышленный комплекс (АПК); финансовые ресурсы; аграрная политика; приоритеты развития; приоритетный национальный проект; кредиторская и дебиторская задолженность

Key words: state influence; agricultural sector; agri-industrial complex; financial resources; agricultural policy; priorities of development; priority national project; credit and debit debts

Анализ современного состояния аграрного сектора экономики, роли и значения регулирующего воздействия государства на тенденции его развития приводит к выводу о том, что российский аграрный сектор должен оставаться объектом государственной протекционистской политики. При этом государственный протекционизм следует воспринимать как естественную компенсацию неизбежных потерь аграрной сферы экономики в условиях рынка. В российском обществе должно прийти осознание того, что сельское хозяйство — не

ПОЛУШКИНА Татьяна Михайловна, докторант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ЮТКИНА Ирина Петровна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

«черная дыра», где безвозвратно пропадают все больше и больше финансовых государственных средств, где никто не хочет работать. Российские крестьяне — трудолюбивые люди, над которыми в России долго и не совсем удачно экспериментировали: столыпинские реформы, коллективизация, хрущевско-брежневские эксперименты, реформы 90-х гг. В результате село потеряло лучшую часть трудовых ресурсов, из сельского хозяйства были «выкачаны» значительные финансовые ресурсы, и поэтому вложения в село следует рассматривать как возвращение долгов.

Определенный интерес представляет опыт государственного регулирования сельского хозяйства в Республике Мордовия, где более 40,5 % населения проживают в сельской местности. Это 343,8 тыс. чел., из них 27,5 тыс. работают в сельскохозяйственном производстве, создавая более 20 % ВРП¹. От состояния дел в агропромышленном комплексе республики зависят уровень и качество жизни ее населения.

В годы реформ сельское хозяйство Мордовии, как и других регионов РФ, испытало значительный спад. Кризисные явления отразились на производстве всех видов продукции аграрного сектора, объемы выпуска которой сокращались на всем протяжении 90-х гг.

В середине 90-х гг. в республике стали предприниматься самостоятельные шаги по выравниванию ситуации в агропромышленном комплексе. На первом этапе были разработаны приоритеты аграрной политики, выработана законодательная база. В 2001 г. были приняты закон РМ от 21 декабря 2001 г. № 63-З «О государственной поддержке сельского хозяйства», а также ряд постановлений Правительства РМ, определивших цели, задачи и основные направления поддержки аграрного сектора в республике. С 2006 г., когда на федеральном уровне пришло понимание важности и неотложности решения аграрных проблем, республика активно включилась в реализацию приоритетного национального проекта «Развитие АПК», который в 2008 г. трансформировался в Государственную программу развития сельского хозяйства и продовольствия на 2008—2012 гг.

Положительные результаты не заставили себя ждать. Удельный вес прибыльных предприятий вырос с 62 до 87 %, уровень рентабельности повысился с 8 % в 2005 г. до 16 % в

2008 г., или в 2 раза². При этом рост уровня рентабельности продолжается, что является свидетельством эффективности государственной поддержки АПК региона.

Однако принимаемых мер пока вовсе не достаточно. Финансовое состояние сельскохозяйственных организаций по-прежнему далеко не устойчиво. На 1 января 2009 г. просроченная кредиторская задолженность сельскохозяйственных организаций составила 11 407 млн руб., просроченная дебиторская задолженность — 4 673 млн руб. В 2008 г. кредиторская задолженность превысила дебиторскую в 2,4 раза, что говорит о низкой платежеспособности сельскохозяйственных организаций³.

В 2008 г. 24 % хозяйств имели уровень рентабельности выше 25 %, при котором возможно вести расширенное воспроизводство, остальные 76 % хозяйств этой возможности не имели. 20 хозяйств республики (9 %) реализовали продукцию на 6 706 млн руб., или 62 % от общего валового производства, ими произведены 40 % зерна, 26 % молока и 76 % мяса. В Мордовии почти каждое пятое хозяйство произвело продукцию на сумму менее 5 млн руб. Наибольший процент таких хозяйств в Ардатском (8 хозяйств), Кадошкинском (7 хозяйств) и Теньгушевском (5 хозяйств) районах⁴.

В рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» и Программы развития сельского хозяйства на 2008—2012 гг. 92 хозяйства получили инвестиционные кредиты на строительство и реконструкцию животноводческих ферм. Однако в условиях финансовой нестабильности, роста цен на промышленные товары, газ, электроэнергию, сохранения диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию многие сельхозтоваропроизводители не в состоянии погасить основной долг по инвестиционному кредиту по графику. К тому же построенные объекты требуют создания соответствующей инфраструктуры. Многим из подобных предприятий требуется отсрочка выплаты основного долга по инвестиционному кредиту.

Мы полагаем, что в современных условиях одним из важнейших инструментов прямого государственного регулирования развития АПК региона должна стать отсрочка основного долга по инвестиционным проектам в рамках национального проекта и Государственной программы. Если этот инструмент не будет задействован в ближайшее время, то

предприятия не смогут осуществлять даже простое воспроизводство. Более того, государственное воздействие должно носить комплексный характер, нельзя уповать исключительно на кредитное регулирование. Государственное регулирование должно быть направлено на стабилизацию ценовой ситуации и формирование механизмов ценообразования на основе индикативных цен по основным видам сельскохозяйственной продукции; оптимизацию межотраслевых ценовых отношений, способствующих повышению темпов расширенного воспроизводства, привлечению инвестиций и внедрению инноваций в аграрной сфере; развитие системы поддержки кредитования для обеспечения доступности большинству сельхозтоваропроизводителей краткосрочных и инвестиционных кредитов; формирование специализированных зон производства основных видов сельхозпродукции; развитие инфраструктуры аграрного рынка; совершенствование системы закупок продукции для государственных нужд, обеспечивающее расширение спроса на продукцию отечественного производства; рационализацию соотношения экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; обеспечение положительного сальдо во внешней торговле; восстановление продовольственной безопасности страны.

При выборе конкретных методов и форм регулирующего воздействия необходимо, чтобы любые регулирующие действия предпринимались тогда, когда потенциальные выгоды превышают потенциальные издержки от его применения. Среди альтернативных методов должны выбираться максимизирующие выгоду для аграриев и всего общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мордовия: стат. ежегодник / Федер. служба гос. статистики, Территориальный орган федер. службы гос. статистики по РМ. Саранск, 2008. С. 42.

² Годовой бухгалтерский отчет Министерства сельского хозяйства и продовольствия РМ за 2005—2008 гг.

³ Там же.

⁴ Анализ производственно-экономической деятельности сельхозпредприятий Республики Мордовия по ожидаемым итогам работы за 2008 г. / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия.

Поступила 17.03.09.

А. Н. ЩУКИН

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ В МЯСНОМ ПОДКОМПЛЕКСЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: связь; отношение; интеграция; факторы; мотивы; мясной подкомплекс; государственное регулирование

Key words: link; relation; integration; factors; causes; meat under-complex; state regulation

Переход экономики страны к рыночным отношениям обусловил необходимость проведения реформ в реальном секторе экономики. Не стало исключением и сельское хозяйство. Негативные последствия реформ затронули его в первую очередь. Среди тех, кто оказался неготовым к работе в рыночных условиях, стали предприятия мясного подкомплекса.

Проведение реформ нарушило хозяйственные связи между субъектами мясного подкомплекса, многие предприятия сменили форму хозяйствования, обанкротились, некоторые были поглощены более сильными участниками рынка. Итогом «реформирования» стало плачевное состояние мясного подкомплекса страны. Перерабатывающие предприятия переориентировали свою сырьевую политику на импортное сырье, в изобилии хлынувшее в страну. Сельскохозяйственные товаропроизводители вынуждены были отказываться от поставок своей продукции переработчикам по причине низких закупочных цен и искать другие пути сбыта (розничная торговля, сеть фирменных магазинов).

Одной из причин кризиса в мясном подкомплексе явилось ухудшение экономических связей между его отраслями. Это выразилось в сокращении видов, объемов и интенсивности межотраслевых материальных потоков, услуг и финансов. Это привело к огромным экономическим потерям за счет недоиспользования мощностей по переработке мяса, утрате

ЩУКИН Александр Николаевич, аспирант кафедры экономики, кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института.

вторичных и сопряженных продуктов из-за некомплексной переработки сырья, сокращения рабочих мест и других факторов экономического и социального характера. Негативную роль сыграли и факторы, лежащие внутри мясного подкомплекса. Это стало следствием поспешной и неправильно проведенной реорганизации колхозов и совхозов, приватизации перерабатывающих и обслуживающих предприятий и организаций, увеличившейся неэквивалентности межотраслевого обмена, стереотипов мышления сельского населения и др.

В дореформенный период практически в каждом регионе имелось замкнутое производство мясных продуктов и колбасных изделий. Сырьевую основу переработчиков региона составляли предприятия сельского хозяйства региона, а продукция реализовывалась через систему предприятий государственной торговли (потребсоюзов). С распадом экономических связей нарушилась отработанная схема производства переработки и реализации.

Для обеспечения себя качественным сырьем по приемлемым ценам региональные переработчики приобретают сельскохозяйственные предприятия, проводят их модернизацию и используют как сырьевую базу для своего производства, тем самым выступая в роли интеграторов. Интеграторами также выступают и крепкие сельхозтоваропроизводители, включающие в свою структуру цеха по переработке сырья и торговые предприятия по его реализации. Также широкое распространение получило и объединение на договорной основе в интегрированные формирования. Такое объединение предприятий в рамках единой интегрированной структуры позволило возродить хозяйственные связи между субъектами мясного подкомплекса Мордовии и сформировать новые интеграционные связи. Функционирование таких предприятий дало возможность не только обеспечить мясной продукцией население региона, но и выйти на межрегиональный рынок.

Современный этап развития региональных мясных подкомплексов АПК страны характеризуется развитием межотраслевых интеграционных связей как фактора повышения эффективности продовольственного рынка. Оно осуществляется на принципиально новой основе в условиях развития разнообразных форм собственности и хозяйствования, когда конечные результаты деятельности субъектов рынка зависят

от функционирования множества промежуточных звеньев. Без понимания сущности взаимосвязей, складывающихся в новых условиях, выявления факторов, влияющих на их формирование и развитие, невозможно исследовать проблемы развития регионального мясного подкомплекса. Выбор эффективных механизмов интеграционных связей, форм вертикальной и горизонтальной интеграции, а также факторов, влияющих на этот выбор, становится практической задачей, решение которой должно иметь теоретическую и методическую основу.

Формирование научно обоснованных интеграционных связей стало многоплановой проблемой эффективного развития регионального мясного подкомплекса. Экономическая теория выделяет сущностные стороны взаимосвязанных понятий — связь и отношение, соотнося их с реалиями сложных процессов производства, осуществляемого в различные периоды развития общества. Связь и отношение по сути являются тождественными. Тем не менее, есть отличия, характеризующие их как соотношение общего и частного. Мы считаем интеграционные связи более широким понятием, охватывающим разнообразные виды деятельности в сфере реальной экономики. Они предшествуют созданию интеграционных отношений и являются их основой в интегрированном предприятии.

Современный этап развития интеграции в мясном подкомплексе характеризуется поиском различных организационно-правовых форм интеграционных связей и отношений, обеспечивающих преодоление сложившейся кризисной ситуации и переход к эффективному производству в соответствии с конъюнктурой рынка. Развитие интеграционных связей и отношений в региональном мясном подкомплексе формируется с учетом уровня развития производительных сил и производственных отношений в регионе.

Практика показала, что результативность модернизации интеграционных связей и отношений во многом определяется степенью обоснованности осуществляемых изменений в уровне и характере расчленения (специализации) труда и структурных звеньев общественного производства, а также сохранением специфических особенностей сложившихся его форм, обеспечивающих реализацию преимуществ интеграции производства. В результате этого предопределяется целе-

сообразность осуществления крупномасштабного, среднего или мелкого реформирования ранее сложившихся интеграционных связей и отношений. Это дает основание сделать вывод о том, что, создавая интегрированные структуры в региональном мясном подкомплексе, формируя интеграционные связи и отношения, важно принимать решения с учетом действия объективных экономических законов, с соблюдением условий и принципов их формирования.

Изучение теории и практики развития интеграционных связей показало, что для повышения их эффективности необходимо их постоянное совершенствование в соответствии с изменениями уровней развития производительных сил и производственных отношений как внутри интегрированного предприятия, так и с внешней средой. Обязательным условием является формирование организационно-экономического и финансового механизмов интеграционных связей, которые могли бы гибко реагировать на происходящие изменения.

Организационно-экономический механизм представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимополняемых норм, нормативов, методов и правил, регулирующих процесс организации и функционирования интеграционных структур, а также их взаимодействие как с непосредственными участниками, так и субъектами внешних инфраструктур, включая различные интегрированные формирования иных отраслей экономики, по поводу производства, распределения и потребления результатов совместной деятельности.

Финансовый механизм — это совокупность взаимосвязанных норм и нормативов, методов и правил, регулирующих взаимоотношения с финансовыми органами внешней инфраструктуры (налоговые, бюджетные, кредитные и иные структуры) и взаимодействия участников кооперативной или интегрированной структуры по вопросам формирования и исполнения соответствующих бюджетов, включая их консолидацию. На практике при образовании интегрированного формирования создается либо управляющая компания, либо стратегический центр, который решает вопросы финансирования, бюджетирования, консолидации и распределения материальных ресурсов в зависимости от потребностей субъектов интеграции и стратегии интегрированного формирования.

Формирование организационных аспектов в процессе образования интегрированных структур заключается в выборе

организационно-правовой формы хозяйствования, разработке устава и различных внутренних положений по управлению интегрированной структурой как в целом, так и каждым из их субъектов в отдельности.

При формировании и использовании организационно-экономического и финансового механизмов интеграционных связей и отношений важным является полный и точный учет направлений влияния ряда внешних и внутренних факторов и условий как на характер интеграционных связей и отношений, так и на конечные результаты их осуществления.

Внешние факторы, обусловленные внешней средой, являются, с одной стороны, источниками пополнения ресурсов и формирования бюджетов интегрированных структур и их субъектов хозяйствования, с другой — формируют основу рыночной инфраструктуры и конкретных потребителей, результаты их деятельности.

Для более полного учета возможных последствий влияния внешних факторов, формирования и применения организационно-экономического и финансового механизмов интеграционных отношений их целесообразно подразделить на факторы макро- и микроуровневого характера. Влияние первых проявляется в результате действия объективных законов воспроизводственного процесса, вторых — в процессе непосредственного и постоянного взаимодействия интегрированных структур с составляющими внешней среды. При этом формирование и использование организационно-экономического и финансового механизмов интеграционных отношений не только зависят от внешних факторов микроструктур (отношения с покупателями, поставщиками, государственными органами, конкурентами, рынком труда и т. п.), но и активно влияют на содержание и характер этих взаимоотношений, обеспечивая увеличение объемов и повышение эффективности производства.

Факторы внутренней среды, зачастую являясь производными от факторов внешней среды, складываются исходя из внутреннего состояния интегрированной структуры и оказывают непосредственное и постоянное воздействие на формирование и использование организационно-экономического, финансового механизмов интегрированной структуры и на конечные результаты их функционирования.

Факторы макросреды, как и природные, создают общие условия формирования и использования организационно-экономического и финансового механизмов интегрированных связей. Они не имеют специфических особенностей при формировании и функционировании интегрированных структур различных организационно-правовых форм и видов деятельности, а воздействуют на них в одинаковом направлении. Однако степень влияния факторов макросреды на различные интегрированные структуры и связи, возникающие в них, различается, что обусловлено спецификой производимой продукции мясного подкомплекса, специализацией производства и т. д., а также внутренним потенциалом интегрированной структуры и ее микроокружением. Это требует детального обоснования соответствующих составных элементов организационно-экономического и финансового механизмов интеграционных отношений для конкретных формирований различных организационно-правовых форм и видов деятельности с последующей их «привязкой» к реальным условиям производства.

Как правило, характер связей определяется динамикой среды, в которой они развиваются. Экономические связи возникают из динамики противоречий интересов субъектов рыночных отношений. Экономические связи имеют два основных критерия их формирования: взаимосвязь факторов производства и взаимосвязь производственных отношений с производительными силами. Также следует отметить, что факторы внешней и внутренней среды определяют мотивы, по которым создаются интегрированные формирования мясного подкомплекса с присущими им интеграционными связями. Они определяются в каждом регионе самостоятельно в зависимости от его особенностей (климатические, социальные, производственные, культурные факторы и др.).

Создание крупных интегрированных формирований в региональном мясном подкомплексе не должно оставаться без внимания органов государственной власти. Именно государство, его поддержку можно отнести к одному из основных факторов, определяющих формирование и развитие интеграционных связей и отношений между предприятиями мясного подкомплекса региона. Государственное регулирование интеграционных связей и отношений не может быть идентично регулированию ранее существовавших экономических

связей в региональном мясном подкомплексе и применять эти же средства и методы регулирования. Государство уже не может устанавливать экономические регуляторы. Оно должно корректировать решение отдельных вопросов, но в то же время проводить жесткую политику в установлении и соблюдении мер государственного регулирования, носящих обязательный или запретный характер.

Важная роль в регулировании регионального мясного подкомплекса принадлежит мерам финансовой поддержки, осуществляемой путем прямых бюджетных выплат в виде дотаций и компенсаций. Государственная помощь осуществляется в условиях ограниченности средств, следовательно, необходимы определение приоритетных направлений, разработка механизма распределения и доведения дотаций до предприятий, а также меры контроля за их исполнением.

Именно региональные органы государственной власти заинтересованы в развитии интеграционных связей и отношений между предприятиями АПК и, в частности, мясного подкомплекса. Эффективно работающие предприятия обеспечивают стабильные поступления в бюджеты разного уровня, снижают уровень безработицы, повышают социальные показатели региона, обеспечивают население качественными продуктами. Поэтому основной задачей формирования и развития интеграционных связей в мясном подкомплексе региона является создание крепких предприятий с замкнутым циклом производства для обеспечения населения качественными мясными продуктами. Для достижения этой цели необходимо создавать факторы, обеспечивающие необходимые мотивы к созданию и развитию интеграционных формирований и связей в них.

Поступила 04.01.09.

В. А. ДЕРГУНОВ

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ
КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
АГРАРНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА**

Ключевые слова: экономика; кадровый потенциал; аграрная сфера; региональная кадровая политика; воспроизводство; аграрный уклад

Key words: economy; personnel potential; agricultural sphere; regional personnel policy; reproduction; agricultural structure

Социально-экономическое и хозяйственно-ресурсное положение АПК регионов Российской Федерации, несмотря на принимаемые меры по стабилизации продовольственного обеспечения страны и развитию хозяйственной структуры, остается сложным. Вместе с тем оценка перспектив и состояния АПК позволяет предложить систему мер по развитию аграрного сектора страны на ближайшие годы, сформировать программу структурного совершенствования. В перечне направлений в этом случае выступают оптимизация кадрового потенциала и развитие системы его воспроизводства.

Несмотря на то, что создаются правовые основы регулирования отношений в сфере занятости, формируются трудовые отношения рыночного типа, тем не менее, в современных условиях требуются разработка и реализация принципиально новых подходов в системе кадрового обеспечения аграрной сферы, так как допущенное снижение объемов производства, ухудшение финансово-экономического положения предприятий приводят к значительному сокращению рабочих мест в АПК, высвобождению работников и снижению уровня занятости экономически активного сельского населения.

При этом важным условием решения этой проблемы становится совокупность мероприятий целевого назначения,

ДЕРГУНОВ Вадим Александрович, преподаватель кафедры экономики, менеджмента и маркетинга Мордовского института переподготовки кадров агробизнеса.

реализуемых путем создания организационно-экономического механизма формирования кадрового потенциала аграрной сферы. В его составе необходимо выделить правовой, организационный, экономический и ресурсный элементы.

Диверсификация форм и методов воздействия на этот процесс формирования кадрового потенциала предполагает перевод совокупности организационного и экономического воздействия на состояние аграрной сферы в стадию структурных и институциональных перемен, сопровождающихся прогрессивными изменениями, что создает предпосылки для активизации высвобождения трудовых ресурсов и структуризации кадрового потенциала. В этих условиях очевидна необходимость принятия мер, направленных на предотвращение деструктивных изменений параметров формирования кадрового потенциала в аграрной сфере (отток, недостаточный уровень воспроизводства, незанятость и т. п.) для стабилизации и устойчивого роста агропромышленного производства. Поэтому одной из мер организационно-экономического механизма формирования кадрового потенциала АПК Мордовии являются мероприятия на федеральном и региональном уровнях, которые необходимо выделить в качестве задач каждого уровня управления воздействием.

В качестве приоритетной задачи федерального уровня должно, на наш взгляд, стать определение стратегии формирования народонаселения в стране с учетом национальных, социальных, экономических факторов. При этом основой ее реализации становится разработка мероприятий по развитию хозяйственной системы в аграрном секторе страны, предусматривающая комплексное структурно-инвестиционное воздействие на составляющие функционально-отраслевой структуры агропромышленного комплекса с целью создания условий занятости, достойного проживания, воспроизводства (подготовки, переподготовки и повышения квалификации) кадрового потенциала. Это предполагает определение стратегии развития кадрового потенциала аграрной сферы, разработку организационно-экономических условий и конкретных мероприятий по реализации концепции формирования социально-экономического уклада в аграрной сфере, его кадрового обеспечения с распределением по субъектам РФ.

В связи с этим на федеральном уровне целесообразно совершенствование организационной структуры. Это преж-

де всего формирование организационных, экономических, условий развития народонаселения и разработка кадровой политики в аграрной сфере. Для этого необходимо правовое обеспечение: подготовка законодательных актов, определяющих реализацию концепции формирования кадрового потенциала в аграрной сфере. Важными аспектами реализации мероприятий в этом случае представляются подготовка и утверждение концепции формирования социально-экономического уклада аграрной сферы и законодательных актов, обеспечивающих ее реализацию: обеспечение приоритетного финансового обеспечения реализации кадровой политики в аграрной сфере, подготовка и реализация программ формирования кадрового потенциала в аграрной сфере, разработка рекомендаций и инструкций по формированию организационных, экономических, правовых условий реализации концепции формирования кадрового потенциала и его финансового обеспечения.

В связи с этим задачи регионального уровня заключаются в определении стратегии развития АПК с учетом региональных особенностей, определении перспектив развития кадровой политики, обеспечении реализации программ развития АПК региона, оказании методической и организационной помощи в разработке и реализации программ формирования кадрового потенциала предприятий, контроле за выполнением этих программ.

При этом на смену отраслевому механизму формирования кадрового потенциала АПК должен прийти функционально-отраслевой, предполагающий в качестве объекта управленческого воздействия совокупность предприятий региона, входящих в систему продовольственного обеспечения. Целевыми параметрами управленческого воздействия выступают развитие хозяйственной структуры, социальной инфраструктуры; ресурсное обеспечение программы развития; развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и специалистов аграрной сферы; стимулирование закрепления на рабочих местах работников и специалистов аграрной сферы.

Переход от административно-распределительных методов к рыночным отношениям потребовал принципиальных изменений в системе формирования кадрового обеспечения агропромышленного комплекса. Необходимы совершенствова-

ние методов государственного регулирования и саморегулирования финансовой поддержки образовательных систем, разрешение проблем по этим вопросам на федеральном и региональном уровнях.

К сожалению, достаточно быстро сбалансировать финансово-кредитную систему для обеспечения устойчивого развития социальной сферы села и кадрового обеспечения не удастся. Для АПК наиболее приемлемым является развитие производства за счет мобилизации его внутренних резервов при поэтапном введении ограничений на импорт продовольствия. За счет проведения политики разумного протекционизма, развития вертикально интегрированных структур, а также усиления государственного контроля цен на продукцию естественных монополий можно обеспечить перераспределение финансовых ресурсов для их поступления в сельское хозяйство. Функционирование рентабельного сельскохозяйственного производства, осуществление политики импортозамещения продовольствия привлекут инвестиции и обеспечат техническую модернизацию производства. Такой сценарий развития АПК призван удовлетворить покупательский спрос населения и повысить эффективность производства, в первую очередь за счет совершенствования организационных и управленческих факторов, повышения отдачи бюджетной поддержки сельского хозяйства. При таком сценарии (по мере укрепления экономики страны) вложения в сельское хозяйство будут возрастать, и темпы его развития увеличатся.

В этих условиях перспектива решения проблемы кадрового обеспечения аграрной сферы будет зависеть от комплексного решения ряда задач:

— разработка методологических, организационно-методических, экономических и правовых основ работы с кадрами и реализации инвестиционной политики в АПК; определение потребности в кадрах; совершенствование методик их оценки; прогнозирование демографического потенциала трудовых ресурсов аграрной сферы и рынка труда; разработка методологии формирования кадрового резерва руководителей; моделирование долгосрочных потребностей кадрового обеспечения; создание соответствующих компьютерных баз данных;

— оценка использования кадрового потенциала; развитие аграрной сферы на основе мониторинга и социологических исследований сельскохозяйственных производственных коллективов; изучение статистических данных демографической структуры, личных бюджетов сельского населения, безработных, ценностной ориентации сельской молодежи; прогнозирование кадрового обеспечения аграрной сферы в условиях функционирования рыночной экономики и современных кризисных явлений с учетом реализации целевых программ развития АПК; освоение научно-технических достижений; инновационно-инвестиционное проектирование социальной и образовательной сфер АПК;

— разработка методики оценки эффективности системы подготовки; переподготовка и повышение квалификации кадров аграрной сферы; ее совершенствование с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Таким образом, воспроизводство кадрового потенциала аграрной сферы можно определить как поиск подвижного внутреннего равновесия, достичь который можно лишь в результате приспособления к влияниям внешней среды, воздействуя на эту среду принятием и реализацией научно обоснованных решений наступательного позитивного характера.

Поступила 03.04.09.

С. Р. ПОТОЦКАЯ

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУКОЕМКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: наукоемкая организация; интеграция; наукоемкий сектор экономики; инновации; конкурентное преимущество; высшая школа; кооперация; военно-промышленный комплекс

Key words: science intensive organization; integration; scientific sector of economy; innovations; competitive advantage; higher school; cooperation; military-industrial complex

В 90-х гг. XX в. Россия пережила существенное падение объемов производства, и только к 2007 г. этот спад был преодолен. Объем ВВП в 2007 г. составил к уровню 1991 г. 110 %, объем ВВП по паритету покупательной способности в 2008 г. превысил 2 трлн долл., и по этому показателю Россия вышла на 6-е место в мире. Однако еще в середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими мировые тенденции и внутренние барьеры развития. К ним следует отнести:

— усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления поддержки инноваций, развития человеческого потенциала;

— ожидаемую новую волну технологических изменений, усиливающую роль инноваций в социально-экономическом развитии и снижающую влияние многих традиционных факторов роста. Уже в ближайшее десятилетие развитые страны перейдут к формированию новой технологической базы экономических систем, основанной на использовании

ПОТОЦКАЯ Светлана Романовна, начальник бюро налогового учета ОАО «Федеральный научно-производственный центр „Нижегородский НИИ радиотехники“».

нейших достижений в области информатики, нанотехнологий, биотехнологий;

— возрастание роли человеческого капитала как основного фактора человеческого развития;

— исчерпание потенциала «экспортно-сырьевой» модели экономического развития.

В ноябре 2008 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, в которой большое внимание уделено повышению эффективности работы организаций в высокотехнологичном секторе экономики¹.

Кризис, переживаемый мировой экономикой, для России означает конец «экспортно-сырьевой модели» и необходимость перехода к инновационному социально-ориентированному типу развития. После того, как с ноября 2008 г. начался спад производства во всех отраслях отечественной промышленности, доходы государственного бюджета и бизнеса существенно сократились. По оценкам Министерства экономического развития России, индекс промышленного производства в 2008 г. по сравнению с 2007 г. снизился на 4,3 %, он продолжает свое падение в 2009 г.²

Большинство предприятий России стали осуществлять антикризисные программы, связанные с сокращением издержек, включая оптимизацию численности персонала, снижение расходов на новое оборудование, проведение научных исследований и разработок, а также замораживание инвестиционных и инновационных проектов. Однако многие откладываемые проекты жизненно необходимы, и их сворачивание может привести к утрате конкурентоспособности организаций и финансовым потерям в будущем. Понимая угрозу и учитывая ограниченность внутренних резервов, организации вынуждены искать резервы во внешней среде.

В этом контексте мощным импульсом обеспечения рентабельной работы предприятия, ускорения инновационного процесса, расширения доли рынка становится *интеграция*. Ее результатом может быть становление обновленной, более эффективной организации, способной преодолеть кризис в возможно короткие сроки. Приоритетными мотивами интеграционного процесса организаций в наукоемких отраслях являются те, которые обеспечивают потенциальный выигрыш для всех его участников. Основными из них являются эко-

номия времени на внедрение инновации; создание конкурентного преимущества; синтез высшей школы и научных организаций; кооперация в сфере НИОКР, управления, финансирования, производства, маркетинга, обучения персонала. При интеграции двух и более наукоемких организаций появляются дополнительные ресурсы для их развития — *экономия времени на внедрение инновации*. Этот мотив позволяет наукоемким организациям выйти с новым продуктом на рынок в значительно более короткие сроки и опередить конкурентов, в том числе в смежных отраслях.

Создание конкурентного преимущества возникает за счет слияния научных организаций и промышленных предприятий. Научные организации обладают патентами, «ноу-хау», объектами интеллектуальной собственности, но не имеют достаточных производственных мощностей, квалифицированных специалистов в области маркетинга. У многих из них ограничены рынки сбыта продукции. Предприятия бизнеса имеют современное производственное оборудование и налаженные каналы сбыта, но у коллектива имеется ограниченный творческий потенциал. При интеграции бизнес получает доступ к новым разработкам и объектам интеллектуальной собственности, а научная организация — дополнительные источники финансирования научных разработок, ускорение их внедрения. В современных условиях только мощным корпоративным структурам под силу осуществление крупных НИОКР, быстрое внедрение в производство нововведений и успешный вывод их на рынок.

В интеграционные процессы все шире вовлекаются высшие учебные заведения. *Синтез высшей школы и научных организаций* позволяет обеспечить приток талантливой молодежи с новыми идеями и знаниями в команды известных исследователей, инженеров, программистов. Идет процесс старения персонала в отраслевых НИИ, угасает инновационный настрой. В свою очередь недостаточное финансирование вузовской науки не дает возможности реализовать в полной мере потенциал преподавателей, аспирантов, студентов. Вместе вузы и НИИ будут способны плодотворно функционировать, повышая инновационность российской науки. Осуществление интеграции возможно в виде создания консорциумов или стратегических технологических альянсов по целевым программам.

Такая интеграция позволит решить также задачу децентрации научного потенциала, сконцентрированного в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде. Вузы более равномерно распределены на территории страны, и их интеграция с НИИ создаст условия для укрепления научной базы регионального развития³.

Кооперация в сфере НИОКР, управления, финансирования, производства, маркетинга, обучения персонала дает возможность объединить научный, производственный и финансовый потенциал наукоемких организаций. В этих условиях происходит перераспределение затрат на возрастающее количество и объем НИОКР. Возникает эффект масштаба, в основе которого лежит экономия за счет увеличения объема производства, объединения бизнес-процессов при снижении постоянных затрат. В результате интеграции оптимизируется управление, создаются единые центры управления, ликвидируются дублирующие подразделения и научно-исследовательские программы.

Наукоемкие предприятия как составляющие экономики региона в интеграционном образовании наиболее эффективно осуществляют НИОКР и могут в короткие сроки внедрить полученные результаты в производство. Это позволяет организациям получать более высокие доходы, что позитивно влияет на финансовое состояние региона и, соответственно, на повышение уровня жизни населения.

Одним из ведущих экономических и научных центров России является Нижегородская область. Она занимает 13-е место по доле валового регионального продукта в объеме ВВП страны (около 2 %). В настоящее время промышленный сектор области насчитывает 722 крупных и средних предприятия. По объему промышленного производства Нижегородская область занимает 11-е место среди регионов России⁴.

Особенностью промышленного потенциала региона является развитый машиностроительный комплекс и уникальный научно-технический потенциал предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Среди предприятий ОПК развиты отрасли, представляющие высокие технологии. Это предприятия судостроения, авиационной промышленности, радиоэлектроники, атомной энергетики и др. В области работают крупные российские предприятия ОАО «ГАЗ»,

ОАО «Красное Сормово», ОАО «Сокол», а также предприятия российских компаний «Базовый элемент», «СИБУР», «ЛУКОЙЛ», «Объединенные машиностроительные заводы» (ОМЗ), «Объединенная металлургическая компания» (ОМК).

На территории Нижегородской области в г. Сарове расположен Российский федеральный ядерный центр ВНИИЭФ. Это крупнейший в стране научно-исследовательский институт, решающий сложные задачи оборонного, научного и народно-хозяйственного значения. В состав РФЯЦ-ВНИИЭФ входят несколько институтов (теоретической и математической физики, экспериментальной газодинамики и физики взрыва, ядерной радиационной физики, лазерно-физических исследований и др.), объединенных общим научным и административным руководством. Там работают около 20,9 тыс. чел., 11,9 тыс. из которых являются учеными и специалистами, в их числе 3 академика РАН, 119 докторов и 502 кандидата наук⁵.

Ряд крупнейших предприятий и научных институтов Нижегородской области входят в состав государственных корпораций, создаваемых в последние годы в России в высокотехнологичном секторе экономики. Примером является крупнейшая интегрированная структура оборонной отрасли России — Концерн ПВО «Алмаз-Антей». Так, в 2002 г. была начата реализация Федеральной целевой программы «Реформирование и развитие оборонно-промышленного комплекса (2002—2006 годы)», в основу которой положено образование вертикально-интегрированных структур из числа предприятий оборонно-промышленного комплекса. В рамках этой программы был реформирован Концерн ПВО «Алмаз-Антей», в который первоначально вошли 46 промышленных и научно-исследовательских предприятий и организаций. В настоящее время он объединяет всех основных российских разработчиков и производителей средств противоздушной обороны и средств нестратегической противоракетной обороны. В концерн входят 28 научно-исследовательских институтов и 26 крупных промышленных предприятий, в том числе промышленные предприятия (ОАО «Нижегородский машиностроительный завод», ОАО НПО «Правдинский радиозавод», ОАО «Арзамасский приборостроительный завод») и научные организации (ОАО «ФНПЦ «Нижегородский

НИИ радиотехники», ОАО «Правдинское конструкторское бюро») Нижегородской области. Нижегородские предприятия, входящие в Концерн, являются стабильно работающими предприятиями, производят уникальную продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке. Это подтверждает австралийский аналитический центр Air Power Australia (АРА), опубликовавший свое исследование, в котором он, сравнивая возможности российских средств ПВО и американской боевой авиации, признал превосходство российских ПВО над американскими самолетами. По мнению экспертов, это превосходство исключает возможность выживания авиации ВВС США в случае военного конфликта⁶.

Концерн ПВО «Алмаз-Антей» по итогам производственной деятельности в 2007 г. занял 24-е место в списке 100 крупнейших компаний мирового военно-промышленного комплекса (ВПК). В 2008 г. общая выручка от реализации продукции составила 3 253,3 млн долл., что больше по сравнению с выручкой 2007 г. на 12,4 % (выручка за 2007 г. составила 2 млрд 895,5 млн долл.), и 2006 г. на 61,1 % (в 2006 г. — 2 млрд 19,6 млн долл.)⁷.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт, за счет интеграции возможно достичь наиболее прогрессивных и конкурентоспособных организационных форм, что особенно актуально в период мирового финансового кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

² См.: Титов Д. Российский ВВП падать не будет // Экономика и жизнь. 2009. № 1. С. 4.

³ См.: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия—2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2004. С. 183.

⁴ См.: Информация о Нижегородской области. URL: www.brain-nn.narod.ru (дата обращения: 03.02.2009).

⁵ См.: РФЯЦ-ВНИИЭФ. URL: www.vniief.ru (дата обращения: 09.02.2009).

⁶ См.: Аналитики признали превосходство российских ПВО над американскими самолетами. URL: www.lenta.ru/news/2009/02/04/superiority/_Printed.htm (дата обращения: 13.02.2009).

⁷ См.: Сайт ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей». URL: www.almaz-antey.ru (дата обращения: 09.02.2009).

Поступила 04.03.09.

С. В. СИГОВА

В. А. ГУРТОВ

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КРИТЕРИЮ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: социальная сфера; бюджетная политика; типологизация; ранжирование; финансирование образования; уровни образования; бюджетная обеспеченность; общее образование; начальное профессиональное образование; среднее профессиональное образование; высшее профессиональное образование

Key words: social sphere; budget policy; typologization; ranging; financing the education; levels of education; budget well-being; secondary education; elementary professional education; secondary professional education; higher professional education

Состояние и развитие отраслей социальной сферы в субъектах РФ в значительной степени определяются общим контуром проводимой бюджетной политики, а также состоянием бюджетной системы в каждом конкретном регионе (объемы доходов, расходов, дефицит бюджета и т. д.). В то

СИГОВА Светлана Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГУРТОВ Валерий Алексеевич, директор Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

же время субъекты РФ достаточно сильно дифференцируются по социально-экономическому положению. Это касается их способности формировать доходный потенциал региона, реализовывать возложенные расходные полномочия. Однако положения Конституции РФ (ст. 5, 19) устанавливают равное обеспечение населения бюджетными услугами независимо от места проживания, а также равноправие субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти¹.

В настоящее время существуют различные методические подходы для оценки социально-экономического положения регионов, их ранжирования и типологизации. Они отличаются в зависимости от состава задач, набора показателей, методов оценки и сведения оценок к обобщенному значению. Точная типологизация необходима для системного описания и диагностики социально-экономического положения регионов и осуществления задач государственной региональной политики. Наиболее распространенной является типологизация на основе исходного состояния и динамики определенного индикатора.

Целью проведенного нами исследования была типологизация регионов по критерию финансирования образования. Необходимость постановки такой задачи объясняется тем, что основополагающей частью проводимой реформы образования является изменение механизмов финансирования всех образовательных уровней. При этом основная роль принадлежит переходу на нормативное бюджетное финансирование, о чем было указано еще в 2002 г. в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года².

Нормативный подход к финансированию образования получил признание и в большей части законодательное подкрепление. Однако использование нормативов не является пока повсеместным. В связи с этим на протяжении анализируемого нами периода (с 2001 по 2006 г.) для финансирования образовательных уровней применялся традиционный подход, предполагавший содержание образовательных учреждений, а не финансирование образовательного процесса.

Для анализа осуществления равной бюджетной обеспеченности граждан независимо от места проживания, а также равноправия субъектов РФ в отношениях с федеральным правительством нами было рассмотрено душевое

финансирование сферы образования по четырем уровням (общее, начальное профессиональное, среднее профессиональное и высшее профессиональное образование) во всех субъектах РФ из федерального, регионального и местного бюджетов. Необходимо отметить, что расчет бюджетной обеспеченности студентов (учащихся) каждого субъекта РФ осуществлялся с учетом индекса бюджетных расходов (ИБР), позволяющего нивелировать региональные различия в стоимости бюджетных услуг.

Полученные результаты позволили типологизировать субъекты Федерации по критерию финансирования образования относительно среднероссийского уровня. Были выделены следующие группы субъектов РФ с соответствующими диапазонами расходов на образование: *бедствующие* — регионы, в которых недостаток финансирования образования по сравнению со среднероссийским составляет более чем 50 %; *слабые* — регионы, в которых недостаток финансирования по сравнению со среднероссийским составляет 11—50 %; *средние* — регионы, в которых отклонение душевого финансирования от среднероссийского составляет +/-10 %; *благополучные* — регионы, в которых превышение фактического душевого финансирования над среднероссийским составляет 11—50 %; *богатые* — регионы, в которых превышение душевого финансирования над среднероссийским составляет более чем 50 %.

Для обобщения полученной информации использовался ряд характеристик: рассматриваемый период — 6 лет; «постоянство» группы, формируемое за счет присутствия одного и того же субъекта РФ в группе не менее 4 лет (из шести); степень (уровень) постоянства группы в % (67 % — субъект РФ присутствует в группе 4 года (4/6), 83 % — в группе 5 лет (5/6); 100 % — в группе 6 лет); средний уровень «постоянства» группы (средневзвешенная или частота попадания) — сумма постоянных субъектов РФ с учетом степени постоянства, деленное на количество постоянных субъектов РФ. Эти значения были рассмотрены для каждого уровня образования.

В результате проведенной типологизации для *общего образования* регионы были распределены по группам в зависимости от отклонения сложившегося финансирования от среднероссийского за период 2001—2006 гг.

Группа «бедствующих» субъектов РФ на протяжении исследуемого периода включала от 1 до 3 регионов, и только Тюменская область присутствовала в этой группе 5 лет из рассматриваемых шести.

В группе «слабых» регионов количество субъектов РФ колебалось от 32 до 54. С постоянством от 67 до 100 % находятся в этой группе 33 субъекта РФ. Средний уровень «постоянства» для 33 субъектов — 92 %. Таким образом, с учетом того, что для 61 % всех субъектов РФ группы характерна стабильность пребывания в ней, мы можем говорить о сложившейся тенденции недофинансирования этого перечня регионов в диапазоне от 11 до 50 % среднероссийского финансирования. К этим субъектам относятся Архангельская, Волгоградская, Ивановская, Иркутская, Саратовская, Сахалинская области, Республика Алтай, Ставропольский и Хабаровский края и др.

В группу «средних» регионов попадало от 23 до 45 субъектов РФ, причем 25 из них присутствовали постоянно (минимум 4 года). Доля постоянных субъектов РФ от среднего количества в группе составила 0,83. Средний уровень постоянства — 83 %. На протяжении 2001—2006 гг. финансированием на уровне $\pm 10\%$ от среднероссийского характеризовались Белгородская, Владимирская, Кировская, Псковская, Самарская области, Красноярский край, Республика Карелия и др.

Для группы «благополучных» субъектов РФ было характерно то, что в разные годы было от 2 до 14 регионов. Из них 6 субъектов РФ являлись постоянными в этой группе (что составило 0,59 от среднего количества). Средний уровень постоянства составил 78 %. Стабильное превышение финансирования над среднероссийскими на уровне 11—50 % имели Вологодская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Ярославская области.

Группа «богатых» является немногочисленной. Так, в ней присутствовали от 2 до 5 субъектов РФ. В «постоянные» регионы попали г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ. Их средний уровень постоянства характеризуется значением 78 %.

Таким образом, в связи с тем, что в каждом из рассмотренных типов доля постоянных субъектов РФ составляла более 50 % (от 59 до 100 %), сформированные группы

можно считать стабильными. Этот факт свидетельствует о сложившихся тенденциях недофинансирования одних регионов и значительно большего получения денежных средств другими. Суммарное значение «постоянных» регионов составило 72 ед., или 83 %, от их общего числа. Хроническое недофинансирование испытывают 34 региона. В значительно лучшем положении постоянно находятся 9 субъектов РФ. На уровне среднего по России получали финансирование 25 субъектов РФ.

Данные, полученные в результате систематизации значений отклонения фактического душевого финансирования от среднего по России в сфере *начального профессионального образования* (НПО), также позволили типологизировать субъекты РФ.

«Бедствующих» регионов с минимальным финансированием было выявлено от 2 до 3, причем постоянными в этой группе являлись Магаданская область и Ненецкий автономный округ. Средний уровень постоянства группы составил 91,5 %.

Недостаточное финансирование в группе «слабых» получали от 17 до 35 субъектов РФ. Постоянную основу группы составил 21 регион: Республика Саха (Якутия), Волгоградская, Камчатская, Новгородская, Сахалинская, Челябинская области, Алтайский и Хабаровский края и др. Доля постоянных субъектов РФ от среднего количества в группе составила 0,83 со средним уровнем постоянства 84,9 %.

К группе «средних» отнесены 23—38 регионов, постоянными из которых были 23: Белгородская, Ивановская, Новосибирская, Оренбургская, Рязанская области, Краснодарский край, Республика Карелия и др. Доля постоянных субъектов РФ от среднего количества в группе составила 0,72 со средним уровнем постоянства 74,7 %.

В группу «благополучных» в разные годы были отнесены от 9 до 23 регионов. Тем не менее, постоянными оказались 10 субъектов РФ: Калининградская, Калужская, Ленинградская, Ярославская области, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея и др. Их доля от среднего количества в группе составила 0,57 со средним уровнем постоянства 73,4 %.

В группе «богатых» в рассматриваемом периоде оказались от 1 до 11 субъектов РФ. Два из них (г. Москва, Московская область) присутствовали в этой группе стабильно с постоянством 83 %.

Таким образом, с учетом размера доли постоянных субъектов РФ от среднего количества в группе от 0,55 до 0,83, а также с учетом общего их количества от общего числа (62 региона, или 72 %) дифференциация финансирования между субъектами РФ из года в год носит постоянный характер. В связи с этим выделяются субъекты, имеющие хроническое недофинансирование НПО: 23 субъекта РФ — группы «бедствующие» и «слабые», а также субъекты РФ с хорошим материальным обеспечением (12) — в группах «благополучные» и «богатые». Только 23 региона — группа «средних», характеризующаяся душевым финансированием на среднероссийском уровне.

Результаты проведенной типологизации субъектов РФ по *среднему профессиональному образованию* (СПО) также показывают интересные тенденции.

В группе «бедствующие» за рассматриваемый период находились от 3 до 7 субъектов РФ. На протяжении шести лет постоянно в этой группе присутствовали Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея, Республика Хакасия.

От 10 до 29 регионов находились в группе «слабых». С постоянством, равным 89 %, в рассматриваемом диапазоне были 11 регионов, или 61 %. Недофинансирование было характерно для таких субъектов, как республики Дагестан и Саха (Якутия), Магаданская, Томская, Тюменская области, Хабаровский край и др.

В группе «средних» зафиксированы в разные годы 20—28 регионов. Доля стабильно присутствующих регионов в группе составляет менее половины — 11 субъектов РФ со средним уровнем постоянства 79 %. К таким регионам относятся Архангельская, Пензенская, Сахалинская, Смоленская области, Алтайский край, Республика Калмыкия.

Хорошее финансовое положение в СПО в группе «благополучные» было характерно для 13—41 региона. Стабильно присутствующими явились 24 субъекта РФ, или 88 % от среднего числа в группе. Средний уровень «постоянства» группы составил 77 %. В эту группу входили Белгородская, Волгоградская, Мурманская, Свердловская, Воронежская, Новосибирская области, Республика Карелия.

Наилучшее финансовое положение было у «богатых» регионов. Их оказалось от 4 до 7. Однако только 4 реги-

она, или 67 %, стабильно имели значительный перевес с постоянством, равным 96 %: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Московская области.

Таким образом, как и по предыдущим уровням образования, в сфере финансирования СПО достаточно четко прослеживаются диспропорции в распределении бюджетных средств между регионами. Доля постоянно присутствующих субъектов РФ по всем рассматриваемым группам типологии составляла более 50 % от среднего количества. Исключением явилась группа «средние» — 46 %. Тем не менее, 66 % всех субъектов РФ стабильно попадали в одну из групп. Это свидетельствует о сохраняющихся диспропорциях финансирования системы СПО.

Проблема, связанная с диспропорциями финансирования сферы *высшего профессионального образования* (ВПО), исследовалась нами неоднократно³.

В 2001—2006 гг. в группу «бедствующих» попадали от 0 до 4 регионов, причем постоянных субъектов РФ здесь не было зафиксировано.

В группе «слабые» были 12—27 регионов. Количество постоянных субъектов РФ составило 13, или 68 %. Средний уровень «постоянства» регионов группы (средневзвешенная) составил 85 %. Это Сахалинская, Тюменская, Читинская области, республики Дагестан и Ингушетия и др.

В группе «средние» в разные годы присутствовали от 22 до 31 субъекта РФ, из которых стабильными были 20 регионов (74 %). Средний уровень «постоянства» составил 78 %. Постоянными субъектами РФ были Архангельская, Брянская, Иркутская, Курганская, Омская области, Приморский край и др.

В группу «благополучные» попадали от 14 до 30 регионов с постоянным количеством 18 субъектов РФ, или 75 %, со средним уровнем постоянства 86 %. Это Белгородская, Воронежская, Новгородская, Саратовская области, Республика Карелия.

«Богатыми» являлись от 6 до 13 регионов, а постоянными были только 5 субъектов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Ульяновская области) с уровнем постоянства в 90 %.

Таким образом, стабильная дифференциация в финансировании сферы ВПО характерна для 60 субъектов РФ (70 %).

В отличие от рассмотренных выше уровней образования для ВПО не является характерной группа «бедствующих» субъектов РФ.

Итоговые данные свидетельствуют о том, что в целом для системы образования РФ характерно стабильное распределение финансовых государственных ресурсов между регионами. Так, от 53 субъектов РФ (или 62 %) в системе СПО до 68 субъектов РФ (или 79 %) в системе общего образования неизменно попадают в ту или иную группу бюджетной обеспеченности. Об устойчивости выделенных групп также свидетельствует тот факт, что доля постоянных регионов в каждом диапазоне была более половины (от 0,55 до 0,90). Необходимо отметить, что при этом самыми многочисленными являются группы «средние» и «слабые». Общее количество регионов, попадающих в первую из указанных групп, составляет 79, во вторую — 78. Наиболее малочисленными являются «крайние группы» группы: «бедствующие» и «богатые». Суммарное количество регионов, характеризующихся максимальным недостатком по всем уровням образования, составило 6, а для максимального превышения — 14.

Таким образом, на основе полученных данных можно утверждать, что политика преодоления дифференциаций регионов, проводимая в РФ, пока не дает результатов и не способствует снижению диспропорций в части бюджетной обеспеченности населения, например, в области образования. В связи с положительной динамикой государственных расходов на образование существенных сдвигов в распределении регионов по уровню финансирования не произошло: регионы, и хорошо, и слабо обеспеченные финансовыми ресурсами, остались на своих позициях⁴. Причины, обусловившие распределение регионов по выделенным группам, требуют дополнительного анализа и выходят за рамки данной статьи.

Стабильность выделенных групп свидетельствует о том, что осуществляемая государственная бюджетная политика, направленная, с одной стороны, на обеспечение равного доступа граждан к государственным услугам, с другой — на увеличение финансирования образования как важнейшей социальной сферы, в ходе реализации имеет некоторые противоречия. Так, с течением времени (2001—2006 гг.) происходит улучшение финансирования образования в аб-

солютных цифрах, но относительно среднего уровня распределения финансовых ресурсов ситуация не меняется. Регионы, финансировавшиеся значительно ниже указанного параметра, так и продолжают получать недостаточное количество государственных средств. Это касается и хорошо обеспеченных регионов: их положение с течением времени не меняется и финансирование остается стабильно высоким.

Процесс распределения полномочий в сфере образования закончен, и в ближайшие годы не предполагается кардинальных изменений. Дальнейшая эволюция в этой сфере возможна в условиях перехода на нормативное бюджетное финансирование, которое при научном обосновании нормативов обеспечит объективность планирования и «прозрачное» распределение финансовых ресурсов в сфере образования между субъектами РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 г., с изменениями от 9 января 1996 г., 10 февраля 1996 г., 9 июня 2001 г. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 15.04.2008).

² См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Прил. к приказу Минобрнауки России от 11 февраля 2002 г. № 393. URL: <http://peterned.ru//kontceptcij.htm> (дата обращения: 5.04.2008).

³ См.: Гуртов В.А., Сигова С.В. Душевая обеспеченность в сфере бюджетного финансирования высшего профессионального образования в субъектах РФ // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 130—153; Их же. Диспропорции финансирования высшего профессионального образования в субъектах Российской Федерации // Экономика образования. 2007. № 5. С. 34—39; Их же. Региональные диспропорции бюджетного финансирования высшего профессионального образования Российской Федерации // Модернизация экономики и государства: в 3 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 63—72.

⁴ См.: Сигова С.В., Гуртов В.А. Типология субъектов Федерации на основе анализа бюджетных доходов и расходов // Финансы. 2007. № 10. С. 13—15; Колесов А.С., Гуртов В.А., Ревайкин А.С., Сигова С.В. Бюджетная политика и межбюджетные отношения в субъектах Российской Федерации. М.: Финансы, 2007. 600 с.

Поступила 02.07.08.

В. В. КОЗИН

О. В. КОЗИНА

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СТАТУСНАЯ И СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Ключевые слова: образование; социальные нормы; статус; стиль; социальная позиция; дифференциация; стартовая позиция; молодежь; ценности; цели; социальные барьеры

Key words: education; social norms; status; style; social position; differentiation; start position; young people; values; aims; social barriers

В России идет активный процесс становления гражданского и политического общества нового типа. Радикальные экономические и социально-политические реформы существенно изменили его «лицо»: иными стали отношения собственности, обусловившие изменения социальной структуры и состава населения российского общества. Значительная его часть проявила высокую социальную мобильность, изменив свои профессию, статус, а следовательно, и социальные роли. Центральным аспектом, определившим динамику трансфор-

КОЗИН Владимир Васильевич, заместитель директора по научной работе НИИ регионологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

КОЗИНА Ольга Васильевна, преподаватель кафедры педагогики Мордовского государственного университета.

мации социальной структуры общества, стало формирование слоя частных предпринимателей.

Однако стремительно меняющаяся действительность не означает, что также быстро изменились человеческие ценности, отношения, сознание. Возникла ситуация так называемой «разрегулированности», когда в период радикальных перемен жизненный опыт перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах, регулирующих поведение людей в обычных условиях. Более того, парадоксальность ситуации заключается в том, что прежние идеологические ориентиры перестали удовлетворять духовные потребности людей, а сколько-нибудь значимой (или официально обозначенной на государственном уровне) альтернативы до сих пор нет. Этот факт стал своеобразным общественным вызовом современному образованию, которое, являясь неотъемлемой институциональной частью общества, не может не реагировать адекватно. Великое, как известно, начинается с малого, и современное образование (на всех его уровнях) должно активно включиться в процесс духовного развития страны, воспитывая новое поколение на иных ценностях. Проблема заключается в том, что на каких ценностях оно должно быть воспитано? Социальная дезорганизация периода «демократической вольности» привела к разрыву между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. Люди, стремящиеся к финансовому успеху, убеждаются в том, что его невозможно достичь с помощью социально одобряемых средств. Таким образом, нравственно-психологическое состояние современного индивидуального и общественного сознания характеризуется разложением системы ценностей и вызвано противоречием между «популярными» целями (богатство, власть) и невозможностью их достижения.

В этих условиях актуализируется проблема социальной позиции личности, социальной группы, их статусная и стилевая дифференциация. В складывающихся социально-экономических условиях и иных обстоятельствах образовательный статус может обеспечивать значительно больший доступ к социальным ресурсам, чем власть и собственность. Уровень и качество образования сегодня становятся специфическим видом престижного потребления, способствующим самоизоляции одних социальных групп и сдерживающим стратифика-

ционную мобильность других. Более того, в современном мире усиливается воздействие науки и техники на политические отношения, «что находит свое отражение в технократическом поведении ряда субъектов политической власти»¹.

К. Д. Ушинский писал: «В основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития»². В условиях происходящих в обществе перемен образование на всех его уровнях должно не только передавать новым поколениям ранее накопленные знания, но и готовить их к решению проблем, с которыми личность и общество еще никогда прежде не встречались³. На наш взгляд, переживая период переоценки ценностей, государство и образование должны опираться, с одной стороны, на традиционную культуру России, с другой — отвечать динамике современности.

В работах, посвященных анализу места и роли системы образования в трансформирующемся российском обществе, хорошо показано, что на фоне высокой символической значимости образования (особенно высшего) и мотивации на его получение у большинства молодежи далеко не всем удается поступить в вузы, а часть вынуждена отказаться от поступления вообще. Чаще всего это является следствием слабости стартовой позиции родительской семьи: плохое материальное положение, низкий статус, территория проживания, недоступность качественного общего образования и др.⁴

В современном российском обществе уровень образования и его специализация сказываются на разности шансов в получении преимуществ на рынке труда. Диплом о высшем образовании уже сам по себе рассматривается как ценность вне зависимости от качества образования. Наличие вокруг этого символа различных теневых практик (например, покупка диплома на черном рынке) подтверждает высокий престиж формального образования. Это является отличительной чертой переходного состояния общества. С одной стороны, высшее образование становится более доступным благодаря распространению различных форм платного обучения, с другой (по той же причине) — менее доступным. Бесплатное, престижное и действительно качественное образование, которое будет востребовано на рынке труда завтра, далеко не все могут себе позволить.

Множество социальных барьеров вносит коррективы в понятия «высшее, среднее и общее образование». Его доступность и востребованность приводят к повышению уязвимости слабых социальных групп. Выделяют информационный, институциональный, экономический, социальный и личностно-индивидуальный факторы, препятствующие доступности образования⁵. Однако эти социальные барьеры иногда бывают преодолимы. Привычные маркеры уязвимых социальных групп далеко не всегда срабатывают. Ни материальные ресурсы семьи, ни ее социальный и культурный статус, ни ее размер и качество, ни география (село или город) уже не могут быть однозначно использованы для определения привилегированных и непривилегированных групп. Высокий престиж образования, образование детей как одна из немногих надежных сфер семейного инвестирования и временный уход от решения более сложных социальных задач (безработица, армия, криминал), стимулирует семьи к использованию самых разных способов реализации своей «состоятельности» через образование детей⁶.

Многие выпускники школ поступают в техникумы лишь «по необходимости». Они не имеют возможности поступить в вуз по семейным (материальные и сетевые ресурсы семьи) или личным причинам (недостаток знаний или способностей), рассматривают свое решение как шаг для получения высшего образования впоследствии. Поэтому более значимым «разделителем» становятся готовность и способность индивида реализовать свой образовательный потенциал.

Необходимо иметь в виду влияние глобализационных процессов на различные социальные практики. На наш взгляд, именно они, как ни странно, определяют фрагментацию и гибридизацию социально-культурного пространства социума, в том числе и регионального. Новые культурные ценности и ценностные ориентации приобретают особый смысл в системе высшего образования, которая служит одним из главных агентов социализации, воспроизводства ценностных структур обществ. Ценностные ориентации проявляются в целях, идеалах, мировоззрении, интересах личности. Они связаны с целями и ценностями, на которые направлена деятельность человека⁷. Без идеала и ценностного мировоззрения нет самосознания, бытия человека как личности⁸. Проблема становления новой, свободной личности может

быть решена лишь в условиях гуманистической педагогической парадигмы, в центре внимания которой — уникальная целостная личность, стремящаяся к максимальной реализации своих возможностей, открытая для восприятия нового опыта, способная на осознанный и ответственный выбор в разнообразных жизненных ситуациях.

Однако высшее образование (не говоря о среднем специальном и общем) в современной трансформации ценностных ориентаций россиян уже, на наш взгляд, не служит источником распространения фундаментальных научных ценностей. Его потребители, по мнению Е. Н. Покровского, ценят, во-первых, его доступность или «удобность», то есть максимальное сокращение физических усилий для получения искомого результата; во-вторых, экономическую усредненность и эффективность (платить меньше — получить больше); в-третьих, учебные программы, «упакованные» в яркие функционально-привлекательные формы (реально или мнимо востребованные на рынке труда), облегчающие потребление «товара» (квалифицированной рабочей силы), в качестве которого выступают знания и умения; в-четвертых, максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний. «В этом смысле университеты и школы уже не рассматриваются в качестве святилищ разума, а профессура и учителя в роли (качестве) священнослужителей. И те, и другие скорее эволюционируют в направлении обслуживающего персонала, готовящего эффективные продукты, готовые к употреблению. Причем профессура изготавливает продукт на внутреннем рынке образования, а студенты (в будущем выпускники и молодые специалисты) распространяют его (т.е. себя) на внешнем»⁹.

Это порождает ряд феноменов, которые, на наш взгляд, следует считать не культурной девиацией, а образцами новых гибридных форм культуры. К числу подобных гибридных форм, помимо образования, туризма, труда, можно отнести достаточно одиозные, но трансформирующиеся в нормативные: шоу-бизнес, рекламу, масс-медиа, псевдодемократическое политическое лицедейство и театрализацию.

Современный этап развития российского общества создает некоторую опасность для становления и развития личности. Социально-экономические изменения, переход от тоталитарного государства к демократическому вызвали

не просто смену ценностей, но и существенное социальное расслоение, способствующее возникновению «многослойной» морали, когда для каждой социальной группы существуют свои, отличающиеся от других понятия добра и зла. В этих условиях юношество в большинстве своем ориентируется на ценности прагматического характера, реально достижимые и обеспечивающие устойчивое жизненное положение. Эта мысль подтверждается и другими исследователями¹⁰.

Разумеется, что появляющееся на исторической сцене поколение молодых несет свое представление о будущем. Кем бы они ни были сейчас, а именно: «бунтарями или созидателями», «сексуальными революционерами или интернет-гениями», — в конце концов они вырастают. Именно им принадлежит будущая власть, а их ценности становятся ценностями общества. Более того, современное российское молодое поколение весьма не однородно, что требует самого пристального внимания и изучения. Причем дифференциация проходит по множеству пересекающихся векторов. Кроме классического основания (место и роль в социальной структуре), все более значимыми становятся другие: уровень и качество полученного образования, практикуемые той или иной когортой молодежи легальные и нелегальные стратегии на рынке труда, гендерные и стилевые различия и т. д.

Эти основания позволяют выделить типологические группы молодежи: «авангардные» «консервативные» и «экстремистски настроенные»¹¹. Жизненные стратегии и стилевые практики этих групп существенно разнятся. Главным является вопрос «Какая из этих групп будет лидировать в другом жизненном цикле, когда сегодняшняя молодежь станет родителями нового молодого поколения, политиками, преподавателями и журналистами, наемными работниками?». Попробуем быть оптимистами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тощенко Ж.Т. Три основных лика власти: социологические заметки. М.: Academia, 2002. С. 102.

² Ушинский К.Д. Собрание сочинений. М.—Л.: АПН РСФСР, 1948. Т. 2. С. 122.

³ См.: Кинелев В.Г. Образование и цивилизация // Учительская газ. 1996. 30 июля.

⁴ См.: Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х к 2000-му) / под ред. В.Н. Шубкина. М.: Эдиториал, 1999. 268 с.

⁵ См.: Ивашкина Н.В. Экономические и социально-личностные факторы доступности университетского образования в регионе // Региология. 2008. № 1. С. 137—145.

⁶ См.: Молодежь: кому принадлежит будущее? // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / А.Н. Богаевская, Е.Н. Данилова, Л.М. Дробижеева и др.; под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта: МПСИ, 2005. С. 421—472.

⁷ См.: Савинов Л.И. Семьеведение: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 196 с.

⁸ См.: Сиземская И.Н. Мироззрение как ценность образования: С.И. Гесен, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин // Педагогика. № 1. 2001. С. 63—67.

⁹ Покровский Е.Н. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России ... С. 520.

¹⁰ См.: Полутин С.В. Молодежь в системе социального воспроизводства. Социологический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 220 с.

¹¹ См.: Молодежь: кому принадлежит будущее ... С. 468.

Поступила 15.04.09.

А. Н. УТКИНА

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ

Ключевые слова: высшая школа; депрессивный регион; система образования; Болонский процесс; уровень образования; региональный вуз; мобильность; эмиграция

Key words: higher school; depressive region; system of education; Bologna process; level of education; regional higher schools; mobility; emigration

Развитие высшей школы в провинции — это один из путей приобщения депрессивных регионов к новым технологиям, интенсивному освоению периферии и достижению устойчивого развития. Поэтому образование в провинции можно рассматривать как предпосылку социально-экономического подъема, развитие интеллектуального потенциала региона.

Высшая школа оказывает существенное воздействие на другие сферы развития регионов. В XXI в. образование трансформируется в решающий фактор территориальной организации общества. Направления профессиональной подготовки кадров, специализация вузов стимулируют или затрудняют развитие отраслей экономики: сельскохозяйственные вузы «отвечают» за развитие сельского хозяйства в регионах, педагогические — за сферу образования и воспитания, технические вузы становятся условием развития машиностроения и др. Кроме того, образование делается важнейшим фактором формирования социальной структуры, повышения уровня культуры населения. Именно такая миссия возлагается на образование в периферийных районах, так как иммиграция населения (особенно приток молодежи, квалифицированных кадров, специалистов) здесь выражена крайне слабо. Следовательно, целесообразность развития высшего образования в регионах связана не с

УТКИНА Антонина Николаевна, доцент кафедры экономики Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук.

конкурентными преимуществами соответствующих вузов, а с их социально-значимой ролью, выдвигающей их на уровень «общественного блага».

В период, последовавший после Берлинской конференции министров образования (18—19 сентября 2003 г.), в российском научном сообществе нет единого мнения относительно целесообразности и эффективности для российского образования Болонских реформ.

Сторонники Болонского процесса склонны связывать с ним немедленные (либо весьма быстрые) блага для отечественной высшей школы. Таковыми считаются мобильность студентов, преподавателей и вузовских исследователей; академическое и профессиональное признание отечественных дипломов на европейском пространстве рынка труда; свободное трудоустройство выпускников российских вузов в любой европейской стране и др. Противники Болонского процесса предупреждают о роковых последствиях для России, особенно о снижении традиционно высоких качественных параметров высшего образования, утрате его главного достоинства — фундаментальности, ослаблении конкурентоспособности российских вузов на европейском и мировом образовательных рынках¹.

В связи с этим возникает закономерный вопрос «Найдется ли в будущем образовательном пространстве достойное место для высших учебных заведений региональной периферии?».

В российской системе высшего образования сложились университетский и отраслевой типы вузов: университеты и институты. Логично, что начать переход к новой системе образования должны классические университеты, многие из которых уже работают в координатах «бакалавр-магистр-доктор». Заметим, что двухступенчатая система соответствует характеру университетского типа образования, миссия которого — готовить выпускников со степенями «бакалавр», «магистр», «кандидат наук» и «доктор наук», т. е. широко образованных и основательно подготовленных специалистов, способных работать в условиях повышенной профессиональной мобильности, умеющих отойти от сложившихся стереотипов и предложить новые технологии, идеи и решения.

Узкопрофильные вузы, учитывая новые требования, находятся в более сложной ситуации, и их переход на двухступенчатую систему не должен форсироваться искусственно. Для такого перехода институты должны иметь какое-то время, чтобы осмыслить проблему, определить тактику поведения на рынке образовательных услуг, а не сводить ее к имитации Болонского процесса. Однако принятый закон о двухуровневом высшем образовании в России уже определил срок — 1 сентября 2009 г.

Чем это грозит периферийным вузам? С одной стороны, возможность получить образовательную степень первого уровня с продолжительностью обучения в четыре года может привлечь в вуз большее число абитуриентов, для которых высшее образование станет доступнее по срокам и оплате. С другой стороны, эти же более вариативные возможности будут стимулировать эмиграцию абитуриентов в более крупные, обустроенные, перспективные города и более успешные вузы. Ждать появления иностранных студентов, а также студентов из ближнего зарубежья, других «сопоставимых» городов не приходится. Следовательно, контингент обучаемых будет все более ограниченным по численности и возможностям к обучению.

Введение магистратуры как второго уровня высшего образования в периферийном вузе вполне реально. Считается, что магистратура должна усилить привлекательность и конкурентоспособность вуза. Это даст ему дополнительные возможности обновлять состав студентов за счет бакалавров, закончивших другие учебные заведения. Однако эта возможность в провинции маловероятна.

Одними из преимуществ Болонских реформ считаются расширение возможностей для межвузовского взаимодействия на международном уровне, упрощение семестровых и годовых стажировок. Студенты якобы смогут полноценно учиться за рубежом без потери проведенных там периодов. Это предполагает обновление образовательной инфраструктуры, особенно технических средств обучения и производственно-лабораторной базы (считается, что средства, полученные от «внешних» студентов, могут быть использованы и на эти цели). Учитывая реалии среднестатистического периферийного вуза, реализация этих мероприятий невозможна. Даже максимально возможный оптимистичный прогноз указывает на весьма

отдаленные перспективы осуществления этих планов. Более того, чтобы до этого вузу дожить, ему надо выжить.

Несомненно, что рост межвузовской конкуренции, более высокая требовательность со стороны студентов к качеству образования изначально ставят в неравные условия различные учебные заведения. Более того, они усугубят эти различия в будущем, приведут к гибели слабых по конкуренции вузов из глубинки.

В Берлине министры образования призвали вузы создавать студентам достойные условия для учебы и соответствующие бытовые условия, чтобы они могли успешно завершить учебу в установленные сроки без помех со стороны социальных и экономических факторов. Кроме того, было подчеркнуто, что существует необходимость накапливать более детальные сравнительные данные о социальном и экономическом положении студентов.

Сравнительные данные демонстрируют территориальную удаленность районов Сибири от интеллектуальных центров не только Европы, но и России. Мобильность в этих условиях требует значительных средств. Даже расстояния, которые придется преодолевать провинциальным сибирским студентам при их поездках из России и в Россию, далеко не сравнимы ни с европейскими, ни с любыми другими. Соответственно, будут разниться и транспортные расходы. Но не только они составляют основную часть финансовых потребностей. Нерешенным остается вопрос о бесплатности академических обменов по программам мобильности. Если государство пойдет по пути «наименьшего сопротивления» — предложит самим студентам (вернее, их родителям) нести финансовое бремя, то подобная практика будет приводить к существенному социальному расслоению общества (в том числе по территориальному признаку), усилению социального неравенства, когда только обеспеченные студенты смогут получать более качественное и конвертируемое образование. Но и в этом случае большая часть студентов будет стремиться в центральные районы, в признанные университеты.

Болонский процесс не должен стать коммерческим проектом, образовательным бизнесом. Парадоксальность ситуации состоит в том, что для российских периферийных вузов, испытывающих существенные финансовые трудности, платность образования в новых складывающихся условиях (в от-

личие от конца 1990-х — начала 2000 гг.) может привести к их ликвидации вследствие неплатежеспособности значительной части населения депрессивных регионов. Участники Болонского процесса постоянно указывают министерствам образования регионов и вузам на необходимость брать расходы по мобильности студентов и преподавателей на себя. В Европе имеется позитивная практика подобного рода, в то время как в России ни у государства, ни у вузов на это пока нет средств.

По оценкам специалистов, можно ожидать, что не более 10 % российских студентов смогут поехать за свой счет в европейские вузы за болонскими академическими кредитами. Незначительное число из 6 млн российских студентов получит гранты на такие поездки (примерно две-три тысячи), а остальные надолго окажутся за бортом программ мобильности².

Возникает проблема дополнительного финансирования иностранных языков, особенно английского. Уровень владения им еще до поездки в принимающий университет должен быть высоким. Российские вузы уже сегодня ставят вопрос о значительном увеличении в своих учебных планах количества часов по изучению иностранных языков. Однако даже такое увеличение не решит проблемы: потребуются, возможно, десятилетия на создание школ преподавания языков, особенно в региональных вузах.

Таким образом, в новой системе высшей школы изменится место вузов в системе расселения. Если сегодня большую роль в подготовке кадров играют средние и малые города (хотя высшее образование является прерогативой крупных и крупнейших городов), то завтра велика вероятность того, что роль региональных вузов будет ослаблена, так как другие образовательные учреждения могут предоставить более конкурентоспособное образование, более востребованное на рынке труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Байденко В.И. Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высш. образование сегодня. 2004. № 2. С. 14—19.

² См.: «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 213.

М. Б. ГИТМАН,
Е. К. ГИТМАН,
В. Д. ЧЕРКАСОВ

ГОТОВНОСТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА В АСПИРАНТУРУ

Ключевые слова: инновационная деятельность; профессиональный отбор; аспирантура; бакалавриат; магистратура; кандидат наук; доктор наук; процедура; абитуриент; когнитивность; надпрофессиональные критерии; вступительный экзамен

Key words: innovation activity; professional selection; graduate study; baccalaureate; magistrates; Candidate of science; Doctor of science; procedure; university entrant; cognition; over-professional criteria; entrance examination

Участвуя в Болонском процессе, Россия входит в мировое образовательное сообщество¹. Этот путь предполагает решение множества проблем, одной из которых является подготовка кадров высшей квалификации. Именно поэтому наряду с двухступенчатой системой образования (бакалавр, магистр) на конференции в Берлине (2003 г.) министры образования стран Европы включили докторский уровень (аспирантуру) как третью ступень Болонского процесса. С целью выработки практических рекомендаций по развитию системы подготовки кадров высшей научной квалификации в Европе в феврале 2005 г. в Зальцбурге был организован семинар по докторским программам. Там был сформулирован ряд основных принципов формирования программ третьего уровня. Особо хотелось бы обратить внимание на один из них. Он касается развития инновационных структур. По

ГИТМАН Михаил Борисович, профессор кафедры математического моделирования систем и процессов Пермского государственного технического университета, доктор физико-математических наук.

ГИТМАН Елена Константиновна, заведующая кафедрой методики профессионального и трудового обучения Пермского областного института повышения квалификации работников образования, доктор педагогических наук, профессор.

ЧЕРКАСОВ Василий Дмитриевич, проректор по научной работе Мордовского государственного университета, заведующий кафедрой прикладной механики, доктор технических наук, профессор.

существование речь идет о том, что подготовка кадров высшей квалификации в современных условиях вовсе не мыслима без инновационной составляющей. В данном контексте уместно привести одно из определений инновации, которое звучит как «*thinking new things + doing new things*», т. е. творить и действовать.

В России присвоение научных степеней кандидата и доктора наук относится к профессиональной аттестации научных работников. Эти степени не являются академическими, присваиваемыми по окончании обучения. Взаимодействие и сращивание понятий образовательной и профессиональной аттестации в системе послевузовского образования происходят из-за особенностей науки как сферы трудовой деятельности. Вуз является для аспирантов сферой образования и сферой труда. Отметим, что послевузовское образование должно выступать системным интегратором науки, образования и бизнеса для производства высококачественного готового продукта, востребованного на рынке высоких технологий, современного производства и образования. Это актуализирует необходимость разработки теоретических основ и формулировку практических рекомендаций формирования системы послевузовского профессионального образования для инновационной экономики России.

Прием в аспирантуру сопровождается рядом процедур. В содержание и организацию этих процедур должны, на наш взгляд, быть внесены некоторые изменения. В отличие от существующих ныне вступительных испытаний, в ходе которых оценивается только знаниевый компонент подготовки абитуриента, перед экзаменационной комиссией должна быть поставлена задача *профессионального отбора*, в основу которого следует положить оценку готовности человека к инновационной деятельности.

В Федеральном законе «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» (1999 г.) сказано, что инновационная деятельность — создание новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса, реализуемых в экономическом обороте с использованием научных исследований, разработок, опытно-конструкторских работ либо иных научно-технических достижений. Таким образом, под готовностью к инновационной деятельности следует понимать

сформированность у абитуриентов системы профессионально и личностно значимых качеств, необходимых для разработки и внедрения инноваций.

Готовность к инновационной деятельности — сложная, многоаспектная характеристика, в структуру которой входит совокупность когнитивного, деятельностного и личностного компонентов. Для оценки степени сформированности каждого компонента на уровне, достаточном для поступления в аспирантуру, необходимо сформулировать набор соответствующих критериев.

Когнитивный компонент определяется уровнем сформированности и степенью владения системой базовых знаний и умений по специальности, знанием современного состояния и тенденций развития предметной и смежных областей. *Деятельностный* определяет степень сформированности логического, алгоритмического и системного мышления, а также владение русским и английским языками на уровне, необходимом для оформления различного рода материалов, презентации результатов научных исследований. *Личностный* определяется степенью мотивированности, креативности, активности и инициативности, настойчивости, трудолюбия и добросовестности, систематичности в работе, старательности, волевыми качествами, а также качествами лидера, умением работать в команде и т. п. Разумеется, что состав этих критериев может быть дополнен.

Следующим шагом организации системы профессионального отбора в аспирантуру является *разработка процедур оценивания характеристик претендента по обозначенным критериям*. При этом не исключается то, что одна процедура может быть применена для оценки нескольких компонентов готовности абитуриента.

Показательной в этом смысле является система профессионального отбора в аспирантуру западных университетов². Условия реализации этого подхода отличаются от принятых в российских вузах в содержательном и организационном аспектах. Критерии конкурсного отбора делятся на две группы: профессиональную и надпрофессиональную. К первой относятся критерии, характеризующие уровень освоения абитуриентом соответствующих учебных дисциплин, изученных им на предыдущем этапе профессиональной подготовки; ко второй — уровень готовности претендента

к обучению в аспирантуре и уровень некоторых его личностных качеств.

Считаем, что этот подход можно привести в соответствие с подходом к профессиональному отбору в аспирантуру, определенному через степень готовности к инновационной деятельности. Так, с достаточной степенью приближенности когнитивный компонент соответствует профессиональной группе критериев, а деятельностный и личностный соответствуют области надпрофессиональных критериев. Очевидно, что субъективность и выборочность делают систему оценки уровня освоения абитуриентом соответствующих учебных дисциплин, отвечающих за профессиональную подготовку, ненадежной. Повысить надежность системы отбора будущих аспирантов можно, делегировав полномочия по оцениванию уровня профессиональной подготовки в те учебные заведения, где эта подготовка происходила. Во-первых, поскольку число педагогов, оценивающих уровень профессиональной подготовки, существенно возрастет, их будет не 3—5, а столько, сколько учебных дисциплин войдет в список профильных. Во-вторых, с каждым из этих педагогов студент будет общаться, как минимум, семестр, что позволит педагогу быть более объективным.

Таким образом, функцию оценивания уровня профессиональной подготовки будут выполнять педагоги, работающие со студентом на предыдущем этапе подготовки. К функции экзаменационной комиссии при приеме в аспирантуру следует отнести только фиксирующий компонент. Фиксации подлежит наличие в приложении к диплому записи о факте изучения абитуриентом определенных учебных дисциплин или их эквивалентов. Абитуриент не допускается до поступления на дуальную программу в случае отсутствия хотя бы одного предмета из необходимого списка или наличия существенно меньшего числа часов, отведенных на какой-либо предмет.

На этапе предварительной подготовки кафедре и ее ученым, открывающим аспирантуру по какой-либо специальности, следует разрешить самостоятельно определить необходимый минимальный перечень учебных дисциплин, который будущий аспирант должен изучить к моменту поступления в аспирантуру. В этом перечне обязательно должно быть указано минимально допустимое количество

часов, отведенное на изучение каждого предмета. При приеме в аспирантуру необходимо проанализировать приложение к диплому претендента, с целью обнаружения факта изучения им этих предметов. При этом возможно рассмотрение эквивалентов соответствующих дисциплин, поскольку сейчас под несколько отличающимися друг от друга названиями может скрываться примерно одинаковое содержание. В случае несовпадения названий предметов студенту при поступлении в аспирантуру следует предоставить не только академическое приложение к диплому, но и программу соответствующих дисциплин.

Подлежит фиксации уровень освоения соответствующих предметов. Принимать во внимание следует оценки только по тем учебным дисциплинам, которые вошли в соответствующий перечень, отобранный кафедрой или учеными, открывающими аспирантуру. Для легкости ранжирования поступающих принимается во внимание средний балл.

Отметим, что если кафедра будет иметь право определять список минимально необходимых предметов, то при приеме в аспирантуру становится неважным установление уровня (бакалавриат, магистратура или обучение специалиста), на котором студент изучил эти предметы, а также какую степень он получил к моменту поступления в аспирантуру. Также теряет актуальность вопрос о формальном соответствии специальности, полученной претендентом на предыдущем этапе обучения, профилю аспирантуры. Главным становится вопрос о содержании и уровне освоения изученных предметов. В случае, если студентом не изучены какие-либо дисциплины из необходимого списка, или не хватает часов по каким-либо из них, то желающий обучаться в аспирантуре должен добрать необходимое. Вузы в свою очередь могут в этом отношении помочь претенденту через систему дополнительного образования, дистанционного обучения, экстерната и т. д.

Весьма важно рассмотрение *надпрофессиональной группы* критериев конкурсного отбора в аспирантуру, предназначенных для оценки уровня готовности претендента к обучению в аспирантуре и уровня сформированности некоторых его личностных качеств. Готовность претендента к обучению в аспирантуре определяется уровнем имеющихся необходимых навыков. При этом навык определяется как автоматическое

умение применять имеющиеся знания. Следовательно, проверке должны подлежать не только знания, но и скорость выполнения этих действий. Таким образом, задания на проверку соответствующих навыков должны быть выполнены правильно и быстро. При этом уровень сложности заданий определяется из *минимально необходимого, а не из максимально возможного*, как практикуется в отечественной системе оценивания. Другими словами, должно быть не одно задание на три часа, а 60 заданий на 60 минут. Именно так появится возможность оценить навыки, а не только знания. Для этой цели предлагается на этапе вступительных испытаний в аспирантуру использовать стандартизированное тестирование.

Следует определить предметные области, которые должны быть охвачены этими тестами. Во-первых, это русский язык, поскольку аспиранту предстоит написать большое количество материалов (статьи, отчеты, диссертация и т. д.) и, следовательно, важен навык владения грамотной письменной речью. Во-вторых, для аспиранта необходимо знание английского языка. В настоящее время это язык международного научного общения. Следовательно, аспирант должен обладать навыками чтения, а в идеале и написания научных текстов. Болонская декларация трепетно относится к сохранению языков и культур континента, однако потребность в общем языке европейского образования выдвигает на эту роль английский язык³. Английский язык тесно связан с понятием мобильности и призван быть инструментом, способствующим успешности академической мобильности.

Совершенно необходима оценка вычислительных навыков (арифметических, алгебраических, статистических и т. п.). Эти навыки необходимы аспирантам, занимающимся как точными, так и гуманитарными науками. Нужны и аналитические навыки, которые при помощи теста заформализовать сложнее всего. Возможно, это могут быть несколько небольших научных текстов, сопровождаемых соответствующими вопросами, или задание на подготовку короткого аналитического эссе на заданную тему. Необходимо отметить, что вариант с эссе значительно усложнит проверку, потребует большего времени и привлечения экспертов, в то время как весь экзаменационный комплекс без эссе может быть проверен моментально в машинном режиме. Возможно, в

этот тестовый комплекс может войти раздел для проверки специфических профессиональных навыков, соответствующих специализации аспирантуры.

Следующим надпрофессиональным критерием являются *личностные качества претендента*. Выше мы уже отметили некоторые из них. К ним можно прибавить творческий потенциал, целеустремленность, ответственность, интерес к научным исследованиям, энтузиазм, умение принимать решения и т. п. Эти характеристики не обладают количественным выражением, не фиксируются в дипломе и не могут быть проверены экзаменом или стандартизированным тестом. Единственный способ фиксации этих характеристик — рекомендации. Их могут давать только люди, знающие претендента в течение достаточно длительного времени и, следовательно, имеющие возможность оценить его личностные качества. В круг рекомендателей должны входить педагоги, работавшие со студентом на предыдущих этапах профессиональной подготовки.

Приемной комиссии будет легче принимать решение о конкурсном отборе, если информация в рекомендациях будет формализована. Для этого необходимо ввести в нее объективные показатели, например, вопросы типа «Ваш студент входил в первые ---% студентов курса по вашему предмету» и т. п. При этом студент не должен знать и может никогда не узнать, что написано в рекомендации. Рекомендующий должен сам отправить рекомендацию в запечатанном конверте в конкурсную комиссию.

Считаем возможным дополнить процедуру конкурсного профессионального отбора *собеседованием с претендентом*, целью которого будет мониторинг готовности поступающего в аспирантуру к поисковой деятельности. В условиях перехода системы образования в инновационный режим необходимо найти подход, который позволил бы проконт-ролировать умение абитуриента применять обобщенные и специфические способы познания. В качестве такого подхода, позволяющего оценить степень готовности абитуриента к исследовательской работе, предлагается использование в содержании и процессе вступительного экзамена в аспирантуру элементов системного анализа. Это даст возможность абитуриенту продемонстрировать свои аналитические способности и, как следствие, возможность заниматься творческой деятельнос-

тью. Владение методами системного анализа упорядочивает функции и способы поисковой деятельности человека. Следовательно, демонстрация абитуриентом степени владения методами системного анализа (комплексно или поэлементно) может быть использована для диагностирования его готовности к научной деятельности.

Форма предъявления заданий в ходе собеседования может быть различной. Самый традиционный вариант — билеты с вопросами по соответствующим дисциплинам. Такой вариант вполне правомочен, но вызывает ряд возражений. Как правило, поступающий работает на таком экзамене в репродуктивном режиме, а возможность развертывания проблемной дискуссии может возникнуть только после наводящих или уточняющих вопросов членов комиссии. Экзаменуемый будет демонстрировать знание соответствующих областей, постановка и решение проблемы на материале вопросов в его функции на экзамене не входят. Студент может это сделать, но не обязан. Таким образом, становится проблематичной проверка способности будущего аспиранта находить, открывать новое знание путем интеграции у него уже имеющихся знаний, применять их в конкретной задаче, связанной с его профессиональной деятельностью.

В качестве наиболее прогрессивного варианта предъявления заданий на собеседовании может быть предложено использование *кейс-технологии*, представляющей собой технологию анализа ситуаций. Суть ее в том, что экзаменуемому предлагают осмыслить реальную (профессиональную) ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо продемонстрировать при разрешении проблемы. При этом сама проблема может не иметь однозначных решений. Кейс-технологию можно представить как сложную систему, в которую интегрированы другие методы познания (моделирование, системный анализ, проблемный метод, эксперимент, описание, классификация и т. д.). Содержание в кейсе либо дается в описании уже решенной проблемы, и тогда требуется осмыслить последствия и эффективность принятых решений, либо в динамике, тогда должны быть предложены способы разрешения проблемы. В любом случае выработка и демонстрация студентом модели практического решения представляются

эффективным средством проявления его сформированных профессиональных качеств⁴. Следует отметить, что использование кейс-технологии можно практиковать при проведении кандидатского экзамена.

Таким образом, с учетом задачи подготовки специалиста высшей квалификации к работе в условиях инновационной экономики в основу разработки системы профессионального отбора в аспирантуру следует положить оценку готовности абитуриента к инновационной деятельности. При организации приема в аспирантуру необходимо дать возможность образовательным учреждениям определять набор критериев для приема. Это позволит сделать формальный конкурс фактическим, что существенно повысит качество приема. При этом набор критериев для принятия решения о приеме в аспирантуру может включать уровень подготовки, определяемый не столько степенью или квалификацией (магистр или специалист), сколько содержанием изученных ранее дисциплин с учетом уровня их усвоения, выраженного в виде среднего балла по предметам; навыки, необходимые для успешной учебы в аспирантуре, которые могут быть оценены по результатам комплексного вступительного тестирования; личностные характеристики, которые могут быть представлены в рекомендациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Байденко В.И. Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высш. образование сегодня. 2004. № 2. С. 14—19.

² См.: Educational Information and Advising Center «Osvita». URL: http://www.center-osvita.dp.ua/razdel2/2_11e.php (дата обращения: 18.03.2009); Harvard University, Harvard Business School. URL: <http://www.math.harvard.edu/graduate/index.html> (дата обращения: 18.03.2009); The Graduate Record Examinations (GRE) General Test. URL: <http://www.ets.org/portal/site/ets/menuitem> (дата обращения: 18.03.2009); The Indiana University School of Medicine/ URL: <http://EINUI-La:medicine.iu.edu> (дата обращения: 22.03.2009).

³ См.: Ориоль Л. Доктора наук: рынок труда и международная мобильность // Форсайт. 2007. № 3. С. 34—48.

⁴ См.: Кейс-метод. URL: <http://www.casemethod.ru/base1.php?tbl=artike1&id=1> (дата обращения: 22.03.2009).

Поступила 03.04.09.

Т. А. КУЗНЕЦОВА, Н. Н. МАТУШКИН, С. И. ПАХОМОВ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОГРАММ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ МАГИСТРОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: проектирование; программа; научно-исследовательская разработка; компетентностный подход; бакалавр; магистр; подготовка; компетенция

Key words: projecting; programme; scientific and research elaboration; competence approach; bachelor; candidate for a master's degree; training; competence

Специализированная магистерская подготовка предполагает углубление и расширение полученных ранее профессиональных знаний на основе образовательной программы, направленной на развитие творческого потенциала студента. Программы подготовки магистров индивидуализированы, вариативны в рамках каждого направления и в значительной степени ориентированы на исследовательскую деятельность¹. Научно-исследовательская работа (НИР) в магистерской образовательной программе составляет около 46 % от общего объема подготовки и включает две основные составляющие: научно-исследовательскую работу в семестре (774 ч — 22 кредита ECTS) и подготовку магистерской диссертации (1 080 ч — 30 кредитов ECTS). Кроме того, НИР выполняется магистрами в течение шести недель научно-исследовательской практики².

Магистерские исследования, как правило, являющиеся составной частью крупных научных проектов и образовательных программ, реализуемых вузами, могут быть продолжены

КУЗНЕЦОВА Татьяна Александровна, декан факультета дистанционных образовательных технологий Пермского государственного технического университета, кандидат технических наук, доцент.

МАТУШКИН Николай Николаевич, проректор по учебной работе Пермского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель начальника Управления аттестации научных и научно-педагогических работников Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, доктор химических наук.

на послевузовском уровне образования и послужить основой для научной деятельности в рамках аспирантуры и докторантуры³. Главная цель выполнения НИР магистров состоит в достижении высокого качества подготовки выпускников на основе единства образовательного, научно-исследовательского и инновационного процессов в вузе. Это актуализирует разработку методик проектирования программ НИР на основе комплексного планирования⁴, объединяющего типы, виды и организационные формы научно-исследовательской деятельности для достижения цели программы подготовки.

Основной задачей комплексного планирования НИР магистров является создание системы организационно-методической деятельности, направленной на формирование и развитие профессиональных компетенций и их компонентов как в рамках образовательного процесса (НИР, встроенная в учебный процесс), так и во внеучебное время (НИР, дополняющая учебный процесс) с учетом специфики вуза, его традиций и возможностей⁵.

Качество программы НИР магистров определяется уровнем ее соответствия целевым характеристикам подготовки. Оно должно соответствовать сформированным при выполнении программы НИР параметрам компетенций, требованиям ФГОС ВПО и рынка труда. Качество приобретаемых компетенций может оцениваться значениями коэффициента α , определяемыми характером деятельности магистра: $\alpha = 1$ репродуктивная деятельность на уровне узнавания; $\alpha = 2$ репродуктивная деятельность на уровне воспроизведения; $\alpha = 3$ продуктивная деятельность на уровне применения; $\alpha = 4$ продуктивная деятельность на уровне творчества.

Разработка эффективной программы НИР магистров по направлениям подготовки должна осуществляться в соответствии с несколькими принципами: обеспечение органичной сопряженности программ НИР с содержанием основных образовательных программ и требованиями образовательных стандартов; распределение по дисциплинам учебного плана сложности и объема исследовательской подготовки в соответствии с формируемой системой компетенций; достижение параллельности в реализации различных типов и видов НИР магистров; обеспечение непрерывности и междисциплинарности НИР.

Процесс проектирования программ НИР магистров основывается на процедуре, включающей несколько этапов: определение требований и ограничений, создание компетентностной модели выпускника, разработка структуры и содержания системы альтернативных программ НИР, выбор рациональной программы НИР⁶.

Требования и ограничения, предъявляемые к исполнителям-магистрантам и другим участникам образовательного и научного процесса, определяются условиями реализации программы. При этом анализируются специфика направления подготовки, планируемого периода; возможности вуза, кафедр; существующие формы межвузовской и внутривузовской научно-исследовательской институциональной и программной кооперации (проектные группы, научно-исследовательские лаборатории, НИИ, КБ и т. д.), действующие на базе вуза.

Среди ограничений следует назвать ориентировочные объемы ресурсов, распределяемых между организациями и научным направлениям в зависимости от результатов оценки значимости планируемых работ. Наиболее эффективной методологией при этом представляется SWOT-анализ, направленный на оценку стратегической позиции вуза по отношению к внешним условиям и основанный на исследовании внешних и внутренних сильных (Strength), слабых (Weaknesses) сторон, возможностей (Opportunities) и угроз (Threats).

Компетентностная модель выпускника является характеристикой результатов образовательной деятельности (learning outcomes) и определяет постановку образовательных целей. Структура формируемых компетенций включает общие (универсальные) компетенции, выходящие за рамки специальностей (generic competences), и профессиональные (специальные), соответствующие специфике специальности (в европейском образовании — предметные).

В соответствии с методикой И. А. Зимней компетентностная модель выпускника имеет двумерную структуру и включает ключевые компетенции, каждая из которых имеет несколько компонентов. В частности, могут быть выделены 5 компетенций (профессионально-деятельностная, познавательная, коммуникационная, социально-бытовая (гражданско-общественная), культурно-досуговая), имеющих по 5 компонентов: когнитивный (знания), поведенческий (опыт),

мотивационный (готовность к проявлению формируемой компетенции), ценностно-смысловой (отношение к процессу и результату деятельности), эмоционально-волевой (социально-адаптационный). Проектирование компетентностной модели ведется в соответствии с требованиями ФГОС ВПО при участии независимых экспертов — представителей рынка труда и профессионального сообщества. Такой подход широко применяется в мировой образовательной практике.

Структуры и содержание системы альтернативных программ НИР проектируются исходя из целей НИР, выявленных условий и ограничений.

Структуры программ формируются в виде совокупности модулей. При этом каждому модулю присваивается дескриптор уровня сложности d : $d = 1$ — вводный (introductory), $d = 2$ — промежуточный (intermediate), $d = 3$ — продвинутый (advanced). Учитывая международную практику, устанавливается соответствие содержания и уровня сложности модуля: научный обзор, переводы и реферирование научных статей на иностранных языках (индивидуальная работа) — $d = 1, 2$; опытно-конструкторская разработка (в составе СКБ) — $d = 2, 3$; научно-технический анализ, экспериментальные исследования (индивидуальная работа) — $d = 1, 3$; разработка научно-технической проблемы в рамках НИОКР, выполняемой проектной группой, — $d = 2, 3$; разработка научно-технической проблемы в рамках НИОКР, выполняемой проектной группой (комплексный проект), — $d = 2, 3$; разработка научно-технической проблемы под руководством научного руководителя (диссертация магистра) — $d = 3$. Следует отметить, что для НИР, встроенной в учебный процесс, уровень сложности соответствует уровню сложности сопряженного с ней модуля образовательной программы.

Выбор рациональной программы НИР из сформированной системы альтернативных программ может быть сведен к решению задачи поиска экстремума некоторой целевой функции F , устанавливающей зависимость качества подготовки магистров от показателей сложности программы НИР и показателей, характеризующих уровень соответствия компетентностным требованиям, предъявляемым к выпускнику. В дальнейшем эти показатели выражены в относительных единицах (%).

В качестве показателей *сложности программы НИР* используются относительные характеристики $\varepsilon(1)$, $\varepsilon(3)$, вычисляемые по формулам:

$$\varepsilon(3) = \frac{N(3) - N(3)_{\min}}{N(3)_{\min}} \cdot 100 \%, \quad (1)$$

$$\varepsilon(1) = \frac{N(1)_{\max} - N(1)}{N(1)_{\max}} \cdot 100 \%, \quad (2)$$

где (в кредитах ECTS) $N(3)$ — трудоемкость модулей программы НИР продвинутого уровня ($d = 3$), $N(3)_{\min}$ — минимально допустимая трудоемкость модулей программы НИР продвинутого уровня; $N(1)$ — трудоемкость модулей программы НИР вводного уровня ($d = 1$); $N(1)_{\max}$ — максимально допустимая трудоемкость модулей программы НИР вводного уровня.

С учетом международных подходов в качестве возможных нормативов приняты $N(3)_{\min} = 30$ ECTS, $N(1)_{\max} = 5$ ECTS, или 65 % (для модулей продвинутого уровня) и 10 % (для модулей начального уровня) от общего объема научно-исследовательской магистерской подготовки.

В качестве показателя, характеризующего *уровень соответствия компетентностным требованиям к выпускнику*, используется интегральная оценка α_{ij} , где α_{ij} — коэффициенты, оценивающие характер деятельности магистра, направленной на формирование j -компоненты i -компетенции, причем $\alpha = 1, 4$.

Следует принимать во внимание возможность оценки сложности конкретного вида деятельности с помощью дескриптора d : $\alpha = 1, 2$ соответствует $d = 1$ (вводный уровень), $\alpha = 3$ соответствует $d = 2$ (промежуточный уровень), $\alpha = 4$ соответствует $d = 3$ (продвинутый уровень). Установление этого соответствия упрощает процедуру определения α при рассмотрении модулей программы НИР, имеющих установленный дескриптор сложности d и направленных на формирование определенных компетенций.

Целевая функция может быть определена как линейная зависимость:

$$F = a_1 \varepsilon_1 + a_2 \varepsilon_2 + a_3 \sum \alpha_{ij}, \quad (3)$$

где a_1, a_2, a_3 — весовые коэффициенты, определяемые на основе экспертных оценок.

Следует отметить, что при $N(1) < N(1)_{max}$, $\varepsilon(1) > 0$, а при $N(1) > N(1)_{max}$, $\varepsilon(1) < 0$. Аналогично и то, что при $N(3) < N(3)_{min}$, $\varepsilon(3) < 0$, а при $N(3) > N(3)_{min}$, $\varepsilon(3) > 0$.

Тогда значение интегрального показателя сложности программы НИР ($a_1 \varepsilon_1 + a_2 \varepsilon_2$) тем выше, чем меньше трудоемкость модулей начального уровня и больше трудоемкость модулей продвинутого уровня.

При работе с рассматриваемой компетентностной моделью выпускника, включающей пять ключевых компетенций, каждая из которых имеет пять компонентов, формируемых в ходе реализации программы НИР, максимальное значение интегрального показателя $\sum \alpha_{ij}$ равно $5 \times 5 \times 4 = 100$ %. Значение интегрального показателя $\sum \alpha_{ij}$ тем выше, чем более полной является система компетенций, формируемых на основе деятельности, имеющей характер научного творчества.

Таким образом, задача определения рациональной программы НИР в системе программ сводится к поиску программы с наибольшим значением целевой F .

Эффективность применения предлагаемого подхода к оценке качества проектируемых программ НИР была проанализирована на примере разработки программ НИР магистров по направлению 230100 «Информатика и вычислительная техника», магистерской программе «Сети ЭВМ и телекоммуникации». Система альтернативных программ НИР была получена, исходя из различных видов профессиональной деятельности выпускников.

Темы магистерских исследований, обеспечивающих диверсификацию содержания программ НИР в зависимости от вида профессиональной деятельности, были определены на основе экспертных оценок:

1. Проектирование телекоммуникационных систем:

1.1. Проектирование сетей провайдера.

1.2. Проектирование беспроводных сетей GSM, CDMA, WI-FI.

1.3. Проектирование корпоративных сетей.

1.4. Проектирование АСУ зданий на основе системы «Интеллектуальное здание».

2. Эксплуатация телекоммуникационных систем:

2.1. Автоматизированные системы управления корпоративными сетями.

2.2. Автоматизированные системы управления технологическими процессами.

2.3. Системы управления сетями электросвязи.

2.4. Автоматизированные системы управления гетерогенными сетями.

Для системы альтернативных программ НИР магистров определены значения целевой функции F . Наилучшими по величине выбранного критерия $\max F$ являются программы 1.3 и 2.1.

Применение при разработке программ научно-исследовательской деятельности магистров подхода, основанного на использовании системы показателей, характеризующих сложность программ и соответствие результатов их выполнения сформированной компетентностной модели выпускника, позволяет повысить качество программ НИР магистров и уровень их соответствия требованиям профессиональных стандартов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Макет ФГОС магистра третьего поколения. URL: <http://technical.bmstu.ru/umo/index.php?rzd=15&rzdid=15> (дата обращения: 25.01.2009).

² См.: Государственный образовательный стандарт (2-го поколения) Высшего профессионального образования: направление 552800 «Информатика и вычислительная техника», степень (квалификация) — магистр техники и технологии, утв. 13.03. 2000 г. Рег. номер 36 тех/маг.

³ См.: Петров В.Ю., Кузнецова Т.А. и др. Повышение качества подготовки научных кадров на основе единства образовательной и исследовательской деятельности вуза // Образование и наука. 2007. № 4. С. 20—31.

⁴ См.: Уайт П. Управление исследованиями и разработками. М.: Экономика, 1982. 160 с.

⁵ См.: Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высш. образование сегодня. 2003. № 5. С. 34—42; Петров В.Ю., Кузнецова Т.А. и др. Научно-исследовательская работа как основа повышения качества подготовки кадров высшей квалификации по направлениям техники и технологии // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 5—13.

⁶ См.: Зимняя И.А. Ключевые компетенции ...

Поступила 03.04.09.

А. А. ГРИДЧИН

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ключевые слова: региональный конфликт; гражданская война; перемещенные лица; беженцы; вынужденные переселенцы; нестабильность; экономические последствия; политические последствия; политические последствия; социально-психологические последствия; демографические последствия

Key words: regional conflict; civil war; displaced persons; refugees; forced migrants; non-stability; economic consequences; political consequences; geopolitical consequences; social consequences; social and psychological consequences; demographic consequences

В течение двух последних десятилетий мир стал свидетелем появления новых конфликтов, связанных с межэтническими, межконфессиональными, политическими, территориальными и другими противоречиями между государствами и внутри них. Региональные или локальные конфликты, возникающие и развертывающиеся в отдельных регионах планеты, существенно беспокоят мировую общественность.

Подводя итоги конголезского конфликта, международная неправительственная организация ОХФАМ отметила, что жертвами стали свыше 2,5 млн чел., причем многие из них погибли от неизлечимых болезней. На востоке страны смертность среди новорожденных детей превысила 41 %; свыше 800 тыс. детей стали сиротами по причине растущей эпидемии СПИДа; более 2 млн чел. оказались внутренне перемещенными, из них более 1 млн не получали какой-либо внешней помощи; 16 млн чел. страдают от голода; только половина населения страны имеет доступ к питьевой воде; 18,5 млн чел. (37 % населения страны) не имеют доступа к медицинской помощи; в стране есть лишь 2,5 тыс. лицензированных врачей, а население Конго составляет 50 млн чел.; в стране

ГРИДЧИН Александр Анатольевич, заместитель генерального директора Интерпола г. Лиона.

действуют вооруженные формирования, состоящие из несовершеннолетних детей, общей численностью 10 тыс. чел.¹

Следствием региональных конфликтов оказываются, как правило, разрушенная экономика, голод и нищета. Так, экономика Либерии, в высокой степени зависящая от экспорта каучука, древесины, железной руды, кофе и поступлений от «Морской программы» (в стране зарегистрировано около 10 % мирового торгового флота), сильно пострадала от политической нестабильности в стране. Были уничтожены деревообрабатывающие предприятия и почти половина деревьев гевеи. Перестали работать государственные учреждения, больницы и учебные заведения. Страну покинули почти все иностранные бизнесмены и специалисты. Гражданская война почти полностью разрушила хозяйство, на восстановление которого, по некоторым оценкам, в течение 10—15 лет потребуется от 5 до 10 млрд долл.² С 1980 по 1997 г. экономика Либерии базировалась на донорской помощи Запада. Однако с 1998 г. финансовые потоки существенно сократились, в результате чего были свернуты многие международные экономические и социальные программы. Сегодня страна имеет огромный для ее масштабов суммарный внешний долг в размере 35 млрд долл.³

Не менее велики негативные экономические последствия регионального конфликта в Нигере. Внутренний валовой продукт на душу населения составил около 200 долл. США, внутренний долг — 1,643 млрд долл. В ооновском индексе человеческого развития из 174 стран Нигерия занимала последнее место⁴.

В течение 90-х гг. XX в. и в начале нынешнего десятилетия важным фактором сохранения стабильности и импульсом к развитию Нигера оставалась многосторонняя иностранная помощь, без которой любые находящиеся у власти лидеры не могли обеспечить повседневное выживание страны и ее дальнейшее развитие. Без помощи бывшей метрополии — Франции, стран-членов ЕС, международных финансовых институтов — власти Нигера не могли бы содержать государственный аппарат, проводить выборы; осуществлять экономические реформы и привлекать инвестиции. С помощью внешних доноров правительству в начале XXI в. удалось выплатить зарплату в государственном секторе, а благодаря Франции — продолжить погашение задолженностей по зар-

плате за ряд предыдущих лет, хотя, как показали события лета 2002 г., эта проблема по-прежнему остается.

Политические последствия локальных конфликтов не менее впечатляющие, чем экономические. Это видно, в частности, на примере бывшей югославской федерации. Некогда федеративное пространство раздробилось на мини-государства, в большинстве которых отсутствует стабильность институтов, обеспечивающих демократию и законность; не решены вопросы взаимоотношений титульной нации и национальных меньшинств; не решены вопросы соблюдения прав человека; потеряна значительная часть политического, экономического и военного суверенитета⁵.

Раскрывая содержание последнего из этих пунктов, следует отметить, что во многих из «новых» балканских государств введен международный протекторат при ограничении территориального и политического суверенитета. Босния и Герцеговина — протекторат с неограниченными полномочиями, которыми пользуются высокие представители международных организаций, а международные военные структуры поддерживают мир. Население и международная надстройка существуют параллельно, их взаимоотношения раздваиваются по схеме «получил указание — выполнил, а не выполнил — накажем». Высокие представители смещают избранных на выборах парламентариев, даже президента; навязывают политические решения; полностью контролируют СМИ, систему образования, армию; активно вмешиваются в выборы; контролируют избирательные законы. Постоянное сужение демократического пространства в Боснии и Герцеговине стало нормой жизни.

Косово было (до февраля 2008 г.) другим вариантом протектората. Это пример установления независимого правопорядка на отдельно взятой территории федерации без согласия руководства страны с применением силы. В Косове это выглядело как «временный контроль» над частью территории суверенного государства и прекращение действия на ней законов центральной власти. В Македонии имеется «условный протекторат», когда государство формально является независимым, но имеет ограничения в принятии самостоятельных решений⁶.

Кроме политических последствий региональных конфликтов, стоит выделить близкие к ним геополитические. Они

выражаются в изменении соотношения сил на международной арене, характера межгосударственных отношений. Вследствие того же югославского кризиса и распада федеративного государства усилилась роль Европейского Союза и НАТО на юго-западе Балкан, но ослабло традиционно сильное на этом полуострове влияние России. Нарушение установленного до этого баланса сил сделало возможными агрессию НАТО на суверенное государство (Югославия, 1999 г.) и бомбардировки Белграда.

На Африканском континенте истощенная внутренними конфликтами Демократическая Республика Конго (ДРК) «спровоцировала» агрессию соседних государств — Уганды, Руанды, Бурунди. Военное вмешательство этих стран в дела ДРК вызвало ответную реакцию со стороны другой группы соседних стран — Анголы, Зимбабве и Намибии, причем если первая группа действовала на стороне мятежников, то вторая — на стороне правящего в ДРК режима⁷.

Социальные последствия региональных конфликтов выражаются прежде всего в ухудшении социального положения населения. Выше уже говорилось о бедственном положении населения Конго. Другим социальным последствием является криминализация общественной жизни. Вооруженное насилие стало для многих африканцев источником существования и образом жизни. Так, по данным ЮНИСЕФ, во время геноцида 1994 г. в Руанде более 80 % опрошенных детей стали свидетелями убийств, примерно столько же подростков потеряли одного из членов семьи⁸. Вооруженные группировки Либерии пополнялись подразделениями, в которых военную подготовку проходили мальчики с пятилетнего возраста. По оценкам специалистов ООН, из 45—50 тыс. боевиков, которых предстоит разоружить и вернуть к мирной жизни, половину составляют дети и подростки⁹.

Анализируя социально-психологические последствия конфликтов, следует отметить, что огромные массы населения Африканского континента живут в атмосфере страха за свою жизнь, за жизнь и будущее своих детей, с травмированной психикой. Люди постоянно вынуждены изыскивать возможности для выживания и самосохранения. Одной из причин, осложняющих урегулирование конфликтов, является психологический фактор: в африканском обществе сформировался специфический стереотип образа жизни,

в котором участие в вооруженных акциях, разного рода войнах и конфликтах оказывается единственным средством существования населения конфликтующих сторон. Насилие становится органической частью бытия. Насилие, коверкая и извращая представление африканцев о нормальной, стабильной жизни, созидательном характере их деятельности, убивает саму возможность уважения друг к другу, иному племени, соседнему государству.

Группа демографических последствий проявляется двояким образом: в человеческих потерях и вынужденной миграции населения. Сводными данными о человеческих потерях вследствие региональных конфликтов мы не располагаем, но данные по отдельным регионам свидетельствуют о масштабах этих потерь. Так, во время геноцида 1994 г. в Руанде погибло около 1 млн чел. (при общей численности населения 8 млн чел.)¹⁰. В Либерии за 14 лет гражданской войны погибли 240 тыс. чел., т. е. каждый десятый житель страны¹¹. В ходе гражданской войны, развернувшейся в Нигерии 1967—1970 гг., погибло более 1 млн чел.¹².

Неизбежным и драматическим последствием региональных конфликтов являются вынужденная миграция населения, катастрофический рост беженцев. В 1951 г., когда было создано Управление Высокого комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), около 1 млн беженцев подпадало под его мандат. Сегодня их число достигает 17,5 млн. К ним следует добавить 2,5 млн, находящихся под контролем Гуманитарной комиссии ООН по делам палестинских беженцев на Ближнем Востоке, и свыше 25 млн вынужденных переселенцев. В 1951 г. большинство беженцев было европейцами. Сегодня основная их часть относится к Африке и Азии. Развитие событий в последние годы показывает, что перемещения беженцев носят скорее характер массового оттока населения, 80 % современных беженцев — женщины и дети.

Причины массового оттока населения стали более разнообразны: вооруженные конфликты, природные и экологические катаклизмы, бедность. В результате многие из современных беженцев не соответствуют статусу беженца, определенному соответствующей Конвенцией¹³. ООН серьезно озабочена увеличением количества вынужденных переселенцев в последние годы. Таковыми считаются лица, вынужденные оставить свои дома, но оставшиеся на территории

своей страны. Поэтому они не включены в существующую систему защиты беженцев. Большинство вынужденных переселенцев является представителями развивающихся стран. В некоторых странах число вынужденных переселенцев превышает 10 % от общей численности населения.

Существует прямая зависимость между проблемами беженцев и защитой прав человека. Нарушения в этой области не только влияют на массовый отток населения, но и уменьшают возможность добровольной репатриации, а также являются причиной оттока беженцев и вынужденных переселенцев. Пренебрежение минимальными правами беженцев и вынужденных переселенцев является одним из важнейших факторов, заслуживающих внимания мировой общественности. В процессе обращения за убежищем все большее число людей сталкивается с рестрикциями в отношении возможности проникновения на безопасные территории. В некоторых случаях обратившиеся за убежищем беженцы бывают задержаны или насильно возвращены в места, где их жизни, свободе и безопасности угрожали. Некоторые из них не раз были атакованы военными группами, призваны в армию и были вынуждены бороться за одну из сторон в гражданском конфликте. Зачастую они являются жертвами расовой агрессии.

Беженцы обладают правами, которые должны соблюдаться до, в процессе и после предоставления убежища. Соблюдение прав человека является необходимым условием профилактики и разрешения проблемы беженцев. Беженцам и перемещенным лицам оказывает помощь Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Наиболее крупные операции осуществляются управлением в Западной Азии (где насчитывается от 2 до 3 млн афганских беженцев), бывшей Югославии (где в помощи нуждаются около 1,8 млн чел.) и в районе Великих озер в Африке, где сосредоточены около 500 тыс. беженцев. За предоставление чрезвычайной продовольственной помощи отвечает Мировая продовольственная программа (МПП), которая из года в год удовлетворяет до двух третей мировых потребностей в такой помощи. В настоящее время продовольственную помощь по линии МПП получают около 20 млн чел., ставших жертвами конфликтов.

За последние 10 лет в результате войны и гражданских беспорядков около 1 млн детей было разлучено с родителями,

12 млн остались без крова и 10 млн перенесли тяжелую психологическую травму. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) направляет свои усилия на удовлетворение потребностей этих детей, обеспечивая их продовольствием, питьевой водой, лекарствами и жильем. Кроме того, исходя из стремления содействовать защите детей в условиях вооруженного конфликта и обеспечить предоставление им необходимых услуг, ЮНИСЕФ разработал концепцию «дети как зона мира» и провозгласил «дни мирной жизни» и «коридоры мира».

Не являются редкими ситуации, когда беженцы пропадают без вести и в подобных случаях деятельность по их поиску координируют специально созданные организации, например, Международная Комиссия по поиску пропавших без вести (International Commission on Missing Persons), созданная в 1996 г. для поиска пропавших в результате военных столкновений в Югославии¹⁴.

Имеются регионы, в которых проблема экстремальной миграции населения приобрела «хронический характер». К ним относится Палестина. Работу по предоставлению помощи палестинским беженцам с 1949 г. ведет Ближневосточное агентство ООН (БАПОР). Сегодня Агентство предоставляет основные услуги в области здравоохранения, образования, чрезвычайной помощи и социального обслуживания более чем 3 млн зарегистрированных палестинских беженцев. С 1993 г. координатор ООН осуществляет надзор за всей помощью в области развития, предоставляемой по линии ООН палестинскому населению в секторе Газа и на западном берегу р. Иордан.

В других регионах (Грузия, Шри-Ланка, Бирма, Зимбабве) проблема беженцев и вынужденных переселенцев обострилась относительно недавно. Однако во всех случаях в связи с необходимостью решения проблемы беженцев и вынужденных переселенцев координация и сотрудничество деятельности международных организаций является ключевым фактором успеха.

Таким образом, анализ последствий региональных конфликтов позволил выделить несколько их групп: экономические, политические, геополитические, социальные, социально-психологические и демографические. Характер и масштаб этих последствий актуализируют задачу предотвращения

региональных конфликтов или придания им умеренно-конструктивной формы протекания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лебедев А. Конголезский конфликт и международное сообщество // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 40.

² См.: Страны Африки. 2002. Справочное изд. М., 2002. С. 109.

³ См.: Немченко В. Уйдет ли в историю гражданская война? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 3. С. 19.

⁴ См.: Низкая Л. Мелькнет ли свет в конце тоннеля? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 3. С. 19.

⁵ См.: Гуськова Е.Ю. Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации // Международная жизнь. 2006. № 5. С. 84.

⁶ Там же. С. 79—80.

⁷ См.: Лебедев А. Конголезский конфликт и международное сообщество ... С. 39—40.

⁸ См.: Крылова Н. Вооруженные конфликты в Африке глазами «российских африканок» // Азия и Африка сегодня. 2004. № 7. С. 45.

⁹ См.: Немченко В. Уйдет ли в историю гражданская война? // Азия и Африка сегодня. 2004. № 2. С. 26.

¹⁰ См.: Шилов В. «Сильная личность» Руанды // Азия и Африка сегодня. 2002. № 10. С. 60.

¹¹ См.: Немченко В. Уйдет ли в историю // Азия и Африка сегодня. 2004. № 2. С. 26.

¹² См.: Андреев А. Эпидемия сепаратизма: можно ли приостановить ее распространение? // Азия и Африка сегодня. 2001. № 3. С. 10.

¹³ См.: Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С. 101—122.

¹⁴ См.: International Commission on Missing Persons Information. June 2007. P. 1.

Поступила 18.02.09.

О. И. КЛЮЧКО

ОБЩЕРОССИЙСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Ключевые слова: гендерный подход; социальное познание; методология гендерного исследования; критика квазигендерных исследований; центры гендерных исследований; интеграция гендерного подхода в современное обществознание; этапы развития гендерных исследований в России

Key words: gender approach; social cognition; methodology of gender studies; critics of quasi-gender studies; centres of gender studies; integration of gender approach into modern social science; stages of development of gender studies in Russia

Актуальность изучения современных подходов к исследованию общества является весьма существенной в связи с взаимопроникновением зарубежного и отечественного научного, мировоззренческого, культурного и образовательного опыта. Однако большинство социальных концепций не учитывают в познании фактор пола¹. Гендерные исследователи рассматривают пол как социальный конструкт, который создается обществом и воспроизводится людьми и структурирует, стратифицирует социум и определяет специфику его восприятия и исследования. Таким образом, гендерный символизм — один из факторов формирования знания об обществе и человеке².

Многие отечественные исследователи игнорируют гендерный подход как в экспериментальных работах, так и теоретических построениях. Это подтверждает экспертиза учебников высшей школы по основным социально-гуманитарным дисциплинам³. Причиной этому является то, что, во-первых, гендерный подход, основанный на идеях постмодернизма,

КЛЮЧКО Ольга Ивановна, доцент кафедры философии для естественно-научных и инженерных специальностей Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

социального конструктивизма и феминизма, вовсе не традиционен для отечественной науки. Во-вторых, зарубежными и отечественными исследователями признается, что методология гендерного подхода пока разработана недостаточно. В-третьих, неоднократно подчеркивалось наличие андроцентризма и гендерной стереотипии в изучении социальных проблем и в самом построении академического сообщества⁴.

Гендерный подход в изучении человека и общества сформировался в 70—80-е гг. XX в. на основе неклассических философско-критических дискурсов, постструктурализма и постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко), философии феминизма (Дж. Батлер, Р. Брайдотти, Л. Иригарэ, Ю. Кристева, Э. Гросс, Г. Рабин, Э. Сиксу, Р. Унгер), социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, символического интеракционизма И. Гоффмана, этнометодологии Г. Гарфинкеля, понимающей социологии М. Вебера и др. Значительный вклад в понимание пола как социального конструкта внесли работы антрополога М. Мид, социологов Э. Гидденса и П. Бурдьё, психологов Э. Маккоби и С. Бем. В СССР, а затем в России в поле зрения исследователей находилась проблема половых различий⁵.

Гендерный подход в социальном познании основан на идее о социальной сконструированности представлений о мужчине и женщине, их ролях и функциях в обществе, «мужском» и «женском» в культуре и обществе и, как следствие, об их изменчивости и вариативности. В разработке методологии гендерного исследования можно выделить теорию социальной конструкции гендера (Д. Зиммерман, А. Рич, Р. Унгер, К. Уэст, Дж. Эжер) и теорию гендерной системы (Т. де Лауретис, Ю. Хирдман)⁶. Существенный вклад в разработку теоретических моделей маскулинности и феминности как социокультурных феноменов внесли Э. Гидденс, М. Киммел, И. С. Кон, Р. Коннел, Дж. Плек.

В России гендерные исследования начали развиваться с конца 80-х гг. XX в. в работах О. А. Ворониной, Т. А. Гурко, М. М. Малышевой, А. Посадской, Н. Л. Пушкаревой, Н. М. Римашевской. Уже в начале 90-х XX в. формируются первые лаборатории и центры гендерных исследований. За последние пятнадцать лет в отечественном академическом контексте сформировалось сообщество гендерных экспертов, актуализировавших изучение и разрешение ряда значитель-

ных для российского общества проблем: репродуктивные права, гендерная статистика, гендерная асимметрия рынка труда и заработной платы, феминизация бедности, сексизм в СМИ, маргинальность миграции и торговля людьми, гендерное равенство⁷.

В конце 90-х гг. определились основные направления исследований гендера: гендерный анализ социальной политики и гендерная экспертиза законодательства в области обеспечения равных прав и равных возможностей женщин и мужчин; эмпирические исследования гендерных отношений в различных сферах российского общества; образовательная деятельность в рамках системы школьного, высшего и послевузовского образования; консультативно-просветительская работа с представителями государственных и общественных организаций, СМИ; издательская деятельность научной, образовательной литературы и публицистики для разных слоев населения.

Процесс освоения отечественными исследователями гендерного подхода прошел ряд этапов.

Этап прямого калькирования зарубежного опыта (1980-е — 1996 гг.) характеризуется знакомством с западными феминистскими и гендерными теориями и переводом на русский язык наиболее известных работ классиков этого направления. Категории «пол» и «гендер» понимаются как диаметрально противоположные, имеющие разные (биологические и социальные) основания. Впервые проводятся семинары, конференции, летние школы по гендерным исследованиям, отражающие эту позицию⁸.

На *этапе адаптации западных теорий к российскому контексту* (1997—2001 гг.) появляются отечественные экспериментальные работы, посвященные анализу гендерной системы, властных отношений в институтах российского общества, гендерной социализации⁹. Были описаны основные и ложные (квазигендерные) подходы к гендерным исследованиям в социальных науках, выявлена специфика использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Издаются учебники, методические пособия, хрестоматии, посвященные теории и методологии гендерных исследований¹⁰.

Этап методологической рефлексии (с 2001 г. и по настоящее время) характеризуется попытками обоснованной критики методологических искажений, некорректных использований

принципов гендерного подхода. Так, Т. В. Барчунова пишет о воспроизведении гендерных стереотипов в самих гендерных исследованиях, неразличении гендерных особенностей и представлений и, как следствие, их онтологизации¹¹. Появилось критическое сопоставление особенностей «западной» и «русской» политико-культурной, социокультурной и интеллектуальной среды¹². Стало очевидно, что понятия «общество» и «культура», «мужественность» и «женственность» и содержание категорий «пол», «сексуальность», «тело» являются социально сконструированными. Таким образом, происходит понимание, что наши знания, в том числе о половых особенностях, социально и культурно обусловлены. Представляется, что в современных отечественных исследованиях термин «гендер» является категориальным указателем на множество специфических (постмодернистских, феминистских, конструктивистских) теорий и практик, он акцентирует не прямую взаимосвязанность и взаимообусловленность биологического пола, репродуктивной функции, сексуальной ориентации и социальной идентичности человека. «Гендер» перестает быть предметом исследования и становится методологическим подходом¹³.

Первоначальная критическая оппозиционность гендерного подхода по отношению к традиционным теориям сменяется интегративными тенденциями. Так, С. А. Ушакин пишет о невозможности выстраивания структуры в науке на основании исключительно одного (в данном случае — полового) признака¹⁴. Следовательно, методологической ошибкой являются рассмотрение пола как доминирующего или единственного фактора в исследовании, преувеличение его значения без учета класса, возраста, национальности, статуса мужчин и женщин в обществе, в определенном контексте и ситуации. Помимо междисциплинарного изучения процесса конструирования пола в различных сферах российского общества, наблюдается активное внедрение гендерного подхода в основные социально-гуманитарные дисциплины — философию, социологию, антропологию и историю, социальную работу, лингвистику, психологию, педагогику¹⁵.

Гендерные исследования актуализируют принципы холизма и гетерогенности, включая в анализ все больше переменных. Постепенно преодолевается традиция изучения фактов дискриминации исключительно женщин. Этому спо-

собствовала институционализация «мужских» исследований и позиционирование мужчин в качестве субъектов «gender study»¹⁶. Мужчины и женщины представляются как гетерогенные группы, в рамках каждой варьирование изучаемого признака может быть огромно, а сходства между группами могут превышать различия, и, как следствие, расширяется понимание моделей маскулинности и феминности¹⁷. Тем не менее, гендерные различия остаются по-прежнему значимым и распространенным предметом исследования.

Предмет гендерных исследований постепенно расширяется, не ограничиваясь отношениями микроуровня, позволяет судить об изменении во взаимодействии систем материального производства и воспроизводства человека, реализуя возможности объединительных подходов¹⁸. Осуществляется критика процессов глобализации, предпринимаются попытки комплексного гендерного подхода к экономическому и социальному развитию страны и отдельных ее регионов¹⁹.

В работах последних лет обсуждается тенденция упрощенного и формального заимствования гендерных концептов: редукционизм, выражающийся в сведении всего многообразия свойств, ролей и функций мужчин и женщин к биологическим особенностям; использование авторитетных в прошлом, но в настоящее время устаревших теорий (например, теория андрогинии С. Бем, отвергнутая самим автором); описание гендерных характеристик бинарными оппозициями, которые критикуются основателями гендерного подхода, и в результате — клишированные интерпретации результатов²⁰. Таким образом, осознается тот факт, что многие исследователи гендера смотрят на проблему через пресловутую «линзу гендера»²¹. Процесс интеграции гендерного подхода в систему отечественного образования отражает современное состояние гендерных исследований. Перечисленные выше методологические проблемы в настоящий момент не позволяют назвать гендерный подход целенаправленным и комплексным²². Усилилась негативная тенденция рассматривать как синонимы гендерное и раздельное по половому признаку образование²³.

Помимо указанных общероссийских тенденций, наметилась определенная специализация в деятельности региональных центров гендерных исследований (ЦГИ), которые, как правило, базируются в крупных вузах. Так, Ивановский

государственный университет известен как центр гендерного образования молодежи. С 1994 г. он выполняет роль головной организации в межвузовских научных программах по гендерной тематике. На его базе издается всероссийский журнал «Женщина в российском обществе», ежегодно проводится российский конкурс студенческих работ по направлению «Гендерные исследования», в 2004 г. открыт первый в России факультет повышения квалификации по гендерному образованию. Кроме того, Ивановский ЦГИ — это единственный на данный момент в России центр, который проводит исследования современной маскулинности²⁴.

Широко известны работы Тверского ЦГИ, специализирующегося на изучении исторического наследия в области феминистского и гендерного подходов. Издания этого коллектива, посвященные творчеству А. М. Колонтай, показали богатые традиции и достижения феминизма в России²⁵. Особый интерес вызвало издание «Мужские ответы на женский вопрос в России», в котором представлены публичные дискуссии по вопросам женской эмансипации второй половины XIX — начала XX в. Это издание помогает разрушить предубеждение о том, что все мужчины негативно относятся к феминизму и якобы не интересуются женским вопросом²⁶.

Опираясь на федеральные программы и разработанные экспертами стратегии, ряд региональных женских организаций ведут кампании по развитию гендерно-ориентированной политики в субъектах РФ²⁷. Так, по инициативе НПО «Фемина» (г. Набережные Челны) была разработана «Гендерная стратегия Приволжского федерального округа». Этот положительный факт омрачается тем, что выполнение основных задач стратегии возложено не на органы государственной власти, а преимущественно на неправительственные организации и ряд кафедр ведущих вузов региона. Это, по нашему мнению, не является достаточным и существенно снижает потенциал этой стратегии. Тем не менее, центры гендерных исследований ПФО достойно выполняют возложенную на них задачу.

Так, в области социальной работы специализируется Саратовский ЦГИ. Известны его исследования по гендерным аспектам реабилитации инвалидов, экспертиза учебников для вузов по курсу «Социальная работа». Широкое признание получил «Журнал исследований социальной политики», из-

даваемый при участии Саратовского ЦГИ. Особую позицию занимает Самарский ЦГИ, который свою роль видит в интеграции гендерного подхода в политическую деятельность (законотворчество, правозащитное движение, деятельность партий и общественных организаций, гражданская активность). Этот центр активно сотрудничает с представителями СМИ, постоянно организует консультивные мероприятия для журналистов, тренинги, круглые столы по гендерной тематике. В 2004—2005 гг. им был осуществлен проект «Анализ деятельности российских центров гендерных исследований», который зафиксировал неутешительный результат: деятельность гендерного научного сообщества не оказала существенного влияния на положение мужчин и женщин в России, а также систему российского права и законодательства в целом, которая развивается не под давлением общественной инициативы, а в рамках общегосударственного политического курса, гендерную составляющую которого нельзя назвать приоритетной²⁸. В Ульяновске гендерной проблематикой постоянно занимается научно-исследовательский центр «Регион», специализирующийся в области молодежной политики.

В Мордовии, не смотря на отсутствие официального ЦГИ, традиции гендерных исследований значительны преимущественно в русле социологического и психолого-педагогического направлений. Так, Т. М. Дадаева, изучая тенденции развития гендерной структуры регионального социума, выявила тесную взаимосвязь между динамикой гендерной структуры рынка труда и занятости и развитием гендерных отношений в современной семье²⁹. К. В. Фофановой разработана модель социальной политики, направленная на индивида, имеющего социально-демографические (пол, возраст), этнонациональные, территориальные и статусные характеристики. Ею предложена схема гендерной экспертизы социальной политики³⁰. Н. Ф. Сухаревой определены гендерные особенности проявления агрессии в детском и подростковом возрасте³¹. Гендерный подход интегрирован в подготовку педагогических кадров региона³².

В последние годы в гендерные исследования активно включаются многие вузы различных регионов. Томский государственный педагогический университет регулярно проводит мероприятия по гендерному образованию учителей

общеобразовательных школ³³. Новосибирский гуманитарный институт разрабатывает проблему гендерной социализации в высшем профессиональном образовании³⁴. Оригинальные исследования по изучению влияния военного фактора на повседневную жизнь российских женщин проводит Тамбовский государственный университет³⁵. Таким образом, география российского гендерного сообщества постоянно расширяется, что наглядно проявилось на международной конференции «Гендерные проблемы в современной России», проведенной Московским ЦГИ и кафедрой гендерных исследований Российского государственного гуманитарного университета 10—12 апреля 2008 г. Присутствие представителей большинства регионов свидетельствует об актуальности и востребованности этого научного направления.

Если говорить о наиболее перспективных направлениях в развитии гендерного подхода к изучению общества, то они, на наш взгляд, будут связаны с несколькими аспектами: миро-системным (Север и Юг, Запад и Восток, глобализм и антиглобализм, государство и гражданское общество), визуальным (визуальная пропаганда, анализ кинофотоматериала, иллюстраций, декоративно-прикладного искусства, моды, телевизионных практик и пр.), телесным (телесность и быт, телесность и мода, внешность и идеология, медицинская составляющая властных стратегий, историческая обусловленность женской и мужской красоты и пр.), дискурсивным (анализ гендерных составляющих в исторических / историографических, политических / политологических, литературных / литературоведческих текстах).

Критический и плюралистичный характер гендерного подхода позволяет достаточно динамично внедряться в основные области социального познания, обогащая их и в свою очередь заимствуя термины и методы. Дальнейшая разработка обозначенных методологических проблем интенсифицирует этот процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Теория познания: в 4 т. / РАН, Ин-т философии; под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. Т. 4. М.: Мысль, 1995. 430 с.

² См.: Oakley A. Sex, Gender and Society. L.: Temple Smith, 1972. 220 p.

³ См.: Гендерная экспертиза учебников для высшей школы. М.: РОО МЦГИ — ООО «Солтекс», 2005. 260 с.

⁴ См.: Шнырова О.В. Проблемы восприятия гендерных исследований в российской академической среде // Пол, гендер, культура. Вып. 2. М., 2000. С. 232—238.

⁵ См.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.; Кон И.С. Ребенок и общество: (ист.-этногр. перспектива). М.: Наука, 1988. 269 с.

⁶ См.: The Social Construction of Gender / ed. by J. Lorber & S.A. Farrel. L.: Newbury Park, 1991. 189 p.

⁷ См.: Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М.: РОО МЦГИ — ООО «Солтекс», 2006. 304 с.

⁸ См.: Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. 196 с.; Электронная библиотека Европейского гуманитарного университета. URL: <http://library.gender-ehu.org> (дата обращения 18.03.2008); Женская сетевая программа. URL: www.owl.ru (дата обращения 18.03.2008).

⁹ См.: Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания: в 2 т. М.: МФФ, 1998. Т. 1. 392 с.; Т. 2. 266 с.

¹⁰ См.: Введение в гендерные исследования: в 2 т. Харьков; СПб.: ХЦГИ — «Алетейя», 2001. Т. 1. 708 с.; Т. 2. 991 с.; Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. 416 с.; Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М.: Академия, 2001. 520 с.

¹¹ См.: Барчунова Т.В. «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Обществ. науки и современность. 2002. № 5. С. 180—193.

¹² См.: Зверева Г.И. Чужое, свое, другое... : феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева: альманах гендерной истории. № 2. М., 2001. С. 238—278.

¹³ См.: Ключко О.И. Отечественный вариант гендерных исследований (проблемы методологии) // Обществ. науки и современность. 2007. № 4. С. 172—176.

¹⁴ См.: Ушакин С.А. Поле пола. Вильнюс; М.: ООО «Вариант», 2007. С. 98—99.

¹⁵ См.: Пол и гендер в науках о человеке и обществе / под ред. В. Успенской. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. 384 с.

¹⁶ См.: О муже(Н)ственности / под ред. С.А. Ушакина. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 720 с.; Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.

¹⁷ См.: Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Еврознак, 2002. 320 с.

¹⁸ См.: Малышева М.М. Современный патриархат. М.: Академия, 2001. 356 с.; Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.

¹⁹ См.: Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения. М.: МЦГИ — ИСЭПН РАН, 2003. 292 с.

²⁰ Радина Н.К. Гендерная методология в социальной психологии // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. М.: РОО

МЦГИ — ООО «Солтекс», 2006. С. 125—133; Савкина И.А. Факторы раздражения: о восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте // НЛО. 2007. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/sa13.html> (дата обращения: 12.04.2008).

²¹ См.: Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 336 с.

²² См.: Гуманитарное образование и социальный контекст: гендерные проблемы: материалы междунар. науч. конф. (СПб., 25—28 июня 2007 г.). СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. 418 с.; Ключко О.И. Проблемы интеграции гендерного подхода в педагогическое образование региона // Регионология. 2007. № 4. С. 169—176.

²³ См.: Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. 316 с.

²⁴ См.: Конструирование маскулинности на Западе и в России. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2006. 292 с.

²⁵ См.: Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь: Тверской центр женской и гендерной истории, 2002. URL: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbbk000r.htm> (дата обращения: 25.03.2008).

²⁶ См.: Мужские ответы на женский вопрос в России: антол.: в 2 т. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 352 с.

²⁷ См.: Законодательные инициативы в стратегиях гендерного развития регионов. М.: МИК, 2003. 144 с.

²⁸ См.: Гендерные исследования и гражданское общество в России. М.: Звенья, 2006. С. 33.

²⁹ См.: Дадаева Т.М. Гендерная структура современного общества: реальность и тенденции развития. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 272 с.

³⁰ См.: Фофанова К.В. Институализация гендерных отношений в социальной сфере: автореф. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2006. 35 с.

³¹ См.: Сухарева Н.Ф. Гендерные особенности проявления агрессии учащимися младшего школьного и подросткового возраста: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2006. 18 с.

³² См.: Гендерная педагогика и психология / под ред. О.И. Ключко. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2005. 156 с.

³³ См.: Гендерное образование в подготовке учителя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 228 с.

³⁴ См.: Гендерная социализация и высшее профессиональное образование. Новосибирск: НГИ, 2006. 188 с.

³⁵ См.: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

Поступила 18.04.08.

А. А. КОКШАРОВА

МЕЖСЕКТОРНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: социальное партнерство; устойчивое развитие; межсекторное взаимодействие; уровень жизни; муниципальное образование; местное самоуправление; актор; социальные сети; социальный капитал

Key words: social partnership; stable development; inter-sector interaction; level of life; municipal entity establishment; local self-governing; actor; social nets; social capital

Устойчивое развитие предполагает целостное, гармоничное состояние социальных систем разного уровня и секторов общества, прежде всего на местном уровне, так как процессы, протекающие там, лежат в основе общественной организации. Сегодня можно говорить о том, что сформулированы основные принципы формирования концепции устойчивого развития России. Ее реализация зависит от наличия политической воли, смены иерархически-рыночной модели управления на сетевую, усилий гражданских институтов общества (коммерческих и некоммерческих).

Фундаментом устойчивого развития муниципального образования (МО) в частности и общества в целом является спонтанная социализированность, т. е. рост неформальных социальных связей между представителями различных секторов общества через гражданские институты, возникающие на местном уровне. Ключевым постулатом концепции устойчивого развития должно стать включение населения страны в решение социально-экономических проблем через механизмы межсекторного социального партнерства для

КОКШАРОВА Анастасия Анатольевна, соискатель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы.

социального обустройства территории МО и повышения качества жизни местного сообщества.

Плюрализация общества, сложность взаимоотношений между различными социальными группами, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества и т. д. привели к пересмотру традиционных управленческих подходов. Существенно изменилось положение муниципальной власти, что заставляет искать новые модели управления помимо рыночных и иерархически-административных. Чтобы производить общественные блага, власть все более становится зависимой от других акторов и subsystem. В ситуации взаимозависимости между общественными и частными секторами ни иерархия, ни рынок не являются эффективными средствами координации интересов и ресурсов различных акторов, включенных в процесс реформирования социальной сферы. Поэтому доминантной моделью управления становятся социальные сети¹. *Социальные сети — это устойчивые связи между индивидами и организациями, которые характеризуются ориентацией на взаимовыгодное сотрудничество, отсутствием иерархичности или снижением ее значимости, формированием структуры «горизонтальных» отношений.*

Концепция социальных сетей меняет ракурс рассмотрения местного самоуправления как агента социальной политики. При сетевом подходе местное самоуправление является хотя и важным, но лишь одним из акторов реформирования социальной сферы. В концепции социальных сетей муниципалитеты рассматриваются во взаимодействии с общественными структурами и бизнес-сообществом, поскольку они вынуждены вступать в обмен своими ресурсами.

Дж. Коулман определяет сеть через категорию социального капитала. Большинство экономистов и социологов подразумевает, что этот вид капитала воплощен в знаниях и навыках. Дж. Коулман считает, что он включает способность создавать социальные общности, которые способствуют достижению общей цели, т. е. социальную сеть. По его мнению, социальный капитал — это специфический вид ресурса, распределенный между структурными позициями акторов наряду с материальными и другими видами ресурсов, с которыми социальный капитал может комбинироваться и

накапливаться². Формирующиеся в процессе «укорененности» жизненных практик социальные сети позволяют представителям местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса успешно взаимодействовать, решать проблемы доверия, разрешать конфликты, обмениваться информацией и осуществлять совместные социально-экономические проекты. «Закон, договор, экономическая целесообразность, — подчеркивает Ф. Фукуяма, — являются необходимым, но отнюдь не достаточным базисом стабильности и благосостояния в постиндустриальный век — они должны опираться на такие вещи, как взаимодействие, моральные обязательства, ответственность перед обществом и доверие»³.

Социальные сети местного сообщества выступают базисом обеспечения устойчивого развития территории. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. А. Л. Барабаши, изучив разные системы (от сети Интернет до колоний насекомых), пришел к выводу, что многие сети, в том числе и социальные, не случайные, а масштабно инвариативные, безмасштабные. Эти сети, по его мнению, устойчивы к случайным отказам и являются собой весьма стабильную систему. Одним из основных правил существования безмасштабных (инвариативных) сетей А. Л. Барабаши считает механизм роста и преимущественного присоединения новых акторов к точкам, имеющим больше связей. Такие точки получили название *концентраторов*. «Поскольку новые элементы сети охотнее соединяются с точками, имеющими больше связей, с течением времени популярные узлы быстрее обрастают связями, чем их малообщительные соседи. Раз богатый становится богаче, то у старых узлов есть преимущество: скорее всего они станут концентраторами. Растущая сеть с преимущественным присоединением действительно становится безмасштабной»⁴.

Межсекторное партнерство также является безмасштабной сетью. Например, чем больше успешных проектов организовали различные фонды местных сообществ, тем больше к ним доверия со стороны других акторов и, следовательно, тем больше связей. Количество организаций, работающих с фондом Тольятти на протяжении 10 лет, неуклонно растет. Система межсекторного социального партнерства, базирующаяся на безмасштабных сетях местного сообщества, становится главным залогом устойчивого развития территории.

Сетевая коммуникация отражает взаимодействия между

корпоративными и социальными акторами. В совокупности эти взаимодействия образуют социальный капитал, являющийся необходимым условием мобилизации коллективных ресурсов. Возрастание роли сетевых коммуникаций, в том числе неинституциональных обменов и неформальных солидарностей, актуализирует сети как социальную реальность⁵.

Современное гражданское общество имеет три источника развития, которые пока нерационально используются либо игнорируются: творческий потенциал личности (человеческий капитал); сила неформальной организации, которая организует и интегрирует индивидуальные усилия многих; источники саморазвития и самоорганизации его первичных структур (социальный капитал). Они интегрированы в местном сообществе и пока не учитываются при составлении различных концепций социально-экономического развития России. Поэтому перед муниципалитетом и общественными организациями стоит задача активизации и более полного использования этих ресурсов. Однако их оптимальное использование невозможно без физического капитала: муниципальной экономики, местного хозяйства, муниципальной собственности, финансов и т. п.

Местное сообщество — не только территориально-хозяйственное объединение, но и культурно-историческая общность, способная как субъект управления на основе совместных ценностей (сопричастности к малой родине, ответственности перед сообществом) преобразовать местное хозяйство, улучшить социальные условия проживания в соответствии с интересами своих граждан, изменяя качество жизни в лучшую сторону⁶.

Местное сообщество интегрирует первичные социальные объединения через институты, общественные объединения, корпоративные и властные органы, обеспечивающие целостность социальной организации, представляющей интересы населения территории и являющейся социальной базой социального партнерства местной власти, общественных организаций и бизнеса, причем следует учитывать, что представители этих структур — неотъемлемая часть местного сообщества.

Социальное партнерство представляет собой объединяющее начало для частного, некоммерческого и властного секторов общества. Работая сообща, организации опреде-

ляют общие цели и задачи, достигают взаимопонимания, преодолевая взаимный антагонизм, и постепенно формируют отношения, основанные на доверии и сотрудничестве. Говоря об экономическом развитии МО, следует отметить важность осознания каждым из партнеров необходимости участия двух остальных секторов. Партнерство всегда дает дополнительные преимущества: обретение новых знаний и доступ к ним или возможность обнаружения дополнительных ресурсов.

Среди исследований, посвященных межсекторному партнерству, следует выделить работу В. Н. Якимца, где межсекторное партнерство представлено как «конструктивное взаимодействие организаций двух или трех секторов для решения социальных проблем, выгодное каждой из сторон в отдельности и населению территории, где оно реализуется в частности»⁷. Форум лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского предложил следующее определение межсекторного партнерства: межсекторное партнерство — это «союз нескольких организаций из двух или более секторов, которые соглашаются вести совместную работу для реализации проекта, направленного на обеспечение устойчивого развития. Партнеры соглашаются в равной мере разделить риски и достижения, регулярно анализировать результаты и при необходимости пересматривать условия партнерства»⁸.

Социальное партнерство — это социокультурный феномен, распространенный на Западе и формирующийся в России. Он проявляется как общественный институт, структурирующий взаимодействия власти и общества, направленные на улучшение состояния социально-экономической сферы, а также как разновидность сетевой коммуникации. Муниципалитет, общественные организации и бизнес связаны сетью формальных и неформальных взаимоотношений, обусловленных заинтересованностью в успешном социально-экономическом развитии муниципального образования.

На современном этапе местное самоуправление в России сталкивается с целым комплексом проблем, которые нельзя решить без помощи партнеров. К одним из наиболее трудных участков работы муниципалитетов относится рост дефицита муниципальных бюджетов. Долговая нагрузка на крупные города растет, в то время как они все больше нуждаются в системном развитии⁹. Местным властям была передана

большая часть полномочий по социальной защите населения, содержанию инфраструктуры, а также обеспечению сферы образования и здравоохранения и т. д. При возрастании социально-экономической нагрузки должно было увеличиться и финансирование (ст. 9 Европейской хартии местного самоуправления), но вместо этого финансовое обеспечение неуклонно ухудшалось. Так, Федеральный закон 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», переложив на муниципалитет ответственность за качество работы образовательных и медицинских учреждений, за коммунальное обслуживание, сократил доходную часть местных бюджетов на 26 %¹⁰.

Выйти из замкнутого круга при нынешнем устройстве бюджетных и иных отношений между уровнями власти возможно за счет привлечения ресурсов других акторов территории и общественного контроля над реализацией социально-экономических проектов. Этот подход нашел отражение и в концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г.¹¹ Но в концепции и законодательстве отсутствует механизм, позволяющий решить эту задачу. Необходима такая система, в рамках которой местное самоуправление, бизнес и общественные организации могли эффективно работать для повышения качества жизни населения. Такой системой может стать социальное партнерство, подразумевающее открытые и прозрачные правила взаимодействия.

На международном форуме «Гражданское взаимодействие» (Тольятти, июнь 2008 г.) участникам было предложено выделить факторы устойчивого развития, генезису которых способствует система социального партнерства на муниципальном уровне. На форуме присутствовали представители трех секторов (58 % — третий сектор, 22 % — бизнес, 18 % — власти), что дало возможность провести экспертный опрос с целью выяснения потенциала социального партнерства. Были опрошены 82 эксперта из 29 городов России, а также Болгарии, Казахстана, Сербии, Украины. Большинство экспертов (91,4 %) определило межсекторное партнерство как взаимовыгодное сотрудничество власти, бизнеса и общественных организаций, направленное на решение проблем местного сообщества.

Первым фактором обеспечения устойчивого развития сквозь призму системы межсекторного социального партнерства, по

мнению экспертов, является укрепление местного самоуправления как института гражданского общества. Эксперты почти единодушно свидетельствовали о том, что на их территории межсекторное социальное партнерство способствует решению проблем местного самоуправления (74,4 %).

Опыт развития социального партнерства в различных регионах России показывает, что его формы зарождаются на территории МО. У местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса есть общая цель — социальное благополучие местного сообщества. Ее достижение возможно только при условии объединения усилий всех заинтересованных сторон.

Вторым фактором гарантий устойчивого развития является повышение качества жизни местного сообщества. По мнению опрошенных нами участников форума, межсекторное социальное партнерство играет важную роль в решении проблем местного сообщества. 64,2 % опрошенных считают, что без социального партнерства невозможно эффективно решать его проблемы; 23,5 % высказали мнение, что социальное партнерство выступает дополнительным условием в решении данных проблем. По нашему мнению, межсекторное партнерство на муниципальном уровне, с одной стороны, способствует организации и интеграции индивидуальных усилий, саморазвития и самоорганизации многих (социальный капитал), с другой — само по себе как социальное явление стало проявлением этого же социального капитала. Следовательно, межсекторное социальное партнерство решает проблемы местного сообщества во многом за счет субъективизации этого сообщества и накопления в нем социального капитала.

Третьим фактором является ресурсный синергитизм на территории МО. Около 40 % опрошенных из 29 городов России заявили, что на их территории межсекторное социальное партнерство способствует более эффективному использованию ресурсов. Еще 40,2 % убеждены, что при межсекторном партнерстве ресурсный синергитизм возможен. Таким образом, большинство экспертов подтвердили наше предположение о большом значении межсекторного партнерства для активизации ресурсов территории и повышения качества жизни ее жителей.

Таким образом, обеспечение устойчивого развития является актуальной проблемой для современной России.

Гарантом устойчивости развития может выступать система межсекторного социального партнерства на муниципальном уровне. Социальные сети местного сообщества, выступая базисом системы межсекторного социального партнерства, обеспечивают ее устойчивость и стабильность социально-экономического развития территории. Система межсекторного партнерства активизирует накопление социального капитала в местном сообществе, что делает его более стабильным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Агапов П.В., Итиуридзе Л.А. Сетевое политическое управление: опыт теоретического анализа // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 84—85.

² См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Обществ. науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.

³ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 29.

⁴ Барабаш А.Л., Бонабо Э. Безмасштабные сети // В мире науки. 2003. № 8. С. 58.

⁵ См.: Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2001. С. 3.

⁶ См.: Иванов В.Н. Местное сообщество — субъект реализации концепции устойчивого развития // Местное самоуправление в России: сб. ст. / под ред. В.Б. Зотова. М.: «Ось-89», 2003. С. 127.

⁷ Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 78.

⁸ Социальное измерение в бизнесе: международный форум лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского. Как корпоративное гражданство в России может быть выгодно бизнесу и обществу. М.: Красная площадь, 2001. С. 50.

⁹ См.: Сахаров Ю. Надоел бег по кругу // Эксперт Волга. 2008. № 3. С. 9—12.

¹⁰ См.: Вильямский В.С. Основы организации деятельности социальных систем (на примере муниципальных образований России). Ростов н/Д: Феникс, 2006. 544 с.

¹¹ См.: Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148> (дата обращения: 10.11.2008).

Поступила: 11.01.09.

Е. Н. ЖАРОВА

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ С ПОМОЩЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ ИНДЕКСА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Ключевые слова: человеческий капитал; качество жизни; уровень жизни; программа развития ООН; индекс средней продолжительности жизни; индекс грамотности взрослого населения; индекс совокупной доли учащихся; индекс ВРП; совокупный индекс развития человеческого потенциала; паритет покупательской способности

Key words: human capital; life quality; life level; UNO programme of development; index of average life duration; index of adult population literacy; index of joint share of students; index of VRP; joint index of the human potential development; parity of a buyer's ability

В условиях развития современных социально-экономических отношений в России приоритетное значение приобретают инвестиции в человеческий капитал. Развитие человеческих ресурсов оказывает прямое воздействие на потенциал страны, поэтому государству необходимо поддерживать высокое качество жизни своих граждан.

Понятие «качество жизни» не является тождественным «уровню жизни». Это утверждение исходит из того, что качество жизни — это многоаспектное и многогранное понятие, оно является более широким, чем «уровень жизни». Это прежде всего социологическая категория, охватывающая все сферы общества, качество жизни людей в них. Уровень жизни является составляющим компонентом качества жизни, которое также включает в себя образ жизни, личный доход, окружающую среду, имеющие качественные оценки.

Уровень жизни характеризует доступ к материальным ресурсам, необходимым для достойного существования,

ЖАРОВА Елена Николаевна, доцент кафедры налогов и налогообложения Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

включая ведение здорового образа жизни, обеспечение территориальной и социальной мобильности, обмен информацией и участие в жизни общества¹. Уровень жизни — это возможность, направление действий индивидуума, но не возможность их использования.

Качество жизни не является стандартизированным понятием, например, как международные стандарты ISO. Качество жизни предполагает чистую экологию, финансовую безопасность, политическую свободу и другие условия человеческого благополучия, которые сложно подсчитать и измерить. Качество жизни в различных регионах планеты стало исследоваться экспертами ООН. *Индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП) был предложен в 1990 г. группой исследователей Программы развития ООН для всеобщей оценки человеческого прогресса. Эксперты ООН в ежегодном докладе по развитию человеческого потенциала обобщают информацию по большому количеству стран с помощью применения этого индекса. Оценка качества жизни с использованием ИРЧП, который является расчетным статистическим показателем, строится на наборе базовых факторов, каждый из которых количественно представляет одно из основных направлений человеческого развития: долголетие, образованность и собственно уровень жизни. Эта методика основана на оценке благосостояния человека, являющегося основной целью его развития.

Каждый человек всегда стремится прожить безбедную, долгую и здоровую жизнь, а также получать знания и использовать их на благо общества, иметь экономические и политические свободы. Поэтому оценка развития человеческого потенциала включает в себя эти направления. Методика расчета ИРЧП применяется для России в целом. Методика является достаточно простой, а результаты расчетов являются точными и надежными. Как уже было отмечено, ИРЧП состоит из трех равнозначных частных компонентов, для которых установлены фиксированные минимальные и максимальные значения показателя. Согласно методологии ПРООН, при расчете каждой из составляющей сводного индекса используются фиксированные стандарты минимального и максимального значений, с которыми сравниваются фактические показатели. Расчет частных индексов разви-

тия человеческого потенциала производится по следующей формуле:

$$I_i = \frac{X_i - X_{i \max}}{X_{i \max} - X_{i \min}}, \quad (1)$$

где X_i — это фактическое значение показателя, $X_{i \min}$ — минимальное значение показателя, $X_{i \max}$ — максимальное значение показателя.

Первым компонентом является *долголетие*, т. е. продолжительность предстоящей жизни при рождении, или ожидаемая продолжительность жизни. Базовый показатель долголетия — средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении. Максимальным значением предстоящей жизни при рождении принимается 85 лет, а минимальным — 25 лет. Расчет частного индекса продолжительности жизни производится по такой формуле, как

$$I_i = \frac{e_o - 25}{85 - 25}, \quad (2)$$

где e_o — фактическая средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении.

Вторым компонентом является *образование*, т. е. способность к получению и накоплению знаний, обмену информацией. Уровень образования характеризуется уровнем грамотности взрослого населения и полнотой охвата обучением населения. Под грамотностью также понимается способность человека прочитать, понять и написать короткий простой текст, касающийся его повседневной жизни. Уровень грамотности взрослого населения определяется долей грамотных в возрасте 15 лет и старше. Уровень грамотности в значительной степени зависит от грамотности населения в течение предыдущих 10—20 лет.

Полнота охвата обучением населения определяется как частное от деления общего числа учащихся (зачисленных) на всех ступенях обучения (начальной, средней (средней специальной), высшей, послевузовской) вне зависимости от их возраста к общей численности населения в возрасте от 6 до 24 лет. Максимальное значение компонента образования в развитых странах предполагается принимать за 100 %, т. е. все население страны должно быть грамотным, минимальное значение — 0 %.

Индекс достигнутого уровня образования (образованности) складывается из двух индексов (индекса грамотности взрослого населения и индекса совокупной доли учащихся) и определяется по следующей формуле:

$$I_{\text{ОБР}} = \frac{2}{3} \cdot I_{\text{ГРАМ}} + \frac{1}{3} \cdot I_{\text{УЧ}}, \quad (3)$$

где $I_{\text{ГРАМ}}$ — индекс грамотности взрослого населения, $I_{\text{УЧ}}$ — индекс совокупной доли учащихся, $2/3$, $1/3$ — весовые коэффициенты.

В свою очередь индекс грамотности взрослого населения рассчитывается по такой формуле, как

$$I_{\text{ГРАМ}} = \frac{X_{\text{ГРАМ}} - 0}{100 - 0}, \quad (4)$$

где $X_{\text{ГРАМ}}$ — фактическая грамотность взрослого населения.

Индекс совокупной доли учащихся определяется следующим образом:

$$I_{\text{УЧ}} = \frac{X_{\text{УЧ}} - 0}{100 - 0}, \quad (5)$$

где $X_{\text{УЧ}}$ — фактическая совокупная доля учащихся.

Третьим компонентом ИРЧП является *доход*, который представляет собой валовой внутренний продукт (валовой региональный продукт) по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США. Этот компонент характеризует уровень развития экономики и результаты деятельности всех экономических субъектов.

Паритетом покупательной способности (ППС) называется формулировка закона единой цены для международных рынков: покупательная способность некоторой суммы на одном рынке должна быть равна покупательной способности этой же суммы на рынке другой страны, если перевести эту сумму по текущему обменному курсу в иностранную валюту. Теория ППС была сформулирована Г. Касселем. Другое определение ППС говорит о том, что это фиктивный обменный курс двух или нескольких валют, рассчитанный на основе их покупательной способности применительно к определенным наборам товаров и услуг². Использование ППС приводит расчеты в сопоставимые цены и снижает уровень искажений, связанных с различным курсом валют. Согласно

методологии ПРООН, максимальный ВВП (ВРП) на душу населения (ППС) равен 40 тыс. долл., минимальный — 100 долл. При расчете индекса ВРП в формулу (1) подставляются не сами значения, а их логарифмы:

$$I_{ВРП} = \frac{\ln X_{врп} - \ln 100}{\ln 40000 - \ln 100}, \quad (6)$$

где $X_{врп}$ — величина реального ВРП на душу населения в долларах США по ППС.

Таким образом, принцип расчета каждой составляющей сводного индекса заключается в оценке относительного расстояния между ее фактическим значением и максимальным, являющимся конечной целью развития.

Совокупный ИРЧП представляет собой среднее арифметическое индексов продолжительности жизни I_e , достигнутого уровня образования $I_{обр}$ и ВРП $I_{врп}$. Расчет совокупного ИРЧП производится по формуле

$$ИРЧП = \frac{I_e + I_{обр} + I_{врп}}{3}. \quad (7)$$

ИРЧП может принимать значения от 0 до 1. Считается, что регионы (страны) с индексом ниже 0,5 имеют низкий уровень человеческого развития. Страны или регионы с ИРЧП от 0,5 до 0,8 находятся на среднем уровне развития. Если индекс равен 0,8 и больше, то такие страны или регионы находятся на высоком уровне развития.

Мы провели анализ ИРЧП населения Республики Мордовия за период с 2006 по 2008 г. Некоторые фактические значения показателей (величина ВРП, фактическая грамотность взрослого населения, средняя продолжительность жизни) взяты из официальных статистических справочников.

В 2006 г. ожидаемая продолжительность жизни составляла 67,75 лет, в 2007 г. — 68,4 года³. В 2008 г. ожидаемая продолжительность жизни была равна 68,51 годам⁴.

Подставляя в формулу (2) значения фактической продолжительности жизни, получаем, что в 2006 г. индекс ожидаемой продолжительности жизни равен 0,712, в 2007 г. — 0,723, в 2008 г. — 0,725. Таким образом, виден рост этого индекса, что является положительным моментом в развитии региона.

Для расчета индекса образованности необходимо получить два дополнительных индекса: грамотности и совокупной доли учащихся.

Для нахождения индекса грамотности (15 лет и старше) необходимы данные об общей численности населения, за исключением детей до 15 лет. С помощью формулы (4) мы произведем необходимые расчеты по Республике Мордовия за период с 2006 по 2008 г. (охват процентным образованием). Индекс грамотности составил в 2006 г. 0,894, в 2007 г. — 0,901, 2008 г. — 0,906⁵.

На следующем этапе расчетов определим индекс совокупной доли учащихся в численности населения соответствующей возрастной группы населения (6—24 года). Для этого понадобятся данные по общему числу обучающихся от 6 до 24 лет и численность всего населения республики.

Составив пропорцию и воспользовавшись формулой (5), получим следующие результаты: в 2006 г. индекс совокупной доли учащихся по региону равен 0,19, в 2007 г. — 0,18, в 2008 г. — 0,17.

С учетом значений этих индексов выведем совокупный индекс достигнутого уровня образования (образованности) в Мордовии, используя формулу (3). Расчеты показали, что в 2006 г. такой индекс составил 0,658, в 2007 г. — 0,659, в 2008 г. — 0,659. На протяжении анализируемого периода индекс практически не изменялся, что связано с падением рождаемости и, следовательно, снижением доли обучающихся в общеобразовательных школах и вузах республики. Численность обучающихся в 2006 г. составляла 163,3 тыс. чел., в 2007 г. — 155,1 тыс. чел., 2008 г. — 146,9 тыс. чел. Падение числа учащихся приводит и к снижению индекса совокупной доли учащихся, который оказывает влияние на общий индекс (образованности).

Для расчета индекса ВРП необходимо рассчитать реальной ВРП (т. е. с учетом индекса потребительских цен) и привести его в сопоставимый вид по паритету покупательной способности в доллары США. На момент расчета, 30 октября 2008 г., доллар был равен 27,09 руб.⁶

Для вычисления индекса ВРП применим формулу (6). В 2006 г. индекс ВРП был равен 0,492, в 2007 г. — 0,538, в 2008 г. — 0,570.

ИРЧП в Республике Мордовия за период с 2006 по 2008 г. рассчитаем по формуле (7) и получим следующие результаты:

$$ИРЧП_{2006} = \frac{0,712 + 0,658 + 0,492}{3} = 0,620;$$

$$ИРЧП_{2007} = \frac{0,723 + 0,659 + 0,538}{3} = 0,640;$$

$$ИРЧП_{2008} = \frac{0,725 + 0,659 + 0,570}{3} = 0,651.$$

Таким образом, ИРЧП региона находится в пределах от 0,5 до 0,8, что по методике, принятой ПРООН, считается средним уровнем развития субъекта РФ. Также следует отметить положительную динамику индекса. Это означает, что происходит развитие социально-значимых ориентиров республики, повышается уровень человеческого потенциала в регионе, и постепенно улучшается качество жизни.

Компоненты сводного индекса относятся к наиболее значимым характеристикам уровня и качества жизни населения, отражающим основные процессы, происходящие в экономической и социальной жизни страны (региона).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Социальная статистика: учебник / под ред. И.И. Елисеевой. 2-е изд., доп. М.: Финансы и статистика, 1999. 416 с.

² См.: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.12.2008).

³ См.: Демографический ежегодник РМ: стат. сб. № 900. Саранск, август 2008 г. С. 56.

⁴ См.: Прогноз численности населения РМ до 2026 г.: стат. сб. № 906. г. Саранск, февраль 2008 г. С. 20.

⁵ См.: Социальное положение и уровень жизни населения РМ: стат. сб. № 742. г. Саранск, июль 2008 г. С. 107.

⁶ По расчетам Министерства экономики РМ. Прогноз социально-экономического развития РМ на 2009 г. и плановый период 2010 и 2011 гг.

Поступила 26.01.09.

Л. Н. КУРЫШОВА

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Ключевые слова: бедность; социально-экономическое расслоение; дифференциация населения; социальная структура; уровень бедности; бедные; малообеспеченные; среднедушевой денежный доход; покупательная способность; потребительский статус;

социальное положение; социальное самочувствие; социальная защищенность; социальная активность; гармоничное общество; гармонизация общества

Key words: poverty; social and economic stratification; differentiation of the population; social structure; level of poverty; the poor; people of moderate means; a person's average money income; a buyer's ability; consumers' status; social position; social feeling; social protection; social activity; harmonious society; harmonization of the society

Отличительными чертами переходного периода российского общества являются существенное ухудшение уровня жизни основной части населения и значительный рост масштабов бедности. Бедные стали самым многочисленным слоем в социальной структуре населения России. Однако политическая стабилизация российского общества и положительные изменения в экономике страны не могли не сказаться на жизни людей: рост денежных доходов и заработной платы с одновременным сокращением темпов инфляции повысил уровень их жизни.

За пять лет (с 2004 по 2008 г.) денежные доходы населения Республики Мордовия увеличились в 2,5 раза и по расчетным данным за 2008 г. составили 8 114,9 руб. на 1 чел. В то же время среднедушевой денежный доход в Мордовии по-прежнему в 2 раза ниже, чем по стране: в 2007 г. среднероссийская величина среднедушевого де-

КУРЫШОВА Любовь Николаевна, научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия.

нежного дохода составила 12 551 руб.¹, среднереспубликанская — 6 137,8 руб.²

Несмотря на рост денежных доходов жителей республики, остается острой проблема их неравномерного распределения между отдельными слоями населения. Так, за последние 5 лет основные показатели дифференциации доходов населения имеют тенденцию к увеличению. На долю 20 % наиболее обеспеченного населения приходится более 40 % всех доходов, на долю 20 % наименее обеспеченного населения — около 7 %. Коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченных) в 2008 г. по сравнению с 2004 г. вырос с 9,1 до 12,8 раза. Таким образом, по расчетным данным в 2008 г. доходы богатых превышали доходы самых бедных более чем в 12 раз. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения фактического объема распределения денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Его величина может варьировать от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. Таким образом, рост этого коэффициента говорит об усилении поляризации социальных слоев в обществе и увеличении остроты социально-экономического расслоения.

Положительным фактом является снижение численности бедных по Мордовии: в 2004 г. доля бедных в социальной структуре населения региона составила 31,9 %, в 2008 г. — до 23,0 %. Следовательно, за пять лет произошло сокращение масштабов бедности в 1,4 раза: если раньше в республике каждый третий жил за чертой бедности, то в настоящее время — это менее, чем каждый четвертый. В то же время уровень бедности в Мордовии значительно выше, чем в среднем по России: доля бедных в населении России в 2007 г. составляла 13,4 %³, в Мордовии — 24,7 %⁴.

В ходе социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия», проведенного в марте 2008 г. НИИ регионологии Мордовского государственного университета и Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, выяснилось, что проблемы социально-экономического расслоения и бедности оказались наиболее острыми.

Самым многочисленным социальным слоем Мордовии являются бедные: у 42,6 % опрошенных среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума (3 600 руб.); 35,2 % семей имеют доходы ниже среднего по республике (согласно официальным источникам, в 2007 г. — 6 150 руб.); лишь 20 % семей имеют среднедушевой денежный доход выше этой величины.

Определение респондентами своего материального достатка может быть весьма субъективным и часто заниженным, поэтому в большинстве исследований особое внимание уделялось вопросам о покупательной способности денежных доходов.

В ходе многолетних исследований «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» опрашиваемым задавался вопрос «Какие из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризуют Ваши денежные доходы?». Динамика ответов на него представлена в таблице.

За период с 1995 по 2008 г. заметно повышение покупательной способности населения Мордовии. Выросла доля тех, кто без затруднения может позволить себе купить товары длительного пользования, и тех, у кого денег хватает для приобретения необходимой одежды и обуви. Одновременно снизилось число тех, у которых денег хватает только на питание.

О повышении потребительского статуса российских семей указывают и исследования, проводимые «Левада-Центр». Так, согласно данным центра, на протяжении последних лет наиболее распространенной характеристикой потребительского статуса российских семей было выражение «на продукты питания денег хватает, но уже покупка одежды и т. п. вызывает серьезные затруднения». В 2006 г. большая часть населения сосредоточилась на новой ступеньке потребительского статуса: «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования является проблемой»⁵. По данным исследований «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (начиная с 2007 г.), большинство жителей республики также остановилось на этой ступени. Однако этих респондентов можно отнести лишь к малообеспеченным, так как их денежные ресурсы позволяют им покупать лишь самое необходимое.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризуют Ваши денежные доходы?», %

Вариант ответа	1995 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.	2008 г.
Денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать	1,0	1,2	0,2	0,4	1,1
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает трудностей, однако покупка квартиры, машины затруднительна	5,3	4,2	1,3	2,6	9,0
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но более крупные покупки приходится откладывать	31,2	27,8	25,3	24,6	43,9
Денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания	39,1	39,1	50,0	45,9	36,3
Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг	23,5	23,5	19,7	22,4	7,2
Затрудняюсь ответить	0,0	4,2	3,6	4,2	2,4

Как отмечают В. Рукавишников, Л. Гудков, Н. Власова и другие российские исследователи, общепринятые критерии дифференциации по имущественному положению до сих пор не вошли в общественное сознание. Люди, обладающие одинаковым уровнем дохода, часто помещают себя в разные категории⁶. Согласно исследованиям Л. А. Беляевой, статусные характеристики по самоидентификации выше, чем самооценка уровня жизни. При этом основная масса относит себя к среднему слою⁷.

Проведенный нами опрос подтверждает мнение этих исследователей. Доля тех, кто сам себя причислил к низшему слою, в 2008 г. составила 18,2 %. Основная часть опрошенных отнесла себя к среднему слою. Однако стоит отметить, что

многие из причисливших себя к среднему слою отнесли себя к низшей части среднего слоя (30,3 %), т. е. оценили свое социальное положение чуть выше низшего. Из тех, у кого доходы ниже величины прожиточного минимума, лишь 26,7 % причислили себя к низшему слою.

Можно предположить, что некоторые опрошиваемые могли занижить свой среднедушевой денежный доход. Однако оценки бедными своего потребительского статуса соответствуют общепринятым характеристикам бедности: 35,2 % респондентов с доходами ниже величины прожиточного минимума ответили, что «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов питания и одежды, но более крупные покупки приходится откладывать», 45,7 % — «денег сейчас хватает только на продукты питания». У 12 % бедных «денег не хватает даже на продукты питания, постоянно приходится брать в долг». Это говорит о том, что если респонденты и занижали оценки среднедушевого денежного дохода своей семьи, то вовсе не значительно.

Период трансформации российского общества сопровождался значительными изменениями его социальной структуры. Экономический рост, наметившийся в конце 90-х гг. XX в., положительно сказался на уровне жизни населения. В то же время не все жители страны смогли адаптироваться к рыночной экономике. Как показал опрос 2008 г., разбогатевшие за последние 10 лет в основном вызывают безразличие у жителей республики. Чувство безразличия к разбогатевшим характерно и для бедных слоев населения. Неприязнь к разбогатевшим вызывает в равной степени у всех слоев населения. Уважение к разбогатевшим за последние 10 лет испытывают те, кто сам относится к зажиточным, или богатым слоям населения, при этом чувство уважения к разбогатевшим людям возрастает с повышением дохода.

Основные чувства, которые вызывают обедневшие за последние 10 лет люди, — это сочувствие и жалость. При этом с повышением доходов чувство жалости к бедным усиливается. Обедневшие за последние 10 лет, как и разбогатевшие, часто вызывают у других слоев населения лишь безразличие. При этом чувство безразличия к обедневшим в такой же степени характерно и для самих бедных. Различия людей по доходам воспринимается населением наиболее остро, если сравнивать с другими различиями

(национальность, религия, место жительства и т. д.). Так, среди предложенных различий между группами населения большинство (61,5 %) выбрало различия по доходу. Кроме них, опрошенные в число важных включали различия между населением и властью, политиками (26,7 %), а также социально-классовые различия (21,4 %). Таким образом, наиболее значимыми различиями между группами населения, по мнению жителей Мордовии, являются различия, лежащие в основе социальной стратификации: доход, власть, классовые различия (между рабочим классом, работодателями, интеллигенцией, бизнесменами и т. п.). Можно предположить, что эти различия имеют взаимосвязь.

Результаты исследования показали, что бедные чувствуют себя менее социально защищенными, чем другие слои населения. При этом для бедных характерна более низкая социальная активность при решении возникающих проблем. Бедные в случае недостаточной социальной незащищенности реже других слоев населения будут решать свои проблемы самостоятельно, обращаться в суд для реализации своих прав. Напротив, среди бедных больше тех, кто будет ждать и ничего предпринимать не будет.

Социально-экономическое расслоение населения и проблема бедности противостоят развитию гармоничного общества, так как именно достаток граждан и социально ориентированное государство могут способствовать такому развитию. По крайней мере, так думает большинство жителей Мордовии, опрошенных в ходе исследования. Стоит отметить, что люди с более высоким достатком чаще отмечали, что способствовать гармонизации общества могут социальная независимость граждан и развитые гражданские институты. Напротив, бедные чаще включали в число факторов гармонизации общества сильную власть. Это еще раз подтверждает не только менее активную гражданскую позицию бедных, но и меньшую ее значимость для них.

За последние годы повысился уровень жизни населения, снизились масштабы бедности. В то же время обострение социально-экономической поляризации общества говорит о том, что средние статистические показатели не совсем отражают реальную ситуацию и имеют положительную тенденцию за счет повышения их значений у высокодоходных

групп. Хотя снижение официального уровня бедности говорит о том, что доходы растут и у бедных.

Дело в том, что официальная методика определения прожиточного минимума, используемая для определения слоя бедных, была разработана в условиях переходного периода и, несмотря на внесенные впоследствии коррективы, мало изменилась. Законодательно установленный прожиточный минимум не совсем отвечает изменившимся условиям жизни и не отражает представления наших граждан о достойном уровне жизни. Социальные стандарты уровня жизни выросли, в связи с этим и возникает разрыв между официальными данными и субъективными оценками, выявляемыми в ходе социологических исследований.

Таким образом, проблемы социально-экономического неравенства не потеряли актуальности, а социальную угрозу представляет не столько уровень официальной бедности, сколько высокая степень социально-экономического расслоения и связанные с этим неудовлетворенность людей собственным социально-экономическим положением и плохое социальное самочувствие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01.htm (дата обращения: 10.03.2009).

² См.: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2008. С. 131.

³ См.: Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения ...

⁴ См.: Мордовия: стат. ежегодник ... С. 131.

⁵ Уровень жизни населения России (база данных аналитического центра Ю. Левады «Левада-Центр»). URL: <http://www.levada.ru/files/1172574118.doc> (дата обращения: 10.03.2009).

⁶ См.: Власова Н.В., Дунаев М.В. Бедность как социокультурное явление // Бедность как социокультурный феномен и экономическая проблема: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23—24 мая 2007 г. / отв. ред. Н.В. Дергунова. Ульяновск, 2007. С. 42—43.

⁷ См.: Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социол. исслед. 2006. № 9. С. 60.

В. С. АФАНАСЬЕВ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В КОНЦЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: население; демографическое развитие; демографический кризис; рождаемость; смертность; село; урбанизация; браки; численность населения; миграция; семья; социальная мобильность

Key words: population; demographic development; demographic crisis; birth rate; death rate; village; urbanization; marriages; population quantity; migration; family; social mobility

В XXI в. Республика Мордовия вошла с тяжелым демографическим наследием XX в. Социальные потрясения недавнего прошлого сильно изменили социальную структуру и на годы вперед определили тренд развития демографического потенциала республики. Региональные особенности часто усугубляли общероссийские тенденции развития.

Период 1985—1990-х гг. стал переломным в развитии России в целом и в Мордовии в частности. Именно тогда стали явно проявляться негативные тенденции, ставшие впоследствии бичом социальной структуры. Говоря о 90-х гг. XX в., следует отметить жесточайший кризис семьи как объекта государственной политики и социального института, развал производственно-трудовой сферы, кризис ценностей, разрушение прежней системы перераспределения экономических и социальных благ.

С 1985 г. начинается спад рождаемости, длившийся до 2008 г., и общей численности населения республики. Согласно данным 1979 г., население Мордовии составляло около 989,5 тыс. чел., и прогнозировался рост до показателей свыше 1 млн чел.¹ Однако по результатам переписи 1989 г. в республике проживали лишь 963, 5 тыс. чел.

АФАНАСЬЕВ Вячеслав Сергеевич, преподаватель кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

Уровень рождаемости в Мордовии был нестабильным и неуклонно снижался. У городского и сельского населения он имел свои особенности: он был выше до середины 70-х гг. XX в. в сельской местности, с 1975 г. — в городах и поселках городского типа.

Основными факторами, воздействующими на рождаемость, являются половозрастная структура населения; распространение малодетности; нестабильность общества; экономические трудности; жилищные проблемы; изменение отношения общества к значимости родства, материнства, отцовства и положению женщин в обществе; миграция населения; уровень образования; национальные традиции. В структуре населения возросла доля лиц старшего возраста².

Заметное старение населения просматривается между двумя переписями. В 1979 г. средний возраст населения Мордовии был равен 34,0 года, в 1989 г. — 35,7 года (у мужчин — 29,8 и 31,9; у женщин — 37,5 и 38,9). Особенно интенсивно этот процесс шел в деревне. С учетом устоявшихся ценностей культуры и образа жизни трудно ожидать увеличения рождаемости и оптимизации демографического развития сельского населения республики³.

По сравнению с другими регионами Волго-Вятского экономического района Мордовия была в числе наименее урбанизированных. Несмотря на то, что динамика урбанизации была одной из наиболее высоких, к 1989 г. в городах и поселках городского типа проживали 56,2 % населения, тогда как по РСФСР этот показатель составлял 73,8 %.

На протяжении всего периода численность сельских жителей сокращалась. В РСФСР с 1979 по 1989 г. численность сельского населения сократилась на 8 % (3,4 млн чел.). В областях и автономных республиках Волго-Вятского экономического района сокращение жителей в сельской местности составило 554,1 тыс. чел (17,6 %), а в Мордовии — на 109,0 тыс. чел. (20,5 %). Причем сокращение происходило по всем национально-культурным группам. Численность сельского населения республики сократилась на 20—30 % во всех районах (кроме Зубово-Полянского и Лямбирского)⁴. Уменьшение сельского населения обуславливалось многими факторами, в том числе сокращением естественного прироста, низкой рождаемостью, высокой смертностью, высоким миграционным оттоком из сельской местности.

Рост городского и сокращение сельского населения Мордовии в условиях научно-технического прогресса — вполне закономерное явление. Однако значительный отток жителей из сел в города и поселки городского типа республики имеет негативные стороны. Одним из последствий являлось ужесточение имеющегося в большинстве районов республики дефицита рабочей силы. Кроме того, следует учитывать, что наиболее мобильной частью сельского населения является молодежь в возрасте от 16 до 29 лет. Факторы и мотивы, определявшие миграционную мобильность молодых людей, неоднозначны для каждой из их возрастных групп. В целом и факторы, и мотивы этого явления достаточно верно характеризуются И. В. Староверовым⁵, выводы которого основаны на анализе материалов регионального конкретно-социологического исследования сельской миграции в Старорусском районе Новгородской области. Полученные данные подтверждаются в ряде других работ⁶.

Из многих обстоятельств, вызывающих необходимость у населения сельской местности смены местожительства, более значимыми являлись низкий уровень экономического развития сел, небольшой совокупный доход на члена семьи, невыгодное территориальное положение и функциональное назначение населенных пунктов, небольшая численность жителей в них и удаленность селений от районного и областного центров, слабая обеспеченность сел учреждениями образования, видов связи, путей сообщения и др.⁷

Переселение сельского населения в городские районы, их исключение из сферы сельскохозяйственного производства, помимо всего прочего, имели социально-культурные последствия. В частности, отрыв от деревенской социально-культурной среды, включающий в себя значительный перечень условий: от стиля общения до сезоннозависимого распределения трудовой активности. Сельским мигрантам приходилось полностью перестраивать навыки структурирования свободного времени, которого в условиях городского быта оказывалось больше, либо он заполнялся неспецифической для города активностью. Это вызывало социальную растерянность, депрессивность и девиантность нового городского населения, тем более что по сравнению с коренным, или уже укоренившимся населением, новоиспеченные городские жители обычно находились в худших экономических условиях.

Важно также отметить, что отличительной стороной урбанизации является сокращение рождаемости, так как городское население показывает меньшую степень детности по сравнению с сельским. Это неизбежным образом сказывалось на уровне рождаемости и статусе детства как социально-культурном явлении⁸.

С 1985 по 1990 г. увеличилась демографическая нагрузка на трудоспособное население, обусловленное высокими темпами рождаемости, низкой смертностью и выходом на пенсию многочисленного поколения 20—30-х гг. XX в. Если в 1985 г. на 1 тыс. чел. трудоспособного возраста в Мордовии приходилось 773 чел. нетрудоспособного возраста, то в 1990 г. этот показатель составил 806 чел. (увеличение на 4,3 %)⁹.

Нагрузка росла по всем показателям. Однако имела место диспропорция нагрузки между селом и городом в группе лиц в возрасте меньше трудоспособного. Если в группе «молодежь трудоспособного возраста» и в средних значениях изменения (для нетрудоспособного возраста) в течение рассматриваемых шести лет происходили равномерно, что является отражением общих демографических тенденций, то видимый дисбаланс в этой группе является результатом региональной специфики расселения и локальной миграции населения. Переселение молодого поколения из села в город, начавшееся значительно раньше, во-первых, обусловило преобладание лиц, находящихся в активном детородном возрасте в городе по сравнению с сельской местностью. Это привело к большим показателям рождаемости в городе и соответствующей демографической нагрузке. Во-вторых, продолжившийся отток молодежи (получение образования, поиск большего уровня благ, престижа и т. п.) стимулировал дальнейшее сокращение численности молодежи в селах. Таким образом, за шесть лет наблюдается сокращение (0,5 %) демографической нагрузки со стороны молодого поколения на трудоспособное в сельской местности при одновременном значительном росте этого показателя в городах республики и сверхвысокими показателями доли пожилых в селах.

На протяжении долгих лет село в республике оставалось мощной ресурсной базой снабжения городских производств трудовыми ресурсами. На 1 тыс. чел. нетрудоспособного возраста в городах республики в 1990 г. приходилось 1 495 чел.

трудоспособного возраста. Большая часть этих людей являлась переселенцами из села в первом поколении. В селе этот показатель был значительно ниже и составлял 977 чел. Такая ситуация чрезвычайно обостряла проблемы развития села, стимулировала дальнейший отток трудоспособного населения в районы городской занятости.

Важные изменения происходили и в институте семьи. В частности, за последнее десятилетие советской власти существенно увеличилась доля лиц, вступивших в брак в раннем возрасте (16—19 лет). Если по переписи 1979 г. она составляла 3,6 % от численности соответствующей возрастной группы, то в 1989 г. этот показатель стал составлять 7,2 %¹⁰.

В отношении рождаемости Мордовия имела достаточно низкие показатели. На 1989—1990 гг. он составил 1,906 и был не только ниже среднероссийских показателей, но и самым низким в Волго-Вятском экономическом районе¹¹. Эта особенность является косвенным признаком напряженности в обществе, нарождающегося кризиса и неготовности общества к естественному воспроизводству в изменяющихся социально-экономических условиях¹². Можно предположить, что одной из причин такой ситуации явилась культурная аномия, назревающая на фоне ухудшения экономической ситуации.

Противоречивые тенденции брачного поведения в Мордовии стали заметны к 1990 г., когда на фоне стабильной флуктуации в пределах 9,3—9,8 браков на 1 тыс. жителей в год в прежние годы этот показатель снижался до 8,8 брака. Сокращение произошло за счет резкого уменьшения количества браков в сельской местности (с 11,0 в 1989 г. до 9,5 в 1990 г.), в то время как в городе наблюдалось некоторое увеличение — с 8,1 в 1989 г. до 8,3 брака в 1990 г.¹³ Причиной такой ситуации стало разрушение хозяйственной системы села, связанной с финансовым кризисом, нарушением режима закупок сельскохозяйственной продукции, кризисом коллективной системы организации сельскохозяйственного производства, низким уровнем социальных гарантий и отсутствием ощущения защищенности у жителей сельской местности, а также со значительным оттоком молодежи, которая заключала браки уже в городе.

Динамика разводов в течение рассматриваемых шести лет не имела значительных изменений. Показатель колебался в

пределах 2,4—2,6 разводов на 1 тыс. чел. населения (для городского населения — 3,3—3,7; для сельского — 1,2—1,4). Несмотря на указанные тенденции соотношение количества браков и разводов указывает на увеличение доли последних. На 1 тыс. браков в 1985 г. приходилось 258 разводов, в 1990 г. — 394, т. е. произошло увеличение на 14 %. При этом в течение шести лет наблюдалась только возрастающая динамика, что позволяло предположить еще большее усугубление ситуации в последующие годы.

В демографической сфере Мордовии наметилась тенденция, отражающая региональные особенности общероссийских тенденций. Однако она имела и специфические особенности, отличающие ее от других регионов. Одним из важных отличий стал очень высокий темп урбанизации. В ситуации, когда социальная система не успевала за меняющейся структурой населения, возникало большое количество социальных проблем. Искусственное старение сельского населения, сокращение показателей воспроизводства населения в селе стали визитной карточкой республики в рассматриваемый период.

Произошли изменения в гендерной структуре населения. В результате миграции в некоторых районах не только произошло сокращение населения, но и нарушился баланс «женихов» и «невест»¹⁴. Особенно характерной такая диспропорция стала для мелких и средних населенных пунктов¹⁵. Более того, в рассматриваемый период начинает проявляться тенденция к значительному сокращению количества семей в республике. На тот момент ситуация являлась критичной, так как детность опустилась ниже уровня естественного воспроизводства населения.

Заметным явлением в Мордовии стал и тот факт, что на ее территории длительное время наблюдалось отрицательное сальдо миграции. Население республики было донором трудовых ресурсов для соседних более развитых регионов, Москвы и других крупных городов. Если до 1990 г. в СССР и РСФСР фиксировалось падение уровня воспроизводства населения, а динамика его всегда оставалась положительной, то Мордовия уже с 1970 г. показывает явно депопуляционные изменения¹⁶.

В России 1990 г. стал завершающим советским этапом демографического развития с положительной динамикой

основных показателей. С этого момента происходит «зарывание» России в глубокую демографическую яму, причины и признаки которой были видны уже в рассматриваемый период. Этот год также характеризуется ухудшением материального положения населения, снижением ощущения защищенности и всех демографических показателей. Вынужденная миграция 1989—1990-х гг. затронула более 600 тыс. чел., что значительно ослабило социально-демографическую стабильность общества¹⁷. Такая ситуация не прошла мимо Мордовии. В том числе это касалось обострения межнациональных отношений. Обострение социальных, экономических и культурных противоречий в 1985—1990-х гг. ускорило развал государства.

В этот период важность процессов деформации социального пространства заключена в том, что именно тогда закладывались основы кризисных событий, наблюдаемых сегодня. Развитие многофакторного социального пространства последних пяти лет существования СССР было затронуто нагревающимися структурно-функциональными традициями: менялась структура воспроизводства населения; претерпевали бурные изменения структура занятости и отраслевое деление экономики; рушились до недавнего времени крепкие межпоколенческие связи за счет свехурбанизации, отрыва новых городских поколений от традиций и культуры их сельских родителей; начали четко проявляться первые негативные последствия озападнивания поведения и вовлечения в массовую мировую культуру; усиливавшаяся миграция обострила дихотомию «центр — периферия»¹⁸, лишив периферийные группы и сообщества ресурсов развития и ужесточив «борьбу за выживание» в социально-демографическом и культурно-национальном аспектах; обострились межнациональные проблемы, вызванные миграционной активностью и сепаратистскими настроениями в обществе; наметилась тенденция на снижение значимости семьи и детства; ухудшение экономической ситуации сужало жизненное пространство населения и уровень его удовлетворенности.

Таким образом, деформирование социального пространства произошло на микро- (ценностно-личностного) и макро- (смещение массива социально-стратификационной структуры общества) уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Население СССР 1987: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.

² См.: Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года на территории Мордовской АССР. Саранск: Мордов. региональное управление статистики, 1990. С. 5.

³ См.: Савинов Л.И. Семейное образование: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. С. 127—129.

⁴ См.: Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года ... С. 3.

⁵ См.: Староверов В.И. Социально-демографический проблемы деревни: методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М., 1975. С. 118—158.

⁶ См.: Разживин В.Ф. Широкова И.В. Народ Мордовии: социокультурная динамика: (первая четверть XX — начало XXI столетия) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. С. 39.

⁷ Там же.

⁸ См.: Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года ... С. 14—15.

⁹ См.: Кузьменко Т.В., Савинов Л.И. Теория и практика планирования семьи. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 103.

¹⁰ См.: Разживин В.Ф. Широкова И.В. Народ Мордовии: социокультурная динамика ... С. 108.

¹¹ См.: Кузьменко Т.В., Савинов Л.И. Теория и практика планирования семьи. С. 101.

¹² Там же.

¹³ См.: Кузьменко Т.В., Савинов Л.И. Теория и практика планирования семьи. С. 103.

¹⁴ См.: Савинов Л.И. Семья и общество: история, современность и взгляд в будущее / науч. ред. В.В. Петров. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. С. 96.

¹⁵ См.: Кузьменко Т.В., Савинов Л.И. Теория и практика планирования семьи. С. 101.

¹⁶ См.: Население России за 100 лет (1897—1997): стат. сб. М., 1998. С. 32—34; Кузьменко Т.В., Савинов Л.И. Теория и практика планирования семьи. С. 110—111.

¹⁷ См.: Осипов Г.В. Социальное миротворчество и социальная практика. М.: НОРМА, 2000. С. 93—94.

¹⁸ См.: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341—359.

Поступила 18.11.08.

С. Л. ШАЛАЕВА

МИР ВЗРОСЛЫХ И МИР ДЕТСТВА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: мир взрослых; мир детства; технологизация мира детства; трансформация форм взаимоотношений; взаимоотноуждение детей и родителей; метаморфозы отношений; префигуративная культура взаимоотношения взрослых и детей

Key words: the world of adults; the world of children; technologization of the world of children; transformation of the forms of interrelations; mutual

estrangement of children and parents; metamorphoses of relations; prefigurative culture of adults and children relations

Любое общество состоит из мира взрослых и мира детства, между которыми существуют сложные, диалектически взаимосвязанные отношения. Эти два мира взаимодополняют друг друга, не могут существовать друг без друга, обеспечивая процесс наследования, передачи социально-исторической памяти. Но они и отрицают друг друга. Это отрицание заложено с самого начала их противопоставления, что произошло в результате усложнения содержания и форм трудовой деятельности человека (прежде всего орудий труда), когда дети не могут сразу включаться в жизнь взрослых, и детство становится особым периодом жизни, специально отведенным для общей ориентации в сложно организованном мире человеческой деятельности.

Проблема взаимоотношения поколений отцов и детей существовала всегда, но сегодня ее сложность возрастает и начинает принимать гипертрофированные формы. Сложность и противоречивость этих взаимоотношений в современном обществе обозначается как уникальная социальная ситуация развития современного детства и технологизация мира детства.

ШАЛАЕВА Светлана Леонидовна, доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики Марийского государственного университета, кандидат философских наук (г. Йошкар-Ола).

В прошлом новое поколение было по численности всегда больше предыдущего. Сегодня наблюдается обратная тенденция, меняется возрастная структура общества. Уменьшается доля детей и молодежи, растет число пожилых людей¹. Старение населения, меньший динамизм более старших возрастных групп будут увеличивать расхождения между поколениями в вопросах общественных и культурных новаций и подталкивать молодое поколение к выбору более экстремальных форм убеждения становящегося все более консервативным мира взрослых. Проявление этого феномена мы уже наблюдаем в росте неонацизма в России и Европе, радикализма молодежи и бунтах «гарлемной» молодежи во Франции, Германии, Голландии и т. д.

Системный кризис, охвативший общество, не может затронуть семью как социальный институт. Кризис традиционной формы семьи проявляется в структурном и функциональном аспектах: растет количество разводов, в российском обществе более 30 % неполных семей, увеличивается количество незарегистрированных браков. Незарегистрированным в России является каждый второй-третий брак у людей в возрасте до 20 лет, каждый пятый — в возрасте до 24-х лет. Среди тех, кто старше 25 лет, каждый десятый не намерен зарегистрировать брак, 80 % таких браков распадается².

Около половины российских женщин рожают первого ребенка не вовремя. А. П. Милованов подчеркивает: «Сейчас среди женщин репродуктивного возраста сложилась парадоксальная ситуация. Возникли своего рода два полюса: рожают либо до наступления необходимой зрелости, либо на границе репродуктивного возраста. В 20 лет женщина либо учится, либо ищет работу. Семью и более или менее устойчивое положение женщина обретает к 25—26 годам. К этому времени у большинства за спиной оказываются 2—3, а то и более аборт... Из 40 миллионов женщин репродуктивного возраста бесплодны более 6 миллионов, то есть каждая пятая женщина не способна стать матерью»³.

Растет бездетность семьи в связи с ухудшением репродуктивного здоровья населения (сегодня в России это 15 % семейных пар, т. е. 5 млн бесплодных)⁴, а также пара делает сознательный выбор в пользу бездетности и подводит под это теоретическую базу (течение *childfree*).

Сокращается число детей в семьях. Половина семей в стране не имеет детей, 34 % имеют одного ребенка, 15 % — двоих детей⁵. Появление ребенка в семье автоматически понижает ее материальный статус. В России каждая вторая семья с одним ребенком живет ниже прожиточного минимума, среди семей с двумя детьми таких 65 %, с тремя — 85 %⁶.

Существенным изменениям подвергается процесс общения родителей и детей. С одной стороны, родители недостаточно уделяют внимание своим детям, проявляют равнодушие, что приводит к депривации, с другой — имеет место нарастающая волна насилия. По данным Генеральной прокуратуры, в России ежегодно от рук родителей погибают до 2,5 тыс. детей⁷. Даже психологическое насилие, когда ребенок жертвует своими потребностями и чувствами в угоду ожиданиям или страхам родителей, известный психолог Дж. Боулби называет «патогенным родительским воспитанием» и подчеркивает, что мир для таких детей становится двусмысленным, неопределенным и всегда опасным, а ребенок, обойденный вниманием родителей, постоянно ищет острых ощущений⁸. Не отсюда ли нарастающий вал интереса современной молодежи к экстремальным видам развлечений — дайвинг, рафтинг, парасалтинг, паралайдинг, геокэшинг (поиски кладов), уличные или ночные гонки, паркур и др.?

Случаи прямого насилия заставляют ребенка либо жить в ожидании очередного насилия, становясь жертвой и провоцируя на агрессивность по отношению к нему, либо в самом ребенке накапливается внутреннее напряжение, озлобленность, грубость и собственная агрессивность. Возникает так называемое «кольцо насилия». Не здесь ли истоки роста моды на хеппи-слэппинг (видеосъемок избиения сверстников и размещения их в Интернете) и растущая преступность в детской среде? Согласно сведениям министра внутренних дел Р. Г. Нургалиева, за 11 месяцев 2006 г. в России совершили преступления 135 тыс. несовершеннолетних. Иными словами, каждый десятый преступник в России — это подросток⁹.

Изложенное выше объясняет изменение взаимоотношений мира взрослых и мира детей, указывает на наличие и отчасти причинную обусловленность *взаимоотчуждения детей и родителей, разделения пространства взрослых и детей.*

В рейтинге социальных институтов на фоне кризиса семьи и распада детского сообщества на первое место выходят

средства масс-медиа, активно вторгающиеся в интимный мир личности и пропагандирующие гедонистическое отношение к жизни. Они закрепляют состояние бездумного потребительского отношения к искусству, потреблению любых проявлений мира в виде вещей¹⁰. Масс-медиа принадлежит особая роль в мистификации массового сознания, манипулировании им, порождении мифов и иллюзий, симулякров — всего того, что определяется как «ложное сознание». В этих условиях передача социокультурного опыта идет не от старших поколений к младшим, а опосредуется информационной средой через экранную плоскость.

Дети отражают, повторяют и воспроизводят общую атмосферу формирующейся глобальной цивилизации потребления, устремленной к индивидуальному успеху, культу телесного над духовным, кристаллизуя в своем воспитании ценности потребительства, индивидуализма, прагматизма, эгоизма, знательности, доминирующих над способностью к суждению, альтруизмом, обществом как ценностью, творчеством, традиционной моралью¹¹.

Либерализация отношений взрослых и детей, а также идеи детоцентризма, широко распространившиеся в XX в., ослабили контакты между поколениями, возвели детство и его черты на пьедестал референтности. Психологи заговорили о синдроме Питера Пена у взрослых людей, а в мире взрослых распространяется эйджизм как социальная установка на высокую оценку молодости, моду «быть молодым» и дискриминацию пожилых людей.

В 1988 г., когда была переведена на русский язык и издана работа М. Мид «Культура и преемственность», с трудом верилось в возможность прихода в нашей стране префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас ее слова поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно»¹².

Жутковатое предсказание сбывается? Феномен детства, определяющий будущее любого общества, становится ноуменом современной эпохи глобализации и постмодернизма. Социальный субъект детства в этой ситуации становится субъектом без социокультурной почвы, приобретая характер ризомы (противостояние традиционному бытию и мышлению), явно неопределенной в своих внешних границах и совершенно непонятной по своей сущности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Селезнев В. Детей в России стало меньше // Семья. 2006. № 10. С. 1.

² См.: Иванова Н. Гражданский брак не сдает позиции // Семья. 2008. № 20. С. 7.

³ Цит. по: Букин А. Рожать надо вовремя // Семья. 2006. № 24. С. 4—5.

⁴ См.: Бирючева О. «Он снится мне каждую ночь...» // Марийская правда. 2007. 20 нояб. С. 9.

⁵ См.: Азарина Н. Подвиг, которого не заметили // Семья. 2008. № 36. С. 11.

⁶ См.: Шило О. Катастрофа в «стране детства» // Семья. 2006. № 22. С. 4—5.

⁷ См.: Доклад Совета Федерации «О положении детей в Российской Федерации» (в изложении) // Парламентская газ. 2006. 2 июня. С. 1—2.

⁸ См.: Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 480 с.

⁹ См.: Селезнев В. Нищие дети // Семья. 2007. № 6. С. 2.

¹⁰ См.: Шалаев В.П. Синергетика социального управления. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. 260 с.; Шалаев В.П., Шалаева С.Л. Феномен детства в контексте бифуркационной природы социальных революций (синергетический аспект) // Детство в глобальном информационном пространстве: материалы Междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. С. 383—388.

¹¹ См.: Шалаева С.Л. Технологизация мира детства в современном обществе // Синергетика социальных коммуникаций в современном обществе: сб. материалов. Йошкар-Ола: Салика, 2001. С. 164—181.

¹² Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. С. 361.

Поступила 01.04.09.

В. П. БУКИН

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ИДЕАЛЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: ценностные ориентации; идеалы; социализация; провинция; молодежь; жизненные стратегии; социальная идентификация; социализация; трудовая занятость; установка; социальные гарантии

Key words: value orientations; ideals; socialization; province; young people; life strategies; social identification; employment; purpose; social guarantees

Место в структуре общественных отношений, ценностные ориентации, жизненные стратегии молодежи, особенности ее сознания и социального поведения всегда находились в поле зрения отечественного обществознания. При этом в советский период в общественных науках преобладало отношение к молодежи как объекту воспитания и идеологического воздействия. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров отмечают, что «в заслугу большинства исследователей молодежи в тот период следует поставить стремление изучать реальные ее проблемы в непрерывной взаимосвязи с формами и методами их целенаправленного регулирования. Такая интерпретация проявилась в разработке специальных социологических теорий при исследовании жизненных планов молодежи (М. Н. Руткевич, В. Т. Лисовский); структуры ее профессиональных ориентаций (В. Н. Шубкин), социальной активности молодежи (А. С. Капто, В. Г. Мордкович), формирования идеалов, ценностных ориентаций, интересов различных ее групп — рабочей молодежи (Н. М. Блинов, Ю. Р. Вишневский, Б. С. Павлов), сельской молодежи (И. М. Слепенков, В. И. Староверов), молодой интеллигенции (А. С. Кулагин, Ф. Э. Шереги), студентов (В. Т. Лисовский, Л. Я. Рубина, В. И. Чупров)»¹.

БУКИН Василий Петрович, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук, профессор.

Социализация современной российской молодежи отражает процесс переосмысления ценностных ориентаций и норм, сформировавшихся в предшествующие периоды. При этом наиболее уязвимыми в плане самоопределения являются группы, находящиеся на стадии возрастного социального выбора и социальной идентификации. Молодежь является именно той общественной группой, которая переживает период становления социальной зрелости.

Тип культуры и мышления современной российской молодежи станет типичным для отечественной социокультурной действительности уже в ближайшее время, что придает особую актуальность изучению ценностных ориентаций и жизненных стратегий современной молодежи. От того, насколько изучены мир ее ценностей, установки, идеалы, жизненные планы, во многом зависит эффективность разрабатываемых мероприятий в области образования, сфере труда и занятости, экономической, политической и культурной жизни.

Проведенное нами социологическое исследование в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях позволило определить, в какой степени в сознании молодого поколения распространены нравственные ценности, идеалы и моральные нормы². При этом было выяснено, что молодые люди, определяя цели и жизненную стратегию, исходят из иерархии ценностей, на которые они ориентируются.

Для определения степени значимости морально-нравственных ценностей и установок было предложено ответить на 17 вопросов по трем позициям «очень значимо», «значимо, но не очень», «практически не значимо». Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее универсальными ценностями для всех возрастных категорий молодежи являются семья (16—21 год — 93,2 %, 22—26 лет — 95,6 %, 27—30 лет — 96,3 %), здоровье (91,3 %, 96,0 %, 94,2 % соответственно), дружба (91,6 %, 91,7 %, 91,1 % соответственно), безопасность (90,3 %, 88,3 %, 90,5 % соответственно), любовь (88,7 %, 89,6 %, 89,1 % соответственно), справедливость (85,0 %, 84,3 %, 86,4 % соответственно), свобода (88,4 %, 84,1 %, 79,0 % соответственно).

Любые ценностные ориентации и настроения во многом взаимосвязаны с психологическими установками молодых людей. Наиболее устойчивой психологической установкой

являются работа и хороший заработок (16—21 год — 49,7 %, 22—26 лет — 51,3 %, 27—30 лет — 50,3 %). Далее следует установка на спокойную стабильную работу, обеспечивающую социальные гарантии. Причем она имеет прогрессирующий характер (16—21 год — 32,0 %, 22—26 лет — 32,6 %, 27—30 лет — 42,1 %). На третьем месте находится установка на интересную работу (6,9 %, 7,7 %, 4,0 % соответственно). Тех, кто не желает работать и учиться, но предпочитает иметь все, что хочется, в возрасте 16—21 года оказалось 9,3 %, 22—26 лет — 5,2 %, 27—30 лет — 2,4 %. Наименьшее число молодых людей оказалось среди тех, кто хочет иметь небольшой заработок, но много свободного времени (16—21 год — 2,0 %, 22—26 лет — 3,2 %, 27—30 лет — 1,3 %).

Таким образом, психологический настрой современной молодежи направлен на то, чтобы иметь высокое материальное благосостояние за счет интенсивной работы (50,3 %), каждый третий настроен стабильно и спокойно работать, но при этом иметь весь пакет социальных гарантий. Каждого шестнадцатого опрошенного (6,4 %) не волнует личный заработок при условии, что работа будет интересной. Такое же число молодых людей хочет иметь все блага, ничего не делая.

Социальные ценности и психологические установки связаны с особенностями социализации молодежи. В процессе исследования было важно определить, кто является для молодежи авторитетом и влиятельным лицом, на кого она равняется, кто выступает в качестве идеала, и есть ли он у современного молодого поколения.

При изучении нравственных ценностей молодежи мы учитывали, что происходящие в последние два десятилетия в России социальные, экономические и политические процессы во многом изменили быденную жизнь людей, а также понимание того, что является жизненным успехом, какие цели необходимо ставить перед собой и какими средствами достижения этих целей можно пользоваться. У многих россиян, особенно в провинции, складывается мнение о полной и безвозвратной утере обществом нравственных норм. Оно выражается в том, что кризис морали достиг того предела, за которым грядет духовное перерождение России.

У каждого четвертого опрошенного есть идеал для подражания. Однако с увеличением возраста число молодежи, имеющей его, сокращается (16—21 год — 25,8 %, 22—

26 лет — 21,5 %, 27—30 лет — 20,9 %); идеала не было, и сейчас его нет (48,7 %, 49,2 %, 49,5 % соответственно). Есть и те, у кого был идеал подражания, но в нем они разочаровались (3 %).

Главным идеалом большинства опрошенных является мать (16—21 год — 13,7 %, 22—26 лет — 13,3 %, 27—30 лет — 15,6 %), далее — отец (8,1 %, 5,3 %, 6,1 % соответственно). На третьей позиции стоят друзья (4,1 %, 5,5 %, 5,5 % соответственно), на четвертой — родственники (4,7 %, 2,5 %, 2,2 % соответственно). Крайне редко (от 0,5 до 1,6 %) представители молодежи называют в качестве идеалов для подражания героев художественных фильмов и литературных произведений, спортсменов, духовных наставников, артистов, руководителей коллективов, учителей и преподавателей.

Общероссийское социологическое исследование, проведенное под руководством М. К. Горшкова в марте—апреле 2007 г., выявило, что для большинства опрошенных людей старшего возраста и молодых людей характерны «моральный релятивизм» и цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам. Эту точку зрения разделяют 64 % молодых людей и 70 % представителей старшего поколения. Только треть россиян придерживается оптимистического взгляда на ситуацию, полагая, что молодежь тянется к высоким идеалам (36 и 28 % соответственно)³.

Таким образом, сравнение данных, полученных исследователями в регионах «скромного» достатка и Институтом социологии РАН, подтверждает, что в условиях трансформации российского общества, отсутствия общегосударственной идеи у молодежи практически отсутствуют общественные идеалы. Они заменены родственными и дружескими приоритетами.

Анализ общественных идеалов предполагает выявление акторов, оказывающих влияние на молодое поколение. Наиболее авторитетными и влиятельными людьми для молодежи являются их родители, родственники, друзья и знакомые. На первом месте находятся родители и родственники. Причем с увеличением возраста доверие к ним начинает снижаться (16—21 год — 80,3 %, 22—26 лет — 73,6 %, 27—30 лет — 72,7 %). Авторитет друзей и знакомых имеет такую же тенденцию, т. е. их влияние очень высоко, но снижается по мере взросления (57,2 %, 42,8 %, 43,5 % соответственно). В то же время растет число тех, кто ни к чьим советам

не прислушивается (13,3 %, 15,8 %, 18,8 % соответственно). Невысоким оказывается влияние педагогов в вузах и техникумах, к их советам молодежь прислушивается меньше с увеличением возраста (12,5 %, 3,4 %, 2,4 % соответственно). Это связано, видимо, с тем, что к 22 годам, как правило, молодежь заканчивает учебу в системе среднего профессионального и высшего образования.

В то же время на работе молодежь старших возрастных категорий прислушивается к руководителям больше, чем это делают представители младших возрастных категорий (4,1 %, 11,4 %, 14,3 % соответственно). Это свидетельствует о том, что после 22 лет молодежь в основном работает, и авторитет руководителей постепенно возрастает. Принимая важные решения, молодежь практически не прислушивается к советам религиозных лидеров (1,6 %), политических и общественных деятелей (0,8 %).

Исследования, проведенные в других регионах России, подтверждает такую же тенденцию. Например, в Санкт-Петербурге «вне конкуренции остается влияние родителей, прежде всего матери (58 % опрошенных) и в меньшей степени отца (44 %), затем с большим отрывом следуют друзья (24 %), книги (19 %), фильмы (15 %), родственники (13 %) и на последнем месте — учителя (10 %)»⁴.

Ценности и психологические установки во многом связаны с особенностями социализации современной молодежи. По мнению А. И. Ковалевой, «критериален характер самой социальности общества, обуславливающий механизм регуляции социальной жизни. Во-первых, формируя, утверждая, закрепляя те или иные ценности, общество тем самым определяет желательное для него общее направление жизнедеятельности людей, ориентирует их действия и взаимодействия в определенном русле на основе приоритетных ценностей данного общества. Во-вторых, в социальных нормах (правовых и моральных) общество на основе своих социальных ценностей предписывает своим членам конкретные образцы (правила) поведения в определенных ситуациях. В-третьих, общество вырабатывает систему мер для реального осуществления этих норм, а также различные способы реагирования на поведение людей и групп. Ценностно-нормативный механизм регуляции социальной жизни отражает человека, формы соотношения общества и государства»⁵.

Таким образом, ценностные ориентации провинциальной молодежи в основном традиционны и мало отличаются от ценностей старшего поколения. Главными являются семья, здоровье, дружба, безопасность, любовь и справедливость. Однако глубокие экономические, политические, социальные преобразования, трансформация общественной практики вносят изменения в нравственные ценности, духовную жизнь и, как следствие, в процесс социализации молодежи российской провинции. Наименее значимыми для них оказались творчество, патриотизм и адаптация. Среди личных качеств главными для молодежи являются честность, доброта и любовь к людям, самостоятельность и целеустремленность.

Психологическая установка половины опрошенных направлена на то, чтобы много работать и хорошо зарабатывать, каждый третий хочет иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую социальные гарантии. В то же время 6,3 % молодых людей хотят иметь все блага, но при этом не желают работать и учиться. Почти такое же число (6,4 %) хотят иметь интересную работу, не обращая внимания на заработок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социол. исслед. 2008. № 7. С. 112.

² Исследование проводилось по инициативе Института социологии РАН и представительства Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации. В исследовательскую группу вошли ученые и специалисты Приволжского Дома знаний, Пензенского государственного университета, НИИ регионологии (г. Саранск), Ульяновского государственного университета. По квотной выборке (учащиеся и работающие, городские и сельские жители) были опрошены 1 500 чел. (по 500 в каждом регионе) в возрасте от 16 до 30 лет. Результаты сгруппированы по трем возрастным группам: 16—21 год, 22—26 лет, 27—30 лет.

³ См.: Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: аналит. доклад. М., 2007. С. 106—107.

⁴ Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исслед. 2007. № 4. С. 40.

⁵ Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отношения, социализационная траектория // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 113.

Поступила 18.09.08.

Е. В. ЛЕДЯЕВА

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛЕВШЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: левши; правши; леворукость; левшество; леворукие дети; социализация левши; проблемы социализации; индивидуальность; образовательная среда; конфликт; переучивание; декстростресс (давление праворукой среды)

Key words: left-handed persons; right-handed persons; left-handing; left-handed children; socialization of a left-handed person; problems of socialization; individuality; educational environment; conflict; re-teaching; dextrastress (pressure of right-handed environment)

Леворукость как проблема не является объектом пристального внимания исследователей. Однако накопленный фактический материал и практическая значимость этого явления свидетельствуют о необходимости разработок в этом направлении. Чрезвычайно интересны данные о различной частоте левшей в регионах. По данным, полученным в 80-е гг. XX в., леворукие составляли 3,2 % жителей Луганска, 6,7 % — средней полосы России, 3,4 % — Москвы, 6 % — Армении, 33,8 % — коренных жителей Таймыра и только 10,2 % — приезжего населения. В Голландии леворукость установлена у 11,2 %¹.

Многолетние исследования и наблюдения за леворукими детьми позволили установить качественно иной, не такой, как у праворуких, характер функциональной организации мозга и рассматривать этот контингент детей как группу риска. Процесс социализации левшей протекает по своим законам и часто сопряжен с большими трудностями. Левши труднее приспособляются к условиям школы и нуждаются в помощи и защите. Показательно, что 70 % детей с трудностями школьного обучения составляют левши,

ЛЕДЯЕВА Екатерина Владимировна, преподаватель кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

26 % детей с проблемами в школе наделены различными признаками левшества. Обследование детских домов дает еще более настораживающие результаты. Так, процент детей, склонных к левшеству, составляет там 35—50 %, а в некоторых группах и выше². В последние годы наметилась тенденция отказа от насильственного переучивания и терпимого отношения к проявлениям леворукости у детей, особенно это касается леворукого письма. Однако отказ от переучивания не решает всех проблем, а порождает ряд новых, начиная от методики специальных способов обучения письму в школе, овладения трудовыми навыками, успешной социализации леворуких в обществе правшей до изготовления специального оборудования, создания станков и приспособлений, которые трансформировались бы с учетом характеристик личности и облегчили жизнь и быт людей с доминированием правого полушария мозга.

Учитель или школьный психолог должен помочь успешной социализации левши: научить леворукого ребенка адекватно относиться к своей особенности и не считать ее за недостаток, правильно сидеть за рабочим столом, держать ручку, располагать тетрадь. При письме, рисовании, чтении свет должен падать с правой стороны. В работе с леворукими детьми следует учитывать определенные особенности выработки у них учебных навыков. Постановка техники письма у левшей специфична: для леворукого ребенка одинаково неудобно правонаклонное и левонаклонное письмо, так как при письме он будет загораживать себе строку. Поэтому следует ставить руку так, чтобы строка была открыта. Рекомендуются правонаклонный разворот тетради и прямое (безнаклонное) письмо. При овладении письмом в школе леворукий ребенок должен выбрать для себя тот вариант начертания букв, который ему удобен. Требовать от левши безотрывного письма противопоказано. В классе леворуких детей рекомендуется сажать у окна, слева за партой. В таком положении ребенок не мешает соседу, и его рабочее место имеет достаточную освещенность. Следует принимать во внимание фактор ведущего глаза при выборе рабочего места учащегося. Парта ребенка должна быть размещена таким образом, чтобы информационное поле совмещалось с ведущим глазом. Например, если ведущим является левый глаз, то классная доска,

рабочее место учителя должны находиться в левом зрительном поле учащегося³.

Однако леворукость — фактор риска не сама по себе, она связана с нарушениями и отклонениями в развитии у конкретного ребенка в конкретном регионе. Например, в Европе осознание этой проблемы позволило помогать леворуким людям, сделать их жизнь более комфортной. В Мюнхене осуществляется консультативная поддержка левшей и «переученных» левшей. Опытные специалисты во время занятий рисованием, лепкой, иной ручной работой определяют, какой рукой действует ребенок. Наблюдения позволяют корректировать деятельность мозговых центров моторики. Лечение эрготерапией стимулирует развитие доминантной половины мозга. Тем самым врачи пытаются ликвидировать у ребенка задержку в развитии⁴. Первый магазин для левшей появился в Лондоне в 1968 г. В настоящее время в США функционирует «Международная ассоциация леворуких». Она оказывает помощь левшам, пострадавшим от непонимания окружающих. В созданной Ассоциацией «Билля о левшах» подтверждается право пользоваться ведущей рукой при приветствии, клятве. Подобные ассоциации успешно функционируют в других странах (Франция, Канада). Например, в Сан-Паулу (Бразилия), где левшей насчитывается 13 млн чел., или более 10 % населения страны, эта организация борется за внедрение в жизнь товаров и приспособлений для леворуких⁵.

Еще в 1927 г. появилась шариковая ручка с быстро сохнущими чернилами, чтобы левши не могли размазать написанное. В 60-е гг. для них начали выпускать фотоаппараты с кнопкой на левой стороне, а видеоискателем — на правой. Позднее промышленность предложила леворуким другие товары: письменные и кухонные принадлежности, садовый и спортивный инвентарь, медицинское оборудование, музыкальные инструменты, компьютерные аксессуары и даже бумеранги, которые возвращаются только в том случае, если их запустить левой рукой. В России первый «левый» товар (прописи для первоклашек) появился в 1995 г. На этом все и закончилось. В Туле делают охотничьи ружья для леворуких, но все они идут на экспорт. Некоторые товары для леворуких можно приобрести через интернет-магазины.

Отказ от практики переучивания леворуких детей не снимает проблему леворукости для школы, поскольку остаются дети со скрытым левшеством. Речь идет о тех случаях, когда природного левшу переучивают в дошкольном детстве. В раннем дошкольном возрасте родители и воспитатели не всегда обращают внимание на то, какая рука у ребенка ведущая, тем более что направление руки отчетливо устанавливается только к 3—5 годам. Между тем при обучении новым действиям дети стараются сделать так, как говорит взрослый: брать ложку в правую руку, держать карандаш правой рукой. Ребенок-левша, выполняя требования взрослого, делает так, как велят, даже если это действие ему вовсе не удобно. В результате такого ненасильственного переучивания многие родители могут и не подозревать, что их ребенок левша. Учитель при работе с такими детьми должен это учитывать, так как эти особенности влияют на успешность овладения учебными навыками.

Одними из наиболее важных особенностей леворуких детей являются их эмоциональная чувствительность, повышенная ранимость, тревожность, обидчивость, раздражительность, а также сниженная работоспособность и повышенная утомляемость. Доминантность правого или левого полушария головного мозга человека — это одна из существенных и постоянных индивидуально-психологических характеристик личности, подлежащая обязательному учету. Поэтому необходима разработка грамотного психолого-педагогического сопровождения обучения детей-левшей. В лаборатории психофизиологических основ диагностики и коррекции трудностей обучения Института возрастной физиологии РАО под руководством М. М. Безруких разработана методика обучения письму леворуких детей. При обучении письму следует использовать «Прописи для леворуких детей». С какими трудностями не столкнулся бы леворукий малыш в школе, он с успехом преодолеет любые невзгоды, если будет ощущать родительскую поддержку, понимание и любовь, не будет чувствовать негативного отношения к леворукости у людей, мнение которых ему дорого. Прежде всего необходим благоприятный климат в семье. Любовь, забота и внимание со стороны родителей помогут левше легче преодолеть трудности и освоить школьную программу, а также открыть в себе скрытый талант и стать великим человеком, как Юлий

Цезарь, Александр Македонский, Наполеон Бонапарт, Леонардо да Винчи, Микеланджело, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, В. И. Даль, И. П. Павлов, А. Эйнштейн, Чарли Чаплин, Г. М. Вицин и др.

Учитывая, что леворукость считалась предосудительной, вполне объяснимо, что ее стремились искоренить или, по крайней мере, приглушить ее проявления. Педагогические меры, предпринимаемые в этом отношении, имеют множество разновидностей, давая воспитателям и родителям возможность варьировать свое воздействие в зависимости от сложности случая и степени сотрудничества ребенка, препятствуя тем самым адаптации левши в обществе: побуждение (систематически подавать ребенку разные предметы, чтобы он брал их правой рукой); убеждение («Сделай так славной ручкой», «Возьми своей милой ручкой», «Возьми ложку ручкой маленького Иисуса»); разубеждение («Левая рука — это рука дьявола», «Не прикасайся своей плохой рукой»); унижение (подвергнуть ребенка граду насмешек); внушение чувства вины («Использовать левую руку — это страшный грех»); авторитарность (упреки, угрозы, наказания и т. п.).

К нравственным способам перевоспитания часто прибавляли и прибавляют физические методы воздействия: грубость (удары по пальцам, пощечины, физическое наказание); запрещение / принуждение (физическое ограничение действий левой рукой, чтобы ребенок пользовался правой).

Наиболее характерными нарушениями, сопровождающими скрытую леворукость, являются нарушения речи. Заставляя ребенка-левшу «сломать» сопротивление своего тела и пользоваться правой рукой, родители разрушают его внутреннюю гармонию, вынуждая ребенка идти на конфликт с ними. Другой соматической реакцией, вызванной подобным перевоспитанием ребенка-левши, могли стать проблемы со зрением. Ребенок, которого наказывают всякий раз, когда он использует «плохую» руку, начинает страдать страбизмом (косоглазием).

Проведенное нами исследование в г. Саранске позволило выявить изменения общественного мнения в отношении левшей. Из опрошенных 200 чел. 59,5 % заявили, что не хотят, чтобы их ребенок был левшой, для 31,5 % доминантность правого или левого полушария не имеет значения, и 9 %

ответили положительно. На вопрос о желании переучивать левшу 86,5 % ответили, что не будут этого делать ни при каких обстоятельствах, и 13,5 % выразили такое желание.

Все более очевидна возможность использования накопленных знаний о функциональных асимметриях человека в разных сферах организации общества. Труд в условиях научно-технического прогресса делает необходимым использование этих знаний для оптимизации организации, условий труда, обучения детей и профессиональной ориентации выпускников школ, профессионального отбора. Обучение детей любому виду деятельности может стать более эффективным, если оно ведется с учетом профиля асимметрии каждого. Это позволит в дальнейшем повысить производительность труда, уменьшить аварийность и травматизм на производстве, сохранить психическое здоровье работника.

Феномен право-леворукости является частью пока мало изученной, загадочной проблемы асимметрии между полушариями мозга. Левши в обществе не существуют обособленно. Поэтому очевидно теоретическое и практическое значение изучения функциональной организации человека. Устройство жизни и труда, основанное на знаниях функциональной организации человека и соответствующее естественным биологическим склонностям всех членов общества, может способствовать гармоничной социализации личности.

В Республике Мордовия функционируют Саранская городская психолого-медико-педагогическая консультация, Республиканский врачебно-физкультурный диспансер, Республиканский психоневрологический диспансер, оказывающие психологическую, педагогическую помощь, в том числе и левшам. При медицинском учреждении здравоохранения детской городской поликлиники № 1 работают психолог и специалист по социальной работе, которые также оказывают помощь левшам, основываясь на знаниях нейропсихологии. Согласно их данным, 70 % детей, страдающих заиканием, — это левши. Практически в каждой школе есть психолог и логопед, работающий с левшами.

По мнению Л. И. Савинова, «сегодня наука далеко не все знает о биологической сущности человека, и в реальной жизни, как сам человек, так и общество в целом относятся весьма противоречиво к своей природе... При этом данные от рождения природные начала под влиянием культуры и

обстоятельств индивидуального развития превращаются в очеловеченные. Человек всегда предстает и частью природы, и частью общества»⁶. Левша — яркий пример сочетания биологического и социального начал в человеке.

Социализация левши — это сложный и длительный процесс, который требует совместных усилий со стороны родителей и общества.

Одной из главных задач современных наук о человеке (социологии, социальной работы, психологии) является выяснение возможностей, методов, средств формирования и развития индивидуальности человека. Описанное выше подчеркивает обязательность индивидуального подхода к левшам в процессе их социализации в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2002. С. 65.

² См.: Функциональная межполушарная асимметрия: хрестоматия / под общ. ред. Н.Н. Боголепова, В.Ф. Фокина. М.: Научный мир, 2004. С. 248.

³ См.: Дубровина И.В. Данилова Е.Е., Прихожан А.М. Психология: учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений; под ред. И.В. Дубровиной. 3-е изд., стереотип. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 464 с.

⁴ См.: Видра Д. Знания спасают от скуки // Дошкольное воспитание. 2003. № 10. С. 113.

⁵ См.: Юдин Н., Муталимова А. О феномене леворукости // Воспитание школьников. 2002. № 10. С. 35.

⁶ Савинов Л.И. Семейное воспитание: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. С. 54.

Поступила 18.11.08.

О. В. ЛЫСИКОВА

ТУРИСТСКИЕ ПРАКТИКИ КУРОРТНОГО ПОСЕЛКА ДЕДЕРКОЙ

Ключевые слова: туризм; туристская практика; турист; местный житель; гостеприимство; курортный поселок; малая гостиница; экскурсия

Key words: tourism; tourism practice; tourist; inhabitant; hospitality; health resort settlement; small hotel; excursion

В прошлом и настоящем жизнедеятельность отдыхающих тесно связана со сферой туризма и гостеприимства. В основу анализа современной туристской практики п. Дедеркой Шепсинского сельского округа Туапсинского района Краснодарского края положены результаты исследования, проведенного нами в июле—августе 2006—2008 гг. с использованием методов включенного наблюдения, свободного интервью с владельцами малых гостиниц, экскурсоводами, отдыхающими. Достоинством включенного наблюдения как метода сбора информации является «отражение событий в реальном времени и межличностных аспектов поведения и мотивов», в свою очередь интервью позволяет сфокусироваться на теме исследования и «глубоко проникнуть в важные сюжеты темы»¹.

При въезде по железной дороге со стороны Сочи в Туапсе размещен билборд с надписью «Если есть на Земле рай, то это — Краснодарский край». На автострате при въезде в п. Джубга на территории Джубгского лесничества находится другой билборд: «Туапсинский курортный район. Зачем искать лучшее?». В п. Небуг, где принимают посетителей аквапарк и дельфинарий, размещен билборд «От Инала до Шепси — лучший отдых на Руси». Эти девизы-слоганы имеют под собой весомые основания. Во-первых, природно-климатические особенности региона благоприятствуют

ЛЫСИКОВА Ольга Валерьевна, доцент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

формированию положительных эмоций и впечатлений у отдыхающих. Во-вторых, гостеприимство и радушие местных жителей традиционны, к тому же они подкреплены тем, что обслуживание туристов — один из основных источников дохода. В-третьих, в этих фразах лаконично выражена стратегическая задача региона: оставаться привлекательным для местного населения и туристов.

Ландшафты п. Дедеркой сочетают морское побережье, субтропические и горные леса, уникальные климатические ресурсы, благоприятствующие развитию туризма. Из шести типов курортов, различающихся по степени соотношения природно-лечебных факторов, Дедеркой в рамках Туапсинской группы курортов следует отнести к климатическому курорту, где основным лечебно-профилактическим фактором является климат.

Поселок Дедеркой находится в 14 км от Туапсе. Население по переписи 2002 г. составляло 1 200 чел. В летний туристский сезон число людей в п. Дедеркой возрастает приблизительно на 2 400 чел., т. е. на каждого местного жителя приходится два туриста. Поселок простирается на 5 км вдоль побережья Черного моря и располагается в живописном ущелье.

Отдых в п. Дедеркой носит, за редким исключением, коллективный семейный характер. Семьи из двух-трех поколений взрослых с детьми приезжают на собственных автомобилях, меньше приезжают на поездах, гораздо реже — на туристических автобусах. Это наблюдение сопоставимо с результатами социологических исследований 2003—2007 гг., проводимых сотрудниками Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Среди туристов, прибывающих на отдых в Сочи, 47,2 % приезжают железнодорожным транспортом, самолетом — 28,7 %, на личном автомобиле — 18,5 %, на автобусе — 4,9 %, на тепलोходе — 0,2 %².

Два коттеджа в п. Дедеркой, объединенные в единую гостиницу, следует отнести к малому отелю в 20 номеров. По уровню предоставляемых услуг он может быть отнесен к домашнему отелю эконом-класса. «Наша семья приехала из Абхазии в 1990 г., так как там начались военные действия. В п. Дедеркой родственников и знакомых не было. Купили маленький домик, постепенно обустроились, от-

страдались, зарабатывали продажей овощей и фруктов. С 1992 г. принимаем постояльцев-приезжающих»³. Работа гостиницы началась с 1992 г. и обеспечивается семьей из трех поколений (10 чел.), для которой этот вид деятельности является основным источником дохода, помимо продажи овощей, фруктов, вина.

В течение последних четырех лет эта семья сотрудничает с одной из саратовских турфирм, которая с июня по сентябрь еженедельно обеспечивает доставку туристов автобусами. В высокий сезон прибывают около 550 чел. Туристы размещаются в комнатах по 2—4 чел. Условия размещения разные, несмотря на единую стоимость турпутевки. Так, размещение в коттедже № 1 предпочтительнее, поскольку на три комнаты приходится один расположенный в коттедже санузел вместе с душем и ванной. Для гостей, расселенных в десяти комнатах коттеджа № 2, предназначены четыре душа (два душа с теплой водой, два — с холодной) и два туалета во дворе. В офисе саратовской турфирмы демонстрируются фотографии и описываются условия проживания в других апартаментах с более высоким уровнем комфорта и иной ценовой категорией, которые сдают постоянным клиентам, приезжающим на своих автомобилях из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Астрахани, Магадана.

Владельцы малой гостиницы, осознавая различия в степени комфортабельности размещения, однако не вводят ценовую дифференциацию, вероятно, по причине массовости туристов и желания обойтись без накладок. В августе стоимость турпутевки несколько выше, чем в июле, в мае и сентябре — меньше, чем в июле. В частных разговорах туристы выражали недовольство относительно несоответствия сформированных ожиданий реальности, а также одинаковой оплаты за разные условия проживания, намеревались по возвращении довести эту информацию до руководства турфирмы. На наш взгляд, сотрудники турфирмы вводят в заблуждение туристов по причине своей недостаточной информированности. Как выяснилось, в момент приобретения путевки в офисе ни один из менеджеров не был в п. Дедеркой.

Большинство туристов приобретает путевки с двухразовым питанием (обед, ужин). Следует отметить разнообразие раци-

она. Это преимущественно мясные и овощные блюда, обилие специй, прохладительные напитки из кабачков и фруктов. Семья хозяев питается тем же, что и гости. Дневное меню не вывешивается, хотя это было бы важным элементом коммуникации с гостями, которые часто спрашивают: «Что это за блюдо?», «Из чего приготовлено?». Обеспечение питанием в условиях малой гостиницы курортного поселка можно считать такой же основной услугой, как и предоставление мест проживания.

Семья владельца малой гостиницы общается с постояльцами уважительно, сдержанно. Складывается впечатление, что они привыкли к калейдоскопу меняющихся лиц, но стараются не демонстрировать рутинность своей работы. В конфликтных ситуациях, когда гости предъявляют претензии, члены семьи держатся твердо, спокойно, не допуская развития ситуации по негативному сценарию, но и не идут на уступки. Своеобразная отстраненность проявляется и в языке общения. Так, с гостями беседа поддерживается по-русски, между собой — по-армянски. В малой гостинице и прилегающей к ней территории сложились две зоны — «гостевая» и «приватная», между которыми существуют некие границы, соблюдаются правила входа-выхода.

В беседе с владельцами малой гостиницы были выявлены пожелания и претензии к постояльцам, не высказываемые публично. *«Чтобы не ходили чужие. Они же и воруют вещи у гостей. Нельзя шуметь после одиннадцати, так как это не нравится соседям. Но, вероятно, они сердятся из зависти. Им же постояльцев на автобусе не возят».* Туристы являются «лакмусовой бумажкой» взаимоотношений между предоставляющими места проживания соседями, поскольку они являются конкурентами в сходных по набору и характеристикам услугах гостеприимства. Владельцы малых гостиниц опасаются недоброжелательности как со стороны соседей, так и приезжих, что проявляется в защитно-оборонительной реакции дистанцирования и пренебрежительных отзывов. *«Как у других <хозяев> с постояльцами: свет, воду экономят, после одиннадцати вечера шуметь, смотреть телевизор, разговаривать, включать свет не разрешают».* *«Не берите там вино, оно из порошка».* *«У соседа — не бассейн, а лягушатник. Нет фильтра. Нужен человек для присмотра за купающимися».*

ся, чистки бассейна. У каждого справку от дерматолога не потребуешь». «Часто мы появляемся на территории постояльцев? Не заходим и не мешаем людям отдыхать, расслабляться».

Весьма показательны характеристики хозяев своих гостей: «Все постояльцы разные: бывают лучше, бывают хуже. Одного тут сами же гости угломнили. Говорят: „Ты нам всю дорогу мешал, и теперь здесь продолжаешь”. Одна постоялица матрац испортила. Я говорю: „Либо стирай, либо с собой забирай”. А она: „Это я пиво разлила”. Но запах-то другой. Пришлось менять матрац. Другая постоялица с большими претензиями была. С гонором. Каждый день белье меняй, комнату убирай. Так возьми сама и уберись. А такие требования должны быть за другую плату. Дальше — больше. У вас сколько постояльцев? А налоги платите? Так посмотрите тетрадь, которую ведем, если б не платили, то и работать бы не разрешили. Все обо всех знают». «У семьи из Магадана в прошлом году сломалась машина. Пока ее чинили, семья жила у нас просто так три дня, потому что не было денег».

Между хозяевами и постояльцами, продавцами фруктов, сувениров и пляжными отдыхающими обнаруживается четкая функционально-коммуникативная граница: одни работают, а другие отдыхают, первые зарабатывают деньги в летний сезон, а вторые тратят накопленные средства. «Я веду себя так, как наши руководители. Сначала продали нефть, газ, лес. Что еще можно продать? Так вот и я продаю вино, фрукты, услуги отдыхающим. Что еще продать?». «Некогда разговаривать с постояльцами, гостями: в сезон очень много работы». «Я не купалась в море, кажется, с 1998 г.». Это присуще, как правило, людям, живущим рядом с культурной или природной достопримечательностью, которая привлекает многих туристов издалека, а местный житель полагает, что это рядом, никуда не денется, и повседневная суета, работа не позволяют быть ей сопричастным.

Исключительно редко, но все-таки происходят серьезные эксцессы на предмет порчи имущества. Пострадавшей стороной, как правило, являются отдыхающие, а виновника найти не удается. «В прошлом году семья из пяти человек в п. Дедеркой снимала жилье в частном секторе на улице Заречной. Наш „Форд” и другие иномарки стаяли

во дворе, а „Лады” — на улице. Ночью им стекла побили. Разбиралась милиция, но результата не было. На автобусе ехать экономичнее, чем на своей машине. Но на своем автомобиле совершать поездку гораздо комфортнее».

Интересны данные социологического опроса 2007 г. относительно мнений туристов и местных жителей об отношении сочинцев к гостям курорта: 62,4 % местных жителей уверены в том, что они гостеприимны и приветливы, но только 19,4 % гостей разделяют эту точку зрения⁴. Серьезных претензий друг к другу местные жители и туристы не имеют, что соответствует их взаимосвязанным интересам и притязаниям: для первых необходимо сделать бизнес прибыльным, для вторых — комфортно отдохнуть и получить яркие впечатления.

Поскольку пляж является местом сосредоточения людей, то и сопутствующие пляжному отдыху услуги находятся на пляже и в близлежащей зоне. К дифференцированным на различные потребительские предпочтения услугам относятся продажа сувениров и фруктов; катание на скутере, «банане», «таблетке»; плетение африканских косичек; рисование по трафаретам несложных татуировок; предложение экскурсий; фотографирование.

Рядом с пляжем находится рабочее место реализатора экскурсионных путевок — сотрудника экскурсионно-туристической фирмы. Предлагаемые экскурсии разнообразны: посещение аквапарка и дельфинария в п. Небуге, аквапарка в Джубге; поездка в г. Туапсе и г. Сочи; историко-экологические маршруты на водопады, в ущелья, аулы.

Нами была выбрана экскурсия в п. Наджиги, привлекательная своей относительной новизной на региональном рынке экскурсионных услуг. Экскурсия является комбинированной, поскольку (как выяснилось по ходу, а не из рассказа распространителя) сочетает поездку на автобусе, ГАЗ-66, пешую прогулку по маршруту и, кроме того, синтезирует историко-этнографический и эколого-рекреационный компоненты. «Экскursionный автобус опоздал на 35 минут, это случается из-за пробок в Туапсе по причине большого числа приезжающих на своих автомобилях в высокий сезон». Другой неприятной неожиданностью стало то, что в процессе приобретения путевок распространитель не сказал о возможности купания в озере водопада и необходимости

купальника. Каждый экскурсант имел возможность ознакомиться с объявлениями в туристическом автобусе: *«На все экскурсионные маршруты спортивная форма одежды и удобная обувь обязательны!»*. *«Посетившим 4 экскурсии фирмы пятая — бесплатно»*.

Разработанный сочинскими специалистами двухкилометровый линейный маршрут не является сложным и пролегает в горном лесном тенистом ущелье вдоль русла реки, объединяющей три красивых водопада. Эта местность находится на территории Сочинского национального парка, организованного в 1986 г., общей площадью 191,3 тыс. га. В нем насчитываются 49 туристских маршрутов (пешеходных, конных, спелеологических) протяженностью 636 км⁵. Этот экскурсионный маршрут обустроен и технически оснащен (лестницы с поручнями, мостки, контейнеры для мусора, предупреждающие надписи). *«Администрация обязала сделать перила, а древесины нет. Он срубил два дерева обычной, неценной породы. Он в этом разбирается, однако это была территория парка, поэтому его оштрафовали на 50 тысяч рублей»*.

В беседе с экскурсоводом выяснились важные детали профессиональной работы. Штат сотрудников турфирмы укомплектован и постоянен, существует потребность в экскурсоводах в летний сезон, когда график работы очень напряженный. *«Зимний сезон — мертвый, май—сентябрь — активный»*. В высокий туристический сезон экскурсоводы работают без выходных, обслуживают до трех маршрутов ежедневно. Ежегодно руководство турфирмы организует курсы экскурсоводов и реализаторов. В последнее время налажено сотрудничество с коллегами из Франции и Турции (Анталья) для реализации совместных проектов в рамках курортного отдыха. *«Пока туризм у нас невъездной. Иностранцы-туристы — это редкость. Если нужен экскурсовод со знанием иностранного языка, то приглашаем преподавателя из вуза. В прошлом году в пионерлагере „Солнышко“ остановилась группа немецких туристов. Хотя условиями они были недовольны, но от экскурсий и природы оказались в восторге»*.

В п. Дедеркой в течение последних 15 лет происходит стихийное складывание рынка средств размещения. Изначально система гостеприимства выстраивалась на основе

мест собственного проживания. Затем они постепенно обустроивались для гостей. Наступил этап строительства для туристов специальных зданий — малых гостиниц, которые обслуживаются либо семьями частных владельцев, либо наемными работниками. Сейчас в поселке сосуществуют все три вида средств размещения.

На смену формуле «три S» (Sea — Sun — Sand) «море — солнце — пляж» приходит иная конструкция «три L» (Lore — Landscape — Leisure) «народные традиции — пейзаж — досуг». В эволюции туристских практик курортного поселка эти изменения очевидны. Фокус активности туристов смещается с пляжного отдыха на сочетание разнообразных форм деятельности в курортном месте. Экскурсионные программы предлагают ознакомление с народными традициями, природными ландшафтами, а также проведение активного досуга. Сегодня актуальны такие виды туризма, как историко-познавательный, этнический, рекреационно-оздоровительный, экологический, особенно ценно для потребителя их гармоничное сочетание в рамках одной поездки. Гибридизация отдыха и туризма стала широко распространенным и типичным явлением⁶.

Экскурсионное обслуживание отдыхающих имеет большие перспективы развития как в разработке и осуществлении новых маршрутов, так и в совершенствовании качества сервиса. Для студентов специальности «Социально-культурный сервис и туризм» Сочинского государственного университета туризма и курортного дела и других вузов стажировки на экскурсионных маршрутах были бы целесообразны с точки зрения приобретения профессиональных навыков.

Отметим перспективность развития туризма и сферы гостеприимства в курортном п. Дедеркой при условии соблюдения принципа устойчивости при поддержании экологического баланса, в рациональном и эффективном управлении местной туристской инфраструктурой, формировании доброжелательных отношений между местными жителями и отдыхающими.

Местное сообщество, представленное домохозяйствами и предпринимателями, может достичь социально-экономической выгоды при условии согласования частных интересов, бережного отношения к окружающей среде, внимательного отношения к туристам. «Этот регулярного производства

шанса... принуждает современную личность планировать и реализовывать свой биографический проект преимущественно как „рыночный”⁷. Это утверждение актуально для всех участников туристских практик: местных жителей, сотрудников турфирм и самих туристов. Вместе с тем согласимся с мнением А. Ю. Согомонова, что «российская культура все еще не совершила искомого перехода от „романтизма предпринимчивого путешественника к рационализму хозяйственного поведения”⁸, что обнаруживается в процессе пристального рассмотрения практик российских туристов.

В многочисленных малых гостиницах происходят активные межличностные коммуникации, в процессе которых отдыхающие и местные жители обсуждают насущные проблемы, интересуются не характерным для себя бытом, делятся мнениями о том, как живет простым людям в разных городах и регионах страны. Повседневные туристские практики насыщены обоюдными информационно-эмоциональными устными откровениями. Идентификация «свой — иной — чужой» становится актуальной в контексте осуществления практик туризма и гостеприимства. Специфика межкультурной вербальной и невербальной коммуникации в туризме определяется характером взаимодействия типа «гость — хозяин», «гость — гость», «хозяин — поставщик»⁹.

Туристские практики п. Дедеркой являются типичными для большинства поселков Черноморского побережья Северного Кавказа. Традиционная взаимосвязь и взаимозависимость трудовой деятельности местного населения и туристских практик приезжающих претерпевает качественные изменения, связанные с развитием рыночных отношений, а также со стратегической задачей проведения в 2014 г. зимних Олимпийских игр в Сочи. Особого рассмотрения, на наш взгляд, заслуживают такие темы, как готовность качественного совершенствования сферы туризма и гостеприимства этой туристской территории как альтернатива отдыха в Турции для российских и иностранных туристов; возможности совершенствования пляжной инфраструктуры; перспективность для курортных поселков Туапсинского района развития аренды автомобилей и скутеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 79.

² См.: Леонов М.В. Измерение процессов в сфере туристско-экскурсионных услуг // Вестн. национальной академии туризма. 2008. № 1. С. 41.

³ Здесь и далее курсивом представлены сведения информаторов.

⁴ См.: Леонов М.В. Измерение процессов ... С. 42.

⁵ См.: Коростелев Е.М. Заповедники и национальные парки Северного Кавказа как центры устойчивого развития туристско-рекреационного комплекса региона // Устойчивое развитие туризма: направления, тенденции, технологии: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2005. С. 126.

⁶ См.: Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 327.

⁷ Согомонов А.Ю. Генеалогия успеха и неудач. М.: ООО «Солтэкс» при участии ООО «Невский Простор», 2005. С. 283.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ Мошняга Е.В. Межкультурная коммуникация в системе международного туризма в условиях глобализации // Социальная политика и социология. 2008. № 3. С. 298.

Поступила 19.11.08.

И. С. МАВЛЯУТДИНОВ

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ МИР И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ПРАКТИКЕ ИСЛАМА

Ключевые слова: консолидация; социальная этика; ислам; религия; культура; конфессия; мотивация; тюркоязычные народы; канон; воспитание; традиция

Key words: consolidation; social ethics; Islam; religion; culture; confession; motivation; Turkic-language peoples; canon; education; tradition

Ислам является традиционной религией для многих тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Его официальное принятие Волжской Булгарией в 922 г. обусловило развитие самосознания народов, исповедующих мусульманство, в сторону исламского востока. Многовековой опыт мусульманских народов в плане воспитания на основе исламских канонов и традиций, цивилизации и культуры оставил глубокий след в сознании народов, исповедующих мусульманство. В течение одиннадцати веков, несмотря на политические и социально-экономические перемены, ислам остается одной из основных составляющих общественно-культурной жизни народов, проживающих на территории Поволжья и Приуралья.

В современном обществе религия играет все большую роль. По мнению главы Центрального духовного управления мусульман Т. Таджуддина, «...ислам надо не возрождать, а осмысливать»¹. Осознанное возрождение морально-этических, нравственных норм религии, в частности ислама, может, на наш взгляд, заметно повлиять на духовно-нравственное оздоровление общества. Поэтому определение роли ислама в социально-политической жизни и духовной культуре народов, традиционно исповедующих ислам, является исключительно актуальным с научной и практической точек зрения.

МАВЛЯУТДИНОВ Ильдар Сафиуллович, старший преподаватель кафедры философии Камской государственной инженерно-экономической академии, кандидат социологических наук (г. Набережные Челны).

Результаты социологического исследования Института социально-экономических и правовых наук Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан позволяют утверждать, что на формирование духовной культуры народов Поволжья и Приуралья существенное влияние оказала исламская традиция². Это влияние проявляется и на современном этапе развития общества как система ценностей и норм, в значительной степени определяющая социальное поведение верующих.

Ислам провозглашает равенство всех народов перед Богом, представляя собой таким образом мощный потенциал общечеловеческих ценностей. Хадис «Поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами» как нельзя лучше характеризует принцип, которым должны руководствоваться в своих взаимоотношениях государства, нации, политические группы, общины верующих. Согласно исламу, человечеству необходимо строить свои отношения, основываясь на идеях именно этого принципа, культивируя в общественном сознании идеалы нравственности, толерантности и гуманизма. Влияние религии в сфере гуманизации и укрепления нравственности членов общества актуально по сей день. Так, как показывают результаты нашего исследования, 73 % считают, что религия способствует росту нравственности членов общества.

Другим направлением проникновения ислама в современное общество является то, что влияние и организующая роль религии в формировании правовых основ взаимодействия вряд ли могут быть оспорены, ибо они заключены в укоренении и укреплении в обществе принципов законопослушности, свойственных правовому государству, посредством легитимации государственного права в сознании верующих.

Ислам не различает религиозное и светское, все (от глобальных мировых до бытовых проблем) находит свое место в теоретическом объяснении исламской картины мира. Поэтому понимание морали аналогично христианскому как отдельной субстанции отнюдь не приемлемо для мусульман. Этика, мораль, нравственность в мусульманском понимании являются понятиями тождественными и имеют религиозный оттенок. В связи с этим утверждение, что «право есть низший предел или определенный минимум

нравственности»³, являющееся исходным и определяющим значения нравственности, морали и права, для мусульман имеет исключительно религиозный смысл.

Вместе с тем 46 % опрошенных нами мусульман согласны с мнением, что религия может способствовать установлению конституционного порядка в государстве, но 33 % с этим не согласны.

Следующим направлением проникновения ислама в современный социум являются предпринимательская, профессиональная и хозяйственная деятельности. Заметим, что возникновение той или иной формы профессиональной этики является результатом взаимодействия практической деятельности. Однако задача общей и профессиональной этики заключается не только в том, чтобы выявить основные социальные ценности и связать их в определенное практическое нравоучение, но и сформулировать определенный кодекс поведения. Примером этому может послужить современный исламский мир, представленный ближневосточными мусульманскими государствами. Экономическое положение большинства государств исламского мира определяется тем, что они выступают в роли сырьевых поставщиков.

Идейные представления ислама поощряют и приветствуют торгово-рыночные отношения. Однако эти идеи в России выражены в меньшей степени по причине интенсивного процесса секуляризации в период советской власти. Доктрина исламской этики не противостоит развитию рыночной экономики. Более того, исламская традиция предусматривает развитие общества, учитывая настолько, насколько это возможно, принципы нравственности, не ущемляя права и свободы окружающих.

Нельзя не сказать о влиянии религии на семью. Безусловно, из всех социальных институтов именно семья выполняет (помимо социального окружения) основную роль в воспитании человека, формировании и становлении его как личности. Современная семья может функционировать не посредством только кровнородственной связи, но и посредством наличия внутренней духовной прочности, взаимного тяготения, чему в исламе придается огромное значение. В современных условиях семья может стать «органом» воспитания только в том случае, если в ней царит морально-нравственная атмосфера. Достичь это можно при

условии, если она будет духовно целостна. Показательны в этом отношении и результаты нашего исследования: 72 % опрошенных считают, что религия способствует созданию и укреплению основ семьи.

Необходимо особо отметить исключительно негативное отношение ислама к самоубийству. Современное общество, скоротечные перемены и социальные трансформации актуализируют вопрос места и роли человека в обществе. Люди, не нашедшие в нем себя, склонны к суициду. Язычество и атеизм «питали» эту жажду.

Принцип «прав человека» не содержит препятствий, которые сдерживали бы человека от самоубийства. Самоубийство как более или менее часто повторяющаяся индивидуальная практика может принимать эпидемические параметры, особенно если принять во внимание известную всем культурам «заразительность» идеи самоубийства.

Анализируя статистику самоубийств, Э. Дюркгейм пришел к выводу, что общепринятые предполагаемые мотивы самоубийств (нищета, семейное горе, ревность, алкоголизм, наркомания, проституция, физические страдания, психологическое расстройство, отвращение к жизни и пр.) «в действительности не являются его настоящими причинами»⁴. К настоящим причинам он отнес вполне определенные черты общества, а именно: состояние морального распада, дезорганизацию, ослабление социальных связей, разрушение коллективного состояния сознания, т. е. религиозности. Именно религиозности принадлежит огромная (если не определяющая) роль. Вера способна протянуть руку помощи в моменты морально-психологического упадка, в состоянии безысходности и отчаянности. Влияние религии на общество в психическо-эмоциональном аспекте остается актуальным и сегодня. Согласно результатам нашего исследования, 82 % опрошенных считают, что религия способствует морально и психологически перенести трудности жизни.

Таким образом, ислам на определенном уровне общественного сознания выступает фактором мотивации социального поведения верующих, оказывает позитивное влияние на различные стороны их функционирования. Это влияние в большей степени выражается в духовно-нравственной сфере общественного сознания, принося значимый вклад в оздоровление духовно-нравственного климата современного

общества, что в итоге является залогом укрепления стабильности в обществе. Однако необходимо помнить о том, что главная цель ислама — преуспевание и процветание человека в земной и загробной жизни. Религия остается в истинном понимании религией только в том случае, если она приносит добро и мир для человечества.

История развития человечества, подчеркивая позитивную роль религии в жизнедеятельности того или иного общества, государства, подтверждает положение о том, что только внутренняя духовно-нравственная жизнь личности есть та главная творческая сила человеческого бытия, которая является единственно прочным фундаментом культурного и общественного строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таджуддин Т. Обратимся к нашему многовековому опыту // Наука и религия. М., № 7. С. 16—20.

² Социологическое исследование проводилось в различных районах Республики Татарстан (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Занский, Актанышский районы). Объем квотной выборочной совокупности составил 524 чел.

³ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 31.

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 128.

Поступила 15.04.09.

А. С. ТИХОНОВ

МЕНТАЛИТЕТ ЭТНОСА КАК МОРАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДА

Ключевые слова: менталитет; поведение; морально-психологический фактор; географическая среда; чувашский менталитет; самобытность; исторические корни; культура

Key words: mentality; behaviour; moral and psychological factor; geographical environment; Chuvash mentality; originality; historic roots; culture

Глобальные изменения, произошедшие в мире на рубеже XX—XXI вв., вызвали радикальные трансформации в межэтнических отношениях. Национальные проблемы приобрели особое звучание. Без четкого определения параметров развития, позитивной этнической самоидентификации, защиты историко-культурного пространства, традиций и духовных ценностей чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы малочисленные народы перестанут быть носителями оригинальных культур. На фоне ускоряющегося процесса глобализации не только в сфере экономики и политики, но и в области культуры и образования, в условиях усиливающейся «вестернизации» российского образа жизни интерес к проблеме этнического менталитета, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту этносов представляется весьма закономерным.

Память народа сохраняет знания, которые человек приобретает в своем индивидуальном опыте, дает возможность целесообразно их использовать при смене одних поколений другими в историческом процессе, принимающем у каждого народа различные формы и содержание. Впечатления о мире организуются в связные интерпретации — идеи, установки,

---

ТИХОНОВ Анатолий Сергеевич, доцент кафедры философии Чувашского государственного педагогического университета, кандидат биологических наук.

стереотипы, ожидания, выступающие регуляторами социального поведения. Поведение народа становится предсказуемым, разумным, управляемым, т. е. ментальным. До сих пор исследователи уделяли внимание в основном описанию психического склада, характера, самосознания, чувств народа. К сожалению, менее изучались восприятие народами себя и друг друга, их историческая память и воображение, процессы опосредованного и обобщенного отражения в сознании этноса переживаемых событий, волевая активность представителей различных этносов, развитие талантов и дарований народа — все то, что включает в себя понятие этнического менталитета¹.

В психологической, культурантропологической и философской литературе все реже встречаются понятия «национальный характер», «психический склад нации», «базовая и модальная личность». Для обозначения психологических и мыслительных особенностей этнических общностей удачнее подходит понятие «менталитет». Это интегральная характеристика людей, живущих в определенной культуре, позволяющей описать их своеобразное видение окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него. Он раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях, верованиях, традициях, задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей и характерные для этноса убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие этнос от других народов. Психический склад этноса проявляет себя в специфических привычках, обычаях, традициях, вкусах. Понятие национального характера уже понятия национального менталитета. В понятие «менталитет» включаются элементы быденного и теоретического сознания. Проблема влияния психического на органическое включает в себя не только «индивидуальную», но и «общественную» психологию. Такое влияние происходит не только в форме внушения одного лица другому или в форме самовнушения, но и как массовое общественное явление. Это делает трактовку понятия «менталитет» близкой к трактовке понятий «национальное самосознание» и «общественное сознание», которые понимаются как массовое сознание в определенном исторически

обусловленном пространстве и времени. Но менталитет все-таки не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других больших групп людей, например, этнос или нация. Не стоит приравнивать национальный менталитет и к национальному самосознанию. Национальное самосознание определяется средой, ее установками, а не генотипом или подсознательными элементами. Его структура формируется только в процессе социализации, целенаправленного воспитания и обучения.

Знание особенностей этноменталитета и поведения людей в условиях конкретной географической среды и социально-политической обстановки абсолютно в многонациональном государстве. Исследование чувашского менталитета вызвано стремлением познать его самобытность, исторические корни и духовные основы развития.

Понятия «национальный менталитет», «менталитет народа», «этнический менталитет», «менталитет этнической общности», «этноменталитет» мы трактуем как синонимы, ибо это проблема соотношения категорий всеобщего и особенного, национального в общечеловеческом и общечеловеческого в индивидуальных формах национального. Исследования духовных основ чувашского народа, расселившегося на стыке Европы и Азии, православия и ислама во многих регионах РФ особенно актуальны, поскольку они таят в себе глубинную фундаментальную платформу общечеловеческих устоев, ценностных абсолютов и философско-этнорелигиозных учений о мире и обществе. Стремление любого народа познать свою историю, сохранить культуру и привычный, жизнеобеспечивающий психологический склад — естественное желание. Если в жизни человека осознание своей принадлежности к определенному этносу (иными словами, национальное самосознание или этническая идентичность), поиски специфических ценностей этноса играют важную роль и оказывают влияние на отношения между людьми (от межличностных до межгосударственных), то развитие наук, анализирующих национальные проблемы с разных сторон (этнопсихология, этнопедагогика, этносоциология, этнополитология, этнофилософия), безусловно, необходимо.

Многие исследователи писали об особенностях чувашского менталитета, отмечали его положительные и отрицательные

черты. К отрицательным относили, например, чувашскую робость и стеснительность, чересчур сильные переживания. К страшным и недопустимым чувашским традициям относили самоубийство из-за сильной обиды. Между тем самоубийство у многих народов считается страшным грехом. К началу XX в. в чувашском характере стала проявляться отрицательная черта: некоторые чуваша считали, что все чувашское (традиции, культура, язык) не является престижным, появилось чувство стеснения своей национальности, языка. Бытовало мнение, что у чувашского народа и чувашской культуры нет будущего.

Однако исследователи народной культуры Поволжья отмечали много положительных качеств чувашских крестьян. В первую очередь ценились трудолюбие и прилежность. Чуваша считали, что человек не может существовать, если он не работает. Чуваша отличались своей неприхотливостью, они не стремились к роскоши. Среди чувашских пословиц нет ни одной, в которой высказывалось бы пренебрежение к труду. Чуваша намного запасливее русских крестьян. Тот, у кого съестной провизии заготовлено всего на один год, считался уже недалёководным крестьянином. Совершенно бедных людей между ними не было. Необходимо отметить особую привязанность чувашей к родным местам, своей семье. Эта преданность проявлялась и в российском патриотизме чувашей. Возможно, это обусловлено тем, что они не захватывали чужих территорий, веками жили компактно, на своих землях, поэтому ценили свои обычаи и язык. Чувашскому мировоззрению издавна была присуща толерантность в отношении с другими народами и религиями. Чуваша считали, что каждый народ имеет право на свой образ жизни, религию, язык, и поэтому они всегда мирно жили с представителями любой национальности. Следует также отметить доброту чувашей, их сострадательность и отзывчивость (во многих своих молитвах чуваша просили благополучия не только для себя и своей семьи, но и для чужих людей), а также высокий художественный вкус, музыкальность, способность к искусствам и творчеству. Все, что было неестественным, чуваша считали безнравственным. Человек должен уметь управлять собой и не покоряться дурным привычкам (пьянство, курение, наркомания). Сильно осуждалось распутное поведение. Абсолютно необходимой считалась жизнь в труде, без излишеств

во всем, в окружении доброжелательных людей, природы, с развлечениями и праздниками, что определило физическое и нравственное здоровье чувашей.

Социальные связи и взаимодействия людей в обществе осуществляются как конкретные общественные отношения. Поэтому психологическое воздействие на личность включает в себя не только нейрофизиологические механизмы, но и конкретное социальное содержание. В зависимости от социального содержания сознания (привычки, убеждения, характер) человека психическое влияет на соматическое по-разному. Люди, имеющие глубокие убеждения, идут на тяжелые и опасные дела, преодолевая физиологические ограничения организма. Сознание долга, предстоящее торжество справедливости воодушевляли революционеров идти на риск, мучения и физические пытки. История революционного движения знает много примеров победы сознания над соматической болью. Одним из приемов психологического воздействия на больных является словесное внушение. Здоровый образ жизни — это продукт общественных отношений, способных вырабатывать и создавать (сознательно или стихийно) психологический климат, проникнутый гуманистическими принципами.

Практическое значение проблемы этнической ментальности заключается в том, что она раскрывает «механизм» воздействия общественного сознания на общественное бытие. Этот вопрос имеет громадное значение в практике формирования научного мировоззрения и воспитания масс. Более того, решение этой проблемы имеет методологическое значение для разработки общественной психологии. Значение последней практики воздействия на массы для формирования здорового образа жизни трудно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Феизов Э.З. Мозг, психика, физика. М.—Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 285 с.

Поступила 15.07.08.

Ю. П. ШАБАЕВ,
В. Н. ДЕНИСЕНКО,
Н. В. ШИЛОВ

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПОИСК МОДЕЛИ**

Ключевые слова: финно-угорские народы; традиции; обычаи; этничность; язык; языковая политика; этноязыковая ситуация; национальная школа; функциональное развитие

Key words: Finno-Ugric peoples; tradition; customs; ethnicity; language; language policy; ethnic and language situation; national school; functional development

Культурная близость между русскими и финно-уграми складывалась на протяжении столетий, а формирование российского государства происходило при их непосредственном участии. Финно-угры имеют с русскими сходные традиции и обычаи, системы ценностей и представлений, образ жизни и менталитет. Между русскими и финно-уграми нет культурных барьеров.

Можно предположить, что указанные обстоятельства не должны создавать проблем в отношениях между финно-уграми и доминантным населением страны на общенациональном и региональном уровнях. Но это не совсем так. Свидетельством тому являются этноязыковые позиции основных этнических групп и характер дискуссий, касающихся статуса языков титульных этнических групп, их функций, роли в общественной жизни регионов традиционного проживания финно-угров.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать противоречивый характер как самих языковых дискуссий,

ШАБАЕВ Юрий Петрович, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук.

ДЕНИСЕНКО Валентина Николаевна, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук.

ШИЛОВ Николай Владимирович, ведущий советник аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей, кандидат исторических наук, доцент.

так и языковой политики, проводимой в регионах, которые часто именуют финно-угорскими.

Следует отметить, что именно язык оказывается в центре всех дискуссий, касающихся проблем сохранения этничности, а языковая политика местных властей становится почти синонимом региональной этнополитики. Чем обосновывается такое внимание к языку? Является ли такое отношение к языку следствием кардинальных сдвигов, происходящих в этноязыковой ситуации, существенных перемен в этнокультурных ориентациях российских финно-угров, ослабления внимания к языковым вопросам со стороны властей регионов, в которых значительную долю населения составляют финно-угры?

Применительно к сегодняшнему дню на все поставленные вопросы можно дать отрицательные ответы. Этноязыковая ситуация в стране кардинально изменилась в 1958 г., когда в СССР была осуществлена реформа школы, и родители учеников впервые получили право сами выбирать язык обучения для своих детей. Тогда в массовом порядке по просьбам родителей обучение во многих школах было переведено на национальных языков на русский. Отношение к этой реформе среди специалистов до сих пор остается неоднозначным, но несомненно то, что она позволила десяткам тысяч людей в национальных республиках сделать осознанный выбор в пользу русского языка.

Говоря о языковых ориентациях населения, необходимо отметить постоянно возрастающее число представителей титульных этнических групп, считающих родным русский язык, и уменьшение среди них доли (абсолютной и относительной) владеющих языком своей группы.

С начала 90-х гг. XX в. предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: законы о государственных языках, повышающие их статус, государственные программы развития языков, работа по нормированию языков и т. д. Все эти меры получают официальную поддержку, а литература на национальных языках издается в национальных республиках и округах как социально значимая, т. е. за счет государственных средств. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. Это объясняется тем, что финно-угры остаются этническим меньшинством, воспринимая русских как референтную

группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в этом отношении от русских, а доминантная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная. Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации можно, если изменить демографические пропорции этнических групп, но этого в обозримой перспективе не произойдет. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией.

В связи со сказанным нельзя не остановиться на проблеме витальности (жизненности) языков российских финно-угров, зависящей от ряда объективных и субъективных факторов. Установлено, что существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка и его жизненностью. Помимо объема социальных функций и интенсивности использования языка, в различных сферах общения в числе важных показателей витальности языка рассматриваются также число говорящих на языке и его соотношение с численностью соответствующей группы; использование языка младшим поколением; количество билингвов; наличие программы поддержки функционирования языка¹. Анализ социолингвистических параметров коми-зырянского, марийских, мордовских, удмуртского языков (данные 1994—1998 гг.) позволил дать достаточно высокую оценку их жизненности. Однако перспективы их дальнейшего функционирования связаны с тем, что будут ли экстралингвистические факторы способствовать или препятствовать функциональному развитию этих языков.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами и на селе в своих регионах обычно численно доминируют, а потому здесь роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация сложилась в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах, в том числе и в семейном общении представителей этнических меньшинств. Полиэтническая городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств, даже в случае локального его доминирования. Примером может служить дореволюционный Усть-Сысольск (Сыктывкар), который был

единственным городом на европейском севере России, где преобладало нерусское население². Сегодня финно-угры в составе городского населения своих республик и округов составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в том числе языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Перепись населения 2002 г. подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, она коррелирует с ростом доли городского населения среди финно-угров. Так, данные переписи показали, что только 48,4 % карел в Карелии владеют карельским языком³, среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6 % не владеют мордовским языком⁴, в Республике Коми коми языком владеют 78,1 % проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества⁵, в Марий Эл 84,2 %, проживающих марийцев владеют марийским языком⁶.

Что касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в пользу русского языка. Согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общаются на русском языке 987 из каждой 1 000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов, 864 ханты⁷.

Отношение к русскому языку в целом является позитивным у всех этнических групп, ибо сама практика доказывает людям, что общий язык необходим. Другая ситуация складывается с отношением к языку титульных этнических групп. Так, опросы населения Республики Коми (2004 г.) и Коми-Пермяцкого округа (2005 г.) показали, что в республике 26,6 % респондентов считают, что все дети в школах должны изучать коми язык, в округе доля аналогично настроенных респондентов была ниже — 17,5 %. Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал, что 38,9 % высказались за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык⁸. Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7 % удмуртов согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета, скорее согласны с этим 35,8 %,

среди русских респондентов безусловно согласных лишь 3,0 %, скорее согласных оказалось 14,1 %⁹. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей).

Картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения. Среди коми в республике доля тех, кто считает необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляет 35,8 %, а среди русских — 13,3 %. За свободный выбор высказались 48,4 и 59,8 %. Примерно аналогичная ситуация и в Коми округе, где, однако, доля выступающих за свободу выбора выше. Такова ситуация и в Марий Эл: здесь 19,4 % русских выступают за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики, такой же позиции придерживаются 62,1 % марийцев, а против этого, соответственно, высказались 65,7 и 23,7 %¹⁰. При этом в Коми республике и округе выявилась интересная тенденция: на селе население более решительно выступает за всеобщий языковой ликбез, нежели в городе. В обоих случаях большинство сел и деревень — это поселения с полным доминированием коми населения и, следовательно, комиязычной языковой средой. Таким образом, сложившаяся языковая среда оказывает заметное воздействие на этноязыковые позиции групп. В Марий Эл такой четкой зависимости в процессе исследования не выявлено.

Важно то, что этноязыковые позиции этнических групп довольно стабильны. Так, вскоре после принятия в 1992 г. в Республике Коми закона «О государственных языках» был проведен общереспубликанский опрос «Общественное мнение населения Республики Коми по проблемам государственности и суверенитета». Согласно его результатам, с обязательным изучением коми языка во всех школах республики были согласны 24 % опрошенных (в том числе 37 % коми)¹¹.

Опыт внешнего восприятия культурных различий и языковые ориентации тесно коррелируют друг с другом. Результаты опросов показывают, что язык воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер. Однако идеальные модели и реальная языковая практика очень далеки

друг от друга. На практике наиболее употребимым даже на уровне семьи оказывается не родной язык, а русский. Что касается молодежи, особенно городской, то она ориентируется на русский язык. По данным опроса 2004 г., всего 3 % городских коми семей говорит с детьми на коми языке, в КПАО — 11,5 %. В городах республики не владеют коми языком 42 % детей. Свободно говорят на нем только 25 % детей¹². Сходная ситуация имеет место и в других «финно-угорских регионах»: данные опроса учащейся молодежи 9—11 классов, проведенного в 2000 г. в Марий Эл, показали, что более 30 % марийских детей дома с родителями говорят только по-русски, и лишь 23 % считают, что знание марийского будет необходимо в дальнейшей жизни¹³.

Само признание языка важнейшим культурным маркером на деле есть лишь глубоко укоренившийся культурный стереотип. При более детальном анализе того, какой из культурных определителей для сохранения и поддержания этничности оказывается наиболее значимым, оказывается, что так или иначе большинство людей признают, что первостепенное значение имеет *этническое самосознание*.

Приведенные выше данные свидетельствуют о наличии конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций в отношениях между крупнейшими этническими общинами населения в «финно-угорских республиках» РФ. Этот конфликт не только является важным показателем, который характеризует общую этническую ситуацию в регионах, но и требует вдумчиво и осторожно корректировать языковую и этнонациональную политику, проводимую региональными властями. Введение коми языка в качестве предмета в школах Республики Коми вызывает протесты родителей, которые против насильственного навязывания данного предмета. В Мордовии, как показывает практика, приказ Министерства образования от 2004 г. о введении обязательного изучения мокшанского или эрзянского языков в школах игнорируется, поскольку он трудно реализуем.

Опросы населения финно-угорских регионов показывают, что за обязательное обучение языков титульных этносов всеми учащимися средних школ выступает ограниченная часть населения. Последнее, однако, не означает, что нет необходимости в создании условий для обучения родному языку всех желающих. Такое право подтверждено российским

законодательством, и условия для его реализации должны быть созданы. В том числе, видимо, надо создавать и школы (а на данном этапе, возможно, только классы), где бы все предметы преподавались на финно-угорских языках.

Основное значение в сохранении языков многие эксперты и преподаватели финно-угорских языков придают школе. Так, опрос преподавателей карельских школ показал, что большинство из них видит способ решения проблемы повышения языковой компетенции учащихся в увеличении часов, отводимых на изучение языка, т. е. в простых механических изменениях, но при этом сами же указывают, что школы к таким изменениям не готовы¹⁴.

Что касается механизмов повышения престижа языков меньшинств и изменения массовых языковых ориентаций, то об этом специалистами говорится мало. Патерналистская позиция экспертов (и активистов этнических организаций) здесь очевидна: за все ответственно государство, которое должно решать проблему. Одним из наиболее распространенных способов решения проблемы видится введение обязательного обучения языков титульных этнических групп всеми учащимися средних школ в каждой республике. Некоторые филологи утверждают, что «обязательность изучения есть лишь охранная норма»¹⁵.

Подобные взгляды и образовательные практики основываются на концепциях лингвистической экологии, суть которых сводится к необходимости сохранения всех языков во что бы то ни стало. Сторонники этих концепций признают допустимыми любые меры и отнюдь не всегда склонны считаться с мнением даже самих носителей языков. «Впрочем, ссылка на „народное мнение“ встречается часто, но обычно „мнение народа“ при этом отождествляется с мнением его национально ориентированной интеллигенции. Но всегда ли они совпадают? Ведь утеря этнического языка может восприниматься как явление вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов»¹⁶.

Видимо, не является случайным то, что в рассуждениях о необходимости расширять функции финно-угорских языков, повышать их престиж, расширять преподавание языков

в школах отсутствует такой важный институт социализации, как семья. Именно в семье человек получает первые языковые навыки, и именно *семья является важнейшим транслятором культурных традиций*. Но культурные ориентации семьи диктуются не только символическими значениями, но и рациональным выбором. Соображения рационального порядка показывают, что финно-уграм выгоднее ориентироваться на язык большинства, поскольку владение этим языком открывает больше возможностей. Аналогичная ситуация складывается сегодня в Эстонии, где число учеников, приходящих в первые классы русских школ, неуклонно сокращается. Родители предпочитают отдавать детей в эстонские школы, ибо хорошее знание этого языка предоставляет больше возможностей для карьерного роста.

Без семьи решить проблему повышения языковой компетенции представителей меньшинств нельзя. Более того, в триаде «семья — школа — окружающая культурная среда» важны все три компонента, и за счет только одного из них невозможно решить проблему изменения культурных ориентаций, проблему статуса тех или иных элементов этнической культуры. При этом семья в указанной триаде не случайно стоит на первом месте.

Чтобы поддерживать язык меньшинств, требуются не простые решения, а сложная, долговременная и кропотливая работа многих специалистов, реально заинтересованных в результате. Более того, следует признать, что *пока серьезной программы мер и стратегии действий по изменению языковой ситуации в регионах проживания финно-угров не предложено*.

Тем не менее, в финно-угорских регионах страны в связи с расширением социальных функций многих языков проводится большая работа по развитию и обновлению их лексических систем в значительной степени за счет использования внутренних ресурсов этих языков¹⁷. В коми языке появилось около 2 тыс. новых слов, и такое масштабное словотворчество неоднозначно воспринимается носителями коми языка. Об этом свидетельствует недавняя дискуссия между коми филологами, которая приобрела широкое общественное звучание. Так, О. И. Уляшев дал крайне негативную оценку результату развития лексической системы современного коми

языка, охарактеризовав ее как китайскую грамоту, которую отказываются принимать и понимать рядовые пользователи языка. Выпуски «Новое в коми лексике» он называет «никуда не годными лексиконами, убивающими коми язык»¹⁸.

Сторонники противоположной точки зрения учитывают особенности современной языковой ситуации, характеризующейся высокой степенью развития активного двуязычия коренного населения республики¹⁹. Известно, что потребность в лексической инновации, являющейся органическим свойством каждого языка, в условиях одноязычия удовлетворяется главным образом за счет ресурсов своего языка, двуязычие же «имеет в постоянном резерве второй язык как готовый источник лингвистического материала. Единицы этого языка, во-первых, уже испытаны в практике общения и даже усваиваются через эту практику; во-вторых, эти единицы уже имеют закрепленную связь с явлениями, которые требуют обозначения»²⁰.

Следует отметить, что в развитии коми языка иноязычные слова, в том числе и заимствованные из русского, являлись источником пополнения и обогащения его словарного состава. Без сомнения, они и в дальнейшем будут занимать в нем свое место. Однако в условиях, когда практически все население, говорящее на коми языке, владеет одновременно и русским, важно не потерять менее защищенный язык и не получить вместо него образование, не требующее перевода.

Особая ситуация сложилась с карельским языком. Активисты карельского движения долгое время добиваются придания ему статуса государственного в Карелии, но этот формальный акт вряд ли сколько-нибудь существенно изменит языковую ситуацию в республике, ибо даже у специалистов нет единого мнения о путях развития единого карельского литературного языка²¹.

Что касается угорских языков, то с их развитием сложностей еще больше, поскольку проблема их нормирования еще только начинает решаться²².

Весьма критично проблему повышения роли литературных языков российских финно-угров оценивает финская исследовательница С. Сааринен. Она полагает, что современные проблемы языков были порождены еще на начальном этапе советского культурного строительства. «Создатели новых ли-

тературных языков торопились, они хотели быстро создать нормативный язык, инструмент для национальной культуры и общественной жизни. Литературные языки были созданы не в течение нескольких столетий, как, например, финский язык, а в течение нескольких десятилетий. Такая спешка, а также неопытность тогдашних лингвистов и работников культуры привели к сегодняшней плачевной ситуации, где почти все финно-угорские народы в России имеют больше, чем один литературный язык. Эти литературные языки обычно основаны на одном диалекте, и в силу этого они не были приняты людьми, говорящими на других диалектах. Поэтому создание литературного языка, что в общем один из самых важных этапов в истории каждого народа, большой шаг из народа/народности в нацию, оказалось в России началом рассеяния народов. Эта недалевидная политика была, наверное, преднамеренная, задуманная теми же самими силами, которые хотели уничтожить все малые народы и создать „советского человека”»²³.

Но финский специалист, на наш взгляд, политизирует проблему сохранения финно-угорских языков, и логика ее рассуждений далека от норм права. Саму языковую политику, в частности (этнонациональную политику в целом), следует оценивать, ориентируясь не на принципы целесообразности или морали, а опираясь на *принципы права*. Если перевести дискуссии о языке в правовое русло, то необходимо оценивать ситуацию с точки зрения двух правовых норм, а именно: права на отличие и на культурную свободу. Обсуждение языковых проблем с апелляцией к правовым категориям показывает характерный аспект языковых дискуссий в «финно-угорских регионах» — *правовую асимметрию*. Все участники дискуссий, безусловно, признают право на отличие, но мало кто готов признавать право на культурную свободу.

Характерной чертой языковых и этнокультурных дискуссий является использование термина «национальный нигилизм», который наиболее часто употребляют для обозначения представителей финно-угорских народов, не желающих пользоваться и учить язык предков. Тем самым свободный выбор культурных ценностей оценивается исключительно как негативное явление, хотя это естественное и неизбежное явление в мультикультурном сообществе.

Продолжая рассматривать правовой аспект языковой политики, следует затронуть сферу применения правовых норм. Очевидно, что региональные правовые нормы не могут быть универсальными, т. е. претендовать на роль общенациональных норм. Это касается и языковой политики. Финно-угорские языки — региональные языки, попытка навязать их преподавание всем учащимся школ, на наш взгляд, является стремлением придать этим языкам статус общегосударственных. В Финляндии, на пример которой часто ссылаются сторонники идеи навязывания языков, финский и шведский языки, которые обязаны изучать все учащиеся школ, есть языки общенациональные. В России финно-угорские языки могут быть только региональными, а это значит, что и их правовой статус должен быть иным.

Языковое законодательство и политика — лишь часть этнонациональной государственной политики. Потому она должна преследовать ясные и понятные цели, сопряженные с целями общей социальной политики государства. На наш взгляд, можно выделить три наиболее очевидных ориентира, которые имеют значение для культурного позиционирования меньшинств и которые тесно связаны с языковой политикой. Первый касается сохранения языка в контексте поддержания культурной самобытности этнических сообществ, второй связан со сферой образования и формированием этнических школ как инструментов этнонациональной политики. Третьим ориентиром можно считать расширение коммуникативных возможностей языка, трансформацию его в элемент поддержания культурной солидарности внутри этнической группы и полиэтнического территориального сообщества.

Язык — это носитель культуры, но этнокультурная специфичность не требует отдельного языка для каждой культурной группы. Есть множество тому примеров. В частности, Ф. Эрнан доказывая, что культурная отличительность не связана непосредственно с языком, ссылается на пример Андалузии в Испании и Бретани во Франции. Он рассматривает язык, используя метафору рынка, т. е. с позиции «цены» языка и тех возможностей, которые открывает овладение им²⁴. Очевидно, что у миноритарных или региональных языков «цена» существенно ниже, чем у общенационального. Если не удастся сохранить культурную специфику и ментальность этнического сообщества, то

язык не сможет компенсировать эти потери. Абсолютизацию роли языка в культурном позиционировании финно-угров М. Бранч назвал процессом мистификации²⁵.

В решении проблем этнических меньшинств в первую очередь должен быть достигнут общественный консенсус. Большинство должно добровольно пойти навстречу интересам меньшинства. Но меньшинство (включая этнические элиты и этнополитических лидеров) для этого должно уважительно отнестись к большинству. Только такая позиция может считаться толерантной.

Анализ ситуации показывает, что в сфере образования наиболее актуальными задачами являются повышение качества обучения в сельских образовательных учреждениях; оснащение сельских школ необходимым количеством литературы и учебников, компьютерами и другими современными средствами обучения; привлечение в сельские школы хорошо подготовленных учителей-предметников. Если выпускник школы будет хорошо знать родной язык и литературу, но будет слабо подготовлен по другим предметам, то перспективы его карьерного и профессионального роста окажутся призрачными.

Показательно, что в отличие от специалистов население воспринимает проблему повышения качества школьного образования как наиболее актуальную. К примеру, опрос населения, проведенный исследователями Сыктывкарского университета в январе 2007 г. в самом депрессивном, но и самом моноэтническом сельском Усть-Куломском районе, показал, что в числе острых социальных проблем, которые тревожат население, на первом месте оказались не низкие доходы, не дефицит рабочих мест, не упадок сельской медицины, а состояние школьного образования. Более 50 % респондентов заявили, что эта проблема их больше всего тревожит сегодня²⁶.

Реализация масштабных программ поддержки сельских школ позволит преодолеть разрыв в качестве образования между выпускниками городских и сельских школ, что усилит позиции финно-угорских этносов в культурной конкуренции. Очевидно, что языковая политика в регионах проживания финно-угров и языковое строительство есть комплексная проблема, а предлагаемые сегодня принципы и направления ее решения вряд ли способны изменить отношение к

миноритарным языкам. Необходим более активный поиск эффективной и непротиворечивой модели такой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. С. 12.

² См.: Рогачев М.Б. Столица зырянского края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. 248 с.

³ См.: Клементьев Е.И. Республика Карелия в зеркале переписи 2002 г. // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. М.: Наука, 2007. С. 74.

⁴ См.: Шилов Н.В. Республика Мордовия: тенденции этнодемографического развития // Там же. С. 169.

⁵ См.: Шабаев Ю.П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Там же. С. 87.

⁶ См.: Шаров В.Д. Марийцы в Республике Марий Эл: депопуляция или несовершенство переписи? // Там же. С. 112.

⁷ См.: Финно-угорские регионы России: стат. сб. Сыктывкар: Республиканское управление статистики, 1999. 197 с.

⁸ См.: Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола: Марийский НИИ языка, литературы и истории, 2005. С. 110.

⁹ См.: Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.—Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 505.

¹⁰ См.: Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. С. 20.

¹¹ См.: Денисенко В.Н. Родной язык и этнос: коми и коми-пермяки // Материалы XXXVI междунар. филологической конф. Вып. 9. Уралистика. 12—17 марта 2007 г. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. С. 37.

¹² Там же.

¹³ См.: Кондрашкина Е.А. Динамика функционального развития марийского языка. М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. С. 97.

¹⁴ См.: Клементьев Е.И. Роль школы в сохранении языков // Финно-угорский вестн. 2005. № 39. С. 32—33.

¹⁵ Кудряшова Л. Коми речь! Терпи родная // Там же. С. 16.

¹⁶ Алпатов В.М. Что делать с малыми языками? // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: материалы междунар. конф., организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15—17 сент. 2005 г. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2006. С. 79.

¹⁷ См.: Цыпанов Е.А. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. конф. финно-угроведов (1—4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории КНЦ УрОРАН, 2005. С. 25.

¹⁸ Уляшев О.И. Орõм вужъясысь кыõн кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4. С. 62—66.

¹⁹ См.: Безносилова Л.М., Цыпанов Е.А. Лёкõдõмõн кывтõ он видз ни кыпõд // Войвыв кодзув. 2005. № 8. С. 68—73.

²⁰ Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Выща школа, 1974. С. 127.

²¹ См.: Фарутин А. Под угрозой исчезновения // Финно-угорский вестн. 2005. № 39. С. 14—15.

²² См.: Ользина Р., Скрибник Е., Кошкарева Н. Как развиваться хантыйскому языку // «Мир Севера». 2007. № 4. С. 9.

²³ Сааринен С. Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: тезисы докладов и выступлений междунар. конф. Кудымкар, 26—28 мая 1995 г. Сыктывкар, Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1995. С. 75.

²⁴ См.: Эрнан Ф. Неизбежно ли исчезновение языкового разнообразия? // Этнопанорама. 2004. № 1. С. 99—100.

²⁵ См.: Бранч М. Размышления об общей истории уральских языков // *Linguistica uralica*. 1993. № 1. С. 52—57.

²⁶ См.: Гончаров И.А., Шабаев Ю.П. Территориальная и социальная идентификация жителей Республики Коми (по материалам социологических исследований) // Формирование региональной структуры гражданского общества: социоэкономические и социокультурные аспекты: материалы III северного экологического конгресса «Социальные перспективы и экологическая безопасность», 18—20 апр. 2007 г. Сыктывкар: КРАСТУ, 2008. С. 41—49.

Поступила 30.10.08.

О. Ю. САЛТЫКОВА   **СПЕЦИФИКА
И ЗАКОНОМЕРНОСТИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Ключевые слова: информационное пространство; информационная политика; информационные технологии; государственная власть; информационная аналитическая система

Key words: information space; information policy; information technologies; state power; information and analytical system

В современных условиях уровень развития информационного пространства общества решающим образом влияет на экономическую, политическую и другие стороны жизни людей. Наибольший экономический и социальный успех сопутствует регионам, активно использующим современные средства коммуникаций и информационные технологии. Региональная государственная информационная политика является одним из основополагающих инструментов государственного управления, благодаря которому региональная власть реализует приоритеты и ценности своей политики на федеральном и региональном уровнях, выстраивает взаимоотношения с обществом, получает поддержку у населения.

Региональный уровень реализации информационной политики важен в нескольких отношениях. Во-первых, регион — это место, где реализуются политические решения в соответствии со сложившимся укладом жизни. Во-вторых, это пространство культурной специфики, а население региона — общность со своей историей, менталитетом, относительно автономный мир со сформировавшимся равновесием сил. Регион — это особый социально-политический порядок, имеющий свою логику и традиции изменения. В-третьих, динамика центробежных и центростремительных тенденций в региональном пространстве связана с проблемой целостности России, и политическое управление в этих условиях зависит от информационного поля¹.

САЛТЫКОВА Ольга Юрьевна, старший преподаватель кафедры социальных и правовых дисциплин Чувашского филиала Волго-Вятской академии государственной службы.

Новые возможности установления диалога между региональными органами государственной власти и населением предоставляет развитие интернет-технологий.

Интернет как новое средство массовой коммуникации выигрывает по ряду позиций по сравнению с традиционными (телевидение, радио, печать)². Информационное взаимодействие органов государственной власти и общества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, Интернета получило устойчивое наименование «электронное правительство» (e-Government). Прямой перевод словосочетания «e-Government» не вполне раскрывает сущность этого явления. Точнее было бы говорить об «электронной инфраструктуре государственного и муниципального управления, включающей в себя технологии интернет-взаимодействия между органами власти, с одной стороны, и гражданами, институтами гражданского общества, бизнес-структурами и общественными объединениями — с другой»³.

Создание электронного правительства в России началось в 2002 г. с принятия Федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 гг.)». В результате ее реализации на федеральном уровне обеспечено информационное присутствие в Сети практически всех органов государственной власти. Но в основном речь идет только об информировании населения, а не об организации обратной связи через Интернет или оказании государственных услуг. Некоторые регионы пошли дальше. Например, это Чувашская Республика, где более 10 лет назад начали реализацию проекта «Интранет-Чувашия». В результате работ, проводимых в республике, в весьма сжатые сроки и с привлечением минимальных ресурсов удалось создать развитую информационную инфраструктуру, созданы сайты всех органов государственной власти, в том числе муниципального уровня. Предпринимаются попытки налаживания связей с общественностью с использованием интернет-технологий: на сайтах создаются интерактивные разделы (общественные приемные, форумы), проводятся интернет-конференции и др. Конечно, органы власти республики еще не в полной мере используют возможности информационных технологий для взаимодействия с населением, однако говорить о начале реализации идеи электронного правительства можно.

Реализация концепции электронного правительства способствует трансформации массовых коммуникаций региона, поднимает на качественно новый уровень процессы коммуникации государственных структур с гражданским обществом. Население становится субъектом коммуникации, что способствует повышению государственного управления в регионе и в стране в целом.

Внедрение новшеств связано со сложившимися традициями развития общества. В связи с этим особо следует подчеркнуть, что для эффективной реализации концепции электронного правительства необходимо изменить общественные сознание, подготовить население использовать новые технологии взаимодействия с государственной властью. Для этого необходимо организовать информационное сопровождение внедрения инструментов электронного правительства. Особенностью российского варианта реализации программы «Электронная Россия» является то, что в ней не уделено внимание мониторингу мнения населения, не предусмотрены меры по разъяснению особенностей реформы, ее преимуществах, что противоречит цели модернизации, так как создание электронного правительства в первую очередь направлено на налаживание двухсторонней коммуникации между властью и гражданами. Для решения этих задач в Чувашии создана республиканская информационно-аналитическая система (РИАС), являющаяся инструментом реализации программы реформирования системы управления общественными финансами в республике, осуществляющая мониторинг финансово-экономического состояния и обеспечивающая ее информационную поддержку. Лидерство Чувашии в сфере информатизации подтвердило исследование, проведенное федеральным министерством связи: республике присвоен самый высокий рейтинг среди всех российских регионов с коэффициентом 1,3.

Чувашия — первый регион, который заключил два масштабных соглашения с основными исполнителями «Электронной России» — Министерством по связи и информатизации РФ и Министерством экономического развития и торговли РФ. В результате создана мощная информационная инфраструктура, причем благодаря «пилотному» статусу республики на каждый рубль финансирования из республиканского бюджета приходит федеральный рубль. В республику

поступили 1 700 компьютеров, которые устанавливаются в республиканских и муниципальных органах власти, а также в бюджетных организациях. «Электронное правительство» реально заработало: повысилась оперативность принимаемых решений, сократилось бумаготворчество. Но «электронное правительство» внутри себя и для себя вовсе не эффективно, оно должно работать для населения, обеспечивать возможность пользоваться информацией органов власти. Если в городской местности ситуация с пользователями Интернета удовлетворительна, то село нуждается в принятии более кардинальных решений. В республике функционируют 6 центров общественного доступа (ЦОД). До конца 2009 г. они появятся во всех районах республики. В центрах бесплатно оказываются услуги доступа к информационным ресурсам и сервисам, в частности, к интернет-порталу органов государственной власти республики, электронной почте, правовым базам данных и т. д. В центрах также планируется организовать бесплатное обучение граждан современным информационным технологиям. На это направлена деятельность сельских модельных библиотек.

Перед правительством республики стояли такие принципиальные задачи, как выработка и проведение ответственной и эффективной бюджетной политики, повышение контроля и ответственности за расходованием бюджетных средств. Кроме того, на новых информационных технологиях необходимо объединить разновекторные интересы, направив их в единое русло, и в достаточно короткие сроки получить желаемый результат. Наиболее эффективно решать эти задачи позволяет Республиканская информационно-аналитическая система (РИАС). С ее помощью осуществляется переход от преимущественно расчетно-статистических задач к информационно-прогнозным, организовываются интегрированные региональные системы и новые формы взаимоотношений с региональными владельцами информации. РИАС интегрирована в экономическую систему республики.

Одной из целей развития информационных технологий является повышение конкурентоспособности региона. Это предусматривает привлечение внешнего финансирования на предприятия (инвестиций) и создание ими добавленной стоимости. Правительство республики этому уделяет пристальное внимание. Эффективная экономическая деятель-

ность основывается на преобразовании информации, которое представляет собой целенаправленный обмен упорядоченными данными (получение и передача сведений). Можно сказать, что информация служит мерой упорядоченности и устойчивости экономической системы.

Регион, эффективно преобразовывающий и использующий информацию, становится конкурентоспособнее территории, которая этого не делает, занимаясь «традиционными» формами экономической деятельности. Результатом является создание благоприятных условий притока инвестиций в виде финансирования заказов, частного, отечественного и зарубежного капитала. Преобразование информации становится решающей составляющей производства и потребления. Ее можно рассматривать в качестве единой субстанции, объединяющей предметы, средства и продукты труда. Производители стремятся заранее исследовать конъюнктуру рынка, готовы платить большие деньги за сведения о продукции конкурентов, тратят значительные средства на рекламу и т. д.

Использование РИАС делает государственную власть более открытой и прозрачной. Центральный элемент реформы власти — это публичная отчетность и общественный контроль. Одним из главных достоинств Сети является то, что Интернет способен персонифицировать власть, донести до граждан информацию о том, какой чиновник отвечает за конкретное дело, в чем его обязанности, где он находится, каков «маршрут» рассмотрения каждого конкретного проекта, обращения в министерство. Опыт Чувашии в создании системы РИАС должен быть полезен при оптимизации информационной деятельности в других регионах страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кузьмина И.Н. Интернет в информационной политике региона // Управление развитием региона: традиции и инновации: материалы III региональной науч.-практ. конф. Чебоксары: Новое время, 2007. С. 286.

² См.: Филатова О.Г. Социология массовой коммуникации: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. С. 25—26.

³ Ирхин Ю.В. Возможности и пределы «электронного правительства» (на примере Великобритании и России) // Соц.-гуманит. знания. 2005. № 6. С. 16.

Поступила 29.09.08.

Е. Н. ПЕСОЦКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ключевые слова: ценности; интеллектуальный суверенитет; информационное общество; информационные коммуникации; коммуникационные технологии; информационно-компьютерная революция; национальный информационный фонд; социальные эффекты информационных технологий

Key words: values; intellectual sovereignty; information society; information communications; communication technologies; information and computer revolution; national information fund; social effects of information technologies

Изменение роли интеллектуального труда в общественном развитии, производственной сфере, а также возрастание значения электронных коммуникаций связаны с воздействием на социальную среду информационных технологий¹. Виртуальная реальность стала новым объектом познания, который «значительно трансформирует мировосприятие человека и социальные аспекты его жизни», она есть «особое пространство коммуникации, необходимое условие обмена современной информацией»². Через субъекта она усиливает интеллектуальные возможности цивилизации. В то же время техника формирует у человека сознание «пользователя», предполагающее стратегическое отношение к миру как к «иному»³. В контексте проблемы информационной безопасности «пользователи» и «потребители» рассматриваются как социокультурные типы личности соответственно постиндустриальной и индустриальной эпох, где пользователь — человек, стремящийся самоопределиться и творчески самореализоваться. Системообразующую роль в таком процессе выполняют *ценности*. Для пользователей и разработчиков глобальной компьютерной сети интеллектуальный суверенитет представляет собой категорию «многоаспектных ценностей», которые находятся на пересечении технологических, психологических, познавательных, этических, правовых и других проблем⁴.

ПЕСОЦКАЯ Елена Николаевна, доцент кафедры философии для естественно-научных и инженерных специальностей Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

Интеллектуальный суверенитет субъекта предполагает право получать знания и решать вопрос о монопольном владении им, оценивать истинность информации и использовать для принятия решений информацию, признанную адекватной. В целом человеческое знание не является сферой интеллектуального суверенитета, и эта категория применима в основном к ограниченным областям и ситуациям. В частности, это интеллектуальный суверенитет независимого эксперта в оценке материалов, относящихся к сфере его компетенции. Гуманитарные проблемы, связанные с информатизацией общества и электронными коммуникациями, «распадаются» на множество вопросов и направлений, среди которых видное место занимают вопросы влияния информационных технологий на развитие экономической и производственной сфер, политики, культуры, науки, образования и языка информационного общества в целом. Философское осмысление проблемы субъекта в Интернете помогает найти новые грани проблемы субъекта как эпистемологической и как ценностной. Последнее открывает спектр вопросов, связанных с локализацией индивида, статусом его тела, ума и сознания. Конкретизация проблемы субъектности в сфере информационных коммуникаций сопряжена с идеями автономности мира знания, подчинения деятельности субъекта познания логике этого мира.

Новые информационные и коммуникационные технологии приводят к возникновению локальных и региональных информационных сетей и информационных фондов, работая на сохранение либо на разрушение таких ценностей, к которым относится интеллектуальный суверенитет.

Границы интеллектуального суверенитета, как правило, не устанавливаются явно и четко, однако в случае угрозы сужения привычных пределов (действительной или мнимой) возникает напряжение, побуждающее к осознанию этико-аксиологической значимости эпистемических возможностей⁵.

Этические стандарты поведения в Интернете таковы, что представления об интеллектуальном суверенитете как о ценности стало основой этико-аксиологической предпосылки дискуссий, проводимых в этом направлении и развернутых в 60-е гг. XX в. с момента появления нового субъекта (или квазисубъекта) мыслительной деятельности — компьютера. Сегодня, когда знание становится главным продуктом про-

изводства информационного общества, интеллектуальный суверенитет личности, группы, сообщества или народа ставится под вопрос уже действиями носителей естественного интеллекта, использующих технику в собственных интересах. Отмечается, что новая виртуальная реальность, созданная современным компьютерными технологиями, обладает беспрецедентными характеристиками. Ее основные особенности — это поливременность и полибытийность, анонимность, актуальность, интерактивность, порожденность, размывание пространственных границ коммуникации, расширение диапазона коммуникации, расширение культурного фона, уравнивание статусов, расширение источников, способов получения и продуцирования информации⁶. Весьма показательны в этом плане ситуации, связанные с использованием компьютерных сетей и Интернета. Интернет широко используется для распространения не только научного, но и других видов информации (деловой, экономической, политической и т. п.), принцип ответственности в компьютерной и информационной этике становится неотъемлемой частью такого процесса. Кроме того, уровень развития человека все больше определяется его вовлеченностью в сетевое общество, поэтому в новых условиях опыт функционирования виртуальной реальности становится одним из основных показателей «развитости» и «современности» человека⁷. Следовательно, движение к удовлетворению потребностей человека в оперативном получении информации любого вида и назначения чрезвычайно расширяет сферу его интеллектуального суверенитета. При этом формы и содержание источников создают противовес манипуляции общественным мнением, в котором часто упрекают электронные СМИ.

Одна из особенностей Интернета как средства электронной коммуникации связана с предоставлением доступа к печатным текстам, вытесняемым из коммуникативной сферы телевидением и радио. В общем случае печатный текст создает более благоприятные условия для рациональной и объективной оценки содержания, чем способы предоставления информации, характерные для телевидения. Для оценки социально-политических событий особое значение приобретает вовлечение печатных текстов в электронную коммуникацию. Это относится к ситуациям, когда речь идет о соблюдении, либо нарушении норм и соглашений, зафик-

сированных в соответствующих документах. Интерпретация последних в собственных интересах противоборствующими сторонами лишает самостоятельных суждений читателей, радиослушателей, телезрителей, не имеющих контекста этих документов. За помещенную в Интернете информацию в результате не отвечают ни автор, ни провайдер.

В начале 90-х гг. информационно-компьютерная революция стимулировала осознание еще одной стороны проблемы интеллектуального суверенитета — интеллектуального суверенитета региона, страны, народа. В это время сложились разные типы отношения к интеллектуальному суверенитету как ценности и перспективам ограничения его сферы. Отказ от определенной доли суверенитета может рассматриваться одними как недопустимый ни при каких обстоятельствах, другими — как возможный, третьими — как необходимый в связи с экономическими, политическими или технологическими причинами. Обсуждение проблемы интеллектуального суверенитета играет интегративную роль в соотнесении самых разноплановых проблем и выявлении их общих оснований. В частности, это проблемы специфики критериев проверяемости научных результатов посредством уникального оборудования, воздействия на человеческое подсознание через СМИ, взаимодействия политического суверенитета государства и интеллектуального суверенитета нации, информационного колониализма и др.

Претворение в жизнь стратегии перехода к информационному обществу демонстрирует «определяющее влияние национальных государств»⁸. При формировании индивидуальных и национальных информационных фондов в условиях роста информационных ресурсов и их доступности основную роль играют две составляющие — *технологическая* и *культурно-аксиологическая*. Технологическая предполагает решение проблемы качества информации, т. е. ее прагматических и семантических характеристик. Культурно-аксиологическая связана со сложившейся традицией обсуждения социальных эффектов информационных технологий в рамках проблемы сохранения культурной идентичности. Основной угрозой для последней является «культурный империализм»⁹, способный вытеснить ценности национальной, региональной культуры посредством использования экономического и социально-политического могущества. Но замена ценностей

более слабой в экономическом или техническом отношении группы ценностями группы более сильной в этих отношениях не должна считаться проявлением культурного прогресса. Многообразие культур само по себе должно рассматриваться как ценность.

Этико-аксиологическую направленность получили также дискуссии о преднамеренной дезинформации. Это вопросы о способах представления и хранения в компьютерных сетях информации, которая обеспечивала бы пользователям максимальную уверенность в надежности и проверяемости информации (возможности проверки ссылок на интернет-ресурсы, мигрирующие по сети, либо исчезающие из нее). Этот аспект особо важен в коммуникациях научных сообществ. Таким образом, реакцией на дезинформацию и одновременно важной социальной проблемой является более глубокая разработка требований этических стандартов научных электронных публикаций, ответственное отношение социального субъекта к собственному информационному фонду и к последствиям своего влияния на информационные фонды других субъектов. Формированию такого отношения может способствовать только ценностное осознание проблемы интеллектуального суверенитета.

Таким образом, процесс взаимодействия современного человека как субъекта познания и виртуальной реальности как особого объекта этого познания приводит к явным изменениям в системе ценностных координат в направлении появления качественно иных видов социальных и индивидуальных коммуникативных отношений и стратегии их развития, актуальности выделения и изучения специфических видов суверенитета и его составляющих в моделях социокультурного и этнополитического взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кевбрин Б.Ф., Глазков В.П. Влияние информатизационных технологий на развитии экономической сферы // *Философия и современность: материалы Междунар. науч.-теоретич. конф.* (Саранск, 21—22 янв. 2008 г.): в 2 ч. / ред.-кол.: Кевбрин (отв. ред) и др. Саранск: Изд-во Мордов. унта, 2008. Ч. 2. С. 3—7.

² Немькина О.И. Виртуальная реальность как новая коммуникативная система глобализации // Там же. С. 65.

³ См.: Казарова Т.В. Культура информационного общества в контексте аксиологии // Информационное общество в России: проблема становления: сб. науч. тр. М.: Изд-во «Эслан», 2002. Вып. 2. С. 102.

⁴ См.: Алексеева И.Ю. Интернет и проблема субъекта // Философия науки. Методология и история конкретных наук: учеб. пособие. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 160—192; Ершова Т.В. Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века // Вестн. РФФИ. 1999. № 3. С. 21—22; Колин К.К. Информационные проблемы социально-экономического развития общества // Проблемы социальной информатики. М.: Союз, 1995. Вып. 1. С. 25—31; Wechert J. What is New or Unique about Internet Activities // Internet Ethics Hondmills etc. L.: MacMillan, 2000. P. 47—64.

⁵ См.: Алексеева И.Ю. Интернет и проблема субъекта ... С. 184.

⁶ См.: Немыкина О.И. Виртуальная реальность ... С. 66.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Варганова Е.Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество в СМИ Финляндии в европейской перспективе. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1999. С. 87.

⁹ См.: Алексеева И.Ю. Интернет и проблема субъекта ... С. 190.

Поступила 15.12.08.

Е. Н. МИХАЙЛОВ

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Ключевые слова: Интернет; интернет-сообщества; социальные сети; информационное общество; социальные отношения; сети общего профиля; информационные технологии; специализированные сети; сообщество практиков; среда Интернет

Key words: the Internet; the Internet communities; social nets; information society; social relations; nets of general profile; information technologies; specialized nets; practical workers community; the Internet environment

В начале XXI в. продолжают происходить процессы трансформации социальной реальности, обусловленные активным проникновением в общественное бытие информационных технологий. Поэтому необходимость социологического анализа разработки методологических подходов к изучению сети Интернет, ее влияния на взаимодействие между индивидами и социальными группами в условиях перехода к информационному обществу является весьма актуальной.

До сих пор в сознании большинства людей Интернет все еще остается беспорядочным нагромождением всевозможной информации, различных данных, в которых легко запутаться, но при этом современный человек все чаще обращается к нему для поиска необходимой информации. Пользователи Интернета используют новые возможности коммуникаций в поисках единомышленников и подходящей культурной среды. Интернет предоставляет богатейшие возможности ее осознанного выбора. Поэтому появление различных виртуальных сообществ является объективным и неизбежным.

По мнению Г. Рейнгольда, виртуальные сообщества — это социальные объединения, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточ-

---

МИХАЙЛОВ Евгений Николаевич, аспирант кафедры социологии Мордовского государственного университета.

но долго с целью сформировать сеть личных отношений в киберпространстве¹.

Д. Дьюи высказал мысль о том, что общение имеет определяющее значение для формирования сообщества, любые виды человеческих сообществ выполняют функцию обучения, существуют критерии, позволяющие определить меру педагогической ценности любого вида социализации, того или иного сообщества. При этом Дьюи не ограничивал свой анализ только географически близкими группами, а рассматривал и возможность существования виртуальных сообществ².

Среда Интернет — это совокупность технических, функциональных, информационных, социальных, экономических, юридических компонентов, обеспечивающих существование, формирование и деятельность индивидуальных и групповых пользователей, составляющих аудиторию Интернета. Формирование интернет-сообществ является закономерным результатом развития и распространения сети Интернет. Это относительно неустойчивая совокупность людей, взаимодействующих посредством системы интернет-коммуникаций, обладающих общностью интересов и осуществляющих совместную деятельность в виртуальном пространстве. В Рунет отсутствуют четко структурированные сообщества, что определяется принципом строящихся взаимодействий, свободы вступления и выхода из состава сообщества; свободой выбора времени и объема участия в коммуникационных процессах, не предполагающей наличия строго формализованной организации. Однако неформальная структура существует, способствуя выбору направлений, корректировке или завершению взаимодействия членов виртуального сообщества, являясь структурой предпочтений или структурой коммуникаций. Сводится к минимуму возможность появления структуры власти, что связано с отсутствием социального контроля в интернет-сообществе.

Интенсивный процесс информатизации социального пространства, ускорение передачи и обработки информации, распространение системы Интернет являются предпосылками формирования нового качества отношений личности и социума, становления нового типа культуры. Эффективное использование социальных сетей для поиска и подбора персонала доказано на практике и не вызывает сомнений.

Социальная сеть может быть инструментом обучения и выполнять функцию профессионального развития, открывать новые возможности для получения сотрудниками необходимых знаний.

Социальные сети в Интернете зародились в 90-х гг. XX в. На Западе первая волна восторгов по поводу социальных сетей сошла, сейчас там наблюдается некий спад интереса, переосмысление подходов к их использованию. Ситуация в России несколько иная. По данным опроса Глас Рунета, социальные сети, в котором приняли участие более 2 тыс. активных пользователей Рунета, в том числе 86 % проживающих в России и 14 % проживающих за рубежом, большинство (66 %) опрошенных знают о существовании в Интернете социальных сетей и пользуются их возможностями. Среди тех, кто знает о существовании социальных сетей и не пользуется ими, лишь 10 %³.

Социальные сети можно классифицировать с точки зрения обучения и развития и выделить два их вида, выполняющих обучающую функцию: *социальные сети в свободном доступе* (неспециализированные сети, для которых профессиональные сообщества не являются первостепенными; характерны сугубо профессиональные сообщества практиков (Community Practice)), а также *социальные сети в корпоративном формате*.

В 2008 г. наиболее популярными ресурсами по результатам опроса Глас Рунета являются «Одноклассники» (74 %), «Мой мир» (40 %), «В контакте» (37 %), «Мой круг» (27 %), «Планета Рамблер» (24 %), «LovePlanet» (22 %)⁴.

Американской социальной сетью Facebook пользуются более 50 млн чел. Facebook позволяет преподавателям университетов создавать учебные курсы, а организации могут создавать закрытую корпоративную сеть сотрудников. Она предназначена для работников одной компании, которые могут находиться на постоянной связи с коллегами из разных филиалов, публиковать новости своей организации и т. д.

По результатам опроса английского эксперта в области e-learning Д. Харт (Jane Hart), проведенного в 2007 г., социальная сеть Facebook вошла в первую двадцатку рейтинга наиболее популярных инструментов (программного обеспечения) обучения и развития. Примерно по тому же принципу работает MySpace⁵. В Интернете существует несметное ко-

личество сообществ, предоставляющих возможность самообучения. Самостоятельное или самоуправляемое обучение (self-management learning) становится важной тенденцией в области обучения.

Специализированные социальные сети обычно являются платформой для сообществ специалистов. Они называются сообществами практиков (Community of Practice, CoP) и преследуют сугубо практические цели. Основной их функцией является объединение людей, заинтересованных в приобретении и развитии знаний в определенной области, их использовании. Сообщества практиков могут состоять из ученых, инженеров, специалистов по маркетингу и др. При этом эти сообщества не обязательно должны быть ограничены рамками одной компании, а могут объединять людей со схожими интересами в разных организациях по всему миру.

Анализ результатов проведенного нами социологического исследования позволил выделить некоторые особенности формирования сети Интернет Республики Мордовия. Среди наиболее активных пользователей преобладают люди в возрасте 18—24 лет (50 %) и 25—34 лет (22,5 %). Более 60 % опрошенных являются мужчинами. Треть респондентов имеет высшее, а чуть более половины опрошенных — незаконченное высшее образование. Большинство пользователей (88,7 %) имеет доступ к Интернету дома. Ежедневно пользуются Интернетом 89 %, а 33 % находятся в Сети каждый день более пяти часов. Пользователей интересуют электронная почта (15,7 %), поиск информации в личных интересах (14,3 %), общение (13 %), развлечение (12,7 %), поиск информации в учебных целях (12,7 %), самообразование (10,2 %), поиск информации в рабочих целях (8,4 %) и др.

Постоянно участвуют в интернет-сообществах 30 % пользователей, 43 % периодически принимают участие, 27 % опрошенных никогда не принимали участие в интернет-сообществах. Основными для участников интернет-сообществ являются коммуникативный (общение с кем угодно) (40,7 %), познавательный (получение новых знаний, сбор информации) (20,3 %), деловой (пользователь расценивает Интернет как инструмент для решения своих деловых или профессиональных задач) (18,5 %), рекреационный (пользователь выдвигает на первый план реализацию развлекательных функций в Интернете) (7,4 %) мотивы.

Таким образом, социальная значимость интернет-сообществ заключается в удовлетворении потребностей в информации, общении; обмене мнениями; развитии общего кругозора, повышающем интеллектуальный уровень личности; решении повседневных практических проблем; повышении профессионального уровня; организации процесса систематического обучения (посредством системы дистанционного образования); развлечении. Более того, в современных условиях интернет-сообщества обладают коммуникативным потенциалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Rheingold Н. The Virtual Community — Perennial, 1994. 416 с.

² См.: Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000. 383 с.

³ См.: Бондаренко Е. Социальные сети как инструмент развития: виды и возможности. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=10067> (дата обращения: 13.04.2009).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Поступила 24.04.09.

Л. Р. ЗАМАЛЕТДИНОВА СОСТОЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: экологическая среда; население; качество жизни; экологический баланс; окружающая среда; эксперт; здоровье населения

Key words: ecologic environment; population; life quality; ecologic balance; natural environment; expert; the population health

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, поставили перед обществом проблему экологии. Практически каждый человек осведомлен о грозящей экологической катастрофе, но при этом у него нет информации о возможных путях решения экологической проблемы, и, главное, мало кто прилагает усилия (исключение составляют Гринпис и «зеленые») по решению вопросов сохранения социально-природного баланса. Предложенное теорией нулевого роста ограничение потребностей и производства в целях сохранения экологического баланса практически невозможно. Альтернативой выступает теория качества жизни, которая становится все более популярной в научных и политических кругах¹.

В процессе изучения окружающей экологической среды как фактора качества жизни населения нами были проведены экспертный опрос и опрос населения. Результаты исследования показали, что экологической обстановкой в Татарстане обеспокоено большинство населения (80 %) и экспертов (88 %). Это свидетельствует об актуальности экологической проблемы и равнодушии населения к экологическим вопросам. Однако 62 % экспертов заявили об обеспокоенности населения экологической обстановкой, 30 % посчитали, что население не беспокоится состоянием окружающей среды. Возможно, такое мнение является следствием пассивности

ЗАМАЛЕТДИНОВА Лилия Равилевна, ассистент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета.

населения, переноса ответственности на государственные органы управления.

Большинство населения среди наиболее значимых ценностей назвало здоровье. В целом по республике эта ценность заняла второе место, по сельской местности — первое. По мнению экспертов (79 %), здоровье является важнейшей ценностью, 75 % экспертов отметили также семью, 50 % — недостаток. Среди факторов социальной среды состояние здоровья населения вызвало большую обеспокоенность только у сельчан (67 %), среди казанских жителей эту проблему актуальной посчитали 48 %, среди жителей других городов республики — 43 %.

Если объединить ответы по альтернативам «очень беспокоит» и «беспокоит», то здоровьем населения обеспокоены 83 % казанцев (2 ранг), 85 % жителей других городов (4 ранг), 90% сельчан (2 ранг). Эти данные свидетельствуют о том, что при выделении здоровья как личной ценности, как значимого для собственного качества жизни явления люди не всегда оценивают здоровье как актуальную социальную проблему. Картина становится более понятной, если обратить внимание на то, какой социальный фактор является приоритетным (имеет первый ранг). Для населения более проблематичным оказывается медицинское обслуживание. На уровне обыденного сознания взаимосвязи медицины и здоровья придается гораздо большее значение. На уровне государственного управления, в государственных программах, посвященных улучшению здоровья населения, также прослеживается представление о медицине как решающем факторе здоровья.

Характеризуя «Концепцию охраны здоровья населения Российской Федерации до 2005 года», И. В. Журавлева отмечает, что она носит в целом промедицинский характер и не позволяет надеяться на реальные изменения социальной политики в сфере здоровья². Указанные свойства Концепции свидетельствуют, что на государственном уровне сохраняется устаревшая традиция считать ответственным за здоровье медицину. Научно доказано, что здоровье на 50 % определяется образом жизни, на 10 % — медицинским обслуживанием³.

Здоровье — это переходное звено между экологическими и социальными факторами качества жизни населения.

Взаимосвязь между экологическим окружением и здоровьем весьма тесная. На уровне обыденного сознания также присутствует понимание взаимосвязи между этими явлениями. Отвечая на вопрос «Оказывает ли окружающая среда влияние на здоровье?», 91 % населения (95 % казанцев, 84 % жителей других городов республики, 93 % сельского населения) дал утвердительный ответ. С таким мнением согласны и эксперты (96 %). Среди всех компонентов качества жизни (здоровье, питание, жилье, одежда, обувь, образование, условия и характер труда, условия отдыха, общая социально-бытовая обстановка) в качестве наиболее подверженных влиянию экологической обстановки были названы именно здоровье (96 %) и питание (71 %).

Среди показателей здоровья, в наибольшей степени зависящих от экологической ситуации, эксперты выделили продолжительность жизни (71 %), уровень смертности, длительность и тяжесть заболеваний (по 46 %). Среди экологических факторов, беспокоящих население, первое место занимают качество питьевой воды (60 %) и экологическая безопасность продуктов питания (52 %), у экспертов — 75 % (1 ранг) и 50 % (3 ранг) соответственно.

Анализ статистических данных по заболеваемости населения Республики Татарстан позволяет увидеть зависимость состояния здоровья от экологического окружения⁴. Обеспокоенность экологов качеством воздуха имеет серьезные основания, ибо оно отрицательно влияет на качество жизни населения через фактор здоровья. Результаты исследования показали, что население Татарстана склонно оценивать экологическую обстановку в районе своего проживания лучше, чем в целом по республике и стране. Более того, большинство населения, оценивая экологическую ситуацию в своем районе, Татарстане и в стране в целом, склонно считать ее скорее или неблагоприятной, или неблагоприятной, чем скорее благополучной, или благополучной.

Несколько иначе оценивают экологическую обстановку эксперты. Так, специалисты по экологии, оценивая состояние окружающей среды в стране, характеризовали ее как благополучную или скорее благополучную. В оценке обстановки в регионе большинство их склонно считать, что ситуация скорее неблагоприятная или неблагоприятная (здесь мнения населения и экспертов совпадают).

Экологическое окружение является показателем качества жизни. То что, большинство населения оценивает его как неблагоприятное, свидетельствует о том, что у населения нет удовлетворенности состоянием окружающей среды. Это снижает уровень субъективной оценки качества жизни.

Экологическая обстановка для разных регионов характеризуется разной степенью консервативности/подвижности. Есть сейсмоопасные районы, где в течение короткого времени могут измениться ландшафт, воздух, качество воды. Для Республики Татарстан экологическое окружение с точки зрения географии имеет достаточно консервативные характеристики. Накапливающиеся в течение года изменения для самочувствия человека не столь заметны. Отсутствие резких изменений экологической обстановки, связанных с промышленным производством (резкий выброс отравляющих веществ в воздух, воду, почву; пожары и т. п.), также создает впечатление относительной стабильности. Это подтверждается ответами респондентов на вопрос об изменениях экологической обстановки за последний год. Так, большая часть населения республики выбрала вариант «осталась прежней», оценивая обстановку в стране (39 %), в Татарстане (40 %) и в районе собственного проживания (46 %). В то же время доля тех, кто считает, что состояние экологии скорее ухудшилось, значительно больше тех, кто полагает, что состояние скорее улучшилось (соответственно 29, 31, 23 % и 9, 13, 14 %). Оценивающих изменения экологической обстановки в крайних вариантах «значительно улучшилась» или «значительно ухудшилась» мало — максимальное значение 6 %. Примерно одинаковое число экспертов выбрали ответы «осталась прежней» и «скорее ухудшилась» в стране и в регионе (38 и 42 % соответственно). Относительно изменений экологической обстановки в месте собственного проживания 50 % специалистов выбрали вариант «осталась прежней», 29 % — «она скорее ухудшилась».

Как видим, в данном вопросе значительного расхождения между мнениями населения и экспертов не выявлено. Это свидетельствует о том, что ощущения, чувства, мнения населения относительно окружающей экологической обстановки в большой степени соответствуют реальности. Неблагополучность экологической обстановки подтверждается и статистическими данными. Например, экологическое положение

в г. Казани сухим языком фактов описывается следующим образом: «По данным Управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Республики Татарстан уровень загрязнения атмосферного воздуха в г. Казани по-прежнему превышал санитарно-гигиенические нормы. Отмечалось превышение предельно допустимой концентрации оксида углерода (30 случаев), диоксида азота (78 случаев). Не отвечает нормативным требованиям и качество воды в р. Казанка. В феврале текущего года здесь зарегистрировано превышение предельно допустимой концентрации нефтепродуктов и фенола по 2 случая, меди и азота нитритного по 1 случаю, более 10 ПДК; меди 1 случай»⁵.

Следует отметить, что большая часть населения Казани, других городов и сел ответила, что недостаточно получает информацию по вопросам окружающей среды (58, 54 и 45 % соответственно). В целом по республике выбравших этот ответ составил 54 %. Поэтому при оценке окружающей природной среды люди больше опираются на собственные ощущения, возможно, слухи. Вероятно, что основой для подобной оценки чаще всего становится состояние собственного здоровья. Например, в г. Казани уровень смертности преобладает над уровнем рождаемости⁶. Большинство экспертов (71 %) также считает, что население не информировано по вопросам состояния окружающей среды. При этом, отвечая на вопрос о достаточности информации для них самих, 29 % специалистов высказались утвердительно, а 72 % — отрицательно. Иными словами, эксперты еще более остро ощущают недостаток экологической информации.

Наибольший интерес у населения в потоке информации об экологическом окружении вызывают действия органов власти по улучшению экологической обстановки (58 %), 53 % интересуется фактическим состоянием окружающей среды. Значителен интерес опрошенных к информации о том, как избежать покупки и использования экологически неблагоприятных продуктов (49 %). Причем для горожан, кроме казанцев, это наиболее важная информация (51 %). Для жителей Казани наиболее часто обозначаемой оказалась информация о фактическом состоянии окружающей среды (69 %).

Экспертов в первую очередь интересует фактическое состояние окружающей среды (79 %), поскольку именно эта информация составляет предмет их профессиональ-

ного интереса. На втором месте по частоте указания находится вариант «действия органов власти по улучшению экологической обстановки» (71 %). Вариант «как избежать покупки и использования экологически неблагоприятных продуктов» также актуален для 50 % экспертов. Следует заметить, что 54 % специалистов обратили внимание на важность информации об экологических проблемах жилых помещений, среди населения на этот вариант указали лишь 19 % респондентов.

Полученные результаты показывают, что населению интереснее то, что делает государство для решения экологических проблем, нежели то, как оно само может участвовать в такой деятельности. Это предположение подтверждается нежеланием участвовать в природоохранных мероприятиях значительного числа татарстанцев (37 %), из них в Казани — 55 %, в других городах и селах — 18 и 27 % соответственно. Максимальный процент желающих принимать участие в мероприятиях по улучшению экологической обстановки оказался на селе 45 % против 19 % в Казани и 41 % в других городах республики. Здесь больше процент тех, кто реально участвует в таких мероприятиях, — 15 %, тогда как в Казани таких 7 %, а в других городах — 9 %.

Наиболее эффективным для защиты окружающей среды население Республики Татарстан считает экологическое воспитание (83 %), привлечение к ответственности нарушителей (80 %), законодательное регулирование (76 %). Признали эффективным экономическое регулирование, общественные выступления 55 % опрошенных.

Известно, что формирование экологического сознания является необходимой основой понимания проблем окружающей природной среды, поиска путей выхода из сложившейся ситуации. В основе экологического сознания лежит соответствующее образование и воспитание. Как отмечает Л. М. Яо, единство экологического образования и воспитания является залогом становления экологической культуры общества как особого социокультурного феномена, в котором отражается общепринятая модель отношения к природе⁷.

Анализ результатов исследования позволил сделать некоторые выводы. Населением и экспертами экологическая обстановка в месте проживания в основном оценивается как «неблагополучная» или как «скорее неблагоприятная».

Статистические данные о состоянии воздуха, воды и почв подтверждают наличие экологических проблем в Татарстане. Среди экологических факторов наибольшую обеспокоенность у населения и экспертов вызывают качество питьевой воды, возможность отравления вредными веществами в продуктах питания. Население и эксперты четко обозначают тесную зависимость таких элементов качества жизни, как экологическое окружение и здоровье, при этом население Республики Татарстан проявляет заметную пассивность в решении экологических проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Выступление В.В. Путина перед доверенными лицами. 12 февр. 2004. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова // Сайт Владимира Путина. URL: <http://www.v-v-putin.ru> (дата обращения: 24.02.2004); Послание Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева Государственному Совету Республики Татарстан. Казань, 2004.

² См.: Журавлева И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2002. С. 7.

³ Вайнер Э.Н. Валеология. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 39; Веселкова И.Н., Комаров Ю.М. Как сохранить нацию. М.: Академкнига, 2002; Сердюк А.М. Непростые заботы человечества: научно-технический прогресс, здоровье человека, экология. М.: Политиздат, 1988. С. 219.

⁴ См.: Республика Татарстан 2004: стат. сб. Казань, 2005. С. 129.

⁵ Социально-экономическое положение г. Казани: комплексный информ.-аналит. доклад № 3 (январь-март 2004 г.). Казань, 2004. С. 35.

⁶ См.: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения г. Казани за 1998—2001 гг. Казань: Отдел оперативной печати РМБИЦ МЗ РТ, 2001. С. 6.

⁷ См.: Яо Л.М. Экологическое сознание российского общества в период трансформации: социологический анализ: автореф. .... д-ра социол. наук. Казань, 2005. С. 48.

Поступила 14.08.08.

Д. В. ОРЛОВ

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ: РОЛЕВАЯ СУБКУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: молодежь; субкультура; ролевое движение; глобальное; локальное; региональное; толкиенизм; социальный феномен

Key words: young people; subculture; role movement; global; local; regional; tolkienism; social phenomenon

Современная культура российского общества является результатом многочисленных изменений его общественного устройства и специфическим местом России между Востоком и Западом. Последствия глобализации (развитие информационных технологий и масс-медиа) до сих пор не привели к становлению информационного общества, однако укрепили за большинством стран постмодернистское понимание культуры и демонстративную модель потребления. Современное российское общество, с запозданием вступившее на путь конкурентоспособности идей, во многом является разделенным в силу региональных особенностей и, что самое важное, культурной раздробленности.

Изначальным импульсом к возникновению в России субкультуры ролевого движения стала книжная мода на произведения Дж. Р. Толкина. Увлечение молодежи «миром» этого писателя привело к становлению в регионах ролевых игр. Первая всероссийская ролевая игра состоялась в 1990 г. под названием «Хоббитские Игрища». Именно эта дата и стала точкой отсчета ролевого движения в России, определявшегося тогда еще как толкиенизм и бывшего одним из неформальных сообществ центральных городов России конца 80-х гг. Картина неофициальной культуры молодежи в то время была достаточно разнообразна, но в целом ее можно

ОРЛОВ Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

подразделить на группы культурно-досуговой ориентации, группы альтернативного образа жизни и социально-политические группы¹. В качестве основных источников формирования ролевого движения исследователи называют различные неформальные молодежные субкультуры и организации. Так, одни авторы указывают на клубы любителей фантастики, военно-исторические (патриотические) клубы и тусовки неформалов², другие считают толкиенизм продолжением хиппизма, клубов самодетельной песни и туристического движения³. В любом случае можно утверждать, что ролевое движение возникло и развивалось на основе российского культурного пространства как объединение усилий и навыков разнонаправленных неформальных групп, а не как заимствование западной культуры, являющееся наиболее частым механизмом воссоздания субкультур.

Центрами толкиенистского (впоследствии и ролевого) движения с начала 90-х гг. становятся крупные российские города: Екатеринбург, Казань, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург. Именно там были проведены первые крупные ролевые игры и фестивали — «конвенты». Центроостремительное движение субкультуры, увеличивающее ее сплоченность вокруг культурных мегаполисов, способствовало формированию и укреплению традиций ролевых игр, становлению статуса ролевой субкультуры. Усиление авторитета некоторых регионов привело к расколу и падению качества ролевых игр в период с 1999—2001 гг. Группы их организаторов (мастеров) распадаются. По мнению Л. Бочаровой, вся страна разделилась на региональные игровые «зоны», среди которых активно действовало несколько успешных мастерских групп всероссийского уровня. Такие группы организовывались вне территориальной основы, образуясь из мастеров и «игротехников» различных регионов⁴. Такая территориальная разделенность обогатила ролевое движение, поскольку в каждом региональном центре создавалась собственная атмосфера игр. В условиях децентрализации возникают различия в трактовке и проведении ролевых игр в силу своеобразия индивидуальной истории возникновения местного сообщества и степени благоприятности условий. Так, для Северо-Западного региона в становлении ролевых игр было характерно влияние хиппи и туристов, а также фэндомов и клубов самодетельной песни. Ролевое движе-

ние в Омске базировалось на историческом моделировании, обусловив интерес ролевиков к историческим играм и антуражной стороне игр⁵. Региональная специфичность ролевого движения в Ульяновске обусловлена тесным взаимодействием ролевиков с членами клуба фехтования и борьбы «Рысь»⁶. Тусовки как самобытный центр «неформальной» ролевой коммуникации, по данным исследований НИЦ «Регион», оставались характерными только для центральных городов России (Москва и Санкт-Петербург). Однако такие города, как Ульяновск, восприняли поволжскую модель криминальных молодежных группировок по примеру «казанского феномена», и такая специфичность субкультуры ролевиков была препятствием для развития.

Централизация ролевых игр, несмотря на сложившуюся практику региональности этой субкультуры, имеет своих сторонников. Обсуждается возможность создания единой российской системы или ассоциации ролевого движения. Однако большинство ролевиков опасается такой возможности, поскольку выстраивание общей иерархии может угрожать общему духу свободы ролевых игр, унаследованному от неформальных течений конца 80-х гг. Поэтому в настоящее время организация игр и мероприятий осуществляется отдельными творческими коллективами⁷, что отвечает негласным приоритетам сообщества. Ю. Ледакова, например, считает, что ролевиков невозможно объединить в вертикальную структуру, потому что эта субкультура в силу своей неформальности основана на горизонтальных социальных сетях⁸.

Ролевое движение, являясь одной из наиболее крупных молодежных субкультур на территории России, существует в условиях территориальной неопределенности приоритетов. Учитывая данные опросов 2002 г., молодые люди не считают, что их благополучие зависит от общества (64 %). Приоритетными они считают создание условий, при которых «каждый мог бы позаботиться о себе и своих близких» (48 %)⁹. Согласно данным опроса 2003 г., 61 % респондентов в возрасте от 18 до 35 лет стремится как можно быстрее уехать из родного города или села¹⁰, что подчеркивает тенденцию к автономности не только от общества, но и семьи. Приходится констатировать, что молодежь привыкла рассчитывать в первую очередь на свои силы, и в ближайшем времени ситуация вряд ли изменится. Современный экономический

кризис снова подвергает сомнению доверие к государству. Поиск значимой референтной группы на локальном уровне, которой для молодых чаще всего становится неформальная субкультура, способствует социальной интеграции индивида, утратившего доверие к государству, а игровая парадигма ролевого движения позволяет приспособиться к неустойчивому социальному обществу эпохи постмодерна.

Ролевое движение — явление глубоко специфичное для современной российской действительности. Этот социальный феномен как субкультура стал результатом изменений, вызванных массовой западной культурой на постсоветском пространстве, но ролевое движение как социальная группа сформировалось на основе региональной специфики неформальных молодежных объединений России. Даже в эпоху культурной нестабильности и заимствования западных образцов субкультура ролевого движения обладает независимостью и национальной специфичностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Славко М.А. Ролевое движение в России в 1990—2006 годах. Тверь: ТГУ, 2007. С. 19.

² См.: Фегисов Б. О загнивании // Арда на куличках. URL: <http://www.kulichki.ru> (дата обращения: 22.06.2007).

³ См.: Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 98.

⁴ См.: Бочарова Л. История Ролевого Движения в России — от Античности до Нового времени. URL: www.rpg.nsk.ru (дата обращения: 20.06.2007).

⁵ См.: Славко М.А. Ролевое движение в России ... С. 58.

⁶ См.: Пилкинтон Х., Омельченко Е., Финн М., Блюдина У., Старкова Е. Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб.: Алетейя, 2004. С. 126.

⁷ См.: Толмачев С. Ролевое движение и партийное строительство 2001. URL: www.rpg.nsk.ru (дата обращения: 01.05.2007); Осипов В. Перспективы развития ролевых игр 2002. URL: www.orclub.ru (дата обращения: 01.05.2007).

⁸ См.: Ледеякова Ю. О партии и попытке организации ролевого движения в вертикаль // *Magister Ludi*. 2004 № 6.

⁹ См.: Качкин А. Принципы и ценности молодежи // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 05.06.2007).

¹⁰ См.: База данных ФОМ // Опросы: современные выпускники. URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения 05.06.2007).

Поступила 10.01.09.

Т. И. ЕРОХИНА

ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Ключевые слова: провинциальность, художественная картина мира, русский символизм, повседневность, быт, космополитичность

Key words: provinciality; art picture of the world; Russian symbolism; daily occurrence; way of life; cosmopolitanism

Постижение провинциальности и изучение русской провинции сегодня имеет сложившуюся научную традицию. Обозначено исследовательское поле, определены важнейшие направления и принципы исследований, сформирована методология изучения провинциальности и провинции. Теоретическая база осмысления провинциальности в русской культуре была заложена в трудах философов и мыслителей второй половины XIX — начала XX в.

Осмысление провинциализма и провинциальности как черт русской ментальности — одна из ведущих тем русской литературы второй половины XIX в. Сегодня многих исследователей привлекают провинциальные миры, созданные Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, М. Е. Салтыковым-Щедриним, А. П. Чеховым. Тем не менее, следует отметить отсутствие исследований, посвященных изучению провинциальности в художественной картине мира русских символистов, хотя среди мэтров символизма, общепризнанных «предтеч» декаданса и символизма в России, есть выходцы из провинции (К. Д. Бальмонт, Ф. Сологуб).

Отчасти это можно объяснить тем, что проблема провинциальности, соотношения столицы и провинции не была доминирующей в самосознании русских символистов. Для художественной культуры конца XIX — начала XX в. ха-

ЕРОХИНА Татьяна Иосифовна, докторант кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета, кандидат культурологии, доцент.

рактерно создание собственного хронотопа, в рамках которого пространственные и временные отношения приобретали особый смысл и были связаны с такими категориями, как «Запад» и «Восток», «рубеж», «эсхатология» и др.

Художественная картина мира представляет собой сложный феномен, содержание и структура которого зависят от значительного количества факторов, среди которых есть объективные (научные представления, историко-культурная ситуация, национальные традиции) и субъективные (принадлежность к субкультуре, индивидуальный опыт, специфика творческой личности). Бесспорным является то, что любое художественное течение, независимо от степени его однородности, создает и передает последующим поколениям определенную художественную картину мира. Если, по мнению В. С. Жидкова и К. Б. Соколова, «при формировании картины мира реальность как бы удваивается: с одной стороны, существует некая объективная реальность, с другой — ее психическая модель»¹, то возможно предположить, что формирование художественной картины мира предполагает «утраивание» реальности, поскольку создается художественная модель реальности, имеющая символический смысл.

Понятие «художественная картина мира символистов» имеет условное значение. В данном случае мы определяем наиболее типичное содержание картины мира, свойственное русскому символизму, не дифференцируя этапы и школы развития этого направления в России, а также акцентируя внимание на индивидуальных взглядах отдельных представителей символизма, связанных наиболее тесным образом с провинцией.

Для русского символизма проблема провинции и провинциальности не сводится к определению пространственных границ. Она рассматривается символистами в иных ракурсах, выходящих за рамки традиционного в русской литературе XIX в. понимания провинции как захолустья, пошлости и мелочности. Провинциальность для символистов скорее соотносится с понятиями «обыденность», «быт», «повседневность».

По мнению С. Бойм, «в культуре, для которой эсхатологическое и апокалиптическое неразрывно связано с идеей национального, мало терпимости по отношению к обыденному, переходящему и повседневному»². На рубеже

XIX—XX вв. быт воспринимается не только как бездуховность, но и как «мир мелочей», не заслуживающий внимания, бессмысленный и пугающий.

Об этом мире пишет Д. С. Мережковский, сопоставляя творчество А. П. Чехова и М. Горького³. Он приходит к выводу, что быт Чехова равносителен небытию, пустоте. «У чеховских героев нет жизни, а есть только быт — быт без событий или с одним событием — смертью, концом быта, концом бытия. Быт и смерть — вот два неподвижных полюса чеховского мира»⁴. Для Д. С. Мережковского чеховская повседневность — болезнь, избавиться от которой может только смерть. Но самое страшное, по мнению Мережковского, не только это, а то, что, кроме этого быта, не может быть ничего. Поэтому обыденно для Чехова все: любые события, включая и смерть.

Еще более показательны размышления З. Н. Гиппиус по поводу быта в творчестве Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. Выбор имен не является случайным, для поэтессы оба писателя — знаковые фигуры в русской литературе XIX в. Кроме того, творчество их отражает две тенденции восприятия быта, сложившиеся в культуре конца XIX в. Оба писателя любят жизнь «в ее мелочах», бытовых проявлениях. Если для Достоевского быт — пошлость и небытие, провалы, пугающие своей пустотой, то Чехов, по мнению З. Н. Гиппиус, не понимает, как страшен и опасен быт. Покой, неподвижность для его героев — соблазн, «из чеховской нежной, тонкой, слепой скуки нет другого пути, как в последнюю сладость последнего замерзания»⁵. Для З. Н. Гиппиус эта проблема ставится не как проблема быта или его отсутствия, а как проблема бытия или небытия, где «мелочи жизни», быт есть свидетельство небытия, которое либо ужасает, либо сладко убаюкивает, обещая тепло и уют, но и в том и другом случае несет разрушение.

С. Бойм замечает, что «со времени романтизма повседневность видится как „пошлость жизни“, застой и повторение, лишённые какого бы то ни было трансцендентного или поэтического смысла. Такова повседневность с точки зрения поэтов и интеллигентов, которые часто говорили от имени „маленького человека“, но не так часто его слушали»⁶. Для декадентов провинциальный быт — своеобразный синоним «чертовщины», скуки, пошлости. Быт для З. Н. Гиппиус

настолько страшен, что приобретает мистическое звучание: он не создается людьми, а «рождается сам», из «колеса» быта почти нельзя вырваться, он затягивает и убивает, «затирает личность».

Вместе с этим русские символисты не отрицали сложившуюся литературную преемственность в художественной культуре конца XIX — начала XX в. Поэтому для символистов А. П. Чехов — предшественник, единство творческих поисков с которым обыденность осознается более отчетливо, чем отрицание или противопоставление. А. П. Чехов, по мнению А. Белого, «не может не быть символистом». Потому в творчестве А. П. Чехова «сам по себе взятый момент жизни при углублении в него становится дверью в бесконечность»⁷. Не представляется случайным то, что А. Белый выделил два знаковых имени в литературе рубежа XIX—XX вв.: «В Чехове начался, в Сологубе заканчивался реализм нашей литературы. Чехов оказался внутренним, но тайным врагом реализма, оставаясь реалистом. Сологуб поднял знамя открытого восстания в недрах реализма»⁸.

Причиной подобного утверждения стало рассмотрение провинциальности в творчестве Ф. Сологуба. Его жизнь оказалась самым тесным образом связана с провинцией. Именно в провинциальных городах (Крестцы Новгородской губернии, Великие Луки, Вытегра) формируется писательский талант Сологуба, рождаются первые декадентские произведения. Показательно, что даже З. Н. Гиппиус определяет свое первое восприятие Ф. Сологуба именно через соотношение «столичности» (по месту рождения) и «провинциальности» (по месту обитания): «Петербуржец, но служил до сих пор в провинции»⁹. А. Белый отмечает, «что персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены — ведь все это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка»¹⁰, а А. Н. Чеботаревская справедливо указывает, что многие образы «Мелкого беса» были взяты с «натуры» и содержат «нравы провинциальных болот того времени»¹¹.

Вместе с этим никто из критиков не мог назвать Ф. Сологуба провинциалом. Дело не только в том, что он родился и учился в Петербурге, где продолжил свою писательскую карьеру. Слишком фантастичен, страшен, «нереален» был

тот провинциальный мир, который рождался в его произведениях. Это уже мир декадента, для которого понятие «провинция» приобретает совершенно другие границы и масштабы. Провинция становится системой координат, в которой существует человек без учета фактического места рождения или проживания.

Для чеховских персонажей пространство провинции — родной «угол» (не край или дом). Именно в «родном углу» Варя поддается обаянию степи, забывая о пошлом и думая, «как здесь просторно, как свободно»¹². В дороге ей открываются картины «громадные, бесконечные, очаровательные своим однообразием»¹³, но, доехав до усадьбы, она думает что эта «нескончаемая равнина ... поглотит ее жизнь, обратит в ничто», и ей придется «поселиться в глухой усадьбе и изо дня в день, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад»¹⁴.

В сологубовской прозе тоже есть «свой угол», тот угол, о котором А. Белый написал: «...Добрая половина обитателей глухой провинции — бессознательные буддисты: сидят на корточках перед темным, пустым углом. Сологуб доказал, что и переселяясь в столицы, они привозят с собой темный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть огромный Сапожок»¹⁵.

Для А. П. Чехова и Ф. Сологуба — это угол, который есть всегда с русским человеком независимо от места его нахождения; это провинциальность, которую нельзя истребить. Если А. П. Чехов, по мнению Д. С. Мережковского, гениален тем, что во всем он видит обыкновенное, невидимое, и страшен тем, что «кроме этого быта, ничего не знает и не хочет знать»¹⁶; то Ф. Сологуб с его поэзией смерти, пыли, плена рисует провинциальное захолустье так, что «все обычное становится ужасным».

Поэтому даже реальное провинциальное пространство в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» приобретает специфическое значение. Определение пространства в творчестве писателя достаточно условно и не является доминирующим, несмотря на яркие и точные зарисовки провинциального быта. Важнее не провинция как географическое пространство, а «передоновщина» — создание, по словам А. Г. Горнфельда, «более недействительное при всей своей повседневности»¹⁷,

и ««мертвые души» русской провинции, в карикатуре изображенные Гоголем, — возвышенные создания в сравнении с удивительно мерзостными и нелепыми призраками, которыми населил свой город Сологуб»¹⁸.

Провинциальность в творчестве Сологуба — это скорее мироощущение, мировосприятие, гротескный, фантастически страшный мир, часть которого есть в каждом русском человеке, поскольку каждый человек и создает этот провинциальный мир, населенный «недотыкомками». Поэтому, по определению А. Горнфельда, «Сологуб наш, страшно наш, и мы — его... Он создал и создает целый мир, которого мы не знали бы без него; и эта „творимая легенда“ при всей фантастичности, извращенности, причудливости, непонятности — ...есть все-таки настоящая подлинная реальность»¹⁹.

Тема провинциальности не исчерпывается ее пространством или провинциальностью жизни русского человека. Провинциальность — это черта, свойственная и самому Ф. Сологубу, которого многие современники воспринимали как натуру двойственную и противоречивую.

Двойственность Ф. Сологуба заключается в наличии в нем страшного «угла», который он пытается преодолеть в себе и своем творчестве, предлагая многочисленные переводы С. Верлена, Вольтера, Ги де Мопассана, Ш. Бодлера, Т. Готье, Г. Клейста (стремление выйти за рамки русской культуры), совершая ряд поездок по провинции с лекцией «Искусство наших дней», посещая Европу (раздвигание реальных географических рамок своего существования), меняя свой «провинциальный» уклад жизни с сестрой (об этом вспоминал Г. И. Чулков: «Казалось, что ты сидишь не в Петербурге, а где-нибудь в далекой провинции...»²⁰) на светскую столичную жизнь с женой А. Н. Чеботаревской (с балами-маскарадами, поэтическими вечерами и т. д.).

Парадоксальность творчества Сологуба во многом была осмыслена современниками как органическое соединение космополитичности декадентства («декадентом он упал с неба, и кажется иногда, что он был бы декадентом, если бы не было ...декадентства... Такова ирония истории: сын полтавской крестьянки, внеисторический Ф. Сологуб оказался стихийным воплощением... нового течения»²¹) и провинциальности мироощущения, которое и позволило Сологубу создать в литературе новую эмоциональную индивидуальность,

секрет которой заключался в том, что писатель наделил героев своих произведений фактами собственной биографии и чертами своей личности.

В этом же ракурсе соотношения провинциальности и космополитичности может быть рассмотрена личность К. Бальмонта — еще одного русского символиста. Если Ф. Сологуб был позиционирован критиками как «...самый настоящий декадент среди русских, ...и самый русский среди декадентов»²², то К. Д. Бальмонт обозначен как «иностранец» в русской культуре и как «русский Бодлер или русский Верлен»²³.

Такое «иностранное» положение К. Д. Бальмонта вовсе не случайно. Космополитизм его жизнетворчества заключен в его внешней оторванности от конкретного места. Поэт преодолевал провинциальное отношение к пространству. Он с легкостью пересекал континенты, был склонен к кругосветным путешествиям, не боялся экзотики и с невероятной легкостью вбирал в себя весь «чужой» мир, делая его частью своей души, стремясь открыть для России мировую культуру, вобрать в себя все достояние западноевропейского искусства.

Воплотив свою мечту, став «гражданином мира», осев в Париже, а затем перебравшись в его окрестности, к концу жизненного пути К. Д. Бальмонт вдруг становится «провинциалом», ведущим достаточно замкнутый образ жизни, тоскующим по Родине, по русскому языку. Эти изменения связаны не только с чувством ностальгии, но и с осознанием провинциальности как части своей души, где провинциальность сродни понятию Родины, а космополитизм — чужбины.

Ни Ф. Сологуба, ни К. Д. Бальмонта невозможно назвать «провинциалами»: слишком велика негативная окраска и слишком неоднозначна трактовка этого определения. Но в данном контексте они могут быть названы «великими провинциалами», преодолевшими (каждый по-своему) узость и ограниченность провинциального мышления и сохранившими чистоту, искренность и новизну провинциального мироощущения в созданной ими художественной картине мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жидков В.С., Соколов Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. С. 62.
- ² Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. С. 49.
- ³ См.: Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Эстетика и критика. М.: Искусство, Харьков: СП «Филио», 1994. Т. 1. С. 620—670.
- ⁴ Там же. С. 626.
- ⁵ Крайний Антон (З. Гиппиус). Литературный дневник. М.: Аграф, 2000. С. 159.
- ⁶ Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. С. 159.
- ⁷ Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 357.
- ⁸ Там же. С. 336.
- ⁹ Гиппиус З.Н. Живые лица. СПб., Азбука, 2001. С. 214.
- ¹⁰ Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. С. 336.
- ¹¹ См.: Русская литература XX века (1890—1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова: в 2 кн. М.: Издат. дом «XXI век — Согласие», 2000. Кн. 1. С. 389.
- ¹² Чехов А.П. В родном углу // Собр. соч.: в 12 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. С. 254.
- ¹³ Там же. С. 224.
- ¹⁴ Там же. С. 247.
- ¹⁵ Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. С. 336.
- ¹⁶ Мережковский Д.С. Чехов и Горький. С. 626.
- ¹⁷ Цит по: Русская литература XX века ... С. 422.
- ¹⁸ Там же. С. 425.
- ¹⁹ Там же. С. 439.
- ²⁰ Чулков Г.И. Валтасарово царство. М.: Республика, 1998. С. 497.
- ²¹ Русская литература XX века ... С. 392.
- ²² Там же. С. 393.
- ²³ Орлов Вл. Бальмонт. Жизнь и поэзия // Орлов Вл. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. М.: Худож. лит., 1976. С. 181.

Поступила 19.02.09.

О. С. КЛЕПАЦКАЯ

**ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ РУССКОГО ЦИРКА
ЭПОХИ МОДЕРНА**

Ключевые слова: Серебряный век; философия; театр-цирк; иллюзионизм; игра; цирковое искусство; зритель; карнавальность; аттракцион; иллюзион

Key words: Silver Age; philosophy; theatre-circus; illusionism; play; circus art; spectator; carnivality; attraction; illusion

Эпоха Серебряного века¹ или «русского культурного ренессанса», типологически совпадающая с эпохой модерна, охватывает период 1890—1917 гг. Его особенностью является мощный всплеск проявления новых видов искусства (например, кинематограф, эстрада), что ознаменовало расширение культурологической инфраструктуры. Однако самое главное, что характеризует художественную культуру этого времени, — это ее зависимость от философско-эстетической мысли. Никогда ранее русская философия «так органично и всеохватно, так непосредственно и глубоко не внедрялась в русское искусство»². В этот период философия становится в России подлинной наукой. Наиболее влиятельным среди философов был В. С. Соловьев. К нему восходят основные атрибуты культурного сознания: акцентуация *личностного начала*; *этический индивидуализм*; *самоценность искусства*; эстетический универсализм, идущий от проекции идеи красоты на все сферы духовной жизни; *антропоцентризм* (ярко проявившийся в художественном творчестве); *диалог культур*; *художественный и внехудожественный синтез* (с доминированием «духа музыки»).

Совокупность этих характеристик делает культуру Серебряного века узнаваемой, неповторимой и уникальной. Иллюстрацией этому, в частности, служит творчество русских

КЛЕПАЦКАЯ Ольга Сергеевна, аспирант кафедры культурологии и рекламы Вятского государственного гуманитарного университета.

поэтов-символистов. А. А. Блок писал: «Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть „специалистом“... Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте, тем более — прозаике о поэте и поэт о прозаике ... Так же как неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, даже — политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке...»³.

В процесс экстенсивного развития художественно-интеллектуальной среды оказались вовлеченными различные культурные формы повседневности — зрелищные представления, звукозапись (фонограф), а также новаторские методы работы концертно-театральных организаций и обществ. Соединение высокого и низкого, содержательного и технического, художественного и организационного аспектов (с явной тенденцией к стиранию жанрово-видовых, эстетических и социальных границ) определило принципиально новое качество художественного синтеза, а вместе с ним — значение эпохи.

В это время искусства хроносферы (музыка, театр, эстрада, цирк, кинематограф), развиваются с ориентацией на разрушение установок традиционного (исторически сложившегося) восприятия и поведенческих стереотипов публики по принципу их свободного полифонического взаимодействия. Характерно, что ожидание подобного синтеза было подготовлено исторически. В справочнике Б. С. Родкина «Вся театрально-музыкальная Россия. 1914»⁴, представляющему собой уникальный историографический памятник, содержится богатая информация о театральной культуре в российских городах, где обращает на себя внимание тот факт, что закрытые (зимние) театры функционировали как оперные и одновременно были предназначены для цирковых представлений⁵. Так называемый «театр-цирк» (предшественник Мариинского), сооруженный в середине XIX в. в Санкт-Петербурге по итальянскому образцу, стал институциональной моделью для провинциальных аналогов. Театры-цирки «двойного» назначения (синтетические по своему социокультурному предназначению), судя по дан-

ным, приводимым Б. С. Родкиным, существовали в десяти городах России: Варшаве, Омске, Ташкенте, Хабаровске, Харькове, Люблине, Самаре, Мерве Закаспийской области, Скобелеве Ферганской области, Умани Киевской губернии. Таким образом, изначальное совмещение функций, задаваемое стационарной сценой, влекло за собой совмещение разножанровых и разностилевых элементов в пространстве циркового представления, что отвечало «синтетическим» тенденциям времени. Знаковым для эпохи модерна становится сосуществование в одном концерте симфонических произведений и развлекательных номеров, любительских народных коллективов и признанных гастрوليрующих солистов. Способность публики к усвоению предлагаемых организаторами художественных мероприятий самых разнообразных жанрово-стилевых комбинаций, сочетание ранее не сочетаемых форм формировали *поликультурное мышление*, становясь символом времени.

Каждая эпоха выдвигает свои требования к «высокому» искусству и зрелищным формам культуры. Если цирк конца XVIII в. отразил взгляды русского общества, «стремившегося к образу человека, преодолевающего границы доступного»⁶; если специфика цирка первой половины XIX в. определялась «усложнением мимической и пластической выразительности»⁷, а цирковые номера во второй половине XIX в. представляли собой «красивое и изысканное зрелище», базирующееся на технических элементах и достижениях конного спорта, то в ситуации рубежа XIX—XX вв. цирк воспринимается как мозаика жанров, театр масок, мир фантастических превращений-перевоплощений, волшебный, чудесный дом. Фокусы, жонглирование, эквилибристика, клоунада, дрессура животных составляют каркас этой пестрой жанровой конструкции, в которой переплелись давние традиции ярмарочно-балаганной культуры (виртуозные трюки «прыгунов», выступления канатоходцев, клоунов и т. д.) и эстетика производственного пространства конного цирка (круглого манежа), ориентированного на условность и возвышенный строй театра (опера, балет). Социальная подоплека этих встречных движений понятна, если учесть, что в ходе своей эволюции русский цирк не только развлекал, но и восхищал, удивлял, воспитывал.

В какой мере дореволюционный цирк выразил эстетику своего времени? Экспликация эстетико-стилевых характеристик эпохи модерна на цирковое искусство просматривается, на наш взгляд, через категории *иллюзионизма* и *игры*.

Игровое начало релевантно структуре циркового зрелища. Цирк — это представление, спектакль, где все элементы организуются по определенным правилам развивающегося действия, где «игрок либо дополняет другого игрока, либо отражает действие противоположной роли»⁸. В цирке «эпохи чародеев», господства «форм полубытия»⁹ (многочисленных русалок, наяд, фавнов, панов) действует установка на иллюзию, «жизнь лишается реальных отношений, все превращается в игру»¹⁰, а сам человек — в *homo ludens*, «человека играющего». Игра — неотъемлемая часть культурогенеза циркового искусства. Важно подчеркнуть, что игровую природу цирка в любые культурно-исторические эпохи обнаруживают особые отношения артистов со зрителями, выстраиваемые как активный и действенный диалог, при котором «коллективная эмоция выплескивается за „рампу”»¹¹. В результате происходит сближение игры со зрелищем. В определенном смысле клоунские репризы — это игра со зрителем, манифестация дерзости в сфере свободы, «дионисийский танец ребенка», который «освобождает, крушит гнетущие ценности, смеется над оскопляющей ее (игру — О. К.) идеологией, раскрепощает жизненную энергию»¹².

Дионисийской свободе близка эстетика карнавала. Цирк начала XX в. оказался включенным в процесс, который называли «карнавалризацией жизни». Действительно, цирк карнавален уже не только в силу инфраструктурного устройства, организации и содержания художественного пространства, но и мифологически. Это «праздник торжества жизни над смертью»¹³. *Карнавальность*, *масочность* вписываются в характерную для модернизма (особенно для символистов) систему знаков-символов, ставшую основой художественного мышления эпохи.

Установка на игру, иллюзионизм, карнавальность повлекла за собой рождение феномена *аттракциона*¹⁴. Онтологически и генетически связанный с зарождением массовой культуры в России аттракцион оказался адекватной формой самосознания эпохи, в которой причудливо ассимилировалось высокое и низкое, профанное и сакральное, придуманное и

жизненное. Он стал ключевым жанровым элементом, объединив элитарную и массовую публику. Рассчитанный именно на сенсационность, эпатажность аттракцион смоделировал такие свойства модернистского культурного сознания, как потребность в символической условности, зрелищности, сильных («незащищенных») эмоциях. Все, что было «приманкой для зрителя», удерживало его внимание и формировало ту «силу притяжения, без которой это внимание не могло бы возникнуть»¹⁵, вполне отвечало духу времени.

Модернистское мироощущение тяготеет к сенсационности, к тому, чтобы удивлять и восхищать. Стремление удивить — это онтологическая черта цирка. Сенсация как инструмент воздействия на сознание есть, по мнению М. И. Туровской, «способ заставить жизнь врасплох, увидеть ее на изломе в критические моменты, когда сама действительность, не дожидаясь искусства, заостряет свои тенденции до степени символа»¹⁶. Возможно, что именно по этой причине в рассматриваемый период своего расцвета достигает жанр *иллюзиона*. В известном смысле он воплотил мечту о господстве просвещенного разума над Вселенной, идеал антропной власти над реальностью. В еще большей степени антропологический аспект заявил о себе в представлениях воздушных акробатов, которые соединили возможности техники и сверхвозможности человека, закрепив свое превосходство над публикой и заставив смотреть ее снизу вверх.

Таким образом, русский цирк Серебряного века — это зеркало философско-эстетических и стиливых исканий, способ зрелищного общения, а также наглядная, доступная форма культурной коммуникации. Для выстраивания дальнейшей перспективы исследования этого феномена важно заметить, что в цирке рассматриваемого периода сформировались все предпосылки современного циркового представления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уместно заметить, что по последним научным изысканиям термин «Серебряный век» применительно к двум десятилетиям рубежного времени принадлежит поэту русской эмиграции Н. Оцупу, в 1933 г. издавшем в г. Париже в сборнике «Числа» (№ 7—8) статью «Серебряный век». Позднее он подтвердил свое авторское право на культурологическое наполнение этого понятия в письме к Ю. Иваску. Впервые это уточнение сделано

Л.З. Корабельниковой в статье «Музыка в художественной культуре Серебряного века», опубликованной в многотомном издании «История русской музыки». Т. 106. 1890—1917 годы. М.: Музыка, 2004. С. 11.

² Корабельникова Л.З. Музыка в художественной культуре ... С. 12.

³ Блок А. Без божества, без вдохновенья // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.—Л., 1962. С. 175—176.

⁴ См.: Вся театрално-музыкальная Россия. Каталог / сост. Б.С. Родкин; науч. ред. Н.И. Тетерина // История русской музыки. Т. 106. М.: Музыка, 2004. Прил. С. 896—1067.

⁵ Оперные спектакли в таком театре давались на сцене, а цирковые представления — в круглом партере. На месте освобожденного от кресел партера с этой целью на время сооружался манеж.

⁶ Селезнева-Редер И.А. Формирование эстетики циркового представления. Цирк в Санкт-Петербурге первой половины XIX века: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. С. 5—6.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Ратнер Я.В. Эстетические проблемы зрелищных искусств. М.: Искусство, 1980. С. 92—93.

⁹ См.: Михайленко Л.А. Стиль модерн и творчество русских композиторов начала XX века: автореф. ... канд. искусствоведения. М., 1998. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Ратнер Я.В. Эстетические проблемы зрелищных искусств. С. 93.

¹² Дюфренн М. Искусство и политика // Вопр. литературы. 1973. № 4. С. 109—111.

¹³ Липков А.И. Аттракционные и карнавальные принципы зрелищных искусств: автореф. ... д-ра искусствоведения. М., 1992. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Туровская М.И. Герои «безгеройного» времени. М., 1971. С. 7.

Поступила 17.02.09.

Т. Е. ВАСИЛЬЕВА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК ЦЕНТР ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Ключевые слова: духовная жизнь общества; образование; наука; духовные потребности; культурный центр региона; музей; роль музея; функции музея; экспозиция музея; музейная деятельность как компонент образования; музей и человек; ценности культуры; национальное наследие; любовь к отечеству; формирование национальной культуры; социально-культурная активность

Key words: spiritual life of the society; education; science; spiritual needs; cultural centre of the region; museum; the role of the museum; the functions of the museum; the exposition of the museum; museum work as a component of education; museum and man; culture values; national heritage; love to the Motherland; forming the national culture; social and cultural activity

Музеи всегда являлись очагами исторической памяти, культурных традиций и преемственности поколений. Они формируют у современников любовь к отечеству, своему краю, стимулируют их социально-культурную активность.

Коллекционирование и хранение раритетов держатся на трех китах — религии, искусстве и образовании. Затем был добавлен наиболее важный для музейного дела «четвертый кит» — наука. В эпоху Возрождения, в период расцвета гуманистической философии, искусств и ремесел, с появлением гениальных творений Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, начали собирать живописные произведения, скульптуру, драгоценности, предметы декоративно-прикладного искусства. В этот период появляются блистательные коллекции Ватикана и Флоренции, «кунсткамеры» и «реликварии» в Германии, собрания диковинных предметов и «кабинеты» во Франции. В эпоху Просвещения XVII—XVIII вв. музейная деятельность становится неперенным компонентом образо-

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Евгеньевна, соискатель кафедры кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин Лесосибирского филиала Сибирского Государственного технологического университета.

вания. Появляются многочисленные и разнообразные музеи при университетах, которые успешно сочетают активную просветительскую деятельность с использованием музейных коллекций для научных исследований.

Развивалось музейное дело и в России, но особенно оно активизировалось в годы советской власти. Однако из храма муз, из святилища просвещения и науки музей был трансформирован в политико-просветительное учреждение, где любая экспозиция (художественная, этнографическая или историко-мемориальная) должна была наглядно отражать классовую борьбу и победу рабочего класса¹. Российский музей конца XX — начала XXI в. сохранил присущую ему в советский период массовость деятельности, но вернул себе изначальную сущность научно-просветительного учреждения, которое фиксирует, сохраняет и в доступной широким слоям населения форме демонстрирует предметное и природное окружение человека.

Основной заботой в прошлом музейного учреждения была экспозиция, а сегодня центром его внимания стал посетитель, но при этом ценность и уникальность музейных экспонатов не утратили значимости. Каждая выставка призвана отвечать интересам аудитории, отражать требования общественного мнения, школьных или вузовских учебных программ, соответствовать тенденциям общественного развития, страны или конкретного региона. Современный музей реализует федеральные, региональные, ведомственные или другие социально-культурные программы; решает в их рамках образовательные, просветительские, рекреативно-развлекательные задачи. В настоящее время правомерно классическое определение музея как «храма муз», «научно-исследовательского и научно-просветительного учреждения, осуществляющего комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников естествознания, истории, материальной и духовной культуры»².

Международный совет музеев (ИКОМ) исходит из того, что «музей — это постоянное учреждение, не преследующее цели извлечения доходов, находящееся на службе интересов общества и его развития, доступное для публики, занимающееся исследовательской работой, направленной на изучение материальных ценностей народов и их окружения. Музей приобретает эти материальные свидетельства, хранит их,

знакомит с ними и экспонирует их в целях изучения, образования, развлечения. Музей осуществляет эту деятельность без какого бы то ни было ограничения со стороны каких-либо руководящих органов территориального характера или функциональных структур»³. Президент Ассоциации музеев Канады Ф. Бруссо подчеркнула тот факт, что в настоящее время музеи существуют главным образом для людей, они не имеют ни какого значения без своей аудитории⁴.

Во главу угла положена связь музея с человеком, аудиторией, обществом и его актуальными потребностями. Но при этом сохраняются традиционные функции музея — отбор, исследование, хранение и экспозиция ценностей истории и культуры. Музей как полифункциональный центр духовной жизни общества интегрирует ценности мировой и отечественной культуры, дает возможность человеку обрести вдохновение в окружении раритетов, организует сменяющиеся друг друга выставки, отвечающие требованиям современной культуры. Сегодня музей — это клуб, объединяющий людей интересом к своему национальному достоянию и его сохранению; университет, эффективно способствующий повышению уровня образования в самом широком смысле этого понятия; театр, воскрешающий наиболее яркие страницы истории или воспроизводящий живую природную среду; ярмарка, где можно приобрести художественные репродукции или произведения прикладного творчества⁵.

Осознавая глобализацию экономики, стирание информационных границ, создание межнациональных и трансконтинентальных корпораций, общество возлагает на музеи исторически значимую задачу сохранения национально-культурного достояния и в первую очередь нематериального наследия. Однако эта задача решается не всегда успешно. Ж. Фавье писал: «Наступает эпоха приоритета духовного развития. Список его становится длиннее, в него входят: поступки, обычаи, способы существования и мышления стран и народов, связанные или не связанные с ними напрямую, которым угрожают с давних пор — модернизация общества, и с недавних — глобализация. Из-за них нематериальное достояние может исчезнуть, если мы не возьмем его под свою защиту»⁶.

Экспозиция музея — это визитная карточка региона. Приезжая во Владимир, Казань, Саратов, Саранск, десятки

других городов страны, большинство людей начинает знакомство с городами с посещения историко-краеведческих, литературных, художественных и других музеев. Благодаря музеям повышается статус региона, создается определенный нравственно-психологический климат, способствующий обогащению его общественно-политической жизни⁷. Музеи не только удовлетворяют сложившиеся духовные потребности населения региона и посещающих его туристов, но активно формируют эти потребности, стимулируя интерес людей к своему национальному наследию, достижениям художественной культуры, непреходящим ценностям отечественной и всемирной истории.

Включаясь в духовную жизнь общества, музей расширяет свои функции. Храня и экспонируя в своих стенах раритеты истории и культуры, современный музей решает актуальные задачи общественного развития. Музей заставляет посетителей осмыслить прошлое, оценить экономические, военные, научные, художественные, бытовые и иные достижения предков, понять истоки, природу и значимость наиболее ярких явлений в истории и культуре. Музеи тем самым участвуют в формировании национальной идеи, способствуют становлению патриотических чувств, активно воздействуют на процесс сохранения и дальнейшего обогащения национально-культурных традиций. Современный музей как сложившийся культуuroохраняющий институт принимает на себя и культуuroобразующую, культуросозидающую функции, и в этом проявляется важнейшая тенденция развития музейного дела в XXI в.⁸

Информационный ресурс музеев XXI в. объединяет прошлое и настоящее, интегрирует все многообразие экономической, политической и общественной жизни, носит междисциплинарный характер. Отражая природную и социальную сторону бытия, музей удовлетворяет требования естественно-научных и гуманитарных дисциплин.

Преобразование музейных учреждений в центры духовной жизни общества — это закономерная тенденция их развития в XXI в., естественная реакция на потребности общества в сохранении, эффективном использовании и воспроизводстве историко-культурного наследия, без которого невозможен процесс просвещения, образования и воспитания, активизации духовной жизни региона. Муниципальные

музеи, органично участвуя в повседневной жизни отдаленного района, края или области, ближе его населению, чем музеи-гиганты в культурных центрах. Эти небольшие музеи в первую очередь призваны решать важнейшую социально-педагогическую задачу преобразования приходящих в музей людей из объектов просветительного воздействия в субъекты социально-культурного творчества, в активных приемников непреходящих традиций отечественной культуры⁹.

Новым направлением музейной практики стало сотрудничество с университетами и исследовательскими учреждениями в разработке актуальных проблем истории, археологии, этнографии, искусствознания, культурологии, педагогики, психологии и др. Таким примером утверждения в качестве центра духовной жизни региона могут служить Красноярский краеведческий музей, Минусинский краеведческий музей, Енисейский краеведческий музей и другие музеи Красноярского края. Городской музей г. Лесосибирска Красноярского края также является центром духовной жизни региона. Это музейное учреждение, соседствующее, с одной стороны, с сибирской природой, с другой — с многоэтажными жилыми домами и зданиями учреждений. Он ориентирован на школьников, дошкольников, студентов, аспирантов, пенсионеров, представителей других групп населения. Ряд высших учебных заведений Красноярского края имеет свои профильные музеи, которые изначально ориентированы на участие в решении научных и образовательных задач.

Во времена советской власти российские музеи использовались в различных формах борьбы с религией. В настоящее время страна и общество избавлены от парадоксальной ситуации: в художественных музеях, экспонаты которых в основном связаны с библейскими и евангельскими сюжетами, было запрещено говорить о Священном Писании. В Исаакиевском соборе на фоне огромной витражной фигуры Господа, «Тайной вечери», «Страшного суда» и «Видения пророка Иезекииля», икон главного алтаря и других шедевров культового искусства экскурсоводы были обязаны произносить антирелигиозные тезисы. На смену бессмысленной конфронтации с церковью пришло время конструктивного сотрудничества с ней, способствующего просветительной работе в музее и обогащению гуманитарной деятельности религиозных конфессий¹⁰.

В развитии туризма также велика роль современного музея. Наиболее распространен в мире познавательный туризм, когда туристические визиты, например, в Красноярский край, Москву, Санкт-Петербург и другие регионы России связаны с посещением музеев. Ведущее место в мировой экономике туризм занял благодаря музеям, а туризм внес свою лепту в создание финансовой базы функционирования многих музейных учреждений.

Таким образом, музей, имевший в прошлом ореол сакральности, табуированности и закрытости, живет в едином ритме жизни со своими посетителями, полезен как в области научных интересов, так и досуге.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Труды I Всероссийского музейного съезда. Т. 1. М.: Политиздат, 1930. С. 109.

² Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. 767 с.

³ XX Генеральная Ассамблея ИКОМ. Барселона. 6 июля 2001 года // Информ. бюлл. ИКОМа в России. М.: Просвещение, 2001. С. 14.

⁴ См.: Бруссо Ф. Опыт канадских музеев: возрастающее взаимодействие с обществом // Музей и общество: материалы междунар. конф. Красноярск: Выш. шк., 2002. С. 53.

⁵ См.: Нагорский Н.В. Музей как открытая социально-педагогическая система: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. С. 21.

⁶ Информ. бюлл. ЮНЕСКО РАН. Вып. VII. М.: Академия наук, 2002. С. 144.

⁷ См.: Нагорский Н.В. Музей как открытая социально-педагогическая система ... С. 24.

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 42.

Поступила 28.08.08.

Н. ЛАНТУАТ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР ВЬЕТНАМСКОГО СЕЛА

Ключевые слова: музыкальный театр; спектакль; актеры; зрители; традиционный фестиваль; барабаны; ведущий

Key words: musical theatre; performance; actors; spectators; traditional festival; drums; master of the ceremony

Чтобы понять, что представляет собой традиционный музыкальный театр в жизни народов Вьетнама, есть смысл побывать на довольно типичном спектакле *Тео* в обычном вьетнамском селе провинции Бакнин. Здесь, как и во многих деревнях северной части Вьетнама, существует обычай устраивать в первый месяц лунного года фестиваль *Тео*, который длится иногда до десяти дней. В прежние времена он продолжался дольше. Во время фестиваля выступают не только самодеятельная или профессиональная труппы села, но и приглашенные из соседних районов гастролеры¹. Иногда одновременно на различных площадках выступают несколько трупп, и для всех находятся зрители.

Вьетнамские крестьяне — страстные любители и великолепные знатоки искусства *Тео*. Большинство сельчан не пропускает ни одного представления, многие из них помнят по нескольку «арий» (традиционных напевов из популярных пьес). За неделю до фестиваля по вечерам в каждой крестьянской семье идет подготовка к встрече с театром и любимыми героями. При этом старики вспоминают известных актеров, отец и мать рассказывают детям фабулы пьес, чтобы те знали заранее, что будет происходить на сцене, а молодежь оживленно комментирует события прошлогоднего фестиваля.

ЛАНТУАТ Нгуен, педагог кафедры композиции Новосибирской государственной консерватории, кандидат искусствоведения, профессор.

Задолго до начала спектакля жители села начинают собираться во дворе общинного дома *дин*, а в это время музыканты труппы старательно бьют в барабаны, созывая всех на праздник. В центре двора уже расстелена большая циновка — сцена, рядом с которой за большим барабаном восседает один из почтенных граждан села. Ему поручена особая, почетная и трудная задача — вести спектакль. Он имеет право остановить его, если какая-то сцена, по его мнению, сыграна отнюдь не удачно, и наоборот, условными ударами барабана может выразить общий восторг публики². Кстати, глава выступающей труппы тщательно фиксирует эти сигналы-похвалы, поскольку после спектакля в зависимости от их количества труппе будет выдана дополнительная награда. Ведущий выбирается из числа самых уважаемых граждан и одновременно авторитетнейших знатоков искусства *Тео*.

Время идет, зрители начинают терять терпение, и ведущий бьет в барабан, чтобы поторопить труппу. Вслед за ним гремят маленькие барабаны *хоу*, которые многие искусственные почитатели *Тео* приносят на спектакли (кроме них, зрители приносят с собой также маленькие табуретки или коврики). Барабанная дробь ведущего возвещает о начале спектакля, и мгновенно наступает тишина.

На сцену выходит ведущий актер *кэп*, открывающий спектакль. После речитатива, которым он от имени труппы приветствует сельское начальство и сельчан, желая им счастья, достатка, он исполняет куплет, вводящий публику в атмосферу пьесы, рассказывает о содержании пьесы, заменяя таким образом современную программку. После этого еще раз звучит барабанная дробь, и на сцену выходят артисты. Спектакль начинается, и зрители переносятся в средневековую или фантастическую страну, где действуют герои пьесы.

В некоторых селах крестьяне так хорошо разбираются в тонкостях искусства *Тео*, что практически каждый сельчанин мог бы исполнять роль ведущего спектакль. Публика, аккомпанируя на маленьких барабанах *хоу*, тихо напеваает вместе с актером его «арию». Это лучшие минуты в далеко не легкой жизни крестьянина: он полностью отдается сопереживанию и волнению за судьбу любимых героев. Вместе с тем непосредственная реакция и реплики публики — не-

ременный компонент спектакля. Зрители с удовольствием отвечают на провокационные вопросы актера-шута, сами задают ему наводящие вопросы и пользуются любым случаем, чтобы подать голос (в спектакле этот процесс называется «дэ»)³.

Например, в пьесе «Куан Ам Тхи Кин», в сцене совещания сельского начальства, *дэ* берет на себя обличительную функцию. На вопрос старосты «С кем путалась, легкомысленная Тхи Моу?» один из зрителей-*дэ* подключается: «Давай, Тхи Моу, признавайся, встречалась ли ты с господином помещиком?». Его поддерживает второй: «Была ли ты в близких отношениях с господином учителем?». Затем третий задает вопрос: «А может быть, ты была с самим старостой?».

Дэ нередко объявляет о выходе актера. Например, перед появлением мандарина из публики провозглашается: «Вроде бы, должен выйти мандарин». На что шут немедленно реагирует язвительной репликой: «Спрячьте поскорее ваших кур, а то всех заберет».

При выходе на сцену новые герои обычно обращаются к публике с вопросом: «Нужно ли мне представиться?», на что публика неизменно отвечает: «Конечно надо, иначе как же мы узнаем, кто ты есть». Однако ритуальность такого рода сцен иногда соседствует с неожиданностью, непредвиденностью. Так, на одном спектакле, где нам удалось побывать, после ритуального вопроса трагической героини Суи Ван публике «Сестры, братья мои, могу ли я рассказать вам о своей горькой судьбе?» из рядов зрителей вдруг встала немолодая женщина и трогательно произнесла: «Суи Ван, сестричка моя, детка моя, конечно расскажи! Кому же, как не нам, выслушать тебя, посочувствовать».

Вот такая непринужденная атмосфера существует между зрителями и труппой. Зрители любят отвечать на вопросы шута и охотно вступают в диалог, что ничуть не мешает им серьезно воспринимать происходящее на сцене. Более того, объективность никогда не покидает зрителей, тем более — ведущего спектакль. Иногда посреди пьесы, целиком захватившей внимание публики, вдруг настойчиво звучит его барабан. Действие на сцене тут же приостанавливается, и ведущий объясняет публике, что артист, например, неверно исполнил «арию», а иногда даже сам показывает, как надо правильно ее петь. Актер обязан принести извинения

зрителям, поблагодарить ведущего, после чего спектакль продолжается. Но такие заминки — исключение, обычно спектакль проходит гладко. После особенно удавшихся эпизодов на сцену летят горсти монет, в чем ни актеры, ни зрители не видят ничего унижительного, а зрительские барабаны хоу гремят особенно сильно.

Такой подробный рассказ о типичном представлении театра *Тео* показателен, потому что такие сцены вполне обычны и на спектаклях *Туонг*, *Кай* *Льонг*, особенно в селах, где люди знают друг друга и ведут себя свободно, раскованно. Разумеется, невозможно полностью представить себе, что такое традиционный спектакль, не побывав на нем, не ощутив взаимопонимания и близости, существующих между актерами и зрителями. Ни фотографии, ни слова не могут в полной мере отразить удивительно трепетной, праздничной атмосферы таких спектаклей. Надеемся, что этот небольшой рассказ позволит читателю прикоснуться к древней культуре народа, ощутить истинный дух традиционного театра Вьетнама.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если фестиваль приходилось отменять из-за непогоды, неурожая, то в селе относились к этому как к общей беде.

² Когда двадцать лет назад вьетнамская труппа впервые приехала в Москву показать отрывки из *Тео* и *Туонг*, именно этот обычай (старик, сидящий на авансцене с барабаном) очень удивил москвичей.

³ Tran Viet Ngu, Hoang Kieu. Tim hieu san khan cheo. Ha-noi, 1964. t. 14.

Поступила 12.02.09.

САЖИН Ю. В. и др. Эконометрическое моделирование и прогнозирование экономической безопасности Республики Мордовия. — Саранск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ, 2008. — 178 с.

В современных условиях большое значение имеет своевременность принимаемых управленческих решений на уровне региона и отдельных предприятий (организаций). Возрастает потребность в обобщении и анализе поступающей информации.

В коллективной монографии сотрудников кафедры статистики Мордовского государственного университета проведен статистический анализ экономической безопасности региона, произведена оценка и прогноз влияния ожидаемых угроз на экономику региона. Несомненной заслугой коллектива авторов является то, что в работе представлен интересный и полезный для практического использования материал.

Первая глава посвящена анализу бюджетно-налоговой безопасности Республики Мордовия (РМ). На основе официальных данных региональных счетов проведен анализ интенсивности развития республики за пятилетний период (с 2002 по 2006 г.). Особое внимание уделено оценке и прогнозированию скрытого производства в промышленности региона, анализу налоговых доходов Мордовии. Весьма интересными представляются классификация муниципальных образований РМ по уровню налогового потенциала на основе рейтинговой оценки и методов кластерного анализа, расчеты по оценке налогового фактора, влияющего на скрытую оплату труда.

Во второй главе осуществлен сравнительный анализ уровней фи-

нансовой безопасности регионов ПФО. На основе методов компонентного анализа вместо 40 исходных показателей было выделено и содержательно интерпретировано 6 обобщенных факторов, отражающих сложную внутреннюю структуру финансовой безопасности региона. Следует отметить предложенную авторами систему из 6 блоков показателей, с помощью которых можно отразить изменение уровня финансовой безопасности региона (С. 42—44). Применение методов кластерного и корреляционно-регрессионного анализов позволило выявить однородные группы регионов по условиям финансовой безопасности в ПФО и определить факторы, влияющие на ее формирование.

Анализу современного состояния продовольственной безопасности республики посвящена третья глава. В ней поведен анализ объемов потребления основных продуктов питания населением в расчете на одного человека в разрезе домашних хозяйств различного уровня благосостояния сельского и городского населения. Особое внимание уделено анализу аграрного комплекса республики и экологического аспекта улучшения состояния продовольственной безопасности. Несомненный интерес представляют анализ и прогнозирование основных показателей продовольственной безопасности республики на основе многомерных статистических методов. В работе представлена методика оценки продовольственной безопасности республики (С. 63—71).

Четвертая глава посвящена статистическому анализу проблем экологической безопасности предприятия. Авторы особо отмечают, что при построении системы мониторинга экономической безопасности предприятия необходим учет специфических отраслевых особенностей деятельности предприятия. В результате проведенного анализа выделены пять компонентов по результативным показателям и двенадцать по факторным. На их основе построена система регрессионных уравнений на результативных интегральных показателях (С. 105—106). Проводя постоянный анализ финансово-экономической деятельности и используя методики управления рисками, предложенный подход позволяет определять оптимальную финансовую политику и избегать угрозы крупных потерь и банкротств.

В пятой главе рассмотрены проблемы статистического анализа и прогнозирования антропогенного загрязнения окружающей среды. Разработанная авторами методика позволила построить сценарный прогноз уровня показателей антропогенного загрязнения окружающей среды и медико-демографических показателей Мордовии (С. 116).

Комплексная эконометрическая модель экологической безопасности региона объединила две группы уравнений, отражающих, с одной стороны, воздействие производственно-хозяйственной деятельности на уровень антропогенного загрязнения, с другой — окружающей среды на состояние здоровья человека.

В шестой главе рассматриваются вопросы комфортности проживания и обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры.

В главе осуществлен анализ комфортности проживания населения в г. Саранске. Использование геоинформационных технологий и методов оценки городской среды позволило выделить четыре типа уровня природной комфортности. Рассмотрены также основные проблемы и сформулированы рекомендации по улучшению комфортности проживания населения в г. Саранске.

Седьмая глава посвящена анализу основных индикаторов демографической безопасности региона. Авторами выделены демографические угрозы в республике, показана взаимосвязь демографических и экологических проблем, социально-экономических условий. Комплексный статистический анализ структуры и динамики демографических процессов, происходящих в регионе, позволил выявить основные индикаторы, характеризующие его демографическую безопасность.

Достоинством работы является то, что анализ и прогнозирование экономических процессов снабжен многочисленным табличным и графическим материалом.

В работе имеются определенные неточности редакционного характера, что не снижает ее научную ценность и практическую значимость. В целом монография отличается глубиной содержания, насыщена фактическим статистическим материалом. Безусловно, она представляет интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, работников органов управления.

Н. Н. Мукасеева,
кандидат экономических наук
(г. Саранск)

ФИЛЛИПС Л., ЙОРГЕНСЕН М.В. *Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ., 2-е изд. — Харьков: Гуманит. центр, 2008. — 352 с.*

Тема дискурса в гуманитарной науке развивалась на протяжении всего XX в., и сегодня интерес к ней не угасает. Язык — это не только средство общения, но и способ репрезентации и идентификации в обществе. В современном понимании дискурс — это основные принципы или стратегии классификации и репрезентации социальной реальности, а дискурс-анализ фокусируется на изучении этих стратегий с учетом культурных, экономических и пространственно-временных факторов.

Рецензируемая книга Л. Филлипс и М. Йоргенсен призвана познакомить читателя с основными подходами к дискурс-анализу, а также возможностью их систематизации и интегрированного применения на практике. Авторы анализируют три ключевых взгляда на дискурс-анализ. Это теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология. Эти подходы объединены одной междисциплинарной областью — социально-конструктивистским дискурс-анализом.

Логика рассуждений Л. Филлипс и М. Йоргенсен отражена в структуре книги и держатся на трех китах. Во-первых, это основные черты конструктивизма как мета-теории в сфере дискурс-анализа; во-вторых — особенности каждого метода, выраженные в разногласиях по поводу предмета анализа и места дискурса в социальных практиках; в-третьих — способы комбинирования и интеграции подходов для практического использования.

Книга состоит из шести глав, каждая из которых посвящена отдельному аспекту качественного дискурс-анализа. В начале читатель знакомится с областью дискурсивного исследования, истоками и предпосылками проблемы. Затем авторы анализируют каждый подход отдельно. Завершается книга примерами практического применения дискурс-анализа.

Первая глава рассказывает не только об области применения дискурс-анализа, но и о некоторых предпосылках исследования дискурса. Среди них имеется постулат о том, что знания о мире есть результат классификации реальности посредством категорий. Знания эти возникают в процессе социального взаимодействия. Общаясь, люди доказывают и навязывают друг другу «истины», которые в дальнейшем становятся естественными представлениями о мире. Не менее важным авторы считают понимание дискурса как формы социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира.

Самой «чистой» постструктуралистской теорией авторы называют теорию дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф и посвящают ей вторую главу книги. Основная идея этой теории состоит в борьбе дискурсов за доминирование в конструировании социальной реальности. В ходе этой борьбы за ключевыми знаками закрепляются определенные значения. Изучение механизмов этого конструирования является целью дискурс-анализа. Важная часть пред-

ставленной теории — это критика марксизма, где сталкиваются идеи экономического детерминизма и теория гегемонии Грамши. В рамках своей теории авторы отказываются от марксистского взгляда на процесс формирования идентичности и группы, так как невозможно заранее определить, к какой политической группе принадлежит человек. Это результат условных дискурсивных процессов. Политика, а не экономика, по мнению Лакло и Муфф, лежит в основе общества. Общество строится по принципу социального согласия или гегемонии, а не классового неравенства и борьбы за капитал.

Кроме того, одной из центральных идей теории дискурса является понятие социального антагонизма, т. е. взаимоисключения различных идентичностей, которое противопоставлено интервенции гегемонии — подавлению одного дискурса другим. По своей сути теория дискурса является продолжением традиций французского постструктурализма, основателем которого принято считать М. Фуко.

Место критического дискурс-анализа на классификационной лестнице находится дальше от постструктуралистских традиций, нежели теория Лакло и Муфф. Это обусловлено в первую очередь стремлением последних объяснять дискурсивные практики в категориях экономического детерминизма. Л. Филлипс и М. Йоргенсен представляют критический дискурс-анализ, основываясь на работах Н. Фэркло и Р. Уодака, по мнению которых, цель дискурсивного анализа состоит в исследовании лингвистико-дискурсивных аспектов в социальных и культурных практиках (С. 109). При этом дискурс

находится в диалектической взаимосвязи с социальным миром, а критический дискурс-анализ призывает заниматься конкретным лингвистическим текстовым анализом способов использования языка. Близость к марксистским идеям выражается в понимании дискурса как идеологического компонента общества. Поэтому критический дискурс-анализ — не политически нейтральное направление в методологии. Критика должна раскрывать роль дискурсивной практики в поддержании неравного распределения власти.

Н. Фэркло и Н. Уодак являются представителями немецкой школы критического дискурс-анализа. К сожалению, авторы книги не упомянули своего коллегу З. Егера, который внес значительный вклад в развитие дискурс-анализа как метода. Он является первым из немецкоговорящих исследователей, кто опубликовал методическое пособие по качественному дискурс-анализу.

Способы использования языка и дискурса в повседневных практиках общения сближает критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию. Это третий подход рецензируемой книги. Ключевое утверждение дискурсивной психологии гласит, что люди стремятся к согласованности мышления через согласование дискурсов (С. 163). В частности, дискурс служит для создания идентичности в социальных группах. Особенность дискурсивной психологии как подхода состоит в особом внимании к ситуативным практикам использования языка, которые в равной степени зависят от внешних и внутренних условий. Таким образом, дискурсивная психология разделяет социальные

практики на дискурсивные и недискурсивные, хотя четкой границы между ними не проводит.

Книга Л. Филлипс и М. Йоргенсен была бы весьма полезной уже благодаря приведенной классификации, однако не менее важной задачей авторов было представление собственного комбинированного подхода в качественном дискурс-анализе. «Мы основываемся на посылке, что комбинирование различных теорий и методов, формирующее структуру синтетического мультиперспективного исследования, подходит в качестве методологии для социального конструкционистского дискурс-анализа. Частично из-за свойственного конструкционизму перспективизма (то есть тенденции объединять различные теоретические подходы)» (С. 236). Основная цель комбинированного подхода состоит в критике доминирующего дискурса. По мнению авторов, необходимо показать довлеющую и принуждающую силу доминанта. Если изменить порядок дискурса, то установившийся и кажущийся естественным порядок вещей окажется проблематичным. В частности, комбинированный метод успешно применяется в исследовании гендерных дискурсов.

Следует отметить, что в комбинированном подходе удачно сочетаются и дополняют друг друга черты всех взглядов на исследование дискурсивного поля, что делает этот подход прекрасным инструментом в практической работе исследователя. Предложенная Л. Филлипс и М. Йоргенсен классификация подходов в качественном дискурс-анализе не является единственной. От подхода к подходу дискурс перестает быть узколингвистическим явлением и

трансформируется в неотъемлемую часть социального мира.

Наш взгляд, вышеперечисленные способы систематизации успешны, поскольку учитывают основные тенденции развития дискурс-анализа как метода. Классификация Л. Филлипс и М. Йоргенсен учитывает предмет дискурс-анализа и связанные с этим особенности подхода в эмпирическом исследовании, что позволяет наиболее быстро, точно и объективно определить тип дискурс-анализа, необходимый в конкретном случае. Несомненным преимуществом книги является яркий, метафоричный язык, который делает сложный методологический материал доступным широкому кругу читателей: ученым, аспирантам, студентам, а также людям, интересующимся темой социального устройства мира. В настоящее время широкое развитие получили несколько видов дискурс-анализа, такие как социокультурный, гендерный и особенно политический дискурс-анализ. Именно связь дискурса и идеологии делает дискурс-анализ универсальным инструментом не только в лингвистических и социальных науках, но и в работе политологов и политтехнологов.

М. А. Боровик
(г. Саратов)

АННОТАЦИИ

Н. В. Петрушкин, А. Ю. Симонов. Проблемы исполнения региональных бюджетов в условиях финансового кризиса.

В статье анализируются проблемы исполнения бюджета Республики Мордовия и бюджетов муниципальных образований в условиях финансового кризиса. Представлены мероприятия органов государственной власти республики по минимизации финансовых потерь и оптимизации бюджетов различных уровней.

И. В. Бахлов, Д. В. Давыдов. Автономистские концепции в российском федерализме: украинский сепаратизм и сибирское областничество.

В статье анализируется автономистское (сепаративное) течение в отечественной федеративной мысли, выделяются украинский сепаратизм и сибирское областничество, представлены проекты, направленные на повышение прав Украины и Сибири. Идеи идеологов сепаратистских и автономистских концепций рассматриваются в контексте панславизма и антиколониализма.

А. В. Логинов, А. М. Магдеев. Региональная социальная политика в контексте теории политического цикла.

В статье дан анализ региональной социальной политики России в контексте концепции цикличности развития политических процессов. Определена внутренняя логика каждой стадии, сделан вывод о том, что на любом этапе развития социальная политика имеет свои ресурсы и ограничения, которые определяются внутренней логикой текущего цикла. Определены вероятные сценарии эволюции российской политической системы в контексте изучаемой проблемы.

Э. В. Чекмарев. Роль молодежи в модернизации политической системы региона.

В статье анализируется роль молодежи в модернизации современной политической системы Саратовской области, отмечается позитивная роль молодежного социума в формировании властных структур региона. Показана роль молодежи в политической жизни, особое внимание уделено участию молодежи Саратовской области в политической деятельности.

А. Н. Григорьев. Стратегическое планирование развития региона: опыт Новгородской области.

В статье анализируется методика прогнозирования экономического развития региона на перспективный период, дается оценка целей приоритетности регионального социально-экономического развития, формируется имитационная модель долгосрочного развития.

А. В. Золотухина, И. А. Хисамутдинов. Инновационный механизм управления внешними эффектами в условиях перехода региона к устойчивому развитию.

Представлен анализ современного механизма управления (интернализации) региональными внешними эффектами, выявлены его специфические черты и определена структура в условиях перехода регионов к инновационной экономике и устойчивому развитию. Рассмотрены способы интернализации внешних эффектов и возможные направления их совершенствования в регионе с учетом перспектив формирования новой экономики и обеспечения эколого-экономической устойчивости.

А. И. Савельев. Местное самоуправление как субъект политического пространства.

В статье анализируется политический характер местного самоуправления, определяются его место, роль и функции в политической системе общества.

А. Н. Ершов, А. А. Труфанов. Уроки муниципальной реформы в современной России.

В статье анализируются основные итоги реформы местного самоуправления в Российской Федерации, определены основные перспективы его развития в стране.

Р. Р. Агишев, Л. П. Капаева. Проблемы формирования системы комплексных показателей социально-экономического развития муниципальных образований.

В статье анализируются методологические проблемы развития муниципальной статистики и расширения перечня показателей. Представлена система индикаторов, характеризующих социально-экономическое развитие муниципального образования.

С. М. Имяреков, С. А. Щанкин. Деловая активность региональных хозяйствующих субъектов в условиях экономического кризиса.

В статье анализируются проблемы комплексного и самодостаточного социально-экономического развития регионов России. В качестве основных механизмов достижения этой задачи рассматриваются активизация межрегиональных кооперационных связей и повышение деловой активности хозяйствующих субъектов в регионах РФ.

Р. Ш. Садыкова. Проблема дифференциации налоговых платежей в нефтегазодобывающей отрасли.

В статье обосновывается необходимость дифференцированного подхода к налогообложению в нефтегазодобывающей отрасли в зависимости от типа нефти, сложности ее добычи, транспортировки и переработки.

В. Ф. Чеботарев. Энергосбережение как фактор повышения конкурентоспособности производства в регионе.

В статье анализируются основные направления энергосберегающей деятельности в различных сферах материального и нематериального производства Республики Мордовия. Подведен итог реализации очередного этапа Программы «Энергосбережение в Республике Мордовия на 2006—2010 годы».

Н. Н. Мелькина, Д. С. Юрин. Системный подход к планированию маркетинговой деятельности промышленного предприятия региона.

В статье рассмотрен системный подход к планированию маркетинга ОАО «Резинотехника» Республики Мордовия как одной из приоритетных функций предприятия в условиях конкурентной экономики.

Т. И. Чиранова. Комплексная оценка внешнеэкономического потенциала промышленного предприятия региона.

В статье предложена методика оценки внешнеэкономического потенциала промышленного предприятия на примере ОАО «Электровыпрямитель» Республики Мордовия. Методика носит комплексный характер и позволяет в полной мере оценить сильные и слабые аспекты внешнеэкономической деятельности промышленного предприятия.

Г. Н. Терякова. Кредитные ресурсы банков и малый бизнес региона.

В статье предпринята попытка оценки состояния кредитования малого предпринимательства банками Оренбургской области, осуществлен анализ проблем и перспектив развития кредитования банками реального сектора экономики и сферы малого бизнеса региона.

И. Б. Юленкова. Факторы, сдерживающие развитие инновационного малого бизнеса в регионе.

В статье рассматриваются некоторые теоретические и методологические аспекты развития инновационного малого бизнеса. Выявлены проблемы и факторы, сдерживающие его развитие в Республике Мордовия, и определены основные направления совершенствования инновационной деятельности малых предприятий.

И. Н. Крутова. Факторы, влияющие на использование проектного финансирования в АПК региона.

В статье выделены факторы, влияющие на использование проектного финансирования в АПК региона (объективные, субъективные, институциональные и конъюнктурные). На примере Республики Мордовия показаны основные направления использования проектного финансирования в аграрной сфере.

Т. М. Полужкина, И. П. Юткина. Развитие системы государственного воздействия на АПК региона.

В статье дается экономическая оценка сельского хозяйства Республики Мордовия, а также деятельности сельскохозяйственных предприятий. Изложены подходы к развитию системы регулирующего воздействия государства на развитие АПК региона.

А. Н. Щукин. Факторы формирования и развития интеграционных связей и отношений в мясном подкомплексе региона.

В статье описываются причины разрушения экономических связей в мясном подкомплексе Российской Федерации и ее регионов. Представлены механизмы, факторы и мотивы, влияющие на развитие и формирование интеграционных связей в мясном подкомплексе Республики Мордовия. Определена роль государства в процессе становления и развития интеграционных связей и отношений.

В. А. Дергунов. Организационно-экономический механизм формирования кадрового потенциала аграрной сферы региона.

В статье анализируются основные составляющие организационно-экономического механизма формирования кадрового потенциала аграрной сферы как достижения внутреннего равновесия, достигаемого в результате адаптации к влияниям внешней среды и воздействия на нее посредством реализации научно обоснованных решений.

С. Р. Потоцкая. Повышение эффективности наукоемких организаций региона на основе интеграции.

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности деятельности наукоемких организаций в период финансового кризиса на основе интеграции. Обозначена роль интеграции высшей школы, науки и бизнеса для российской экономики. Дана характеристика экономики Нижегородской области, раскрыта особенность промышленного потенциала региона, сочетающего в себе развитый машиностроительный комплекс и уникальный научно-технический потенциал.

С. В. Сигова, В. А. Гуртов. Типология субъектов Российской Федерации по критерию финансирования образования.

В статье представлена типологизация субъектов Российской Федерации по критерию финансирования образования. Выделены бедствующие, слабые, средние, благополучные, богатые субъекты Российской Федерации в финансировании общего, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования.

В. В. Козин, О. В. Козина. Образование как статусная и стилевая дифференциация социальной позиции.

В статье образование рассматривается как одно из оснований статусной и стилевой дифференциации социальной позиции различных групп молодежи. Делается вывод о том, что благодаря образованию социальные барьеры могут быть преодолены.

А. Н. Уткина. Проблемы развития региональных вузов.

В статье анализируются проблемы развития региональных вузов в условиях реализации Болонского процесса, отмечается необходимость постепенного и поэтапного реформирования отечественной системы высшего образования.

М. Б. Гитман, Е. К. Гитман, В. Д. Черкасов. Готовность к инновационной деятельности как фактор профессионального отбора в аспирантуру.

В статье предлагается модернизировать систему и процедуру приема в аспирантуру на основе оценки готовности будущих ученых к инновационной деятельности. Представлены критерии этой оценки.

Т. А. Кузнецова, Н. Н. Матушкин, С. И. Пахомов. Особенности проектирования программ научно-исследовательской работы магистров на основе компетентностного подхода.

Для разработки программ научно-исследовательской деятельности магистров в статье представлен подход, основанный на использовании системы показателей, которые характеризуют сложность программ и результатов их выполнения, а также сформированный компетентностной моделью выпускника. Это позволяет повысить качество программ научно-исследовательской работы магистров и уровень их соответствия требованиям профессиональных стандартов.

А. А. Гридчин. Последствия региональных конфликтов.

В статье представлен анализ экономических, политических, геополитических, социальных, социально-психологических и демографических конфликтов в различных регионах мира.

О. И. Ключко. Общероссийские и региональные особенности гендерного подхода в социальном познании.

В статье анализируется современное состояние гендерного подхода к изучению российского общества, показаны этапы развития, сферы применения, достижения, методологические проблемы гендерных исследований в России. Представлена региональная специфика деятельности гендерного сообщества.

А. А. Кокшарова. Межсекторное социальное партнерство как фактор устойчивого развития муниципального образования.

Статья посвящена проблеме взаимодействия местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса в форме социального партнерства. Устойчивое развитие характеризуется как гармоничные взаимоотношения секторов общества на муниципальном уровне.

Е. Н. Жарова. Анализ качества жизни в регионе с помощью применения индекса развития человеческого потенциала.

В статье исследуется взаимосвязь качества и уровня жизни, а также приводится анализ качества жизни населения Республики Мордовия за период с 2006 по 2008 г. с помощью применения индекса развития человеческого потенциала по методике, разработанной экспертами ООН.

Л. Н. Курышова. Проблема бедности и социально-экономического расслоения регионального социума.

В статье осуществлен анализ социально-экономического расслоения населения Республики Мордовия на основе данных государственной статистики и социологических опросов. Раскрывается место бедных в социальной структуре современного российского общества, анализируются их потребительский статус, социальное самочувствие и самооценка уровня социальной защищенности, также уделяется внимание другим проблемам, связанным с различиями людей по уровню доходов.

В. С. Афанасьев. Социально-демографическое развитие региона в конце советской эпохи.

В статье анализируются тенденции демографического развития Республики Мордовия в 1985—1990 гг., рассматриваются процессы, обусловившие демографическое состояние населения республики, с которым она вошла в реформационный период.

С. Л. Шалаева. Мир взрослых и мир детства перед вызовами глобального общества.

В статье представлен анализ изменений взаимодействия мира взрослых и мира детства. В качестве основных выделяются изменение численных диспропорций между взрослыми и молодыми поколениями в обществе, структурные и функциональные аспекты кризиса традиционной семьи, падение престижа семьи как социального института.

В. П. Букин. Ценностные ориентации и идеалы как фактор социализации провинциальной молодежи.

В статье на основе результатов социологического исследования дан анализ ценностных ориентаций и идеалов молодежи Пензенской и Ульяновской областей, Республики Мордовия, оказывающих непосредственное влияние на процесс ее социализации.

Е. В. Ледяева. Проблемы социализации левшей в образовательной среде региона.

В статье анализируются проблемы процесса социализации левшей в образовательной среде Республики Мордовия, раскрываются особенности этой группы населения, а также показывается возможность использования накопленных знаний о функциональных асимметриях человека в разных сферах организации общества.

О. В. Лыскова. Туристские практики курортного поселка Дедеркой.

В статье на основе прикладного социологического исследования представлен анализ современных туристских практик поселка Дедеркой Шепсинского сельского округа Туапсинского района Краснодарского края. Определены перспективы дальнейшего развития туризма в регионе.

И. С. Мавляутдинов. Межконфессиональный мир и консолидация общества в практике ислама.

В статье предпринята попытка анализа основных положений ислама в контексте формирования межконфессионального мира, этнической, религиозной толерантности и консолидации общества.

А. С. Тихонов. Менталитет этноса как морально-психологический фактор жизнедеятельности народа.

В статье рассматривается проблема взаимодействия физического и ментального, а также определяется, каким образом с материалистических позиций можно обосновать процесс обусловливания физического ментальным и ментального физическим.

Ю. П. Шабаетов, В. Н. Денисенко, Н. В. Шилов. Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели.

В статье дан анализ языковой ситуации в регионах компактного проживания финно-угорских народов Российской Федерации, представлены различные точки зрения на проблему сохранения языков этнических меньшинств, определены основные направления корректировки этноязыковой государственной политики.

О. Ю. Салтыкова. Специфика и закономерности региональной информационной политики.

Статья раскрывает проблемы использования современных информационных технологий в процессе взаимоотношений между государством, обществом и личностью на примере Чувашской Республики. Анализируется деятельность Республиканской информационно-аналитической системы (РИАС).

Е. Н. Песоцкая. Интеллектуальный суверенитет в сфере компьютерных коммуникаций.

В статье анализируются сущностные характеристики и особенности интеллектуального суверенитета как ценности в сфере электронных коммуникаций. Указывается на многообразие характеристик новой виртуальной реальности. Рассмотрены этические аспекты такой коммуникации.

Е. Н. Михайлов. Проблемы формирования интернет-сообществ.

В статье рассматриваются некоторые проблемы формирования интернет-сообществ и социальных сетей, дается классификация социальных сетей, приводятся данные социологического исследования, выявляющего особенности их формирования.

Л. Р. Замалетдинова. Состояние экологической среды региона и ее воздействие на качество жизни населения.

В статье представлены результаты социологического исследования по проблеме влияния экологического фактора на качество жизни населения, проведенного в Республике Татарстан. Осуществлена оценка населением и экспертами различных элементов экологического окружения в районах их проживания. Рассмотрено соответствие этой оценки реальному состоянию (статистические данные), выделены элементы экологической среды, часто вызывающие беспокойство населения.

Д. В. Орлов. Глобальное и локальное: ролевая субкультура российских регионов.

В статье дан анализ субкультуры ролевого движения с точки зрения феноменов глобализации и их воздействия на культуру молодежи российских регионов. Представлены истоки возникновения субкультуры и региональные особенности, определяющие ее развитие. Рассмотрены особенности иерархического строения ролевого движения и мотивационные установки молодежи.

Т. И. Ерохина. Провинциальность в художественной картине мира русского символизма.

В статье дан анализ проблемы провинциальности, рассматриваемой символистами в контексте творчества Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Горького, а также парадоксальности жизни и творчества Ф. Сологуба и К. Д. Бальмонта, осмысленной современниками как органичное соединение космополитичности декадентства и провинциальности мироощущения, которые нашли выражение в созданной символистами художественной картине мира.

О. С. Клепацкая. Философско-эстетический контекст русского цирка эпохи модерна.

В статье анализируются философско-эстетические основания различных жанровых направлений развития русского цирка в конце XIX — начале XX в., делается вывод о преемственности русской цирковой традиции.

Т. Е. Васильева. Региональный музей как центр духовной жизни.

В статье анализируются функции региональных музеев. Доказывается, что преобразование региональных музейных учреждений в центры духовной жизни общества является закономерной тенденцией их развития в XXI в. Это есть естественная реакция на потребности общества в сохранении, эффективном использовании и воспроизводстве историко-культурного наследия, без которого отнюдь не возможно осуществление процесса просвещения, образования и воспитания, активизации духовной жизни региона.

Н. Лантуат. Музыкальный театр вьетнамского села.

В статье говорится о проведении во вьетнамских селах традиционного музыкального фестиваля Тео, его содержании и взаимодействии актеров и зрителей во время представления.

ANNOTATIONS

N. V. Petrushkin, A. Yu. Simonov. Problems of Fulfilment of Regional Budgets in the Conditions of Financial Crisis.

The problems of fulfilment of the budget of Republic of Mordovia and budgets of municipal entity establishments in the conditions of financial crisis are analysed in the article. Measures of state power bodies of the republic directed on minimization of financial losses and optimization of budgets of different levels are presented.

I. V. Bakhlov, D. V. Davydov. Autonomistic Conceptions in Russian Federalism: Ukrainian Separatism and Siberian Oblastnichestvo.

Autonomistic (separative) trend in Russian federative thought is analysed in the article. Ukrainian separatism and Siberian oblastnichestvo are distinguished. Projects directed on the rise of the rights of the Ukraine and Siberia are presented. The ideas of ideologists of separative and autonomistic conceptions are considered in the context of panslavism and anti-colonialism.

A. V. Loginov, A. M. Magdeev. Regional Social Policy in the Context of Political Cycle Theory.

The analysis of Russian regional social policy in the context of the conception of recurrence of political processes development is given in the article. Inner logic of each stage is distinguished. The authors give the conclusion that social policy has its resources and limits at any stage of development that are defined by inner logic of the current cycle. Probable versions of the evolution of Russian political system in the context of the given problem are defined.

E. V. Chekmarev. The Role of Young People in the Modernization of Political System of the Region.

The role of young people in the modernization of modern political system of Saratov region is under the research in the article. Positive role of youth socium in forming the power structures of the region is marked out, the role of young people in political life is shown. The main attention is given to the participation of young people of Saratov region in political activities.

A. N. Grigoryev. Strategic Planning of Regional Development: Novgorod Region Experience.

Methods of prognostication the economic development of the region for the perspective period are analysed in the article. Estimation of the aims of priorities of regional social and economic development is given, imitation pattern of long-term development is formed.

A. V. Zolotukhina, I. A. Khisamutdinov. Innovational Mechanism of Managing the External Effects in the Conditions of Transition of the Region to the Stable Development.

The analysis of modern mechanism of managing (internalization) regional external effects is given in the article, its specific features and structure in the conditions of transition of the regions to innovational economy and stable development are defined. The article considers the ways of internalization the external effects and possible directions of their improvement in the region with respect to the perspectives of forming new economy and providing ecological and economic stability.

A. I. Savelyev. Local Self-Governing as the subject of Political Space.

The article analyses political character of local self-governing, its place, role and functions in the political system of the society.

A. N. Ershov, A. A. Trufanov. Lessons of Municipal Reform in Modern Russia.

The main results of the reform of local self-governing are considered, the main perspectives of its development in the country are defined in the article.

R. R. Agishev, L. P. Kapaeva. Problems of Forming the System of Complex Indices of Social and Economic Development of Municipal Entity Establishments.

The analysis of methodological problems the development of municipal statistics and broadening of indices list is carried out. The system of indicators characterizing social and economic development of municipal entity establishment is shown.

S. M. Imyarekov, S. A. Shankin. Business Activity of Regional Managing Entities in the Conditions of Economic Crisis.

Problems of complex and self-sufficient social and economic development in the regions of Russia are analysed in the article. Activization of inter-regional cooperation links and increasing business activity of regional managing entities in the regions of the Russian Federation are considered as the main mechanisms of achieving the given purpose.

R. Sh. Sadykova. Problem of Differentiation of Tax Payments in Oil-and-Gas-Extracting Industry.

The article substantiates the necessity of differentiated approach to the taxation in oil-and-gas-extracting industry depending on the type of oil, complication of its extraction, transportation and processing.

V. F. Chebotarev. Power Economy as a Factor of Increasing the Competitiveness of Production in the Region.

The analysis of the main directions of activity on power economy in various branches of material and non-material production in the Republic of Mordovia is carried out in the article. The author sums up the realization of the regular stage of the Programme «Power economy in the Republic of Mordovia for 2006—2010».

N. N. Melkina, D. S. Yurin. System Approach to Planning the Marketing Activity of the Regional Industrial Enterprise.

The article studies the system approach to planning the marketing of the public corporation «Rezinotekhnica» of the Republic of Mordovia as one of the priority functions of the enterprise in the conditions of competitive economy.

T. I. Chiranova. Complex Estimation of External Economic Potential of Industrial Enterprise of the Region.

The article suggests the methodology of the estimation of external economic potential of an industrial enterprise on the example of the public corporation «Electrovpyryamitel» of the Republic of Mordovia. The methodology is of a complex nature and gives an opportunity of estimating both good and bad sides of external economic activity of an industrial enterprise.

G. N. Teryakova. Credit Banking Resources and Small Business of the Region.

The author of the article makes an attempt to estimate the condition of crediting small entrepreneurship by banks of Orenburg region. The analysis of problems and perspectives of development of bank crediting the real sector of economy and small business area in the region is carried out.

I. B. Yulenkova. Factors Restraining the Development of Small Business in the Region.

Some theoretical and methodological aspects of development of innovational small business are considered in the article. Problems and factors restraining its development in the Republic of Mordovia are shown, the main directions of improvement the innovational activity of small enterprises are defined.

I. N. Krutova. Factors Influencing the Usage of Project Financing in Agri-Industrial Complex of the Region.

The article distinguishes the factors influencing the usage of project financing in agri-industrial complex of the region (objective, subjective, institutional and conjunctive). The main directions of the usage of project financing in agricultural sphere are shown on the example of the Republic of Mordovia.

T. M. Polushkina, I. P. Yutkina. Developing the System of State Influence the Agri-Industrial Complex of the Region.

Economic valuation of agriculture of the Republic of Mordovia and agricultural enterprises activity is presented in the article. Approaches to developing the system of state regulating influence the development of agri-industrial complex of the region are shown.

A. N. Shukin. Factors of Forming and Developing Integration Links and Relations in Meat Under-Complex of the Region.

Reasons of destroying economic links in meat under-complex of the Russian Federation and its regions are described in the article. Mechanisms, factors and causes influencing forming and developing integration links in meat under-complex of the Republic of Mordovia are demonstrated. The role of the state in the process of forming and developing integration links and relations is defined.

V. A. Dergunov. Organization and Economic Mechanism of Forming the Personnel Potential of Agricultural Sphere of the Region.

The article analyses the main parts of organization and economic mechanism of forming the personnel potential of agricultural sphere as achieving inner balance that is got in the result of adaptation to environment influence and forcing it by realization the scientific-based decisions

S. R. Pototskaya. Raising the Effectiveness of Science Intensive Organizations of the Region on the Basis of Integration.

Problems of raising the effectiveness of science intensive organizations activity in the period of financial crisis on the basis of integration are under the research in the article. The role of integration of higher school, science and business for Russian economy is designated. The economy of Nizhny Novgorod region is characterized, the peculiarity of industrial potential of the region combining developed machine building complex and unique scientific and technical potential is exposed.

S. V. Sigova, V. A. Gurtov. Typology of the Russian Federation Constituent Entities on the Criterion of Financing the Education.

The typologization of the Russian Federation constituent entities on the criterion of financing the education is presented in the article. Poor, weak, average, successful and rich the Russian Federation constituent entities in financing secondary, elementary professional, secondary professional and higher professional education are marked out.

V. V. Kozin, O. V. Kozina. Education as Status and Style Differentiation of Social Position.

Education is considered as one of the bases of status and style differentiation of social position of various youth groups. The authors make the conclusion that social barriers can be overcome due to education.

A. N. Utkina. Problems of Development of Regional Higher Schools.

Problems of development of regional higher schools in the conditions of realization of Bologna process are analysed. The necessity of gradual and progressive reforming Russian system of higher education is marked out.

M. B. Gitman, E. K. Gitman, V. D. Cherkasov. Readiness to Innovation Activity as a Factor of Professional Selection to the Graduate Study.

The article suggests modernizing the system and procedure of entrance the graduate study on the basis of estimation of future scientists' readiness to innovation activity. The criteria of it are presented.

T. A. Kuznetsova, N. N. Matushkin, S. I. Pakhomov. Peculiarities of Projecting the Programmes of Scientific and Research Work of Candidates for a Master's Degree on the Basis of Competence Approach.

The article presents the approach directed for working out the programmes of scientific and research work of candidates for a master's degree and formed by a competence pattern of the graduate. It is based on using the system of indices that characterizes complication of the programmes and results of their fulfillment. The approach allows to improve the quality of the programmes of scientific and research work of candidates for a master's degree and their accordance to professional standards.

A. A. Gridchin. Consequences of Regional Conflicts.

The analysis of economic, political, geopolitical, social, social and psychological and demographic conflicts in various regions of the world is presented.

O. I. Klyuchko. All-Russian and Regional Peculiarities of the Gender Approach in Social Cognition.

Modern condition of gender approach to studying the Russian society is studied in the article. Stages of development, spheres of application, achievements, methodological problems of gender studies in Russia are shown. Regional specificity of gender community activity is presented.

A. A. Koksharova. Inter-Sector Social Partnership as a Factor of Stable Development of Municipal Entity Establishment.

The article is devoted to the problem of interaction of local self-governing, public organizations and business in the form of social partnership. Stable development is characterized as harmonious relations of society sectors at municipal level.

E. N. Zharova. The Analysis of Life Quality in the Region with the Help of Using the Index of the Human Potential Development.

The correlation of life quality and life level is studied in the article. The analysis of life quality of the Republic of Mordovia population for the period of 2006—2008 made with the help of using the index of the human potential development worked out by the experts of UNO is presented.

L. N. Kuryshova. Problem of Poverty and Social and Economic Stratification of the Regional Socium.

The analysis of social and economic stratification of the Republic of Mordovia population on the basis of state statistics data and sociological inquiries is carried out in the article. The place of the poor in the social structure of modern Russian society is exposed, their consumers' status, social feeling and self-appraisal of the level of social protection are considered. Some other problems connected with people difference on the level of income are also described.

V. S. Afanasyev. Social and Demographic Development of the Region at the End of the Soviet Epoch.

The tendencies of demographic development of the Republic of Mordovia in 1985—1990 are under the analysis in the article. The processes which caused the demographic situation of the republic population before coming into reforms period are also studied.

S. L. Shalaeva. The World of Adults and the World of Children in front of Challenge of Global Society.

The analysis of changes of interaction of the world of adults and the world of children is presented in the article. The main of them are: change of number disproportion between adult and young generations in the society, structural and functional aspects of the crisis of traditional family, drop of prestige of the family as a social institute.

V. P. Bukin. Value Orientations and Ideals as a Factor of Socialization of Provincial Young People.

The article gives the analysis of value orientations and ideals of young people of Penza and Ulyanovsk regions and the Republic of Mordovia influencing directly the process of their socialization. The analysis was done on the results of a sociological research.

E. V. Ledyeva. Problems of Socialization of Left-Handed Persons in Educational Environment of the Region.

Problems of the process of socialization of left-handed persons in educational environment of the Republic of Mordovia are studied in the article. The peculiarities of this group of the population are exposed. The possibility of using the knowledge about functional asymmetries of a person in various spheres of society organization is shown.

O. V. Lysikova. Tourism Practice of the Health Resort Settlement of Dederkoy.

The article presents the analysis of modern tourism practice of the settlement of Dederkoy of Shepsinsk village entity of Tuapse district of Krasnodar Krai done on the basis of applied sociological research. The perspectives of development of tourism in the region are defined.

I. S. Mavlyautdinov. Inter-Confessional World and Society Consolidation in Islam Practice.

The attempt of the analysis of the main statements of Islam in the context of forming the inter-confessional world, ethnic and religion tolerance and society consolidation is made in the article.

A. S. Tikhonov. The Ethnos Mentality as a Moral and Psychological Factor of Nation's Life.

The problem of interaction of physical and mental is considered in the article. The author defines the way of conditioning physical by mental and mental by physical from a materialist point of view.

Yu. P. Shabaev, V. N. Denisenko, N. V. Shilov. Language Policy in the Regions of Living of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation.

The analysis of language situation in the regions of compact living of Finno-Ugric peoples of the Russian Federation is made in the article. Various points of view on the problem of saving the languages of ethnic minorities are presented. The main directions of adjustment of ethnic and language state policy are defined.

O. Yu. Saltykova. Specificity and Appropriateness of Regional Information Policy.

The article exposes problems of using modern information technologies in the process of interrelations between the state, society and personality on the example of Chuvash Republic. The activity of the Republic information and analytical system is studied.

E. N. Pesotskaya. Intellectual Sovereignty in the Sphere of Computer Communications.

The article considers the essential features and peculiarities of intellectual sovereignty as a value in the sphere of electronic communications. The variety of characteristic features of new virtual reality is pointed out. Ethic aspects of such communication are considered.

E. N. Mikhailov. Problems of Forming the Internet Communities.

Some problems of forming the Internet communities and social nets are considered in the article. The classification of social nets is given, the data of the sociological research, revealing the peculiarities of their forming are presented.

L. R. Zamaletdinova. The Condition of Ecologic Environment and its Influencing the Life Quality of the Population.

The results of the sociological research on the problem of influencing the ecologic factor the life quality of the population, which was carried out in the Republic of Tatarstan, are presented in the article. The estimation of various elements of ecologic surrounding in the districts of living is done by the population and experts. The accordance of this estimation to the real condition (statistics data) is considered, the elements of ecologic environment causing the population anxiety are exposed.

D. V. Orlov. Global and Local: Role Subculture of Russian Regions.

The analysis of the Subculture of role movement from the point of view of globalization phenomena and their influencing the culture of young people of

Russian regions is given in the article. The sources of the subculture appearing and the regional peculiarities defining its development are presented. The peculiarities of hierarchical structure of role movement and motivation purposes of young people are considered.

T. I. Erokhina. Provinciality in the Art Picture of the World of Russian Symbolism.

The article presents the analysis of the problem of provinciality considered by symbolists in the context of creative activity of F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, M. Gorky and paradoxicality of life and creative activity of F. Sologub and K. D. Balmont interpreted by contemporaries as organic combination of cosmopolitanism of decadence and provinciality of attitude, that expressed in the art picture of the world created by symbolists.

O. S. Klepatskaya. Philosophical and Aesthetic Context of Russian Circus of the Modernist Age.

Philosophical and aesthetic bases of various genre trends of development of Russian circus at the end of 19th — beginning of the 20th centuries are analysed in the article. The conclusion about continuity of Russian circus tradition is made up.

T. E. Vasilyeva. Regional Museum as the Centre of Spiritual Life.

Functions of regional museums are under the research in the article. It is proved that transformation of regional museum institutions into the centres of spiritual life is naturally determined tendency of their development in the 21st century. This is the natural reaction to the society needs of saving, effective using and reproducing the historic and cultural heritage, because the process of enlightenment, education and upbringing is impossible without activation the spiritual life of the region.

N. Lantuat. Musical Theatre of a Vietnam Village.

The article describes the carrying out the traditional musical festival Teo in Vietnam villages and tells about its content and interaction of actors and spectators during the performance.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Требования к статьям, предоставляемым для публикации в научно-публицистическом журнале «Регионология»

1) Рецензируемый научно-публицистический журнал «Регионология» публикует результаты оригинальных научных исследований. Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Изложение материала должно быть ясным, без длинных введений и повторов, с разъяснением узкоспециальных терминов.

2) К статье должен быть приложен отзыв на статью от лица, имеющего ученую степень доктора экономических, философских, социологических, политических наук, а также доктора культурологии (в соответствии с тем научным направлением, по которому писалась статья), из организации, где выполнялась работа. Рецензирующий данную статью доктор наук не может быть ее автором (соавтором), однако может являться научным руководителем автора(ов).

3) Объем статьи не должен превышать 12 страниц, рецензии — 6 стр. Большой объем материалов допускается по решению редакционной коллегии журнала.

4) Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

5) Все материалы должны быть предоставлены в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть 100%-ой копией электронного варианта. В противном случае редакция журнала вправе отклонить публикацию статьи.

6) В первой строке указываются фамилия и инициалы автора(ов) (выравнивание по правому краю).

7) Во второй строке приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

8) В третьей строке указываются ключевые слова статьи (выравнивание по ширине). Каждое ключевое слово отделяется от другого точкой с запятой. Ключевые слова приводятся на русском языке.

9) В четвертой строке приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и учебное заведение / место работы, домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail (выравнивание по ширине). Если авторами статьи являются несколько человек, то информация дается о каждом авторе. Учебное заведение / место работы даются полным названием без каких-либо аббревиатур.

10) Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

11) Количество таблиц должно соответствовать объему предоставляемой информации. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, заголовки должны точно соответствовать содержанию графа. В статье на каждую таблицу должна быть обязательная ссылка. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

12) Формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation и вставлены в текст по формату абзаца. Формулы следует нумеровать. Если формула единственная, то в ее нумерации нет необходимости.

13) Количество рисунков (графиков, схем) должно соответствовать объему предоставляемой информации. Каждый рисунок должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

14) В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

15) После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная вручную. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и

место издания, конкретные страницы. В противном случае ссылка, а также текст, связанный с ней, будут удалены из статьи. Каждый источник следует напечатать с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

16) Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Интернет-сайт: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (Сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии).

Примеры¹:

14. Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

16. Валукин М.Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М.: ГИТИС, 2006. 251 с.

28. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования; под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т.Н., Куракин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

24. О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненец. авт. окр. от 19 мая 2006 г. № 721-ОЗ: принят Собр. депутатов Ненец. авт. окр. 12 мая 2006 г. // Няръяна вындер (Крас. тундровик) / Собр. депутатов Ненец. авт. окр. — 2006. — 24 мая.

Повторные библиографические ссылки

22. Новикова З.Т. История экономических учений. С. 187—192.

34. Бурмистрова Н.А. Производная функция ... С. 36.

77. Правовые основы российского государства. Ч. 1. С. 156—158.

4. Пат. 21974412 Рос. Федерация. С. 2.

¹ Даны примеры затекстовых библиографических ссылок, представленных в ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М.: Стандартинформ, 2008. С. 16—18. Информация взята с Сайта Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (дата обращения: 28.01.2009).

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

¹ Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

45. Энциклопедия животных Кирилла и Мефодия. М.: Кирилл и Мефодий: New media generation, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Библиографические ссылки на архивные документы

42. Полторацкий С.Д. Материалы к «Словарю русских псевдонимов» // ОР РГБ. Ф. 223 (С.Д. Полторацкий). Картон 79. Ед. хр. 122; Картон 80. Ед. хр. 1—24; Картон 81. Ед. хр. 1—7.

17) После примечаний через одну строку приводится краткая аннотация статьи (8—10 строк) на русском языке (выравнивание по ширине).

18) К статье должна быть приложена черно-белая или цветная фотография автора без уголков и дефектов, размер 3 x 4 см. Если статья написана несколькими людьми, предоставляется фотография каждого автора. Электронное предоставление фотографии допускается в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки в графических редакторах. Электронная версия фотографии предоставляется отдельным от текста статьи файлом. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

19) Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать материалы, содержание которых не соответствует тематике журнала. Статьи, оформленные с существенными техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажирами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

20) Статьи редактируются и не возвращаются. По вопросам, касающимся отклонения статьи, редакция журнала дает обоснованный ответ в письменной и устной формах.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, В. В. Козин*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *О. А. Даниловой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.06.09. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура JournalSTT. Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 21,55. Тираж 1000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 2282.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.